Мифы Вселенной

П. Андерсон

Мифы Вселенной

П. Андерсон

Мифы Вселенной

Пол Андерсон

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ
НАСТАНЕТ ВРЕМЯ
ВОССТАВШИЕ МИРЫ

Москва «Пилигрим» 1992

ББК 84.7(США)
А 65

Андерсон Пол
А 65 Патруль времени. Настанет время. Восставшие миры: Романы.\ Пер. с англ. — М.: «Пилигрим», 1992. — 432 с. (Серия «Мифы Вселенной»).
ISBN 5-85595-003-4

Герои первых двух романов американского писателя-фантаста П. Андерсона «Патруль времени» и «Настанет время» Мэнс Эверард и Джон Хэйвиг, люди высокого интеллекта, обладают исключительными возможностями передвижения в разных временах и эпохах. Герой романа «Восставшие миры» молодой лейтенант Доминик Фландри направляется со специальным заданием в один из отдаленных секторов звездной Империи, где вспыхнуло восстание, грозящее катастрофическими последствиями ее жителям.

$A\frac{470310000-003}{4AO(03)-92}$ Без объявления

ББК 84.7(США)

© Составление, оформление: «Пилигрим», 1992.

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

Часть первая

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 1

«Требуется мужчина (возраст 21-40 лет, желательно холостой, военное или техническое образование, хорошее здоровье) на высокооплачиваемую работу, возможны зарубежные командировки.

Обращаться: Инженерная проектная К°, 305 Восток, 45, 9-12, с 14 до 16 час.»

— Работа, как вы понимаете, несколько необычная, — сказал мистер Гордон, — и строго секретная. Надеюсь, вы умеете хранить тайны?

— Естественно, — ответил Мэнс Эверард, — многое зависит от того, в чем они заключаются.

Мистер Гордон улыбнулся. Это была странная улыбка: Эверард раньше никогда не видел, чтобы кто-то улыбался сомкнутыми губами. Гордон свободно говорил на американском варианте английского языка, был одет в самый простой деловой костюм, но в нем было что-то необычное, причем даже не смуглый цвет лица, не гладкие, без намека на щетину щеки, не раскосые монгольские глаза над кавказским с горбинкой носом — он просто выглядел чужим, хотя и трудно было сказать, по каким именно причинам.

— Мы не шпионы, если вы об этом подумали, — сказал он.

Эверард усмехнулся:

— Простите. Только, ради Бога, не думайте, что я такой же псих, как и все остальные. К тому же у меня никогда не было допуска к секретным делам. Но в вашем объявлении говорится о зарубежных командировках, а я бы не хотел лишаться своего американского паспорта, понимаете?

Эверард внимательно вглядывался в собеседника, пока тот изучал его документы: Гордон был высоким мужчиной с широченными плечами и слегка загорелым лицом под шапкой темных волос. Перед ним лежали справка об увольнении из

армии, характеристики как инженера-механика с различных мест работы. Мистер Гордон, казалось, лишь пробежал по ним глазами.

Кабинет был самым обычным: стол, несколько стульев, небольшой шкаф и дверь, ведущая в другую комнату. Из окна открывался вид с шестого этажа на Нью-Йорк.

— Дух независимости, — сказал Гордон. — Мне это нравится. Сколько к нам приходит людей, которые за деньги готовы дать себя даже изувечить. Конечно, с вашим прошлым шансов у вас больше. Но ведь вы можете получить работу и в другом месте. Вы хороший специалист. Почему же вы пришли к нам?

— Меня интересует эта работа, — сказал Эверард. — Я неоднократно был за рубежом, что вы могли заметить по моему досье, и не отказался бы попутешествовать вновь. Но, честно говоря, я все еще не понимаю, чем вы занимаетесь.

— Мы занимаемся многими делами, — сказал мистер Гордон. — Позвольте, позвольте... вы сражались во Франции и Германии.

Эверард поморщился: в документах значились все его ордена и медали, но сейчас он мог поклясться, что Гордон не успел прочитать ни строчки.

— Гм... Будьте любезны, нажмите, пожалуйста, эти кнопки на подлокотниках вашего кресла. Благодарю. Скажите, как вы реагируете на физическую опасность?

Эверард вздрогнул.

Глаза мистера Гордона были прикованы к какому-то прибору на столе: это была простая коробка с индикаторной стрелкой и двумя циферблатами.

— Неважно. Можете не отвечать. Скажите, каковы ваши взгляды на интернационализм?..

— Слушайте, я...

— На коммунизм? На фашизм? Относительно женщин? Чем еще интересуетесь?.. Это все. Можете не отвечать.

— Какого черта? Что все это значит? — прорычал Эверард.

— Небольшой психологический тест. Забудьте об этом. Меня не интересуют ваши мнения, разве что со стороны основных рефлексов эмоциональной направленности.

Мистер Гордон откинулся на спинку кресла и, хрустнув пальцами, продолжил:

— Пока все очень хорошо. Теперь я объясню вам, в чем дело. Мы занимаемся, как я уже говорил, очень секретной ра-

ботой. Мы... гм... собираемся устроить небольшой сюрприз нашим конкурентам. — Он ухмыльнулся. — Если не верите, можете прямо отсюда пойти в ФБР.

Нас уже допрашивали и выдали полное отпущение грехов, если мне позволено будет так выразиться. Там вам сообщат, что мы действительно известная всему миру компания с отделениями в каждом городе и со счетом в каждом банке.

Но есть еще один аспект работы, и для него нам нужны мужчины. Я заплачу вам сто долларов, если вы пройдете в специальную комнату и разрешите себя обследовать. Это займет три часа вашего времени. Если вы не подойдете — мы простимся. Если вы подойдете — мы подпишем с вами контракт, расскажем о работе и начнем ваше обучение. Согласны?

Эверард колебался. У него было такое чувство, будто его сокрушили. За всем этим скрывалось нечто большее, чем обычный кабинет и несколько странный человек. И все-таки...

— Я подпишу с вами контракт после того, как узнаю, в чем заключается работа, — сказал он.

— Как угодно.

Мистер Гордон пожал плечами.

— Обследование покажет, подходите ли вы нам или нет. Наша аппаратура совершенна.

Это по крайней мере было правдой. Эверард немного знал о методах современной психологии: энцефалография, ассоциативные тесты... Но он никогда в жизни не видел ни одного из тех приборов, которые жужжали и подмигивали ему в этой странной комнате.

Вопросы, которые ему задавал ассистент, абсолютно безволосый человек с белым лицом, неопределенного возраста, с сильным акцентом и безо всякого выражения на лице, казались ему совершенно ненужными. И что это была за металлическая сетка, которую ему надели на голову? Куда вели от нее многочисленные провода?

Он украдкой бросал взгляды на шкалы различных счетчиков, но таких букв и цифр никогда раньше не видел. Не латинские, не русские или китайские буквы, а цифры — не арабские и не римские. Таких букв и цифр вообще не должно было существовать в году 198... от Рождества Христова. Возможно, именно тогда он и начал подозревать правду.

Мэнсон с удивлением отметил, что в результате этих тестов стал узнавать себя все лучше и лучше: Мэнсон Эмморт Эверард, 30 лет, лейтенант инженерного корпуса США в отставке, работал по специальности в США, Швеции, Аравии,

холостяк, уважающий своих женатых друзей, не имеет своей девушки, великолепно играет в покер, любит лошадей, оружие и ходит на яхте, охотится и рыбачит, когда выдается отпуск. Все это, конечно, он знал, но только как разрозненные клочки правды. Сейчас у него было странное чувство, что его собрали заново и его организм стал единым.

Он вышел из комнаты возбужденным и мокрым от пота. Мистер Гордон предложил ему сигарету и торопливо пробежал глазами закодированные листки, которые ему протянул ассистент. Время от времени он бормотал вслух:

— Дзета-30 кардинальная... здесь неопределенная дифференциальная... психологическая реакция на антитоксин... ослабление центральной координации...

Он заговорил на каком-то другом языке, похожем на английский, но с таким чередованием гласных и согласных, какого Эверард, знавший самые разнообразные сленги, никогда в своей жизни не слышал. Прежде чем он оторвался от бумаг, прошло еще полчаса. Эверарду все это уже наскучило, его так и подмывало встать и уйти, но любопытство одержало верх.

Мистер Гордон обнажил свои невероятно белые зубы в широкой улыбке.

— Ах! Наконец-то! Знаете ли вы, что мне пришлось отклонить уже двадцать четыре кандидатуры. Но вы подойдете. Вы определенно подойдете.

— Подойду... Для чего?

Эверард наклонился вперед, чувствуя, как учащается его пульс.

— Патруль. Вы будете своего рода полицейским.

— Да? Где?

— Всюду и везде. Приготовьтесь, это будет для вас неожиданностью. Видите ли, наша компания, хотя и вполне легальная, всего лишь средство для получения денег, которые дают нам возможность осуществлять другую работу. Эта работа — патрулирование времени.

ГЛАВА 2

Академия находилась на американском Западе. Это был олигоценовый период: теплый век лесов и травянистых полян, когда жалкие предки человека еще прятались от гигантских мамонтов. Академия была построена тысячу лет назад, она просуществует еще полмиллиона лет — достаточно для того, чтобы воспитать и выпустить из своих стен столько Патрулей

времени, сколько необходимо, и затем полностью исчезнет, так что от нее не останется и следа.

Позже наползут ледники и появятся люди, и в году 19352-м (7841 год Моренниансκой победы) эти люди откроют способ путешествовать во времени и вернутся в олигоценовый период, чтобы создать в нем Академию. Это был комплекс больших низких зданий округлых линий и неярких цветов, которые были расположены на травянистых полянах между древними деревьями. Позади этих зданий холмы и леса опускались к большой коричневой реке, и по ночам временами слышались тяжелая поступь динозавров и далекий рык саблезубого тигра.

Эверард вышел из машины времени — большой бесформенной металлической коробки — с пересохшим горлом. У него было такое чувство, как и в первый день в армии. Двенадцать лет назад — или от четырнадцати до десяти миллионов лет в будущем — он чувствовал себя одиноко, беспомощно и мечтал найти какой-нибудь достаточно благородный предлог, чтобы удрать домой.

Для него было маленьким утешением, что из других машин времени вышло около шестидесяти молодых мужчин и женщин. Новоприбывшие толпились вместе, как будто боялись отойти друг от друга. Сейчас они не разговаривали и просто молча смотрели друг на друга. Эверард заметил на ком-то воротничок времен президента Гувера: моды и прически сильно отличались друг от друга.

Откуда, например, была она, эта девушка в переливающейся облегающей кофте, с зеленой помадой на губах и фантастически взбитыми волосами? Из какого времени?

Рядом с ним стоял мужчина лет тридцати пяти, судя по худому лицу и твидовым брюкам, англичанин. Казалось, что под его изящными манерами скрывается горькое чувство разочарования.

— Привет, — сказал Эверард. — Давайте знакомиться.

Молодой человек назвал себя:

— Чарлз Уиткомб, Лондон, 1947. Меня только что демобилизовали из Королевского воздушного флота, и я решил податься сюда. Теперь мне самому это странно.

— Вполне понятно, — сказал Эверард, — 15 тысяч в год — для начала это неплохо.

К ним подошел приятный юноша в ладно сидящей форме, поверх которой был накинут плащ, отливающий звездами. У

него было приятное улыбающееся лицо, и говорил он с каким-то абсолютно нейтральным акцентом.

— Привет, ребята! Добро пожаловать в Академию. Я думаю, вы все говорите по-английски?

Эверард заметил какого-то человека в немецкой военной форме, одного индуса и еще нескольких человек, вероятно, из других стран.

— Тогда будем говорить по-английски, пока вы не выучите темпоральный.

Он положил руки на бедра и встал поудобнее.

— Меня зовут Дард Келм. Я родился... одну минуту... да, я родился в 9573 году от Рождества Христова, но я сделал ваш период специальностью. Этот период включает, между прочим, годы от 1850-го до 1985-го, и все вы именно из тех времен, хотя каждый из вас родился где-то в промежутке между этими годами. Пока вы будете учиться, я буду вашим руководителем, и если вам что-нибудь непонятно, то можете обращаться ко мне.

Преподавание в нашей Академии не совсем обычное, каким вы, может быть, его себе представляли. Мы не обучаем много людей сразу и не требуем строгой дисциплины. Каждый из вас пройдет как специальное, так и общее обучение. Мы не наказываем за неуспеваемость, так как уже предварительное обследование показало, что ее быть не может, а это почти полная гарантия успеха.

Каждый из вас обладает достаточными умственными способностями исходя из возможностей эпохи. Однако разнообразие ваших склонностей дает нам основание развивать их максимально, а для этого требуется постоянное руководство.

Никаких формальностей у нас здесь нет, за исключением обычных правил поведения. Помимо занятий, у вас, естественно, будут и развлечения. Мы не собираемся требовать от вас больше того, на что вы способны. Мне остается только добавить, что охота и рыбалка здесь хороши даже в двух шагах от зданий, а если вы проедете несколько сот миль, то это сплошная фантастика.

А теперь вы можете задавать мне вопросы. Если вам что-нибудь неясно, я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

Дард Келм продемонстрировал нам комнату для занятий. В ней не было почти ничего незнакомого, и она напоминала обычную комнату, скажем, 2000 года: непритязательная мебель, принимающая формы того, кто в нее садился, кабинеты с конденсацией, экраны, которые были способны воспроизве-

сти для обучающегося любую информацию. Ничего непонятного.

Каждый «кадет» имел свою собственную комнату в здании, где располагались спальни, столовая помещалась в другом, центральном помещении, но обед для какой-нибудь вечеринки можно было заказать и в комнату.

Эверард чувствовал, что напряжение постепенно оставляет его. Для новоприбывших был устроен банкет. Блюда не поражали ни новизной, ни экзотичностью, но бесшумные машины, сервирующие и подающие на стол, вызывали удивление. Было вино, пиво, различные сорта табака. Может быть, в пищу было что-то подмешано, потому что Эверард впал в ту же эйфорию, что и остальные. Он кончил тем, что пытался что-то выстукивать на рояле, в то время как группа молодых людей также тщетно пыталась спеть какую-то песню.

В одиночестве остался только Чарлз Уиткомб. Дард Келм, смакующий в уголке вино, был тактичен и не пытался заставить его присоединиться к общему веселью.

Эверард решил, что ему здесь нравится. Но в чем заключалась сама работа и каковы были ее цели, это все еще оставалось для него неясным.

— Путешествие во времени было открыто тогда, когда погибал Херезиарх, — говорил Келм в лекционном зале. — Подробности вы узнаете позже, а сейчас я просто скажу, что это был бурный век, когда коммерческое и генетическое соперничество разрывало гигантские объединения, а различные правительства были простыми пешками в галактической игре.

Эффект времени был побочным результатом определенного рода реакции при поисках космического гиперперехода, который, как многие из вас поймут позже, требует тончайшего математического аппарата... так же, впрочем, как и путешествие в прошлое. Я сейчас не буду вдаваться в теорию — вы об этом узнаете впоследствии; я просто скажу, что это требует определенно оценочных зависимостей в континууме четырехмерного пространства — 4 И, где И — общее число частиц во Вселенной. Естественная группа, обнаружившая этот эффект, группа памяти, четко представляла себе его последствия. Не только коммерческие, например в таких отраслях, как торговля, использование полезных ископаемых и другие, но и военные, то есть нанесение противнику смертельных ударов. Видите ли, время непостоянно, и прошлое может быть изменено...

— Вопрос!

Это была девушка из 1972 года, Элизабет Шрей, выдающийся психолог в своем периоде.

— Да? — вежливо сказал Келм.

— Мне кажется, вы описываете логически невозможную ситуацию. Я допускаю путешествие во времени как таковое, тем более что мы находимся здесь, но ни одно событие не могло произойти и не произойти одновременно. Это внутреннее противоречие.

— Только в том случае, если вы настаиваете на логике Алефсуб-Алеф, — сказал Келм. — А происходит вот что: допустим, я отправился обратно во времени и предотвратил встречу вашего отца и матери. Вы бы никогда не родились. Этот небольшой эпизод из истории Вселенной был бы «переписан» заново, он так и остался бы таковым, несмотря на то что у меня в памяти сохранилось бы «истинное» положение вещей, и на то, каким оно было.

— Ну хорошо, а как относительно самого себя? — настаивала Элизабет. — Вы бы перестали существовать?

— Нет, потому что я принадлежал бы к другому моменту истории, относящемуся к периоду до моего вмешательства. Давайте применим это к вам. Если бы вы вернулись, скажем, в 1946 год и удержали бы своих родителей от брака в 1947-м, вы все еще существовали бы в этом году; вы бы не переставали существовать только потому, что как-то повлияли на события. То же самое относится и к ситуации, если бы вы пробыли в 1956 году хоть одну микросекунду перед тем, как убить человека, который в противном случае стал бы вашим отцом.

— Но тогда бы я существовала без... без всякого происхождения! — запротестовала она. — У меня была бы жизнь, и воспоминания... и... все... хотя ничто не могло мне дать этого?

Келм пожал плечами.

— Что с того? Вы настаиваете на том, что обычный закон, или, грубо говоря, закон сохранения энергии даст нам только непрерывные функции. В действительности же прерывность вполне возможна.

Он рассмеялся и наклонился над лекторской кафедрой.

— Конечно, существует и невозможное, — сказал он. — Вы, например, не можете быть своей собственной матерью из чисто генетических законов. Если бы вы вернулись в прошлое и вышли замуж за своего бывшего отца, дети были бы другими, ни один из них не был бы похож на вас, потому что у каждого из них была бы только половина ваших хромосом.

Келм прочистил горло.

— Не будем отвлекаться от темы. Все подробности вы узнаете во время обучения, я же даю вам только основы. Итак, продолжим. Группа Девяти разрешила проблему путешествия в прошлое и могла либо уничтожать своих врагов, либо пресекать их действия в зародыше. И вот тогда появились данеллиане.

Впервые за всю речь его голос потерял обыденность, и он стоял на кафедре как обычный человек перед непознаваемым. Он спокойно продолжал:

— Данеллиане — часть будущего, нашего будущего, более миллиона лет от моего рождения. Люди превратились во что-то... что невозможно описать. Вы, вероятно, никогда не встретите ни одного данеллианина. Если же встретите, это будет для вас... большой неожиданностью. Они не злы и не добры, они стоят так же далеко от всего, что мы знаем или чувствуем, как и мы перед теми насекомыми, которые были нашими предками. С такими вещами лучше не встречаться лицом к лицу.

Они защищают свое собственное существование. Когда появились данеллиане, путешествия во времени уже стали привычными: для глупых, жадных и сумасшедших открылись великолепные перспективы вернуться в прошлые времена и перевернуть мир с ног на голову.

Они не хотели запрещать путешествия во времени — это была часть того комплекса, которая привела к их появлению, — но им пришлось регулировать их. Группа Девяти не смогла выполнить свои планы. И для регулирования линий времени был создан Патруль.

Вы будете работать в основном в собственных эпохах, если, конечно, вас не повысят до звания Неприкосновенного Агента. Вы будете жить в целом жизнью обычного человека, иметь семью и детей. То, что вы работаете на нас, будет компенсироваться защитой, хорошей оплатой, отпуском в исключительно прекрасные места, весьма интересной работой.

Но вы в любой момент должны быть настороже. Иногда нам придется помогать путешественникам во времени, попавшим в затруднительное положение. Иногда вам придется выполнять задания политического, военного или экономического характера. Порой Патрулю приходится воздействовать на какие-то события, чтобы направить историю по проторенному пути. Желаю вам удачи.

Первая часть обучения была физической и психологической. Эверард раньше даже не мог себе представить, как об-

крадывала его жизнь и телесно и духовно: он был наполовину тем, кем мог бы быть. Сначала это было нелегко, но в конце концов он почувствовал радость оттого, что мускулы полностью подчиняются ему, что эмоции его стали намного глубже от дисциплины ума и что теперь он мог быстро принять любое решение, нужное в данный момент, лишь подчинив себе силу мысли.

В процессе обучения в его голове крепко засело, что он не должен ничего говорить про Патруль, не должен даже намекать на его существование. Для него это было совершенно невозможно, как и прыжок на Луну. Он также хорошо изучил психологию жителей XX века. Темпоральный язык, на котором могли говорить патрульные всех эпох, не боясь при этом быть понятыми, был чудом совершенства и выразительности.

Раньше он считал, что хорошо разбирается в оружии, которое существовало на протяжении пятидесяти тысяч лет, но ему пришлось научиться владеть оружием от рапиры бронзового века до циклобласта, который был способен аннигилировать континент. Вернувшись в свою собственную эру, он мог бы пользоваться только определенным оружием, но не была исключена возможность, что его пошлют с поручением куда-нибудь еще, а такой анахронизм, как использование лазера в бронзовом веке, был недопустим.

Они изучали историю, науки, искусство, философию, различные языки и правила поведения. Последнее относилось только к периоду от 1850 до 1985 года; если бы потребовалось отправиться в другие времена, то специальные инструкции давали гипераппараты. С их помощью, кстати, все обучение было закончено в три месяца.

Он изучил организацию Патруля. «Впереди» лежала тайна данеллианской цивилизации, но с ней существовал небольшой контакт. Сам Патруль напоминал полувоенную организацию, в которой люди имели звания, но не было каких-либо специальных формальностей. Существовали три главных управления: одно — на западе, в Лондоне, другое — в России, в Москве, и третье — в Азии, в Пекине, каждое из них в самых спокойных годах 1890—1910-х, и множество различных мелких отделений.

Обычные агенты жили каждый в своей эпохе и выполняли не очень сложную работу. Связь между различными годами осуществлялась с помощью небольших машин времени, управляемых роботами или просто цилиндрами-автоматами, настроенными на нужный год. Организация в целом была на-

столько обширна, что агент не мог себе этого полностью представить. Он просто знал, что на его долю выпала загадочная и прекрасная судьба, и старался пока ни о чем не думать...

Инструкторы были дружелюбны, готовы в любой момент прийти на помощь. Старый ветеран, научивший его управлять космическими кораблями, сражался в марсианской войне 3890 года.

— Вы, ребята, хорошо соображаете, — сказал он как-то. — Это тяжкое дело — учить людей из эпох до промышленной революции. Мы уже махнули на них рукой и обучаем только основам. Был здесь как-то один римлянин времен Цезаря — приятный такой парень, но он никак не мог сообразить, что на машине нельзя ездить как на лошади. А эти, из Вавилона, просто отказывались понимать, что такое путешествовать во времени. Пришлось говорить им, что мы боги.

— Что вам приходится говорить нам? — спросил Уиткомб.

Командир корабля посмотрел на него.

— Правду, — сказал он наконец. — Всю правду, которую вы можете понять.

— Как вы попали на эту работу?

— О... я разбился о Юпитер. Немного от меня осталось. Они собрали мое тело по кусочкам, а так как вся моя команда погибла и меня тоже считали мертвым, то возвращаться уже не имело смысла. Это маленькое удовольствие — подчиняться группе диктаторов. Поэтому я и здесь. Хорошие друзья, легкая жизнь и возможность путешествовать в любые века и эпохи.

Командир усмехнулся.

— Увидите сами, если вас когда-нибудь направят в декадентский век Третьей матриархии! Вы еще не знаете, что это такое.

Эверард промолчал. Он был слишком захвачен зрелищем огромного шара Земли, плывущего среди звезд.

Он подружился с несколькими кадетами, которые, естественно, прошли такой же строгий отбор, как и он сам, и с которыми приятно было проводить время. На его глазах произошло несколько романов. Никаких запретов не было: замужество было совсем не в диковинку и счастливая пара обычно сама выбирала то время, в котором они хотели бы поселиться. Он сам любил иногда провести время с девушками, но не давал себя увлечь слишком сильно.

Странно, но самая тесная дружба у него возникла с молча-

ливым и угрюмым Уиткомбом. В англичанине было нечто притягательное, он был умен и образован, хотя его явно что-то тяготило.

Как-то они поехали кататься верхом на лошадях, чьи отдаленные предки убегали от своих гигантских преследователей. Эверард захватил с собой ружье в надежде подстрелить кабана. На обоих была светло-серая форма Академии, которая была шелковистой и давала прохладу под горячим палящим солнцем.

— Странно, что нам разрешена охота, — заметил американец. — Допустим, я подстрелю, к примеру в Азии, саблезубого тигра, который на самом деле съел одного из наших предков. Разве это не изменит будущего?

— Нет, — сказал Уиткомб.

Он уже далеко продвинулся вперед в изучении теории путешествий во времени.

— Видишь ли, это все равно что представить себе континуум в виде клубка из тугих резиновых лент. Этот клубок нелегко разрушить; его тенденция — всегда возвращаться к бывшему состоянию. Определенный индивидуум не имеет никакого значения: важен общий генетический вид, ведущий от доисторического прачеловека к его потомкам.

Точно так же, как если бы я убил овцу в средние века, я тем самым отнюдь не уничтожил бы все ее потомство, всех овец, которые должны появиться, скажем, к 1949 году. Все эти овцы так и останутся, и каждый их ген, несмотря на другую наследственность, не изменится, потому что в течение всего этого долгого времени все овцы или люди являются помимо всего прочего прямыми потомками всех более ранних овец или людей. Происходит самая обычная компенсация: в генетической линии какой-нибудь предок представляет те гены, которые, как думалось, ты уничтожил.

То же самое... Ну, скажем, я возвращаюсь в прошлое и предотвращаю убийство президента Линкольна Бутом. Если только я не приму особые меры предосторожности, то в то же самое время стрелять будет кто-нибудь другой, но обвинят все равно Бута.

Такая упругость или эластичность времени и позволяет нам совершать в нем путешествия. Если ты хочешь изменить порядок вещей, то это, конечно, можно сделать, но для этого придется здорово поработать.

Его рот искривился.

— Теория! Нам повторяют снова и снова, что, если мы

вмешаемся, нас накажут. Я не могу вернуться и убить этого негодяя Гитлера еще в колыбели. Я должен сидеть и смотреть, как он растет, пробирается к власти, начинает войну и убивает мою девушку.

Некоторое время Эверард ехал молча. Раздавались лишь скрип кожаных седел да шуршание высокой травы.

— Ох, — сказал Мэнс наконец, — извини. Хочешь рассказать об этом?

— Да, хочу. Но рассказывать, по существу, нечего. Она была в Лондоне в 1944 году. Мы собрались пожениться после войны. 17 ноября (я никогда не забуду этой даты) она приехала из армии домой в отпуск, чтобы побыть со своей матерью, и пошла к соседям в Стритхэн. Их дом разбомбили, от него не осталось даже развалин, а ее собственный уцелел.

Это будет так трудно... вернуться к ней, хотя бы за несколько часов до ее смерти и увидеть ее живой. Только увидеть... Но нет! Я не смею.

Эверард положил руку на его плечо, и они медленно продолжили свой путь.

Занятия продвигались, каждый совершенствовался в чем-то своем, но закончили обучение они все вместе: за короткой церемонией выпуска последовал роскошный банкет, а затем распределение. Каждый из них вернулся в тот же самый год и в тот же самый час, из которого пришел.

Эверард выслушал поздравления Гордона, получил список темпоральных агентов (некоторые из них, оказывается, работали в военной разведке) и вернулся домой. Позднее ему, возможно, и предоставили бы какую-нибудь важную работу, но сейчас он был просто главным консультантом инженерной компании, его обязанности состояли в просматривании дюжины документов в день по путешествиям во времени, и он должен был сидеть и ждать, пока его не позовут куда-нибудь.

Ждать ему пришлось недолго: вскоре он выполнил свою первую самостоятельную работу.

ГЛАВА 3

Было немного странно читать заголовки газет и приблизительно знать, что произойдет дальше. Радость работы смешивалась с грустью: это была трагическая эра. Он начал понимать желание Уиткомба вернуться и изменить историю. Но он, конечно, прекрасно знал, что возможности одного человека ограниченны. Он не мог изменить ее к лучшему, разве что

каким-нибудь чудом: скорее же всего, такая попытка привела бы к полному хаосу.

Вернуться и убить Гитлера и японских вождей... Может быть, еще кто-нибудь худший займет их место. Возможно, атомную энергию никогда не откроют и не настанет цветущий век венерианского Ренессанса. Неизвестно, что еще может случиться.

Он выглянул из окна. Огни пылали на фоне неба; по улице сновали автомобили и куда-то торопилась безликая толпа; он не мог видеть отсюда башен Манхэттена, но он знал, что они дерзко вздымались к облакам. И все это являлось частицей той великой реки, которая текла из мирного доисторического пейзажа к невообразимому данеллианскому будущему. Сколько биллионов и триллионов человеческих созданий жило, смеялось, плакало, работало, надеялось и умирало в течении этой реки!

Что ж... Мэнсон вздохнул, выбил трубку и отвернулся от окна. Он успокоился. И ум и тело его ждали действия. Но было уже поздно и... Он подошел к книжной полке, взял первую попавшуюся книгу и попытался читать. Это был сборник рассказов эпохи Виктории и Эдварда.

Один из них потряс его. Трагедия в Адленте и неизвестное содержание старинного английского кургана. Ничего больше. Путешествие во времени? Он сам себе улыбнулся.

И все же...

«Нет, — подумал он. — Этого не может быть».

Однако проверка тоже никому не помешает. Это произошло в Англии в 1894 году. Надо просмотреть подшивку лондонского «Таймса». Больше ничего сделать нельзя. Возможно, только из-за скуки он принялся просматривать газеты: его мозг искал любой лазейки, чтобы начать настоящую работу.

Он стоял у публичной библиотеки еще до ее открытия.

Подшивка была та самая, датированная 25 июня 1894 года и еще несколькими следующими днями. Адлент — небольшая деревня в Кенте, в принадлежащем лорду Уиндену поместье, где находился и курган неопределенной эпохи.

Энтузиаст-археолог начал раскопки вместе с Джеймсом Ротеритом, экспертом из Британского музея, который был его родственником.

Лорд Уинден обнаружил могилу, довольно скудно снабженную разными предметами: сами предметы уже сгнили и всюду валялись человеческие и лошадиные кости. В той же могиле находился и небольшой сундучок в удивительно хоро-

шем состоянии, в котором лежали слитки неизвестного металла, похожего на свинец или серебряный сплав. Лорд Уинден упал замертво, с симптомами отравления неизвестным ядом; Ротерит, который едва взглянул на сундучок, даже не заболел, и следствие пришло к выводу, что он отравил лорда каким-то неизвестным восточным ядом.

Когда лорд Уинден скончался, Скотленд-Ярд арестовал Ротерита, предъявив ему обвинение в убийстве. Его родственники наняли всемирно известного частного детектива, который путем опытов на животных представил неопровержимые доказательства того, что обвиняемый невиновен и что причиной смерти является «смертоносное веяние» из сундучка, который после экспертизы вместе с содержимым выбросили в канал. Детектива все поздравляли. Счастливый конец.

Эверард выпрямился и спокойно оглядел большую, полную книг комнату. Прочитанного в «Таймсе» было недостаточно. Но вероятность была высокой.

Тогда почему же Викторианское отделение Патруля не расследовало этого дела? А может быть, расследовало? Тоже возможно. Свои результаты в газетах они, конечно, не печатали.

Правда, послать запрос никогда не помешает.

Вернувшись домой, он взял одну из маленьких темпоральных торпед, которые ему дали в Академии, вложил туда свое донесение и поставил контрольные ручки в положение лондонского отделения 25 июня 1894 года. Когда Мэнс нажал на последнюю кнопку, торпеда исчезла со слабым свистом.

Она возвратилась через несколько минут. Эверард открыл ее и вынул аккуратно отпечатанный лист — да, конечно, пишущая машинка в то время уже была изобретена. Он пробежал глазами по написанному с той быстротой, которой его обучили.

«Дорогой сэр!

В ответ на ваше письмо от 8 сентября 1954 года. Мы в настоящее время слишком заняты делами о покушениях на Ее Величество, а также балканским вопросом 1890-2370 годов, опиумной торговлей с Китаем и т.п. Хотя нам представляется возможным отложить текущие дела и заняться вашим, мы хотим при этом подчеркнуть, что лучше все-таки избегать «курьеза», то есть одновременно находиться в двух местах,

что может в данном случае произойти. Если вы сейчас не заняты, мы будем ожидать вас в 14-В секции, Старая Осборн Роуд, 26 июня 1894 года в 24.00.

Ваш преданный и покорный
слуга Дж.Майнуэтеринг».

Еще была записка с пространственно-временными координатами, кажущимися несколько дикими после витиеватости письма той эпохи.

Эверард позвонил Гордону, получил его разрешение и направился к своему скутеру на складе компании. Затем он отправил записку Чарлзу Уиткомбу в 1947 год, получил ответ, состоявший из одного слова «конечно», и уселся в скутер.

Это была небольшая машина времени, напоминающая по своему виду мотороллер, но без колес и ручек. Позади двух седел располагался антигравитатор. Эверард настроил циферблаты на эпоху Уиткомба, повернул главную рукоять и моментально очутился на другом складе.

Лондон, 1947 год. Секунду он сидел не двигаясь, вспоминая, что в это время он (еще желторотый юнец) возвращался в свой колледж в Штатах. Затем он увидел приближающегося Уиткомба и протянул ему руку.

— Рад видеть тебя, старина, — сказал он.

На измученном лице англичанина появилась улыбка, которую Эверард уже видел.

— Викторианская эпоха, да?

— Точно. Садись.

В следующий момент они уже сошли со скутера в кабинет. Очень маленький кабинет. Дубовая мебель, толстый ковер и газовая плита оставляли тяжелое впечатление. Вокруг горели газовые рожки. Конечно, электричество к тому времени уже было изобретено, но «Дэлхаус и Робертс» была солидной и в то же время консервативной фирмой.

Их приветствовал сам Майнуэтеринг: высокий напыщенный человек с бакенбардами и моноклем. Но в нем чувствовалась сила, а оксфордское произношение делало его настолько высокообразованным, что Эверарду с трудом удавалось понять этого человека.

— Добрый вечер, джентльмены. Надеюсь, путешествие было приятным? О да, простите... Вы еще новички в этом деле, а? Сначала всегда смущаются. Помню, как я был шокирован, когда впервые попал в XXI век. Они совсем не англичане. Хо-

тя это естественно: другая оболочка вечно удивляющей нас Вселенной, а?

Вы должны извинить мое негостеприимство, но сейчас мы ужасно заняты. Один фанатик, немец из 1917-го, узнал секрет передвижения во времени от одного незадачливого антрополога, украл его скутер и явился в Лондон, чтобы убить Ее Величество. Мы сбились с ног, разыскивая его.

— И вы его найдете? — спросил Уиткомб.

— О да. Но это трудно, джентльмены, тем более что мы должны хранить строгую тайну. Я бы не отказался нанять какого-нибудь частного сыщика, но тот, что у нас на примете, дьявольски умен и может все понять не так, как надо. Он исходит из принципа, что когда кто-то создал невозможное, то оставшееся от этого невозможного будет невероятным, а следовательно, истинным. По-моему, он сам запутался в своих рассуждениях. И путешествие во времени тоже может показаться ему не слишком невероятным.

— Могу биться об заклад, что это тот самый сыщик, который работал над делом в Адленте, — сказал Эверард. — Это, правда, неважно, мы знаем, что он докажет невиновность Ротерита. Важно то, что содержимое этого сундучка как-то попало сюда, по всей видимости из древних английских времен.

— Саксонских, ты хочешь сказать, — поправил его Уиткомб, который самолично сверял даты. — Многие путают англов и саксов.

— И многие путают саксов и ютов, — ласково добавил Майнуэтеринг. — Насколько я помню, в Кент вторглись именно юты... Да, гм... Одежда и деньги здесь, джентльмены. Бумаги для вас тоже приготовлены. Я иногда думаю, что вы, рабочие агенты, не представляете себе, какую подготовку нам приходится проводить в стенах кабинетов даже для самой маленькой операции. Ха! Простите! У вас есть план кампании?

— Да.

Эверард начал освобождаться от костюма XX века.

— Думаю, что есть. Мы оба достаточно знаем о викторианской эпохе, чтобы не запутаться. Хотя я должен представиться американцем... Да у вас это все, оказывается, записано.

Майнуэтеринг выглядел печальным.

— Если, как вы говорите, этот инцидент отражен даже в литературе, то я могу представить себе, сколько придет на мое имя запросов. Их было уже два: из 1923 и 1960 годов. Боже, почему мне не разрешают иметь робота-секретаря!

Эверард напялил на себя непривычный костюм. Он был

ему, конечно, впору, так как размеры всех агентов хранились в любом отделении, но он раньше никогда не подозревал, как удобен его прежний костюм. Черт бы побрал этот плащ!

— Послушайте, — сказал он. — Это ведь совсем безопасно. Точнее говоря, если уж мы здесь, это должно быть безопасно.

— Как сказать, — ответил Майнуэтеринг. — Допустим, вы двое возвращаетесь во времена ютов и находите преступника. Но у вас ничего не выходит. Возможно, он убивает вас до того, как вам удастся его обезвредить. Возможно, он находит способ избежать тех, кого мы пошлем за вами. Тогда, естественно, ему удастся произвести промышленную революцию или то, чего он там добивается. История меняется. Вы, находясь в то время там, все еще существуете... даже если и мертвы... но нас же здесь никогда не было. «Этой беседы никогда не было», — говорил Гораций.

— Неважно, — засмеялся Уиткомб. — Сначала мы исследуем курган, затем вновь вернемся сюда и на месте решим, что делать дальше.

Он наклонился и начал выгружать из сумки XX века в викторианский саквояж свои принадлежности, которые в ту эпоху еще не существовали: оружие, лекарства, крошечный передатчик, с помощью которого в случае беды можно было вызвать Патруль.

Майнуэтеринг сверился со справочником.

— Вы можете уехать завтра утром с вокзала Черинг Кросс в 8.23, — сказал он. — Отсюда до станции полчаса ходьбы.

— Отлично.

Эверард и Уиткомб сели в скутер и исчезли. Майнуэтеринг вздохнул, зевнул, оставил своему клерку указания и пошел домой. Когда в 7.45 в конторе вновь появился скутер, клерк был еще на месте.

ГЛАВА 4

В первый раз Эверард действительно ощутил реальность путешествия во времени. Он понимал это умом, восхищался этим, но считал обычной экзотикой. Сейчас же, пробираясь по Лондону, которого он не знал, в красивом кебе (не анахронизме для туристов, а в самой настоящей пыльной и расцарапанной повозке), вдыхая запах утреннего воздуха, в котором было больше дыма, чем в городе XX века, но не было бензиновых паров, видя толпы проходящих людей, джентльменов в

цилиндрах, женщин в длинных платьях, он в полную силу ощутил, где находится. Его мать еще не родилась, его дедушка и бабушка были еще молодой парой, собиравшейся пожениться; Гровер Кливленд был президентом Соединенных Штатов, Киплинг сочинял стихи, и последнее восстание индейцев в Америке еще только должно было произойти... Это было как удар по голове.

Уиткомб воспринимал все более спокойно, но его глаза с жадностью смотрели на этот период английской славы.

— Я начинаю понимать, — прошептал он. — Они никогда не могли прийти к соглашению; было ли это время неестественной фальшивой жестокости или расцвет западной цивилизации, они всегда спорили со мной. Сейчас я вижу век плохого и хорошего вместе, самый обычный век, в котором живут миллионы людей.

— Конечно, — ответил Эверард. — То, что ты говоришь, справедливо для любого века.

Поезд был до странности знаком и ничуть не отличался от таких же поездов в 1954 году, что дало Уиткомбу повод съязвить по поводу английского консерватизма. Через несколько часов они подкатили к маленькой деревянной станции, окруженной полянами цветов.

Вежливый полицейский задал им несколько вопросов. Они представились как археологи: Эверард из Америки и Уиткомб из Австралии, которые спешили к лорду Уиндену и были потрясены известием о его смерти.

Майнуэтеринг, который, казалось, был предусмотрителен, снабдил их рекомендательным письмом от особы, хорошо известной Британскому музею. Инспектор из Скотленд-Ярда согласился допустить их до кургана: «Преступление раскрыто, джентльмены, улик больше не найдете, даже если мой коллега не согласен. Ха, ха!»

Частный сыщик сердито улыбнулся и, прищурив глаза, оглядел их. Он был высок, худощав, с ястребиным носом и ходил в сопровождении какого-то мужчины с усами, который прихрамывал на одну ногу.

Курган был узок и покрыт травой. В том месте, где велись раскопки, зияло отверстие.

— В газетах говорилось о каком-то сундучке, — сказал Эверард. — Не могли бы мы взглянуть на него?

Инспектор дружелюбно кивнул головой и провел их в здание, где на столе лежали основные находки. Кроме небольшой

коробки на нем лежали несколько кусков ржавого металла и сломанная кость.

— Гм... — сказал Уиткомб. Он внимательно осмотрел гладкую поверхность сундучка, отливающую слегка голубоватым цветом: это был не портящийся от времени сплав, который еще не был открыт.

— Как странно. Совсем не похож на примитивные изделия древних. Можно подумать, что его сделали на каком-нибудь станке, а?

Эверард осторожно подошел и встал рядом. Он слишком хорошо знал, что находилось внутри, и относился к таким вещам недоверчиво, как и любой житель атомного века. Вынув из саквояжа счетчик, он поднес его к коробке. Стрелка отклонилась — не очень сильно, но все же...

— Интересная у вас штука, — сказал инспектор. — Могу я спросить, что это?

— Экспериментальный электроскоп, — солгал Эверард.

Он осторожно открыл крышку и поднес счетчик.

Боже милостивый! Радиоактивности было достаточно, чтобы убить человека в один миг! Он едва взглянул на тускло-серые куски металла, прежде чем запереть сундучок.

— Будьте с этим осторожны, — сказал Мэнс дрожащим голосом.

Слава Богу, кто бы ни подбросил в курган этот сундучок, из какого бы времени он ни пришел, люди там понимали, как нужно изолировать радиоактивное излучение!

Частный детектив бесшумно подошел и встал позади него. На его хищном лице появилось выражение охотника, преследующего добычу.

— Итак, вы опознали содержимое, сэр? — спросил он спокойно.

— Да. По-моему, да. — Эверард вспомнил, что Беккерель откроет радиоактивность не раньше, чем через два года; даже до рентгеновских лучей остается еще целый год. Ему следовало быть осторожным.

— Это... индейцы рассказывали мне, что как-то нашли руду, которая убивала почти сразу...

— Очень интересно.

Детектив принялся пыхтеть большой трубкой.

— Наподобие ртутных паров, да?

— Значит, Ротерит подложил эту коробку в могилу, да? — прошептал инспектор.

— Не будьте смешным, — отрезал детектив. — У меня аб-

солютно четкие доказательства невиновности Ротерита. Что меня удивило, так это внезапность и причина смерти лорда Уиндена. Но, если этот джентльмен говорит, что в ней заключен смертоносный яд... Странно, однако, как к саксам попал американский минерал? Возможно, в этих теориях о ранних путешествиях финикиян через Атлантический океан что-то есть. Я в свое время установил, что в уэльском языке есть халдейские элементы, и это меня очень удивило.

Эверард чувствовал себя виноватым в том, что он сделал из такой науки, как археология. Ну ладно, в любом случае этот сундук бросили бы в канал и забыли бы о нем навсегда. Они с Уиткомбом принесли свои извинения и ретировались, как только это позволили приличия. По пути в Лондон, когда они были одни в купе, англичанин вынул из кармана кусочек прогнившего дерева.

— Валялся в кургане, — сказал он. — Это поможет нам установить дату. Передай мне, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он сунул кусок дерева в какое-то отверстие, нажал кнопки и прочитал ответ.

— Год 1430-й, плюс-минус десять лет. Курган был насыпан примерно, гм... в 464 году, когда юты только-только начали осваиваться в Кенте.

— Если сейчас в нем такой уровень радиоактивности, — прошептал Эверард, — то хотел бы я знать, каков он был тогда! Трудно себе представить, чтобы такая высокая радиоактивность сочеталась со столь долгим полураспадом, но в будущем сумеют делать вещи, которые нам и не снились.

Сдав рапорт Майнуэтерингу, они целых два дня провели шатаясь по окрестностям, пока он переговаривал с различными постами и активировал большую патрульную машину времени. Эверарду нравился Лондон викторианской эпохи несмотря на его угрюмость и нищету. У Уиткомба в глазах застыло мечтательное выражение.

— Я бы хотел жить здесь, — сказал он.

— Да? С такой медициной и такими зубными врачами?

— И без всяких бомб.

Когда они вернулись в контору, у Майнуэтеринга все было готово. Попыхивая сигарой, он расхаживал взад и вперед, скрестив руки за спиной.

— Происхождение металла установлено с высокой точностью. Изотоп примерно из LXXX века. Проверка показала, что купец из империи Инг отправился в 2987 году обменять

свои сырьевые материалы на синтроп, секрет которого был утерян. Естественно, он принял меры предосторожности, представлялся всем как торговец из системы Сатурна, но тем не менее таинственно исчез. Так же, как и машина времени.

Вероятно, кто-то из 2987 года понял, кто он, и совершил убийство с целью похитить скутер. Патруль был оповещен, но они не смогли найти даже следа скутера. В конце концов его обнаружили в Англии V века два патрульных по имени ...ха-ха... — Эверард и Уиткомб!

— Но если история говорит, что мы с этим делом справились, то чего беспокоиться? — ухмыльнулся американец.

Майнуэтеринг ошарашенно на него посмотрел.

— Но, мой дорогой мальчик! Вы же еще не справились! С моей и вашей точек зрения, работа еще не завершена. И пожалуй, не надейтесь на успех только потому, что в будущей истории это написано. Время прерывно, любой человек подчинен собственной воле. Если у вас ничего не получится, история изменится, и о вашем успехе нигде не будет написано; я не говорил вам того, что говорю сейчас. Это произошло, если считать слово «произошло» правильным, с некоторыми патрульными, которые не добились успеха. Мы все еще работаем над этим, и если в конце концов добьемся своего, история изменится и в ней «всегда» будет отмечен только успех.

— Ну хорошо, хорошо, я только пошутил, — сказал Эверард.

Оказалось, что в Патруле мало знают о том темном периоде, когда римляне оставили Англию. Эта эпоха никогда не казалась особенно важной.

Отделение в Лондоне 1000 года послало те сведения, которыми располагало, и одежду, которую тогда носили. Эверард и Уиткомб провели примерно час без сознания под гипнозоизлучателями, чтобы свободно говорить на латинском и нескольких саксонских и ютских диалектах, а также изучить обычаи того времени.

Одежда была неудобной: брюки, рубашки и куртки из грубой шерсти, кожаные плащи, бесчисленное количество ремешков и кружев. Современные прически закрыли парики из льняных волос; чисто выбритые лица могли не заметить даже в V веке. У Уиткомба на поясе висел топор, у Эверарда — шпага, сделанные из закаленной стали, но они больше полагались на бластеры XXVI века, спрятанные под куртками.

Они захватили с собой еду и несколько кувшинов великолепного викторианского вина.

— Отлично, — заметил Майнуэтеринг, затем вынул из кармана часы, взглянул на них и сказал:

— Я жду вас обратно, скажем... в четыре часа? Возьму с собой несколько патрульных на тот случай, если вы вернетесь с пленником, а потом мы сможем пойти ко мне и выпить по чашке чая.

Он пожал им руки, пожелав при этом:

— Доброй охоты!

Эверард вскочил на скутер, поставил рукоятки управления на указатели: год 464-й, место — курган в Адленте, время — полночь и повернул рукоятку.

ГЛАВА 5

Была полная луна.

Под ней лежала земля, большая и одинокая, а вдалеке темнел силуэт леса. Где-то завыл волк.

Курган уже был основательным: они прибыли слишком поздно.

Сойдя со скутера, они обошли курган и направились к небольшим строениям, выглядевшим мирно при свете луны.

— Возделанные поля, — заметил Уиткомб. Его голос звучал хрипло в тишине. — Юты и саксы были в основном йоменами, которые прибыли сюда в поисках земли. Представь себе только, что еще совсем недавно они выгнали отсюда бретонцев.

— Нам следует выяснить, кто здесь похоронен, — сказал Эверард. — Может быть, вернуться еще немного назад, когда курган только-только образовывался. Нет, все-таки безопаснее расспросить сейчас. Если по поводу этого кургана и были всякие слухи и волнения, то они уже улеглись. Скажем, завтрашнее утро.

Уиткомб кивнул, и они вновь забрались на скутер. Эверард поставил рычаги на пять часов вперед.

Солнце вставало на северо-востоке, птицы вовсю щебетали, и трава была мокрой от росы.

Сойдя со скутера, они отправили его на расстояние в десять миль от земли, где он и должен был находиться до получения радиоимпульса крошечного передатчика, который они всегда носили с собой.

Они открыто подошли к деревне, отмахиваясь от рычащих

и лающих собак топором и шпагой. Войдя в один из дворов, они увидели, что он весь покрыт грязью и навозом. Несколько голых ребятишек спрятались при их приближении. Девушка, которая доила небольшую корову, вскрикнула; батрак, возившийся со свиньями, схватился за копье. Сморщив нос, Эверард подумал о том, что неплохо было бы привести сюда некоторых энтузиастов его времени.

В дверях появился седобородый человек с топором в руке. Как и все люди в ту эпоху, он был на несколько дюймов ниже среднего роста человека XX века. Перед тем как поздороваться, он внимательно оглядел их.

Эверард улыбнулся.

— Я — Уффа Хундингсоон, а это мой брат Кнубби, — сказал он. — Мы купцы из Ютландии, пришли сюда торговать с Кентербери. Мы сошли с корабля и заблудились, а потом подошли к твоему дому.

— Я — Ульфнет, сын Альфреда, — сказал йомен. — Входите и садитесь за стол с нами.

Комната была небольшой, тусклой и полной дыма, до отказа забита людьми: детьми Ульфнета, их друзьями, шутами с женами, детьми и внуками.

Завтрак состоял из трех огромных кусков полусырой свинины, которую запивали черным пивом из рогов. Вести беседу было нетрудно: эти люди изолированы от остального мира и почти ничего не знали. Правда, раз или два Ульфнет, который отнюдь не был дураком, поймал их на какой-то ошибке, когда они рассказывали о Ютландии, но Эверард твердо сказал:

— Это ложные слухи. Наверное, произошла путаница — вести нелегко доходят из-за моря.

Но разговоры о погоде и урожае мало отличались от тех, которые велись в XX веке.

Только позже Мэнсону удалось вскользь спросить о кургане. Ульфнет нахмурился, а его хромая беззубая жена торопливо кинулась к деревянному идолу.

— Хорошего мало, если говорить об этом, — прошептал йомен. — Волшебник похоронен на моей земле. Но он был другом моего отца и не хотел слышать ни о чем другом.

— Волшебник? — Уиткомб насторожился. — Что это за сказки?

— Ну что же, — согласился Ульфнет. — Тогда слушайте. Он пришел к нам шесть лет назад из далеких стран и не говорил ни на одном из наших языков, но король Хенгист милосердно принял его. Он преподнес королю странные подарки,

которые принесли много пользы. Никто не смел противоречить ему, потому что у него была палка, которая метала молнии, и однажды он разрушил своими молниями скалы, а в другой раз сжег людей в битве. Многие думали, что он Бог, но этого не может быть, так как он умер.

— Вот как.

Эверард почувствовал облегчение, будто с плеч его свалилась гора.

— А чем он занимался, пока жил?

— О... он давал королю мудрые советы. Это он предложил, чтобы мы перестали убивать бретонцев и призывать наших людей из родной страны: он сказал, что лучше жить с ними в мире. Он думал, что с нашей силой и их знаниями, перенятыми от римлян, мы сможем построить могущественное королевство. Может, он и был прав, хотя я не вижу смысла во всех этих книгах и данных, не говоря уже об их Боге... Как бы то ни было, он был убит три года назад двумя неизвестными и похоронен вместе со всем, с чем к нам пришел. Дважды в год мы делаем ему подношение, и его дух не тревожит нас. Но мне все-таки не по себе.

— Три года, — прошептал Уиткомб. — Понятно.

Им удалось уйти только через час, и Ульфнет настоял на том, чтобы мальчик проводил их до реки. Эверард, которому вовсе не хотелось идти так далеко, ухмыльнулся и вызвал по радио скутер.

Когда они с Уиткомбом забрались на сиденья, он сказал насмерть перепуганному мальчику:

— Знай, что ты видел великих богов, которые предохранят тебя в будущем.

Затем он прыгнул на три года назад.

— Сейчас самое трудное, — сказал он, выбираясь из кустарника и глядя на ночную деревню.

Кургана еще не было, волшебник Стэйн еще был жив.

— Маленькому мальчику нетрудно было доказать, что мы волшебники, но сейчас нам придется добраться до человека, который живет в самом центре города и который является ни больше ни меньше, как правой рукой самого короля! И у него есть бластер!

— По-видимому, нам это удалось или удастся, — сказал Уиткомб.

— Нет. Время ведь прерывно. Если мы попадемся, Ульфнет расскажет совсем другую историю; возможно, что Стэйн сейчас у него — и тогда он сможет убить нас дважды! И Анг-

лия V века, в которую Стэйн внесет элементы классической культуры, будет совсем не похожа на ту, которую ты знаешь по 1894 году... Интересно, чего же добивается Стэйн?

Он поднял скутер в воздух по направлению к Кентербери. Они опустились на землю у самого города. Луна освещала полуразрушенные римские стены древнего Дуревериума, среди которых уже красовались деревянные ворота ютской постройки. Никто не мог пройти в город после захода солнца.

Скутер вновь перенес их во времени к полудню следующего дня, и снова они отослали его на десять миль от земли. Их завтрак два часа назад и три года в будущем был достаточно плотным, и Эверард, идущий по римской дороге в направлении города, чувствовал, что его слегка подташнивает.

Навстречу двигались крестьянские повозки, везшие товар на базар. У ворот их остановили два стражника и спросили, зачем они идут в город. На сей раз они представились посланниками купца Танста, который велел им выяснить, как в городе идет торговля. Стражники заколебались, пока Уиткомб не сунул им несколько римских монет: скрещенные копья разошлись и они вошли в город.

Город потряс Эверарда. Толкотня, суета, всевозможные запахи, бретонцы, которые старались не задеть своими туниками ютов, снующих тут и там.

Необычайно грязная гостиница располагалась в развалинах дома, когда-то принадлежавшего богатому римлянину. Эверард и Уиткомб обнаружили, что их деньги высоко ценятся в этом торговом городе.

Угостив компанию вином, они очень быстро узнали все, что было нужно. «Дворец короля Хенгиста находится в центре города... Не дворец, а дом, старый дом, который заново переделали под руководством чужестранца Стэйна. Я не хочу сказать, что у короля нет дворца, но пойми меня правильно, незнакомец. Да, только в прошлом месяце... Что? Да, Стэйн! Он живет в доме рядом. Странный человек. Говорит, что он Бог. Девушек не любит... Да, говорят, это он уговорил короля не воевать с бретонцами. Столько развелось в городе этих гадов, а честный человек не может пустить им кровь, чтобы... Конечно, Стэйн очень мудр, я против него ничего не имею, и он умеет бросать молнии...»

— Итак, что нам делать? — спросил Уиткомб, когда они наконец очутились у себя в комнате. — Просто пойти и арестовать его?

— Нет. Сомневаюсь, что это возможно, — что-то обдумывая, сказал Эверард, — у меня есть план, но все зависит от того, чего же он действительно добивается. Пойдем попробуем получить аудиенцию.

Откинув соломенный матрац, лежавший на постели, он вздрогнул.

— Черт! Этот век нуждается не в хороших советах, а в хорошей дезинфекции.

Дом был явно построен заново: его белый портиковый фасад выглядел болезненно чистым посреди окружающей его грязи. На ступеньках стояли два стражника, подскочившие при их приближении. Эверард сунул им деньги и сказал, что у него есть добрые вести для великого волшебника.

— Скажи ему «человек на завтра». Это пароль. Понял?

— Это глупости, — сказал стражник.

— Пароль не должен быть заумным, — с горячностью возразил Эверард.

Ют щелкнул языком и неодобрительно покачал головой. Все эти новомодные словечки!

— Ты думаешь, это умно? — спросил Уиткомб. — Сейчас он будет настороже.

— А ты думаешь, что Патруль может тратить по сто лет на каждого психопата? Это срочное дело! Пока он не совершил еще ничего необратимого, даже для того, чтобы просто стать легендой. Но если Хенгист действительно вступит в союз с бретонцами...

Стражник вернулся, пошептался о чем-то с другим и повел их вверх по ступенькам. В большой комнате, покрытой коврами и мозаикой, на деревянной кровати сидел человек. Когда они вошли, тот поднял руку, и Эверард увидел направленное на них дуло бластера.

— Отведите руки в стороны и не двигайте ими, — мягко сказал человек. — В противном случае мне придется убить вас громом и молнией.

Уиткомб судорожно вздохнул. Эверард был готов к этому или чему-то подобному, но даже и ему стало жутко.

Волшебник Стэйн был человеком небольшого роста, одетым в красиво вышитую тунику. Кожа у него была темная, голова большая, а лицо, почти скрытое под шапкой черных волос, производило отталкивающее впечатление.

— Обыщи их, Задгард, — приказал он. — Вынь то, что у них спрятано в одежде.

Ют был неуклюж, но бластеры он нашел и бросил их на пол.

— Можешь идти, — сказал Стэйн.

— Но ты в безопасности, господин? — спросил стражник.

Стэйн улыбнулся еще шире.

— С этим в моей руке? Да, ты можешь идти.

Задгард вышел.

«По крайней мере у нас есть еще топор и шпага, — подумал Эверард, — хотя они вряд ли помогут против той штуки, что нацелена на нас».

— Так вы пришли на завтра? — прошептал Стэйн.

Внезапно на его лбу выступил пот.

— Это интересно. Вы говорите на новоанглийском языке?

Уиткомб открыл было рот, но Эверард быстро толкнул его локтем.

— О каком языке вы говорите?

Стэйн перешел на английский язык, который, хотя и имел странный акцент, все же можно было узнать.

— Я хочу знать, кто вы, откуда, каковы ваши намерения и все остальное. Расскажите мне все, и я решу, что с вами делать.

Эверард покачал головой.

— Нет, — сказал он на ютском. — Я вас не понимаю.

Уиткомб бросил на него быстрый взгляд, но ничего не сказал, решив не мешать американцу.

Нервы Эверарда были напряжены до предела: он знал, что малейшая ошибка приведет их к смерти.

— В наши дни говорят так...

И он перешел на мексиканско-испанский диалект, коверкая его как можно сильнее.

— Вот как... латинский язык!

Глаза Стэйна блеснули. Бластер в его руке задрожал.

— Из какого вы времени?

— Двадцатый век от Рождества Христова, и наша страна зовется Лайонесс. Она лежит за Западным океаном...

— Америка! — воскликнул он.

— Ее когда-нибудь называли Америкой?

— Нет. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Стэйн весь задрожал, но быстро взял себя в руки.

— Знаете латынь?

Эверард кивнул.

Стэйн нервно рассмеялся.

— Тогда давайте говорить по-латыни. Если бы вы только знали, как я устал от этого собачьего языка...

По-латыни он тоже говорил с акцентом, но достаточно свободно. Он помахал бластером.

— Простите за предосторожность. Но мне приходится быть начеку.

— Естественно, — сказал Эверард. — Да, мое имя Менциус, а моего друга зовут Ювснал. Как вы уже догадались, мы историки из будущего, и способ передвижения во времени только что открыт.

— Правильно моя фамилия — Штейн; я — Розер Штейн из 2387 года. Вы обо мне слышали?

— Кто о вас не слышал? — сказал Эверард. — Мы предприняли это путешествие в поисках загадочного Стэйна, который появляется в один из поворотных пунктов истории. Мы заподозрили, что это путешественник во времени, но только из другой эпохи. Сейчас мы это знаем.

Штейн нетерпеливо заходил по комнате, помахивая бластером, все еще находившимся у него в руках. Но он был слишком далеко для прыжка.

— Я здесь уже три года. Если бы вы только знали, как часто я лежал бессонными ночами и думал, удастся мне это или нет... Скажите мне, ваш мир объединен?

— Земля и планеты, — сказал Эверард, — уже долгое время.

Внутренне он задрожал. Его жизнь зависела от того, правильно ли он угадал, чего хотел Штейн.

— Конечно. То есть у нас есть император, но все законы издает сенат, а последний избирается народом.

Его лицо гнома приобрело почти святое выражение.

— Все, как я мечтал, — прошептал Штейн. — Благодарю.

— Значит, вы отправились в прошлое, чтобы направлять историю?

— Нет, — сказал Штейн, — чтобы изменить ее.

Слова лились из него потоком. Как будто он хотел выговориться и забыть о своем трехлетнем молчании.

— Я тоже был историком. Совершенно случайно встретился с человеком, который всем представлялся как купец с Сатурна, но я там был когда-то и сразу понял, что он лжет. Потом я дошел до правды. Это был путешественник во времени из очень далекого будущего.

Вы можете представить себе, что век, в котором я жил, был ужасен, и как историк-психолог я понимал, что война,

нищета и тирания, которые мучили нас, происходили не от зла, заключенного в самом человеке, а от того, что весь мир был построен не так.

Полная механизация делала людей чуждыми друг другу, и назревала новая ужасная война. Были, конечно, и периоды мира, относительно долгие, но зло пустило свои корни слишком глубоко, конфликт был частью нашей цивилизации. Вся моя семья погибла во время венецианской войны, мне было нечего терять. Я забрал машину времени после того, как... устранил... ее владельца.

— Самая большая ошибка, — думал я, — была сделана в глубоком прошлом, в далекие времена. Рим объединил в мире великую державу, а когда существует мир, есть и правосудие. Но Рим перерос сам себя и не смог вынести такой ноши. Варвары были сильны, они многое могли бы сделать, если бы не были продажны.

Англия — другое дело. Она избежала постепенного загнивания, которое не обошло римское общество. Ее наводнили германцы — почти что звери, но все же желающие учиться. В моей истории они просто уничтожили всю британскую цивилизацию, а затем, будучи умственно почти беспомощными, сами были сметены новым и злым врагом — цивилизацией, которая называлась западной. Я хотел, чтобы будущее людей было лучшим.

Это было нелегко. Вы удивитесь, если я расскажу вам, как это трудно — выжить в незнакомом для тебя времени, когда ты не знаешь ничего и никого вокруг, даже если у тебя и припасено современное оружие. Но сейчас я добился уважения Хенгиста и любви бретонцев. Я хочу объединить эти два народа в борьбе против всего постороннего. Англия станет единым королевством с саксонской силой и римской наукой, достаточно могущественной, чтобы противостоять любому вторжению. Христианство, безусловно, неизбежно, но я сам прослежу, чтобы это была правильная религия, которая бы просвещала и наставляла людей, а не мутила бы их рассудок.

В итоге Англия станет государством, преобладающим над всеми остальными государствами. Я останусь здесь, чтобы отразить скандинавское нашествие, затем исчезну, пообещав вернуться позже. Если я буду появляться, скажем, каждые пятьдесят лет на протяжении двух веков, я стану легендой, Богом, который не даст свернуть с намеченного пути.

— Я много читал о святом Станиуске, — медленно сказал Эверард.

— И я выиграл! — воскликнул Штейн. — Я дал миру мир!

В его глазах блестели слезы.

Эверард придвинулся ближе. Штейн направил бластер ему в живот, все еще не вполне доверяя. Эверард чуть обошел его кругом, и Штейн тоже повернулся, не отводя от него дуло бластера. Но он был настолько возбужден кажущимся доказательством своего успеха, что совсем забыл об Уиткомбе. Эверард бросил на англичанина выразительный взгляд через плечо.

Уиткомб замахнулся топором. Эверард упал на пол. Штейн застонал, и бластер выпустил молнию. Топор попал ему в плечо. Уиткомб прыгнул и схватил его за руку, держащую бластер. Штейн закричал, пытаясь высвободить руку. Эверард вскочил с пола и бросился на помощь. Наступило минутное замешательство.

Затем бластер выпустил еще одну молнию, и Штейн мертвым грузом обвис у них на руках. Вся их одежда была в крови, хлещущей из огромной раны на груди Штейна. Вбежали два стражника. Эверард подхватил с пола свой бластер, стрелявший наркотическими пулями. Копье задело его руку. Он дважды выстрелил, и стражники упали на пол. Они должны были прийти в себя разве что через несколько часов.

Эверард прислушался. Послышались женский стон и какая-то возня, но в дверь никто не вошел.

— Кажется, все в порядке, — сказал он.

— Да.

Уиткомб взглянул на труп, лежащий между ними. Он казался необычно маленьким.

— Я не хотел, чтобы он умирал, — сказал Эверард. — Но времена... тяжелые. К тому же так было предсказано.

— Лучше смерть, чем суд Патруля и высылка на отдаленную планету, — сказал Уиткомб.

— Теоретически, конечно, он был вором и убийцей, — сказал Эверард. — Но его мечта была великой.

— А мы уничтожили ее.

— Ее уничтожила история. Наверное, должна была уничтожить. Один человек недостаточно мудр, чтобы решать за всю историю. Мне кажется, что большинство человеческих несчастий и бед происходит вот из-за таких фанатиков, как он.

— Значит, мы были просто орудиями истории, — сухо сказал Уиткомб.

— Возьми себя в руки. Подумай о своих друзьях в 1947 году. Их просто никогда не было бы.

Уитком снял с себя куртку и попытался стереть с нее кровь.

— Пойдем, — сказал Эверард.

Он прошел в следующую комнату. Испуганная наложница отскочила куда-то в сторону.

Чтобы пройти в следующую дверь, ему пришлось взорвать замок бластером Штейна. В комнате находились модель машины времени, несколько коробок с оружием и книги. Эверард погрузил в машину времени все, кроме сундучка с радиоактивным металлом. Его следовало оставить, чтобы в будущем можно было узнать о нем и вновь вернуться и остановить человека, который хотел быть Богом.

— Не хочешь отправиться в этой машине? — спросил он Уиткомба. — Я тем временем заберу наш скутер и встречу тебя в конторе в 1894-м.

Уиткомб уставился на него. Лицо у него было печальное. Но под взглядом Эверарда оно приняло твердое выражение.

— Ну хорошо, старина, — сказал англичанин.

Он грустно улыбнулся и пожал Эверарду руку.

— Пока. Желаю удачи.

Эверард смотрел ему вслед, когда он входил в серый стальной цилиндр. Он очень странно попрощался с ним, особенно если учесть, что через каких-нибудь несколько часов они будут пить чай в 1894 году.

Беспокойство не оставляло его, когда он вышел из здания и смешался с толпой: Чарли был в каком-то странном настроении. Что ж...

Никто не обратил внимания на то, что он вышел из города и направился к ближайшему кустарнику. Он вызвал скутер и, несмотря на то что кто-то мог полюбопытствовать, что это за птица приземлилась в этих местах, открыл кувшин с пивом. Выпивка была ему сейчас просто необходима. Затем он в последний раз взглянул на старую Англию и поставил рукоятку на год 1894-й.

Майнуэтеринг и его охрана были на месте. Сначала они встревожились, увидев только одного человека, к тому же всего обрызганного кровью, но Эверард быстро рассказал обо всем, что произошло.

Помыться, переодеться и продиктовать рапорт секретарю — все это заняло продолжительное время. Уиткомб давно уже должен был появиться, но о нем не было никаких сведений. Майнуэтеринг вызвал по радио склад в Лондоне и нахмурился.

— Его еще нет, — сказал он. — Что-нибудь могло случиться?

— Вряд ли. Эти машины времени безотказны.

Эверард закусил губу.

— Я не знаю, в чем дело. Может быть, он меня не понял и отправился в 1947 год?

Обмен взглядами показал ему, что Уиткомб и у себя не доложил о своем прибытии. Эверард и Майнуэтеринг вышли выпить по чашке чая. Когда они вернулись, от Уиткомба все еще не поступило никаких сведений.

— Я думаю, надо поставить в известность Патруль, — сказал Майнуэтеринг. — А что? Они быстро его найдут.

— Нет. Подождите.

Эверард вскочил на ноги и остановился как вкопанный. Он постепенно кое-что начал понимать. Это было ужасно.

— У вас есть какие-нибудь догадки?

— Да. Своего рода.

Эверард принялся стаскивать с себя костюм викторианской эпохи. Руки его дрожали.

— Дайте мне мою одежду, пожалуйста. Я, может быть, найду его сам.

— Патруль требует от вас предварительного доклада о ваших мыслях и измерениях, — напомнил Майнуэтеринг.

— К черту Патруль, — сказал Эверард.

ГЛАВА 6

Лондон, 1944-й. Зимняя ночь и пронзительно холодный ветер по темным улицам. Где-то слышится шум взрывов, красные языки огня вздымаются над крышами.

Эверард оставил свой скутер прямо на тротуаре — при бомбежке никто не выходил из дома — и медленно пошел по улице. Тренированная память услужливо подсказала ему нужную дату. День смерти Мэри Нельсон — 17 ноября.

Он вошел в телефонную будку на углу и стал листать телефонный справочник. Нельсонов было много, но Мэри в Стритхэне была только одна. Не знал он и времени, когда упала бомба, но как раз это ему было легко выяснить.

Когда Эверард выходил из будки, взорвалась бомба. Он упал ничком на тротуар, и мимо него просвистели осколки. 17 ноября 1944 года. Молодой Мэнс Эверард, лейтенант инженерного корпуса США, в это время находился где-то за каналом, рядом с немецкими пушками. Он не мог вспомнить точ-

но, где он был, да это и не имело значения. Мэнс знал, что опасность ему не грозит.

Новая вспышка осветила его, пока он бежал к своему скутеру. Он прыгнул на сиденье и взвился в воздух. С высоты птичьего полета Мэнс видел город. Только темноту и пламя. Вальпургиева ночь!

Эверард хорошо помнил Стритхэн, деловой район, заселенный клерками, зеленщиками и механиками — мелкой буржуазией, поднявшейся на борьбу с могуществом, с которым смирилась вся Европа. До дома Нельсонов оставалось три квартала. Неужели опоздал?

— Нет! О!

Он взглянул на часы: десять тридцать — и прыгнул на два часа назад. Ночь уже наступила, но разбомбленный дом прочно стоял на месте. На секунду ему захотелось войти и предупредить всех живущих в нем. Но нет. Люди умирали сейчас по всему миру. Он не был Штейном, чтобы взвалить историю на свои плечи. Не был он и данеллианином.

Мэнс сухо усмехнулся, сошел со скутера и подошел к двери. Он постучал, и дверь открылась. Женщина средних лет глядела на него сквозь темноту, и он внезапно понял, как ей странно видеть его в штатском американском костюме.

— Простите, — сказал он, — вы ведь знаете мисс Мэри Нельсон?

— Конечно.

Женщина заколебалась и пояснила:

— Мисс Нельсон живет поблизости. Она скоро придет. Вы ее друг?

Эверард кивнул головой.

— Она послала передать вам, миссис... ах...

— Зидерберн.

— Да, да, конечно. Миссис Зидерберн. Я ужасно забывчив. Видите ли, мисс Нельсон просила меня передать вам, что ей очень жаль, но она никак не может прийти. Она очень просит вас и всю вашу семью прийти к ней ровно в 10.30.

— Всю семью, сэр? Но дети...

— Неважно. И дети обязательно тоже. Все. Она приготовила для вас какой-то сюрприз и хочет его преподнести всем вместе. Так что обязательно приходите.

— Что ж... хорошо, сэр, если она нас просит.

— Она приглашает всех вас в 10.30, без опоздания. Я увижу вас там, миссис Зидерберн.

Эверард откланялся и вышел обратно на улицу.

Он сделал все, что мог. Следующим был дом Нельсонов. Мэнс проехал на своем скутере три квартала, остановил его в тени аллеи и пошел к дому. Он был виновен сейчас, так же виновен, как Штейн. Он раздумывал, как может выглядеть отдаленная планета.

Рядом с домом не было никаких признаков машины времени, а она была слишком велика, чтобы ее спрятать. Значит, Чарли еще не прибыл. Постучавшись в дверь, он продолжал размышлять, к чему могло привести то, что он спас семью Зидерберн. Дети вырастут, у них появятся свои дети, обычные англичане, без сомнения, но где-нибудь в веках будет рожден важный человек или, наоборот, не будет рожден. Время, конечно, было достаточно прерывным. Кроме редчайших случаев, жизнь одного или нескольких людей не имела значения, важен был генетический код целого рода, но этот конкретный случай мог относиться к тем немногочисленным.

Дверь ему открыла молодая женщина. Она была хорошенькой, невысокого роста, и военная форма ей очень шла.

— Мисс Нельсон? Для вас свежие новости.

— Я только что собиралась уходить, — сказала она извиняющимся тоном.

— Нет, вы никуда не пойдете.

Она вся напряглась. Мэнс понял, что был слишком напорист, и более мягко добавил:

— Простите, пожалуйста, разрешите мне все объяснить.

Она провела его в гостиную с занавешенными окнами.

— Присаживайтесь, говорите потише, мои все спят. Им рано вставать.

Эверард устроился поудобнее. Мэри пристроилась на уголке дивана, глядя на него большими глазами. Он подумал, что Ульфнет и Задгард могли быть ее предками. И Ютайн тоже.

— Вы в летных частях? — спросила она. — Вы там познакомились с Чарли?

— Нет. Я из разведки, что и является причиной моего визита. Скажите, когда вы видели его в последний раз?

— О, недели две назад. Сейчас он во Франции. Я надеюсь, что эта война скоро кончится. Так глупо с их стороны продолжать воевать, когда совершенно ясно, что они проиграли, не правда ли? — Она с удивлением покачала головой. — Ну, какие у вас новости?

— Одну секунду.

Эверард попытался отвлечь ее разговорами о военных событиях. Он никак не мог заставить себя сказать ей правду,

хотел этого, но язык, казалось, прилип к гортани, когда он попытался все рассказать.

— ...И вы себе не представляете, как тяжело иногда достать пузырек обычных чернил... — снова пробовал он отвлечь ее.

— Пожалуйста, — нетерпеливо перебила она. — Скажите мне сразу, в чем дело. У меня сегодня свидание со знакомыми.

— О, простите, ради бога, простите. Видите ли...

Его спас стук в дверь.

— Извините, — прошептала она и прошла к двери мимо занавешенных окон. Эверард пошел вслед за ней.

Она отшатнулась со слабым вскриком:

— ЧАРЛИ!

Уиткомб в штатской одежде, все еще забрызганной кровью, прижал ее к себе.

Эверард вышел в холл. Англичанин с ужасом уставился на него.

— Ты...

Он потянулся к бластеру, но Эверард уже успел вытащить свой.

— Не будь дураком, — сказал американец. — Я твой друг. Я хочу тебе помочь. Что за сумасшедший план, кстати, возник?

— Я... я... не дам ей пойти... не дам пойти...

— И ты думаешь, что они не смогут тебя выследить?

Эверард перешел на темпоральный — единственный язык, возможный в присутствии перепуганной Мэри.

— Когда я выбежал от Майнуэтеринга, он уже начал что-то подозревать. Если мы сейчас не придем к правильному решению, весь патруль поднимется на ноги. Они исправят ошибку, возможно даже убив ее. Тебя сошлют на отдаленную планету.

— Я...

Уиткомб сглотнул. На его лице застыла маска страха.

— Ты... ты хочешь, чтобы она вот так спокойно ушла и ее убили?

— Нет. Но это надо сделать более тщательно.

— Мы исчезнем... в какой-нибудь период... уйдем от всех... если надо, даже в эру динозавров.

Мэри высвободилась из его объятий. Перепуганная, она готова была закричать.

— Успокойтесь, — сказал ей Эверард. — Ваша жизнь в

опасности, и мы пытаемся спасти вас. Если вы не верите мне, то поверьте хоть Чарли.

Поворачиваясь, он продолжал на темпоральном:

— Слушай, мальчик, нет такого времени и места, в котором ты мог бы спрятаться со своей возлюбленной. Мэри Нельсон умерла сегодня ночью. Это история. Я уже кое-что сделал: семья, в которую она должна будет пойти сегодня, ушла из дома. Их там не будет, когда упадет бомба. Если ты сейчас попытаешься убежать с ней, вас найдут. Это чистая случайность, что Патруля еще нет.

Уиткомб попытался успокоиться.

— А если я возьму ее с собой в 1946-й? Откуда ты знаешь, что она вдруг внезапно не появилась в 1946-м. Может быть, это тоже история.

— Этого ты тоже сделать не сможешь. Попробуй. Скажи ей, что ты собираешься взять ее с собой на четыре года вперед.

Уиткомб застонал.

— Безнадежно... и я обречен...

— Да. Ты даже не можешь ей объяснить своего появления здесь, и в разговоре с ней тебе придется лгать, потому что иначе ты не сможешь. И в любом случае, как ты объяснишь ее появление? Если она останется Мэри Нельсон — она дезертир из армии. Если она примет другое имя, то где ее свидетельство о рождении, аттестат, трудовая книжка — все документы, необходимые для жизни. Это безнадежно, сынок.

— Что же делать?

— Ждать Патруля и изменить события. Подожди меня здесь минутку.

Эверард был холоден и спокоен, ему некогда было бояться или удивляться своему поведению. Вернувшись на улицу и поставив рычаги на пять лет вперед, на 12 часов дня, на место Пикадилли Маржуз, он повернул главную ручку, посмотрел, как машина исчезает, и вернулся обратно в дом. Мэри плакала в объятиях Уиткомба.

Бедная девочка, потерявшаяся в лесу.

— Порядок.

Эверард отвел их прямо в гостиную и вытащил бластер.

— Теперь нам придется подождать еще немного.

Ждать им пришлось недолго. Скутер с двумя людьми в серой патрульной форме возник как по волшебству. В их руках было оружие.

Наркотические пули действовали безотказно.

— Помогите мне связать их, Чарли, — сказал Эверард.

Когда патрульные пришли в себя, Эверард стоял над ними с холодной улыбкой на губах.

— В чем нас обвиняют, ребята? — спросил он на темпоральном.

— Думаю, вам это известно не хуже нас, — спокойно сказал один из пленников. — Мы выследили вас через Главное управление. Проверив следующую неделю, мы выяснили, что вы эвакуировали семью, которая должна была погибнуть при бомбежке. Читая биографию Уиткомба, нетрудно было установить, что вы придете ему на помощь и попытаетесь спасти женщину, которая должна была умереть сегодня ночью. Я советую вам развязать нас, если вы не хотите еще более сурового наказания.

— Я не изменял историю, — сказал Эверард. — Для вас я все еще там, верно?

— Да, конечно, но...

— С чего вы взяли, что семья Зидерберн должна была погибнуть при бомбежке?

— Их дом был разрушен, и они покинули его только потому...

— Ага, но суть-то в том, что все покинули его. Это записано. Значит, это вы хотите изменить прошлое.

— Но эта женщина здесь...

— А вы уверены, что это, скажем, не та самая Мэри Нельсон, которая приехала в Лондон в 1860 году и умерла в старости в 1990-м?

Патрульный усмехнулся.

— Ты настоящий парень, а? Но это не пройдет. Ты не сможешь переспорить весь Патруль.

— Неужели? Я могу оставить вас связанными здесь, на полу, где вас найдет семья Зидерберн. Я отправил свой скутер, который должен появиться среди множества людей в месте и времени, известных только мне одному. Как вы думаете, что после этого станет с историей?

— Патруль примет необходимые меры... так же, как и вы в V веке.

— Возможно! Но я думаю, что им будет значительно проще исполнить мою просьбу. Мне нужен данеллианин.

— Ч Т О?

— Вы меня слышали, — сказал Эверард. — Если потребуется, я возьму ваш скутер и отправлюсь на миллион лет впе-

ред. Я просто расскажу им, насколько все будет легче, если они пойдут нам навстречу. ЭТО ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Эверард захлебнулся собственным вздохом. Бластер выпал у него из руки. Он не мог смотреть на образ, мелькавший перед его глазами. В его горле пересохло, и он попятился.

— Ваша просьба рассмотрена, — сказал беззвучный голос. — Все было известно и изучено за века до вашего рождения. Но вы были все еще необходимым звеном в цепи времени. И если бы сегодня вас не ждал успех, пощады бы не было.

Для нас то, что Чарлз Уиткомб в викторианской Англии, было фактом. Подлинно известно и то, что Мэри Нельсон погибла у знакомых в доме, на который упала бомба в 1944 году, и что Чарлз Уиткомб прожил холостяком всю свою жизнь и был убит при исполнении патрульных обязанностей. Эта неувязка была замечена, а так как даже маленький парадокс является слабым звеном в цепи времени, его следовало устранить любым путем. Сейчас вы решили, каким должен быть этот путь.

Подсознательно Эверард чувствовал, что веревки с патрульных внезапно упали. В его дрожащем мозгу сверлила мысль, что его скутер есть... был... будет... незаметно устранен во время появления среди людей. Он знал, что в истории было теперь записано так: Мэри Нельсон, пропавшая без вести, по всей видимости убитая бомбой около дома Зидербернов, хозяева которого во время взрыва отсутствовали.

Чарлз Уиткомб, пропавший без вести в 1947 году, по всей видимости, утонул, купаясь в море. Он знал, что Мэри сказали всю правду и отправили вместе с Чарли в 1980 год. Он знал, что они всю жизнь проживут там, так до конца и не приспособившись к викторианской эпохе, что Чарли часто будет жалеть и вспоминать свою работу в Патруле и что в конце концов он всю свою жизнь посвятит жене и детям и поймет, что это не было слишком большой жертвой.

Он знал все это, а затем данеллианин исчез. Его мозг постепенно освободился от дурмана, и прояснившимися глазами он взглянул на патрульных. Какова будет его собственная судьба, он не знал.

— Пошли, — сказал первый патрульный. — А то мы здесь всех перебудим. Мы подбросим вас в ваш год, 1984-й, не так ли?

— И что дальше? — спросил Эверард.

Патрульный пожал плечами. Даже его отточенные обычно

манеры не могли скрыть шока, который он получил от присутствия данеллианина.

— Оставьте рапорт своему начальнику секции. Вы показали себя совершенно непригодным для такой работы.

— Итак, меня просто увольняют, да?

— Только без драм. Вы думаете, это первый случай за миллионы лет работы Патруля? Существует обычное наказание.

— Вам, безусловно, нужно еще поучиться. Такой тип людей, как вы, больше всего подходит для должности Неприкосновенного Агента: сегодня — здесь, завтра — там. Любой век и любое место, где в них нуждаются.

Эверард забрался в скутер, чувствуя слабость во всем теле. Через десять дней он снова принялся за работу.

Часть вторая

ДОЛИНА ИСТ

ГЛАВА 1

Охота в Европе двадцать тысяч лет назад чудесна, а зимний спорт просто великолепен. Для своих агентов и специалистов Патруль времени зарезервировал место отдыха в Пиренеях плейстоценового периода.

Мэнс Эверард стоял на застекленной веранде и смотрел на голубые от льда склоны гор, которые ниже переходили в леса, а затем в тундру. Его мускулистое большое тело красиво облегали зеленые брюки и туника из инсульчанта XXIII века, ноги были обуты в сапоги ручного производства французских канадцев XIX века, он курил трубку неизвестного происхождения, был чем-то обеспокоен и не обращал внимания на шум позади, где другие патрульные пили, разговаривали и играли на пианино.

Через покрытый снегом двор прошел их кроманьонский проводник, одетый скорее как эскимос (почему романтика в ледниковый период не смогла заставить человека эпохи палеолита носить куртку и брюки?), с раскрашенным лицом и стальным ножом за поясом, который ему подарили. Так далеко во времени Патруль мог действовать достаточно свободно: не было никакой опасности, что нож этот заржавеет через несколько сот лет, а пришельцев забудут. Главное затруднение было в том, что женщины из «свободных» далеких веков слишком любили общаться с местными охотниками.

Пит Ван Саравак — датско-индонезийский венецианец из XXIV века — стройный темноволосый молодой человек, присоединился к Эверарду на веранде. Минуту они стояли в тишине. Он тоже был Неприкосновенным Агентом, в любую минуту готовым прийти на выручку, и раньше несколько раз работал с американцем. Отдыхали они тоже вместе.

Он первым нарушил молчание, заговорив на темпоральном.

— Я слышал, они выследили около Тулузы нескольких мамонтов.

Город будет выстроен еще через века, но привычка была сильна.

— Я уже подстрелил одного, — нетерпеливо сказал Эверард, — вволю накатался на львах, назанимался альпинизмом и сыт по горло местными танцами.

Ван Саравак кивнул головой и, вынув сигарету, прикурил ее.

— Это приятный отдых, — согласился он, — но через некоторое время тянет обратно.

В общем им предстояло отдыхать еще две недели, но можно было вернуться назад в любое время, чуть ли не в момент отправления. Агенту было позволено отдыхать сколько угодно, но в действительности он должен был посвятить определенную часть своей вероятной жизни работе; им никогда не говорили, когда они должны будут умереть, и у агентов обычно хватало ума не выяснять это самим.

К тому же все это в любом случае было неточно, время было изменчиво. Одним из преимуществ агентов было то, что они подвергались данеллианскому лечению для продления жизни.

— Чего бы я хотел, — продолжал Ван Саравак, — так это ярких огней, музыки, девочек, которые никогда не слышали о путешествиях во времени...

— Пойдет! — сказал Эверард.

— Рим времени Августа? — небрежно спросил его товарищ. — Я никогда там не был. Могу хоть сейчас отправиться и выучить их язык и обычаи.

Эверард покачал головой.

— Слишком строгие правила. Раз уж мы хотим отсюда убраться, то лучшего века, чем мой, в этом отношении не найти. Скажем, Нью-Йорк... в особенности если ты знаешь нужные номера телефонов, а я их знаю.

Ван Саравак усмехнулся.

— Я сам знаю несколько приятных местечек в своем веке, — ответил он, — но слишком сальных. В твоем же веке довольно мало еще знали о прекрасном искусстве наслаждения. Ну хорошо, пусть это будет Нью-Йорк... Какого периода?

— Давай 1960-й. Перед тем как приехать в отпуск, я как раз оттуда и явился.

Они улыбнулись друг другу и пошли складывать вещи. Эверард предусмотрительно взял с собой для друга одежду XX века.

Американец, укладывая чемодан, думал о том, сколько он выдержит этих развлечений с Ван Сараваком. Он никогда не

был гулякой и бражником: рюмка виски, кружка пива и интересная книга в руках — больше ему ничего не надо было.

Но даже самому умеренному человеку иногда надо не только встряхнуться, но порой и забыться, особенно если он был Неприкосновенным Агентом Патруля времени; если его работа в инженерной компании была только ширмой для путешествия по всей истории; если он собственными глазами видел, как эту историю переписывают — не Бог, что еще было бы терпимо, так как данеллиане были отнюдь не богами; если он знал, что вполне возможно какое-то большое изменение, после которого ни он, ни мир больше существовать не будут... Крупное лицо Эверарда перекосила гримаса. Он провел рукой по темным волосам, как бы отгоняя эту мысль прочь. Бесполезно об этом думать. Перед парадоксом логика ничто. Лучше в такие минуты расслабиться и отдохнуть, чем активнее, тем лучше. Он поднял свой чемодан и присоединился к Питу Ван Сараваку.

Их маленький двухместный антигравитационный скутер стоял в гараже. Глядя на него, трудно было поверить, что, нажав на нужные кнопки и повернув нужные рукоятки, ты можешь очутиться в любом времени Земли. Но в самолет тоже трудно было поверить, как и в корабли, и в огонь.

Подай мою блондиночку,
Блондиночку мою.
Подай мою блондиночку,
Я так ее люблю!

Эту песенку громко напевал Ван Саравак, обдаваемый морозным свежим воздухом, когда они садились в скутер. Он выучил эту песню, как-то сопровождая армию Людовика XIV. Эверард засмеялся.

— Поехали! Может, ты все-таки остановишься?

— Ну что ты, — пропел молодой человек, — это такой веселый континуум в прекрасном вечном Космосе. Включай машину!

Эверард совсем в этом не был уверен. Он повидал достаточно человеческих страданий во всех эпохах. Со временем затвердеваешь снаружи, но в душе — когда крестьянин смотрит на тебя большими гноящимися глазами или кричит солдат, когда его пронзает пика, или город вздымается вверх грибом радиоактивного пепла — что-то в тебе плачет. Он мог по-

нять фанатиков, которые стремились изменить историю. Их работа, к сожалению, не была эффективной...

Он взял курс на склад инженерной компании, хорошее потайное место, где можно появиться без опаски. Потом они пойдут в его квартиру, а затем можно будет и повеселиться.

— Ты уже распрощался со всеми своими подругами здесь? — подтрунивал Эверард над красавцем Ван Сараваком, из-за которого женщины действительно чуть ли не устраивали соревнования.

— О, уверяю тебя, очень любезно. Поехали скорее. Ты движешься еще медленнее, чем туземцы на Плутоне. Мне кажется, судя по всему, что мы скорее доедем домой на лошади!

ГЛАВА 2

Какую-то секунду от неожиданности они не могли даже пошевелиться. Перед их глазами все замелькало. Они материализовались в нескольких футах от поверхности земли — скутер был сконструирован так, что никогда не мог материализоваться внутри твердого объекта, а так как это было для них неожиданностью, они свалились вместе со скутером на мостовую. Они находились в месте, довольно отдаленно напоминавшем площадь. Рядом шумел фонтан. На его каменном ложе были вырезаны виноградные гроздья. Вокруг площади располагались улицы, идущие между квадратными кирпичными зданиями от шести до десяти этажей в высоту. Были и автомобили, большие, неуклюжие коробки абсолютно неизвестной им марки, была толпа народа.

— Боже милосердный!

Эверард уставился на счетчик. Скутер приземлился в Манхэттене 3 октября 1960 года, в 11.30 утра, точно в пространственных координатах склада. Но ветер бросал им пыль в лицо, пахло дымом горевших каминов и...

Ван Саравак выхватил зонический станнер. Толпа пятилась от них, кричала на каком-то языке, который они не могли понять. Здесь были и высокие рыжие люди с круглыми головами и маленькие, совсем на них непохожие.

Почти на всех бесцветные блузы, татарские пояса, нечто похожее на шотландские шапочки, ботинки и носки до колен.

Волосы длинные, и у многих мужчин были большие усы. На женщинах платья примерно до лодыжек и косы, спрятанные под шляпы. Представители обоих полов носили массивные браслеты и ожерелья.

— Что случилось? — прошептал венецианец. — Где мы?

Эверард сидел весь напрягшись. Его мозг блуждал по всем местам, которые он знал или о которых читал. Промышленная революция — эти автомобили выглядели как паровые. Но почему тогда так выглядят люди? Или эпоха реконструкции после ядерной войны, когда топили углем? Тоже нет, в то время не носили таких поясов и люди говорили по-английски. Ничто не совпадало. Такой эпохи просто не было зарегистрировано.

— Скорее поехали отсюда!

Его руки уже лежали на панели управления, когда на него прыгнул высокий мужчина. Они свалились на панель, и в дело пошли кулаки и ноги. Ван Саравак выстрелил, и кто-то упал без сознания, потом его схватили за руки. Толпа повалила их.

Эверард смутно помнил, как сквозь толпу пробились люди со сверкающими медными пластинками на груди и в шлемах. Его подняли на ноги и даже поддерживали, пока на его запястьях не были защелкнуты наручники. Затем их с Ван Сараваком обыскали и впихнули в большую закрытую машину: «черные вороны» одинаковы во все времена.

Окончательно он пришел в себя, когда их втолкнули в сырую холодную камеру с решетками на окнах и дверью с железной перекладиной.

— Ради всего святого!

Венецианец вздрогнул на деревянном ложе и закрыл лицо руками. Эверард стоял у двери, сквозь решетку виднелась карта Ирландии.

— Что происходит?

Стройное тело Ван Саравака задрожало.

— Не знаю, — медленно сказал Эверард, — просто не знаю. Наша машина времени должна работать безотказно, но, может быть, мы еще большие дураки, чем те, для которых она предназначена.

— Такого места нет, — сказал Ван Саравак полным отчаяния голосом. — Сон?

Он ущипнул себя и выдавил улыбку. Губы его были разбиты, из них текла кровь, и они уже начали опухать. Эверард затряс металлические перекладины с такой силой, что они зазвенели.

— Как ты думаешь, может быть, мы действительно неправильно произвели настройку машины? Есть ли такой город на Земле (а в том, что это Земля, я твердо уверен), который бы хоть смутно напоминал этот?

— Никогда не слышал.

Эверард напряг память и весь свой мозг бросил на поиски определения местонахождения, что было элементом обучения в Академии. В свое время он изучал тщательно историю всех веков, даже тех, в которых никогда не был. Этим легко было овладеть при наличии такой техники, которой оснащалась Академия.

— Нет, — сказал он в конце концов, — помеси белых брахикефалов с индейцами, носящими пояса и использующими паровые автомобили, я не знаю.

— Не было таких веков в прошлом, — сказал Эверард.

Правда постепенно доходила до него, и он продал бы душу дьяволу, лишь бы оказаться неправым. Он напряг все свои силы, чтобы не закричать и не биться головой о стену.

— Надо выяснять, — сказал Мэнс безжизненным голосом.

Полисмен (Эверард понял, что они находятся в руках закона) принес им пищу и попытался заговорить с ними. Ван Саравак сказал, что хоть их язык напоминает кельтский, но он не может понять ничего, кроме нескольких слов. Пища была неплохой. К вечеру пленников отвели в ванную комнату, и им пришлось справлять все свои дела под дулом пистолетов. Эверард внимательно рассмотрел их оружие: восьмизарядные револьверы и короткие ружья. Грубо говоря, все виденное отдавало началом XX века.

По пути назад он рассмотрел надписи на стенах. Они были, вероятно, на иврите, но, хотя Ван Саравак и знал его, имея некогда дело с израильскими колониями на Венере, он не смог прочитать ни слова.

Вновь запертые, они наблюдали, как вели мыться других заключенных — на удивление веселую толпу бродяг и пьяниц.

— Кажется, нам уделяют особое внимание, — заметил Ван Саравак.

— Ничего удивительного, — сказал Эверард. — Как бы ты поступил с неизвестными людьми, которые возникли ниоткуда и применили бы совершенно неизвестное оружие?

Лицо Ван Саравака, повернутое к нему, было угрюмым.

— Ты думаешь то же, что и я? — спросил он.

— Возможно.

Рот венецианца исказился, в его голосе послышался ужас:

— Другая линия времени. Кому-то удалось изменить историю.

Эверард кивнул. Они с неудобствами провели всю ночь. Во-первых, из других камер раздавались шум и крики — дис-

циплины здесь, по-видимому, не было, во-вторых, постели были жесткими, непривычными.

После завтрака Эверарду и Ван Сараваку вновь разрешили умыться и побриться безопасными бритвами, довольно похожими на те, которыми пользовались они. Затем в комнату проследовала стража из десяти человек и неподвижно застыла у стен. Представителей власти было двое: краснощекий седой мужчина в панцире и серой тунике, вероятно шеф полиции, другой — худой, с жесткими чертами лица, тоже седой, с черными усами человек в голубой тунике, слева на груди у него блестела золотая бычья голова — наверное, знак власти.

Второй производил солидное впечатление, но тонкие волосатые ноги, торчащие из-под турецкого пояса, все портили. За ним следовали двое молодых вооруженных людей в одежде, похожей на его. Когда он сел, сопровождающие встали у него за спиной. Эверард наклонился и прошептал:

— Военные, могу поспорить. Кажется, мы представляем интерес.

Ван Саравак слабо кивнул.

Шеф полиции с важностью откашлялся и что-то сказал другому, наверное генералу. Последний нетерпеливо ответил и обратился к пленникам. Он произносил слова отчетливо, и это помогло Эверарду уловить фонему, но слов он абсолютно не понял.

Когда-нибудь они поймут друг друга. Как бы то ни было, а знакомство надо было налаживать. Эверард указал на себя.

— Мэнс Эверард, — сказал он.

Ван Саравак тоже представился.

Генерал вздрогнул и заговорил о чем-то с шефом.

Повернувшись к пленникам, он резко сказал:

— Ири жиньерданц?

— Ай спик инглиш, — ответил Эверард.

— Готвалд? Свеа? Найрани тевтонах?

— Эти названия, если это только названия, звучат как немецкие, — прошептал Ван Саравак.

— Так же, как и наши имена, если подумать, — натянуто ответил Эверард. — Может быть, они думают, что мы немцы?

Мэнс повернулся к генералу:

— Шпрехен зи дойч? Талер на свенкс? Ширелпандски? Донск тунга? Парле ву франсе? Аблэ устэд эспанёл?

Шеф полиции вновь откашлялся и указал на себя:

— Гадваллар Жан Барка, — сказал он. — Генерал Миниф Ап Геори.

По крайней мере именно так англосаксонский мозг Эверарда уловил произношение этих слов.

— Кельтский, точно, — сказал он, чувствуя, что весь взмок от пота. — Но, чтобы проверить окончательно...

Он вопросительно указал на нескольких человек у стены, которых ему представили как Ангуса, Авураира Кетхаена и Филла О'Картиа.

— Да нет... есть и определенный семантический элемент. Это совпадает и с их письменностью.

Ван Саравак облизал губы.

— Попробуй классические языки, — предложил он робко. — Может быть, нам удастся установить момент, когда история сошла с ума.

— Шоквериане латыне?

Они молча смотрели на него.

Генерал Ап Геори дернулся, подул в усы и сузил глаза.

— Хеллева? — насторожился он. — Ири патриа?

Эверард покачал головой.

— По крайней мере они слышали о греках, — медленно сказал он и попытался произнести еще несколько слов, но никто его не понял.

Ап Геори приказал что-то одному из своих людей, который поклонился и вышел. Наступила долгая тишина.

Эверард почувствовал,что страх его покидает. Он попал в скверное положение, мог скорее умереть, но, что бы с ним ни случилось, все казалось таким незначительным по сравнению с тем, что произошло со всем миром. Великий Боже! Со всей Вселенной!

Мэнс не мог осознать этого. Он ясно представлял себе ту землю, которую знал: широкие равнины, высокие горы, горделивые города. Он вспомнил своего отца и те времена, когда он был маленьким, и мать... они хорошо жили вместе... Он помнил девушку, с которой вместе учился в колледже, приятную маленькую девушку, которую он был удостоен чести провожать под дождем; Верна Аэронсона, ночи пива, табачного дыма и разговоров, Фила Брэкни, который выволок его из грязи во Франции; Чарли и Мэри Уиткомб, чай и огонь в камине викторианской Англии; Кейфа и Пинтию Денисон; Джона Сандавала; собаку, которую он однажды завел; божественные стихи Данте и громовой голос Шекспира — всю свою жизнь и жизнь биллионов людей, которые смеялись и плакали, жертвовали собой ради своих сыновей...

Он потряс головой, пытаясь сосредоточиться и отогнать от себя ненужные мысли.

Солдат вернулся с картой и расстелил ее на столе. Ап Геори сделал повелительный жест рукой, и Эверард и Ван Саравак склонились над ней.

Да, это была Земля.

— Ты можешь прочесть эти названия, Ван?

— Могу попытаться угадать на основе иврита, — сказал венецианец.

Он начал читать названия вслух. Ап Геори поправлял его.

Северная Америка до Колумба называлась Инис яр Афаллон, по всей видимости одна страна, разделенная на штаты.

Южная Америка была большим государством Нов Бразеал, и там было несколько маленьких государств, названия которых выглядели индейскими; Австралия, Индонезия, Борнео, Бирма, Восточная Индия; добрая половина Тихого океана принадлежала Хандурану; Афганистан и остальная Индия были Пендиабом.

Ган включал в себя Китай, Корею, Японию и восточную часть России и далеко заходил в Европу. Британские острова назывались Бриттас; Франция и сопредельные страны назывались Галлис, Центральная Европа и Балканы были разделены на множество мелких государств; Швейцария и Австрия назывались Хелвети; Италия была Кимберландом, Скандинавия была разделена посредине: Свея — на севере и Готланд — на юге; Северная Африка выглядела как конфедерация от Сенегала до Суэца и подходила почти к самому экватору под названием Картагалан; южная часть континента была разделена на многие страны, носящие чисто африканские названия. Матрия включала в себя Ближний Восток и Аравийский полуостров.

Ван Саравак оторвался от карты. В его глазах стояли слезы.

Ап Геори выкрикнул вопрос и помахал пальцем около карты. Он хотел знать, откуда они прибыли.

Эверард покачал головой и указал на небо. Единственное, что он не мог сказать, —это правду. Поэтому договорились с Ван Сараваком утверждать, что они с другой планеты. Благо, в этом мире, очевидно, не было космических кораблей.

Ап Геори что-то сказал шефу полиции, который кивнул головой, глядя на пленников. Затем их увели обратно в камеру.

— И что теперь?

Ван Саравак опустился на кровать и уставился на пол.

— Надо приспосабливаться, — хмуро сказал Эверард. — Потом любым способом добраться до скутера и исчезнуть. На свободе руки у нас будут развязаны.

— Но что случилось?

— Говорю тебе, я не знаю! Грубо можно предположить: что-то случилось с греко-римлянами и кельты победили, но я не знаю, чем это вызвано и как это произошло.

Эверард мерил камеру шагами. В нем росло чувство горечи.

— Вспомни основную теорию, — сказал он. — События — это результат комплекса. Единственной причины не существует. Вот почему так трудно изменить историю. Если я вернусь, скажем, в средние века и застрелю одного из предков руководителя ФБР, он все равно родится в конце XIX века, потому что он и его гены происходят от целого мира его предшественников и существует компенсация.

Но иногда, конечно, происходят и ключевые события, заставляющие линии времени повернуть назад, меняя будущее целиком.

Кто-то неизвестным способом привел к такому ключевому событию в далеком прошлом.

— Нет больше моего города, — прошептал Ван Саравак. — Ни каналов в голубых сумерках, ни веселых пирушек, ни... Ты знаешь, что на Венере у меня осталась сестра?

— Заткнись! — Эверард почти закричал на него.

— Я знаю. К черту все это. Надо подумать, что мы можем сделать.

— Послушай, — продолжал он через минуту, — ни Патруля, ни данеллиан больше нет. Не спрашивай меня, почему их «всегда» не было; впервые мы возвращаемся из прошлого в изменившееся будущее. Я не понимаю парадоксов гибкости времени. Мы просто видим это в первый раз, вот и все. Но как бы там ни было, те из отделений Патруля, которые находились за ключевым моментом, уцелели. Могло остаться около сотни агентов, на которых мы можем рассчитывать.

— Если мы к ним сможем вернуться, мы найдем, в чем заключается этот ключевой момент, и остановим вмешательство в историю, чего бы это ни стоило. Мы должны!

— Приятная мысль. Но...

Снаружи послышались шаги. В замке повернулся ключ.

Пленники отпрянули назад. Но буквально через мгновение Ван Саравак уже раскланивался, расшаркивался и делал комплименты. Даже Эверард и тот поклонился.

Девушка, вошедшая в камеру, была потрясающе красива. Она была высокого роста, с копной рыжих волос, спускавшихся ниже плеч до тонкой талии, со светло-зелеными глазами; ее лицо было прекрасно; длинные белые одежды, обернутые вокруг ее фигуры, создавали впечатление, что ей место не здесь, а на стенах Трои.

Эверард заметил, что она слегка подкрашена, хотя вовсе не нуждалась в этом. Он не обратил внимания ни на ее золото и драгоценности, ни на дула пистолетов, направленных на них.

Она слегка улыбнулась и сказала:

— Вы меня понимаете? Мы подумали, что вы знаете греческий.

Она говорила скорее на классическом, чем на современном языке. Эверард, выполнявший однажды работу в Александрии, ясно понял это из ее акцента.

— Я все понимаю, — ответил он, торопясь и радуясь, что наконец-то может объясниться.

— Что ты бормочешь? — настаивал Ван Саравак.

— Древнегреческий, — сказал Эверард.

— Так и должно быть, — простонал венецианец, но довольно кокетливо.

Его отчаяние исчезло, глаза загорелись.

Эверард представил и его и себя. Девушка тоже назвалась:

— Дейдра Мак Морн.

— О нет, — простонал Ван Саравак. — Это уж слишком. Мэнс, научи меня греческому и побыстрее!

— Заткнись, — сказал Эверард. — Это серьезно.

— Ну хорошо, а разве я не могу заниматься ею всерьез?

Эверард перестал обращать на него внимание и предложил девушке сесть. Он расположился рядом с ней на постели, пока несчастный Ван Саравак кружился вокруг них, не находя себе места. Стража держала оружие наготове.

— Разве на греческом еще говорят? — спросил Эверард.

— Только в Партии, а здесь он строго запрещен, — сказала Дейдра. — Я помимо прочего изучаю классические времена. Миниф Ап Геори — мой дядя, и он попросил меня помочь, если вы говорите по-гречески. В Афаллоне немногие знают аттические языки.

— Я... — Эверард выдавил из себя любезную улыбку, — я очень признателен вашему дяде.

Ее глаза храбро оглядели его.

— Откуда вы? И как получилось, что из всех языков вы говорите только по-гречески?

— Я говорю по-латыни.

— Латынь?

Она нахмурилась, вспоминая.

— О, язык римлян, да? Я боюсь, что у нас почти ничего не знают о нем.

Эверард пожал плечами.

— К нам отнеслись не очень любезно, — намекнул он.

— Простите.

Она, казалось, действительно была огорчена.

— Но наш народ такой подозрительный. В особенности сейчас, в такой напряженной политической обстановке, когда вы появились прямо с неба...

Эверард кивнул. Международное положение? Это звучало неприятно знакомо.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Ну, конечно, вы знаете. Неужели нет? Когда Нов Браэеал и Хандуран грозят нам войной и все мы не знаем, что произойдет в следующую минуту... Это нелегко — быть маленькой силой.

— Маленькой силой? Но я видел карту: Афаллон показался мне достаточно большим.

— Мы перестали понимать друг друга еще двести лет назад, во время великой войны с Литторном. Сейчас ни один из наших штатов не может прийти к единому мнению.

Дейдра взглянула ему прямо в глаза.

— К чему притворяться, что вы этого не знаете?

Эверард сглотнул и покачал головой.

— Мы из другого мира.

— Что?

— Да. Планета (нет, по-гречески это значит спутник)... Шар, вращающийся вокруг Сириуса. Так мы называем нашу звезду.

— Разве вы не знаете? Звезда — это тоже солнце...

Дейдра отпрянула назад и сделала пальцами какой-то знак.

— Великий Ваал, защити нас, — прошептала она. — Или вы сумасшедшие, или... Звезды прикреплены к кристаллической сфере.

— О нет!

— Какие из шаров вы видите? — медленно спросил Эверард. — Марс, Венеру и...

— Я не знаю этих названий. Если вы имеете в виду Шолох, Астарий и остальные, то, конечно, они миры, как наш, прикрепленные к солнцу, как и наш. На одном живут души мертвых, на другом — прибежище ведьм, третий...

Эверард улыбнулся дрожащими губами.

— Если вы мне не верите, то как вы думаете, кто я?

Дейдра оглядела его своими большими глазами.

— Я думаю, вы волшебник, — сказала она.

На это нечего было ответить. Эверард задал еще несколько вопросов, но узнал только, что город называется Катувеллаунан, центр торговли и текстильной промышленности. Дейдра определила его население в два миллиона, а всего в Афаллоне — пятьдесят миллионов, но с точностью сказать не могла. Переписей населения здесь не было.

Судьба патрульных была неопределенна, их скутер и остальные вещи забрали военные, но никто из них даже не осмеливается дотронуться до них, и сейчас они вели горячее обсуждение дальнейшей участи пленных. У Эверарда создалось впечатление, что все правительство, включая и главнокомандующего военными силами, было авторитарным и диктаторским.

Сам Афаллон был самым маленьким из федеративных штатов, созданных индейцами и британскими колонистами. Все штаты очень ревностно оберегали свои права. Старая Майанская империя, разрушенная в войне с Техасом (Теханнах) и аннексированная, не забыла еще времен своей славы и посылала во все концы страны своих делегатов.

Майана хотела вступить в союз с Нов Бразеал, возможно из-за неприязни к индейцам. Штаты западного побережья, боящиеся Хандурана, были сторонниками юго-восточной Азиатской империи.

Средний Восток, конечно, оставался нейтральным; восточные штаты пытались присоединиться к Бриттас.

Когда Эверард услышал, что здесь еще существует рабство, хотя и не расовое, он подумал, что люди, изменившие историю, запросто могли быть диктаторами.

Достаточно! Ему хватало мыслей о том, как вытащить себя и Вана из этой западни.

— Мы с Сириуса, — настойчиво говорил он. — Ваши представления о звездах ошибочны. Мы пришли с миром, но если с нами что-нибудь случится, то придут другие и отомстят за нас.

Дейдра выглядела такой несчастной, что он даже вздрогнул.

— Но они пощадят детей? — взмолилась она. — Дети ни в чем не виноваты.

Эверард мог представить себе, какую картину вообразила себе Дейдра: маленькие плачущие пленники идут в рабство на планету ведьм.

— Если нас отпустят и наше имущество возвратят, то вообще не будет никакой беды, — сказал он.

— Я поговорю с дядей, — пообещала она. — Но даже если я и упрошу его — он ведь только один из многих в Совете. Мысль о том, что могут сделать ваши ружья в предстоящей войне, казалось, свела всех с ума.

Она поднялась. Эверард пожал ее руки — они были мягкими и теплыми — и улыбнулся.

— Выше нос, детка, — сказал он по-английски.

Она задрожала, вырвалась и сделала пальцами какой-то знак.

— Ну что ж, — сказал Ван Саравак, когда они остались одни, — что ты узнал?

Выслушав рассказ, он затеребил подбородок и сказал:

— Мир мог быть и хуже.

— Или лучше, — грубо оборвал его Эверард. — У них нет атомных бомб, но у них нет и пенициллина. Наша работа не в том, чтобы играть в богов.

— Нет, нет, ты меня не понял.

Венецианец вздохнул.

ГЛАВА 4

Они провели беспокойный день. Когда наступила ночь, в коридоре зажглись огни и сторож в военной форме отпер дверь их камеры. Пленников в молчании повели к запасному выходу, где уже ждали два автомобиля; их посадили внутрь, и процессия двинулась вперед.

Катувеллаунан не был освещен, особенного движения по ночам тоже не наблюдалось. В темноте город выглядел обыкновенным. Эверард обратил внимание на конструкцию автомобиля. Как он правильно угадал, это паровой автомобиль, в топке которого сжигали уголь; колеса были резиновые; легкий в управлении, он был все же неважно сконструирован.

Они пересекли неуклюжий стальной мост, ведущий в Авлеиду, — в этом мире место, где жили только богатые люди.

Несмотря на тусклый свет, который бросали вперед фары, работающие на масле, скорость автомобиля была высокой.

Дважды они чуть было не врезались в другие машины: никаких дорожных знаков, конечно, не было, и, казалось, водители мало заботились об осторожности.

Правительство в Данасаис... гм... Все это выглядело на французский манер, исключая, конечно, те редкие периоды, когда во Франции правили Генрих Наваррский и Шарль де Голль. И даже в собственном веке Эверарда Франция была по существу кельтской. Он никогда не был поклонником диких теорий о преобладании одной нации над другой, и все же в западном мире народ окончательно потерял всякое значение.

Да, вспоминая Ирландию его времени или возникновение Венециагиторикского восстания... Но как насчет Гитторна? Минутку, минутку! В его ранние средние века Питурания была могущественным государством; она долго сдерживала немцев, поляков и русских и даже не принимала христианства до XV века! Если бы не было сопротивления немцев, Питурания легко могла бы распространиться на восток...

Несмотря на нестабильную кельтскую политику, это был мир больших государств, содержащих меньше отдельных наций, чем в мире Эверарда. Если бы его собственная западная цивилизация развивалась из отмиравшей Римской империи, скажем в 800 году нашей эры, кельты в этом мире должны были победить еще раньше.

Эверард начал понимать, что произошло с Римом, но оставил проверку своих заключений до лучших времен. Автомобили въехали в широкие ворота с орнаментом, находящиеся в длинной каменной стене. Шоферы что-то сказали двум вооруженным стражникам, носящим ливреи частного владельца и стальные ошейники рабов. Их пропустили, и машины помчались среди лужаек и деревьев. В дальнем конце двора, почти у самого пляжа, стоял дом. Эверарду и Ван Сараваку жестами приказали следовать туда.

Это было деревянное строение. Газовые лампы на крыльце плохо освещали его, но можно было разобрать, что дом выкрашен краской, а концы его крыши венчает нечто похожее на головы драконов. Совсем близко слышался шум моря, и при свете луны Эверард разглядел качающееся на волнах судно с высокой трубой.

Окна строения были желтыми. Раб-дворецкий провел их в дом.

На полу холла лежал ковер, стены были резными, из како-

го-то темного дерева. В конце холла находилась гостиная, забитая мебелью.

Миниф Ап Георн сидел в одном кресле, Дейдра — в другом. Когда они вошли, девушка отложила книгу и улыбаясь встала. Генерал курил сигарету. Он произнес несколько слов, и стражники исчезли.

Дворецкий внес поднос с вином, и Дейдра пригласила патрульных присесть.

Эверард отпил из своего бокала — вино оказалось великолепным бургундским — и прямо спросил:

— Зачем мы здесь?

Дейдра успокаивающе улыбнулась.

— Думаю, что вам здесь будет приятнее, чем в тюрьме.

— Конечно, и более удобно. Но я все-таки хочу знать: нас освободили?

— Вас...

Она колебалась, подыскивая подходящий дипломатический ответ.

— Мы рады, что вы здесь, но вам нельзя покидать эти владения. Мы надеемся, что сумеем вас убедить помочь нам. Вы будете щедро вознаграждены.

— Помочь? Как?

— Надо научить наших искусников и друидов делать такое же волшебное оружие и такие же машины, как у вас.

Эверард вздохнул. Объяснять было бесполезно. У них не было ничего для изготовления оружия и машин, но как он мог объяснить это народу, который верит в ведьм?

— Это дом вашего дяди? — спросил он.

— Нет, мой собственный, — сказала она. — Я единственный ребенок у своих родителей, которые были очень знатны. Они умерли в прошлом году.

Ап Георн что-то спросил ее. Дейдра перевела, но лицо ее было хмурым:

— Сказка о вашем прибытии разнеслась по всему Катувеллаунану, а значит, дошла и до иностранных шпионов тоже. Мы надеемся, что сможем вас здесь скрыть от них.

Эверард, вспомнив историю своего мира, внутренне задрожал. Он понимал, что люди, стремящиеся развязать войну, во что бы то ни стало попытаются добраться до них и будут уже не так гостеприимны, как афаллонцы.

— В чем заключается тот конфликт, о котором вы нам говорили? — спросил он.

— Контроль над Индийским океаном. В частности, над группой богатейших островов, которые мы называем Инисир Хиониак.

Дейдра поднялась с кресла одним легким движением и указала на глобусе Гавайи.

— Видите ли, — откровенно продолжала она, — как я уже говорила, Литторн и западные союзники подбивают друг друга на войну. Основные же могущественные державы — Нов Бразеал и Хандуран. Их ссора распространилась на маленькие государства, потому что тут вопрос не только в тщеславии, но и в выяснении, чья система управления лучше: монархии Хандуран или теократии Нов Бразеал.

— Могу я спросить, какова ваша религия?

Дейдра поморщилась. Вопрос явно показался ей несущественным.

— Наши ученые думают, что существует великий Ваал, который создал всех других богов, — наконец медленно ответила она. — Но, естественно, мы поддерживаем древних кельтов и уважаем также и богов других стран; например, в Дитторое — Меркунаса и Ченебога, в Кимберланде — Аммона, Брахму, Солнце... Лучше не испытывать их терпение и не говорить о таких вещах.

— Понятно.

Ап Геори предложил им сигареты и спички.

Ван Саравак затянулся и игриво сказал:

— Черт, почему история поменялась именно по такой мировой системе, что я не знаю здесь ни одного языка?

Потом он повеселел:

— Но я быстро выучу, даже без гипноза. Я попрошу, чтобы Дейдра была моей учительницей.

— И твоей и моей, — быстро сказал Эверард. — Но послушай, Ван.

Он быстро пересказал ему содержание разговора.

— Гм... гм...

Молодой человек потер подбородок.

— Ничего хорошего, а? Конечно, если только они дадут нам добраться до скутера, то мы легко ускользнем. Почему бы не подлаживаться под них?

— Они не такие дураки, — сказал Эверард. — Они могут верить в магию, но не в бескорыстность.

Странно, что они настолько умственно отстали и все же используют такую технику.

— Нет, это как раз вполне понятно. Потому-то я и спросил об их религии. Она всегда была языческой: даже иудаизм и то

исчез, а буддизм не обладает большим влиянием. Как доказал Уайтхэд, идея средних веков о едином боге дала толчок науке, внушив ей представление о законах природы. А Льюис Мэмфорд добавил, что ранние монастыри были, вероятно, первыми в мире, открывшими механические часы, только потому, что регулярно становились на молитву. В этот мир часы, кажется, пришли значительно позже.

Эверард сухо улыбнулся, хотя ему было очень грустно.

— Странно мы с тобой разговариваем. Уайтхэда и Мэмфорда никогда не было.

— И все-таки...

— Подожди минутку, — Эверард повернулся к Дейдре.

— Когда был открыт Афаллон?

— В 4827 году.

— Гм... откуда вы знаете исчисление?

Дейдра уже не обращала внимания на их невежество.

— С создания мира. По крайней мере с той даты, которую философы считают таковой. 6964 года назад. Что совпадает со знаменитой датой епископа Ушера 004 до нашей эры. Возможно, это простое совпадение... Но все-таки в этой цивилизации определенный семитский элемент. Легенда о вавилонянах была того же происхождения.

— А когда пар впервые стал двигать ваши машины?

— Около тысячи лет назад: великий друид Вороихм О'Фиона...

— Неважно...

Эверард курил сигарету и что-то обдумывал. Потом он повернулся к Ван Сараваку.

— Я начинаю понимать. — сказал он. — Большинство думало, что галлы не более чем самые обыкновенные варвары. Но они многому научились у финикийских торговцев и у этрусков. Очень энергичная и воинственная раса.

Римляне обладали, вероятно, незначительным интеллектом. В нашей истории наблюдался слабый технологический прогресс к тому времени, как распалась Римская империя.

В этой истории римляне исчезли рано. Так же, я в этом уверен, как и евреи. А произошло вот что: без поддержки могущественного Рима победу удалось одержать ассирийцам. Даже в нашей истории это едва не произошло. Иудаизм исчез, и, следовательно, не появилось и христианство. Но, как бы то ни было, без существования Рима галлы получили большое преимущество. Они завоевали несколько государств, строили лучшие корабли и в IX веке открыли Америку.

Но они не настолько превосходили индейцев, чтобы подчинить их и построить такое монолитное государство, как Нов Бразеал сейчас, без их помощи. В XI веке кельты открыли паровой двигатель... У них, наверное, есть и порох из Китая, и некоторые другие изобретения. Но все это обычный метод проб и ошибок, без всякой научной основы.

Ван Саравак кивнул.

— Я думаю, ты прав. Но что случилось с Римом?

— Пока еще не знаю. Но ключевой момент именно там.

Он повернулся к Дейдре.

— Это может удивить вас, — сказал он мягко. — Наш народ прилетал в ваш мир 2500 лет назад. Вот почему я говорю по-гречески, но не знаю, что произошло с тех пор. Я бы хотел узнать это от вас: как я понимаю, вы в этом мире большой ученый.

Она покраснела и опустила свои длинные ресницы.

— Буду рада помочь вам всем, чем могу. Но поможете ли вы нам тоже?

— Не знаю, — значительно ответил Эверард. — Я бы хотел вам помочь, но не знаю, сумею ли.

«Потому что мой долг — уничтожить вас и ваш мир навсегда», — подумал он.

ГЛАВА 5

Когда Эверарда проводили в его комнату, он оценил их безграничное гостеприимство. Сам Мэнс был слишком усталым и подавленным, чтобы воспользоваться всем... Но по крайней мере рабыня Вана не уйдет от него разочарованной.

Встали они рано. Из своего окна наверху Эверард видел стражников, расхаживающих по берегу. Вместе с Ван Сараваком он сошел вниз к завтраку, состоящему из бекона, яиц, тостов и крепкого кофе, прогнавшего остатки сна.

Дейдра сказала, что Ап Геори уехал обратно в город на совещание. Она откинула свою подозрительность, забыла о своих страхах и весело болтала. Эверард узнал, что она, оказывается, играла в любительском драматическом театре, который всегда ставил классические греческие пьесы в оригинале; любила ездить верхом, охотиться, плавать.

— Кстати, хотите искупаться? — спросила она.

— А?

— Поплавать в море.

Дейдра вскочила с кресла, стоявшего на красивой лужай-

ке, где они дружелюбно беседовали под густыми кронами деревьев. Она совершенно непринужденно принялась скидывать с себя одежду. Эверарду показалось, что он расслышал стук вывалившейся челюсти Ван Саравака.

— Пошли! — засмеялась она. — Последнее купание в Саснахе!

Она уже окунулась в белый прибой, когда к берегу подошли Эверард и Ван Саравак. Ван Саравак застонал:

— Я из жарких мест. Мои предки были индонезийцами. Тропические птички.

— В твоем роду были и датчане, не правда ли? — ухмыльнулся Эверард.

— У них хватило ума перебраться в Индонезию.

— Ну что ж, оставайся на берегу.

— Черт! Если может она, то могу и я!

Ван Саравак попробовал воду кончиками пальцев ног и вновь застонал.

Эверард собрал всю свою волю и побежал в воду. Дейдра обрызгала его. Он глубоко нырнул, схватил девушку за красивую ногу и потянул ее вниз. Они дурачились в воде несколько минут, потом выскочили на берег и побежали в дом под горячий душ. Ван Саравак, что-то бормоча, последовал за ними.

— Танталовы муки, — бормотал он, — ничто по сравнению с этими. Самая красивая девушка в мире, а я, наполовину белый медведь, не могу поговорить с ней.

Докрасна растертый и одетый в местную одежду услужливыми рабами, Эверард прошел в гостиную к пылающему очагу.

— К чему это? — спросил он, указывая на свой широкий, сделанный из шотландки пояс.

Дейдра подняла свою рыжую голову.

— Это пояс, обозначающий принадлежность к клану. Почетный гость — всегда член клана, даже если нет кровного родства и даже если ты будешь когда-нибудь врагом этого гостя. А мы не враги, Мэнслах.

Эти слова опять повергли его в плохое настроение. Он вспомнил, какова его цель.

— Я бы хотел узнать вашу историю, — сказал он. — Я всегда интересовался историей.

Она кивнула, поправила золотистую заколку в волосах и сняла с полки, заставленной книгами, одну из них.

— Я думаю, что это самый лучший учебник истории мира. Он содержит почти все, даже мельчайшие детали.

«И заодно подскажет мне, как уничтожить ваш мир», — мелькнуло в мозгу Эверарда.

Эверард уселся рядом с ней на диван. Дворецкий принес поднос с пищей. Мэнс ел машинально, не чувствуя вкуса.

— Скажи, — сказал он наконец, — Рим и Карфаген воевали друг с другом?

— Да. Два раза. Римляне выиграли первую войну и попытались уничтожить Карфаген.

Ее красивый профиль склонился над книгой, и она немного напоминала школьницу.

— Вторая война разразилась через двадцать три года и продолжалась... гм... одиннадцать лет, хотя последние три года, после того как Ганнибал уничтожил Рим, это уже нельзя было считать войной.

— О-о-ох! — Хоть Эверард и выяснил, в чем дело, особенно счастливым он не выглядел.

Вторая война (они здесь называли ее римской войной) — или, скорее, какой-нибудь поворотный пункт перед войной — была тем самым ключевым моментом, изменившим историю. Но частично из-за любопытства, частично из-за нелепой боязни Эверард сразу же попытался определить, в чем же заключалось *отклонение. Сначала в его мозгу должно было уложиться*, что же случилось на самом деле. Нет... Чего не случилось. Реальность была рядом с ним, теплая от его дыхания, сам же он был духом.

— Что же было дальше? — бесстрастно спросил он.

— Карфагенская империя включала в себя Теванию, южную Галлию и Итальянский сапог, — сказала она. — После того как было свергнуто римское владычество, остальная часть Италии стала раздробленной и хаотичной. Но правительство Карфагена оставалось сильным. Сам Ганнибал был убит человеком, который считал, что его честность им мешает. Тем временем Сирия и Партия воевали за восточное побережье Средиземного моря. Партия победила и попала под еще более сильное влияние греков, чем когда-либо.

Примерно через сто лет римской войны на Италию напали германские племена (наверное, те, что в мире Эверарда были остановлены Марием). Те поражения, которые эти племена нанесли галлам, заставили кельтов переселиться в основном в Испанию и Северную Африку, разрушая Карфагенскую империю. А от Карфагена галлы научились многому.

Последовал долгий период войны, в течение которого Партия отдавала свои территории, а государство кельтов росло.

Гунны разбили немцев в Тэроне, но в свою очередь были побеждены Партией. На побежденные территории вошли галлы, немцы были оттеснены в Италию и Гиперборей (должно быть, в Скандинавию).

Начали строиться большие корабли, увеличивалась торговля с Дальним Востоком, Аравией и Африкой (в истории Эверарда Юлий Цезарь был изумлен, увидев, что венецианцы строят самые лучшие корабли на всем Средиземном море).

Кельты открыли северный Афаллон, думая, что это остров, но они были побеждены сайанцами. Бриттские колонии на дальнем севере, однако, отвоевали свою независимость.

Тем временем набирал силу Литторн. Это государство постепенно завоевало большую часть Европы. Только западная часть континента сохранила независимость в результате соглашения после тех столетних войн, о которых я уже говорила. Азиатские страны, боясь своих европейских соседей, быстро развивались, а западные пришли в упадок.

Дейдра подняла голову от книги, из которой она черпала сведения для своего рассказа.

— Но все это только основная линия нашего развития, Мэнслах. Продолжать?

Эверард покачал головой:

— Нет, спасибо.

После минутной паузы он сказал:

— Вы очень честно рассказываете о положении вещей на вашей родине.

— Многие из нас не признают этого, но я предпочитаю смотреть правде в глаза, — резко ответила Дейдра.

Более мягким тоном она добавила:

— Но расскажите и мне о вашем мире. В него трудно даже поверить.

Эверард вздохнул, призвал на помощь свое воображение и начал лгать.

ГЛАВА 6

Нападение произошло после обеда.

Ван Саравак наконец-то приободрился и занимался с Дейдрой изучением афаллонского языка. Они шли по саду взявшись за руки и называли различные предметы, останавливались и выясняли глаголы движения. Эверард плелся за ними, думая о том, что он третий лишний, и одновременно пытаясь сообразить, как добраться до скутера.

На безоблачном небе сияло солнце. На траве валялись желтые листья. Пожилой раб медленно подметал сад, стражник, по-видимому индейской расы, стоял с ружьем наизготовку, у ограды бегали собаки.

Это была такая мирная картина, что с трудом верилось, что за этими стенами люди готовились убивать друг друга.

Но люди остаются людьми во все времена. Этот народ, возможно, и не отличался грубостью и утонченной жестокостью западной цивилизации, в некоторых отношениях он выглядел совсем невинным. И все же это происходило не от отсутствия желания и попыток научиться быть жестокими. И в этом мире наука может никогда не развиться, люди будут бесчисленно повторять цикл войн: империи, разруха и снова войны. В будущем Эверарда люди в конце концов отошли от этого.

Для чего? Он не мог честно сказать, что этот континуум лучше или хуже его собственного. Он был другим — вот и все, и разве эти люди не имели таких же прав на существование, как и его собственный народ, которого никогда не будет, если его попытка не удастся. Он сжал кулаки. Это было тяжело. Один человек не имеет права решать такой вопрос. Потом, он знал это, Мэнс не будет вспоминать об удачно выполненной работе, он будет помнить только маленький народ, который уничтожил. Они обошли дом, и Дейдра указала на море.

— Авериан, — сказала она.

Ее распущенные волосы развевались по ветру.

— Что это значит? — рассмеялся Ван Саравак. — Атлантический океан или просто вода? Пойдем посмотрим.

Он потянул ее к пляжу. Эверард следовал сзади. На волнах, недалеко от берега, плыл паровой кораблик, небольшой и быстрый. Он подумал, что, если бы охрана пленников была поручена ему, обязательно выставил бы пикет из нескольких кораблей. Решится ли он когда-нибудь? В доримское время было немало отделений Патруля. Они могут вернуться в свои эпохи, увидеть, что случилось, и...

Эверард напрягся. Холодный озноб пробежал по его спине. Они вернутся, увидят, что случилось, и попытаются поправить беду. Если у кого-нибудь из них это получится, то этот мир будет стерт, выброшен из пространства-времени, и он вместе с ним.

Дейдра остановилась. Эверард, весь в поту, не видел, на что она уставилась, пока она не закричала и не указала на предмет рукой. Тогда он присоединился к ней и взглянул на море. Пароход был уже совсем близко от берега, из его большой трубы

шел дым, над ним развевался какой-то флаг. Он увидел на берегу людей, а в небе что-то белое, с крыльями. Планер! Кельтская аэронавтика открыла, правда, примитивный, но способ путешествия по воздуху.

— Прекрасно, — сказал Ван Саравак. — Воздушные шары у них наверняка тоже есть.

Планер медленно поднялся в воздух. Один из стражников на берегу закричал. Остальные выбежали из дома. Солнце блестело на их ружьях. Корабль шел прямо к берегу. Планер приземлился на пляж.

Стражник закричал и замахал патрульным, призывая их назад. Эверард краем глаза увидел белое и как бы застывшее лицо Дейдры. Затем на корабле мелькнула вспышка и прорычала пушка. Эверард моментально упал на живот. Ван Саравак последовал его примеру.

Отовсюду раздались выстрелы. Из планера выскочили люди с темными лицами в тюрбанах и саронгах. Они на ходу стреляли в уцелевших стражников, окружавших капитана. Этот капитан отдавал команды, и уцелевшие стражники кинулись к планеру. Ван Саравак вскочил на ноги и кинулся туда. Эверард перекатился на спину, поймал его за лодыжку и с силой дернул, не давая присоединиться к дерущимся. Ван Саравак упал.

— Пусти меня!

Венецианец катался по земле, пытаясь освободиться. По всему пляжу, красному от крови, валялись убитые и раненые. Шум сражения, казалось, был слышен повсюду.

— Лежи ты, кретин! Неужели ты не понимаешь, что им нужны именно мы...

Внимание Эверарда отвлекла перестрелка, начавшаяся с удвоенной силой. Корабль подошел к самому берегу, и оттуда выскакивали все новые и новые люди с оружием в руках.

Слишком поздно. Афаллонцы поняли, что они окружены со всех сторон.

— Скорей! Нам нужно уходить отсюда!

Эверард вскочил, поднимая Дейдру и Ван Саравака на ноги. Часовой на корабле увидел его и махнул рукой. Мэнс скорее чувствовал, чем слышал, как позади него в землю вонзались пули. Рабы истерически кричали, когда они приближались к дому.

Ползти, бежать зигзагами, потом через стену и на дорогу! У Эверарда это получилось бы, но Дейдра споткнулась и упала. Ван Саравак остановился, чтобы поддержать ее. Пришлось

остановиться и Эверарду, а потом было уже поздно. Их увидели!

Предводитель темнокожих что-то резко сказал девушке. Она села и дерзко ему ответила. Он коротко рассмеялся и указал пальцем на пароход.

— Чего они хотят? — спросил Эверард по-гречески.

— Вас.

Она взглянула на него в ужасе.

— Вас двоих...

Офицер опять что-то сказал.

— И меня как переводчицу... Нет!

Она вырвалась из рук солдата, когда ее схватили, высвободила одну руку и вцепилась ему в лицо. Кулак Эверарда врезался в лицо какого-то человека. На его голову опустился приклад ружья, и он почувствовал, как его тащили на пароход.

ГЛАВА 7

Темнолицые оставили планер на берегу, столкнули свой маленький пароход в воду и стали удаляться от берега. Убитых и раненых стражников они оставили валяться на пляже, а своих людей подобрали. Эверард сидел в кресле на палубе и смотрел постепенно яснеющими глазами на удаляющийся берег. Дейдра плакала на плече Ван Саравака, и венецианец пытался успокоить ее. Их лица обдувал холодный ветер.

Когда с капитанского мостика спустились два белых человека, Эверард сразу же вышел из охватившего его оцепенения. Нет, они все-таки не были азиатами. Европейцы! И сейчас, приглядевшись получше, он увидел, что и у остальных членов команды были лица с кавказскими чертами. Их коричневый цвет кожи просто результат загара. Мэнс встал и слабо приветствовал своих новых хозяев. Один из них был человеком лет сорока, среднего роста, в красной шелковой рубашке, холщовых белых брюках и широкополой шляпе. Он был чисто выбрит, и его черные волосы тщательно уложены. Другой был значительно моложе: светловолосый гигант в тунике с полосками кожи, брюках, кожаной куртке и в раскрашенном боевом шлеме. У обоих на поясах были револьверы, и матросы почтительно отвечали им.

— Какого черта!

Эверард еще раз огляделся. Земля уже исчезла из виду, и они круто отклонялись к северу. Мотор работал на полную мощность, корабль зарывался носом в волны, и брызги летели

на его палубу. Мужчина средних лет заговорил сначала на афаллонском. Эверард пожал плечами. Затем попытку сделал светловолосый гигант, сначала на совершенно незнакомом Эверарду диалекте, но потом спросил:

— Таэлан ту Кимбрин?

Эверард, который знал несколько германских языков, попытался объясниться, в то время как Ван Саравак, у которого в жилах текла датская кровь, навострил уши. Дейдра попятилась назад с широко раскрытыми глазами.

— Ка, — сказал Эверард. — Фин ненинг.

Когда светловолосый взглянул на него, он сказал:

— Немного.

— Ах, айн литт. Ходе!

Гигант потер руки.

— Иа хайх Боерик Вульфилассон окмайя геофреенд хипер арран Болеслав Аркенский.

Такого языка Эверард никогда в жизни не слышал — это не мог быть древнеуэльский язык, благо прошло столько веков, а он легко понимал своего собеседника.

— Что арран вам надо? — угрожающе спросил он. — Их бин ауф Сириус, звезда Сириус мит планетен ак ал. Отпустите нас или виялен Тертейфель заплатит!

Боерик Вульфилассон чувствовал себя не в своей тарелке и предложил продолжить разговор в каюте с молодой девушкой-переводчицей. Он провел их в коридор, а из него — в комфортабельный салон. Дверь осталась открытой, и перед ней стоял стражник. Болеслав Аркенский сказал что-то Дейдре по-афаллонски. Она кивнула головой, и он налил ей стакан вина. Ее это, казалось, успокоило, но говорила она слабым голосом.

— Мы попали в плен, Мэнслах. Их шпионы узнали, где вы находитесь. Другие люди должны украсть вашу машину. Они также знают, где она находится.

— Так я и думал, — сказал Эверард. — Но кто они такие?

На вопрос ответил Боерик и долго хвалил свой собственный ум. Его мысль заключалась в том, чтобы правители Афаллона должны были думать, что нападение провели хандуранцы. В действительности же секретное сотрудничество между Литторном и Кимберландом помогло им наладить великолепную шпионскую систему, и сейчас они направлялись в летнее литтрианское посольство на Инас Планголен, где волшебники смогут проявить и объяснить свое могущество.

— А если мы этого не сделаем?

Дейра перевела ответ Аркенского слово в слово.

— Я сожалею о последствиях. Мы цивилизованный народ и умеем платить и честью, и золотом за помощь, когда она делается добровольно. Но мы можем и заставить вас помогать нам. На карту поставлено существование государства.

Эверард внимательно взглянул на них. Боерик выглядел смущенным и неуверенным, он отводил глаза в сторону. Болеслав Аркенский стучал по столу пальцами, его губы были сжаты, а в глазах можно было прочесть просьбу: «Не заставляйте нас поступать так. Мы можем быть друзьями, нам тоже надо жить».

Они, наверное, были мужьями и отцами, любили пропустить по кружке пива и сыграть в карты. Но, когда была затронута судьба государства, ничто не могло остановить их.

Эверард вспомнил, насколько точно и быстро была проведена операция по их захвату. Он не знал, что делать. Пароход двигался быстро, но, если он правильно помнил карту, плыть им оставалось еще часов двадцать. Времени на обдумывание вполне хватало.

— Мы устали, — сказал он по-английски. — Можем мы отдохнуть?

— Иа, диадли, — облегченно сказал Боерик. — Он вар скаллея годе гефреон бин, ни?

Солнце садилось. Дейдра и Ван Саравак стояли на палубе, глядя на бесконечные просторы волн. Трое матросов, переодевшись в свои настоящие одежды, стояли сзади с ружьями наготове. Один матрос был у компаса, Боерик и Эверард прохаживались по палубе. На всех были теплые куртки от ветра.

Эверард делал некоторые успехи в кембрийском языке. Язык еще с трудом слушался его, но понимания он достиг. Хотя в основном говорил Боерик.

— Так вы со звезд? Этого я не понимаю. Я простой человек. Если бы я только мог, я уехал бы к себе в Тускан и жил бы там, а мир пусть сходит с ума. Но у каждого из нас есть обязанности перед государством.

— Я понимаю вас, — сказал Эверард. — Странно, что столько людей должно сражаться, хотя немногие хотят войны.

— О, но это необходимо. Афаллон захватил Египет, нашу собственность.

— Времена повторяются, — прошептал Эверард.

— Что?

— Нет, нет, ничего. Поэтому вы, кембрийцы, заключили

союз с Литторном и хотите захватить Европу и Африку, пока большие и могущественные государства дерутся на Востоке.

— Вовсе нет! — горячо возразил Боерик. — Мы просто восстанавливаем наши исторические территориальные права. Сам король сказал...

И так далее, и так далее...

Эверард подошел к борту и облокотился на поручень.

— Мне кажется, что вы обращаетесь с нами, волшебниками, довольно плохо, — сказал он. — Смотрите, как бы мы по-настоящему не рассердились.

— У нас есть заклинания против колдовства. Но я бы очень хотел, чтобы вы помогли нам добровольно. Я могу доказать вам, как справедливо наше дело, если вы согласитесь выслушать меня внимательно.

Эверард покачал головой, отошел от борта и направился к Дейдре. Ее лицо пылало в сгущающихся сумерках, и в голосе была ярость.

— Я думаю, вы сказали ему, куда он может катиться со своими планами, Мэнслах? — спросила она.

— Нет, — ответил Эверард утомленно. — Мы собираемся помочь им.

Она вздрогнула, словно он ее ударил.

— Что ты говоришь, Мэнс? — спросил Ван Саравак.

Эверард рассказал ему.

— Нет! — сказал венецианец.

— Да, — сказал Эверард.

— Бог мой, нет! Я...

Эверард схватил его за руку и холодно произнес:

— Успокойся. Я знаю, что делаю. Мы не можем становиться ни на чью сторону, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Единственное, что мы можем сейчас, — это подлаживаться к ним. И не говори этого Дейдре.

Ван Саравак склонил голову и задумался.

— Хорошо, — угрюмо сказал он.

ГЛАВА 8

Резиденция Литторна находилась на южном склоне острова, рядом с рыбацкой деревушкой, но была отгорожена от нее стеной. Дом посольства был выстроен в том же стиле, что и у них на родине. Когда они подходили к пирсу, Эверард успел позавтракать под гневными взглядами Дейдры, что отнюдь не ухудшило его аппетит.

Возбужденный Аркенский сказал по-афаллонски:

— Видите, вашу волшебную машину уже привезли. Вы можете сразу же нам все показать.

Когда Боерик перевел эти слова, сердце Эверарда забилось сильнее.

Гости, как кембрийцы называли их, были проведены в огромную комнату, где Аркенский преклонил колени перед идолом с четырьмя лицами. В камине горел огонь, но глаза Эверарда были прикованы к скутеру, поблескивавшему на полу.

— Я слышал, что нашим пришлось-таки здорово подраться, чтобы заполучить эту вещь, — обронил Боерик. — Многие были убиты, но нам все же удалось это.

Он опасливо дотронулся до ручки скутера.

— И эта повозка действительно может появиться в любом месте прямо из воздуха?

— Да, — сказал Эверард.

Дейдра взглянула на него с таким упреком, с каким до этого не смотрела ни одна женщина. Она нарочно стала подальше от него и Ван Саравака.

Боерик вздохнул и сказал Эверарду:

— Мы хотим, чтобы вы продемонстрировали нам действие этой машины. Я предупреждаю вас, что приставлю револьвер к вашей спине. Вы будете говорить мне заранее, что собираетесь делать, и, если потом вы не сделаете этого, я выстрелю. Ваши друзья останутся здесь как заложники и тоже будут убиты при первом подозрении. Но я уверен, — добавил он, — что мы все останемся добрыми друзьями.

Эверард кивнул. Нервы его были напряжены до предела. Ладони стали холодными и мокрыми.

— Сначала я должен прочесть заклинание, — сказал он.

Его глаза блеснули. Одним взглядом он окинул счетчики пространства-времени, рукоятки и кнопки. Затем взглянул на Ван Саравака, сидящего под дулом пистолета Аркенского и ружьями стражников.

Дейдра сидела на том же диване, стараясь отодвинуться от него как можно дальше. Эверард хорошенько запомнил, как они сидят, затем подошел к скутеру, поднял руки и сказал на темпоральном:

— Ван, я попытаюсь вытащить тебя отсюда. Не двигайся ни на миллиметр. Мне придется подхватить тебя с воздуха. Если все пройдет, как задумано, я вернусь за тобой через минуту после того, как разделаюсь со своим белокурым компаньоном.

Венецианец сидел с совершенно бестрастным лицом, но на его лбу выступили большие капли пота.

— Очень хорошо, — сказал Эверард на своем кембрийском. — Садитесь сзади, Боерик, и мы поедем на этой волшебной лошади.

Светловолосый гигант кивнул и повиновался. Когда Эверард садился впереди, он почувствовал, как ему в спину уперлось дрожащее дуло пистолета.

— Скажите Аркенскому, что мы вернемся через полчаса, — инструктировал он.

Время в этом мире исчисляется точно так же, как и в его собственном, и там и тут заимствованное у вавилонян. Когда Боерик передал его слова, Эверард сказал:

— Прежде всего мы возникнем из воздуха прямо над океаном и остановимся там.

— Х-х-х-о-орошо, — сказал Боерик.

Его голос звучал нетвердо.

Эверард поставил рычаги пространства на 10 миль к востоку и тысячу футов высоты и повернул основную ручку.

Они сидели как ведьмы на помеле, глядя на сине-зеленые волны и дымку далекой земли. Был сильный ветер, и Эверард плотнее уселся в кресле.

— Ну, — спросил он,. — как вам это нравится?

— Это... это чудесно!

Постепенно привыкая, Боерик уже перестал бояться, и в голосе его прибавилось бодрости.

— Наши воздушные шары перед этим ничто. С такими машинами мы разрушим все вражеские города, запалим их.

После этих слов Эверарду стало легче при мысли о том, что он собирается сказать.

— Сейчас мы полетим прямо, — объявил он, и скутер рванулся вперед.

Боерик восхищенно кричал.

— А сейчас мы сделаем огромный прыжок прямо к вашей родине.

Эверард нажал на кнопку маневренности. Скутер с бешеной скоростью начал описывать мертвую петлю, сделав резкий рывок. При этом Мэнс краем глаза увидел человека, падающего в море, и пожалел, что был вынужден прибегнуть к этому. Затем Эверард дал себе отдых, покачиваясь у самой поверхности воды. Руки его слегка дрожали. А если бы Боерик успел выстрелить? Второй его мыслью было ощущение вины. Он отогнал от себя эти мысли и сконцентрировался на проблеме спасения Ван Саравака.

Он поставил веньеры пространства на расстояние в один фут от того места, где находились пленники, время — одна минута после того, как они отбыли. Правая рука лежала на панели управления — ему предстояло переключить рукоятки как можно быстрее, а левую он оставил незанятой.

— Ну что ж, поехали!

Машина возникла, чуть не сбив с ног Ван Саравака. Эверард схватил венецианца за тунику и притянул внутрь пространственно-временного поля, в то время как правая рука его нажимала на кнопки и поворачивала основную рукоятку управления.

От металлической поверхности скутера отскочила пуля. Эверард успел увидеть, как что-то кричит Аркенский. А затем все исчезло, и они лежали на покрытом травой холме, спускающемся к пляжу. Две тысячи лет назад. От нервного напряжения он упал головой на панель управления и расслабился. В чувство его привел крик. Он обернулся и увидел Ван Саравака, распростертого на склоне холма. Одна рука его все еще продолжала обнимать талию Дейдры.

Дул сильный ветер, на море танцевали серые барашки, по небу неслись облака.

— Не могу сказать, что упрекаю тебя, Ван.

Эверард прислонился к скутеру, глядя в землю.

— Но это усложняет наше положение.

— Что мне оставалось делать? Оставить ее с этими негодяями или спокойно смотреть, как она исчезает вместе со своим миром?

— Вспомни, как работает внушение, сделанное всем еще в Академии. Без разрешения мы не можем сказать ей правды, даже если и захотим. А я к тому же и не хочу.

Эверард взглянул на девушку. Она стояла тяжело дыша, с безумным выражением на лице. Ветер растрепал ее волосы. Она затрясла головой, как бы пытаясь освободиться от кошмара, подбежала к патрульным и схватила их за руки.

— Прости меня, Мэнслах, — выдохнула она. — Я должна была знать, что ты не предашь нас.

Она поцеловала их обоих. Ван Саравак с готовностью ответил на поцелуй, но Эверард никак не мог заставить себя это сделать. Он вспомнил об Иуде.

— Где мы? — продолжала она. — Похоже на Планголен, но нет жителей. Или вы привезли меня на Счастливые острова?

Она подпрыгнула на одной ноге и исполнила вокруг цветов незатейливый танец.

— Можно нам отдохнуть здесь немного, прежде чем мы вернемся домой?

Эверард тяжело вздохнул.

— У меня для вас плохие новости, Дейдра, — сказал он.

Она замолчала. Мэнс увидел, как она вся сжалась.

— Мы не можем вернуться.

Девушка молча ждала.

— Это... заклинание, которое мне пришлось использовать, чтобы спасти нашу жизнь. У меня не было выбора. Но эти заклинания сделали так, что мы не можем вернуться назад.

— Никакой надежды?

Он едва расслышал ее слабый голос.

— Нет, — твердо ответил он.

Она повернулась и пошла прочь.

Ван Саравак двинулся было следом, но потом передумал и уселся рядом с Эверардом.

— Что ты сказал ей? — спросил он.

Эверард повторил свои слова.

— По-моему, это лучший вариант, — закончил он. — Я не могу отослать ее обратно в тот мир, который скоро прекратит свое существование.

— Нет...

Ван Саравак спокойно сидел глядя на море. Через некоторое время он сказал:

— Какой сейчас год? Примерно Рождество Христово? Тогда мы все еще за ключевым моментом?

— Да. И нам еще предстоит выяснить, в чем он заключается.

— Надо обратиться в отделение Патруля более ранних веков. Там мы сможем получить необходимую помощь.

— Может быть.

Эверард улегся на траву глядя в небо.

— Хотя я думаю, что ключевой момент мне удастся установить прямо здесь, с помощью Дейдры. Разбуди меня, когда она вернется.

Дейдра вернулась с сухими глазами, хотя по ее лицу было видно, что она плакала. Когда Эверард спросил, поможет ли она им в одном деле, Дейдра согласно кивнула.

— Конечно, моя жизнь принадлежит тем, кто ее спас.

— После того как мы втянули тебя в это дело.

Эверард осторожно сказал:

— Я просто хочу, чтобы вы дали мне кое-какую информа-

цию. Знаете ли вы о... том, как людей заставляют засыпать и в этом сне они делают все, что им прикажут?

Она после непродолжительного колебания кивнула головой.

— Я видела, как это делали медеи и друиды.

— Это не причинит вам вреда. Я хочу, чтобы вы заснули для того, чтобы смогли вспомнить все, что когда-либо знали. Даже если вам покажется, что вы этого не помните. Это быстро.

Она была так доверчива, что ему стало даже несколько совестно этим пользоваться. Используя патрульные методы, он погрузил ее в гипнотическое состояние общей восприимчивости и выудил из ее мозга все, что она когда-либо читала или слышала о второй римской войне. Для его цели таких сведений оказалось вполне достаточно.

В 219 году до нашей эры Ганнибал Варка, повелитель Карфагенской Испании, повел осаду Сагунтума. После восьми месяцев он захватил город, и это подтолкнуло его на заранее запланированную войну с Римом.

В начале мая 218 года он пересек Пиренеи с 90 000 пехотинцев, 12 000 кавалеристов и 37 слонами, прошел через Галлию и перевалил через Альпы. Его потери по пути были огромны: через год в Италию пришло только 20 000 пехотинцев и 8000 кавалеристов. Тем не менее около реки Тиция он настиг и победил преобладающие силы римлян. В течение следующего года Ганнибал Варка дал еще несколько блестящих сражений, окончившихся полным успехом, и продвинулся к Апулии и Кампании.

Апулианцы, лукинианцы, самниты перешли на его сторону. Квантий Фабий Максиавел повел ожесточенную гражданскую войну, а тем временем Ганнибал Варка спешно собирал в Испании войско и в 211 году прибыл с подкреплением. В 210 году Ганнибал захватил и сжег Рим, а к 207 году сдались последние города конфедерации.

— Вот так, — сказал Эверард.

Вся процедура заняла не более часа. Он снял с головы девушки медный обруч.

— А сейчас спите. Спите долго и проснетесь с радостью в сердце.

— Что она тебе сказала? — спросил Ван Саравак.

— Множество деталей, — ответил Эверард. — Важно другое: она прекрасно знает те времена, но ни разу не упомянула о Вавилоне.

— Что это?

— Кублий Корнелий Сципион командовал римской армией

при Тицинусе. В нашем мире его тоже постигла неудача — он проиграл сражение. Но позже у него хватило опыта и ума повернуть на запад и разрушить базу Карфагена в Испании.

Ганнибал довольно необычно оказался в Италии, отрезанный от своих баз, а ту помощь, которую ему послали иберийцы, можно не считать. Все иберийские войска были уничтожены, так и не пробившись на помощь Ганнибалу. Сын Сципиона тоже занимал высокий пост и был тем самым человеком, который окончательно разбил войска Ганнибала при Ваме, — это Сципион Африканский Младший.

Отец и сын были лучшими полководцами, которых когда-либо знал Рим. Но Дейдра никогда не слышала о них.

— Итак...

Ван Саравак опять уставился на море в восточном направлении, туда, где на протяжении веков должны были появиться Кимберланд, и Мартин, и Литторн.

— Что случилось с ними в этом времени?

— Насколько я помню, в нашем мире оба Сципиона были в этом сражении при Тицинусе и чудом избежали смерти. Во время отступления сын спас отцу жизнь. Совершенно очевидно, что в этой истории оба Сципиона погибли.

— Кто-то должен был их убить, — сказал Ван Саравак.

Его голос посуровел.

— Какой-нибудь путешественник во времени. Это могло произойти только так.

— Что ж, это вероятно. Посмотрим.

Эверард отвел взгляд от спящей Дейдры.

— Посмотрим.

ГЛАВА 9

На курорте в плейстоценовом периоде (патрульные вернулись туда через полчаса после их отправления в Нью-Йорк) они сдали девушку на руки говорящей по-гречески пожилой женщине и оповестили своих коллег. Затем в ход пошли небольшие торпеды времени, призывающие патрульных из всех мест. Все отделения до 218 года — ближайшее отделение находилось в Александрии — еще были на месте и содержали примерно двести агентов Патруля. С будущими отделениями, естественно, никакой связи не было.

Обеспокоенные патрули провели конференцию в Академии, в олигоценовой эпохе. Неприкосновенных Агентов приветствовали с почтением, и Эверард с изумлением обнаружил

себя главой этой конференции. Люди, собравшиеся здесь, подчинили себе пространство и время, они обладали оружием богов, но все же были людьми, со всеми человеческими достоинствами и недостатками. Все сошлись на том, что в происшедшее необходимо вмешаться. Но они боялись за тех агентов, которые, как в свое время Эверард, могли сейчас находиться в будущих эпохах. Если они не вернутся к тому времени, когда история будет еще раз изменена, они просто исчезнут.

Эверард отправил несколько спасательных партий, но очень сомневался, что они достигнут успеха. Он твердо приказал им вернуться в течение дня по местному времени, если они сами не хотят оказаться в положении спасаемых.

Специалист по Ренессансу высказался, что перед ними открылись блестящие перспективы изучения новой линии времени в истории человечества. И можно провести антропологические исследования, скажем в течение двух лет, прежде чем... Эверард оборвал его, хотя это было нелегко.

Группы изучения должны были определить точный момент и обстоятельства, при которых произошло изменение. Они тотчас же занялись этим. Эверард выглянул из окна и подумал, что саблезубые тигры, наверное, лучше справляются с работой, чем их обезьяноподобные преемники. Когда Мэнс наконец распределил все дела и обязанности, он открыл бутылку виски и напился вместе с Ван Сараваком.

На следующий день спасательный комитет доложил, что около дюжины патрульных были выведены из более или менее затруднительных положений; остальных, видимо, спасти не удастся. Рапорт групп изучения был более интересен. Оказалось, что два швейцарских купца присоединились к Ганнибалу в Альпах и завоевали его полное доверие. После войны они занимали в Карфагене высокие посты. Под именем Проитос и Хишилко они практически составили правительство, организовали убийство Ганнибала и полностью реконструировали свои дома для роскошной жизни. Один из патрульных видел и эти дома и самих людей.

— Масса вещей, о которых в классические времена и не мечтали. Сами они напоминают мне нелдоманцев из 205 года.

Эверард кивнул. Это был век бандитов, с которыми Патрулю пришлось немало повозиться.

— Я думаю, что все в порядке, — сказал он. — Были они или не были с Ганнибалом до сражения при Тицинусе, не имеет значения. Если мы попытаемся арестовать их в Альпах, то наделаем такого шума, что сами можем изменить будущее.

Важно то, что они, по всей видимости, убили обоих Сципионов, и именно здесь нам и надо вмешаться.

Англичанин из XIX века развернул карту боя, заснятую им в инфракрасных лучах сквозь низкие облака.

— Римляне стояли вот здесь...

— Знаю, — сказал Эверард. — Тонкая красивая линия. То, что будет сражение, облегчает нашу задачу. Ну что же, мы окружим все поле с воздуха, но я считаю, что в сражении должны участвовать не более двух агентов. Эти «купцы» и так все время будут начеку, ожидая, что мы вмешаемся. Отделение в Александрии может легко снабдить меня и Вана одеждой.

— То есть как? — воскликнул англичанин. — Я думал, что я...

— Нет. Простите.

Эверард улыбнулся уголком губ.

— Никаких привилегий. Вы просто рискуете сломать себе шею.

— Но, черт побери...

Эверард поднялся.

— Мне надо идти, — бесстрастно сказал он. — Не знаю почему, но я знаю, что идти должен я.

Ван Саравак кивнул.

Они оставили скутер под защитой деревьев и направились к полю сражения.

За горизонтом и высоко в небе их страховали около сотни патрульных, но это было маленьким утешением, когда вокруг тебя свистели копья и стрелы. Низкие облака стремительно мчались под напором ветра, шел мелкий дождь. В солнечной Италии наступила поздняя осень.

Эверард почувствовал тяжесть кирасы на своих плечах, пробиваясь через месиво грязи с кровью. На нем были шлем, латы, римский щит на левой руке и шпага у пояса, в правой руке он держал станнер. Ван Саравак, экипированный точно так же, шел сзади; его глаза сверкали под офицерским плюмажем, развевавшимся над шлемом.

Взвыли трубы, и застучали барабаны. Их музыка была почти не слышна сквозь вопли людей, топот ног, стоны, ржание лошадей, мечущихся без всадников, свист стрел.

Карфагеняне наступали, сминая ровные римские ряды. Тут и там большое сражение переходило в отдельные стычки, люди проклинали друг друга и бросались на чужаков. Через это пространство уже прошел батальон. Вокруг Эверарда валялись

мертвые. Он поспешил за отступающими римскими силами по направлению к сверкающему золотому орлу. Римляне выстроились вновь, их шлемы победно сверкали пурпуром и кровью. И тогда чудовищами на фоне серого неба, подняв хоботы и трубя, выступили слоны.

Война всегда была одинаковой: не аккуратная линия на карте, показывающая передвижение войск, а стоны и крики, умирающие люди, кричащие и падающие под вражеским натиском.

Темнолицый юноша безуспешно пытался вытащить стрелу, застрявшую у него в животе. Он был карфагенянином, и итальянский крестьянин, сидевший на земле и с недоумением смотревший на свою оторванную руку, не обращал на него никакого внимания. Над полем парило несколько воронов, еще боявшихся садиться, но уже высматривающих добычу.

— Сюда! — прошептал Эверард. — Поспеши, ради всего святого! Эта линия может пасть в любую минуту.

Когда он подбегал к знамени республики, в горле у него пересохло от быстрого бега. Ему пришло в голову, что он всегда хотел, чтобы Ганнибал выиграл. Было что-то невообразимое в жадности Рима. А он здесь и пытается спасти этот город. Что ж, жизнь — сложная штука.

Его немного утешило то, что Сципион Африканский был самым порядочным человеком, который выжил после сражения. Стоны и крики усиливались, и итальянцы отступали назад. Эверард увидел нечто похожее на волну, разбившуюся о скалы. Но на сей раз не выдержала скала и с громкими криками отступала, отступала. Он побежал. Мимо него, крича от страха, пронесся легионер. Старый римский ветеран упал на землю, потом поднялся, широко расставив ноги, да так и остался стоять, пока его не убили. Топот слонов Ганнибала раздавался во всей округе. Карфагеняне, стуча в барабан, наступали.

Там, наверху, Эверард увидел всадников римских полководцев. Они что-то громко кричали, но никто не мог их расслышать из-за грома битвы. Мимо пробежала небольшая группа легионеров. Их начальник окрикнул патрульных:

— Эй, вы! Мы еще покажем им, клянусь животом Венеры!

Эверард покачал головой и продолжил свой путь. Римлянин выругался и кинулся на него.

— Ты, трусливый...

Лучевой пистолет оборвал его слова. Остальные легионеры дрогнули и разбежались. Эверард увидел свежий шрам на щеке одного из них. Копье ударило его в шлем. Он наклонил

голову и побежал. Перед ним маячил батальон. Эверард споткнулся о труп и упал. На него тоже кто-то налетел. Ван Саравак оттащил налетевшего и получил удар саблей по руке.

Неподалеку люди Сципиона, попавшие в окружение, безуспешно пытались отразить атаку. Эверард остановился, попытался набрать побольше воздуха в изголодавшиеся легкие и внимательно огляделся. Сквозь сетку дождя видна была группа римских всадников. Это, должно быть, сын Сципиона, спешащий на помощь отцу. Копыта стучали по земле.

— Вон там!

Ван Саравак вскочил и указал рукой.

Эверард резко повернулся. С другой стороны по направлению к римским орлам ехала группа карфагенян. А во главе их гарцевали два человека с тяжелыми чертами лица нелдоманской эпохи. Они были одеты так же, как и все остальные. В руке у каждого — по пистолету.

— СЮДА !

Эверард круто повернулся и побежал к ним. Кожа его кирасы скрипела на ходу.

Карфагеняне заметили патрульных, когда те были уже совсем близко. Только тогда какой-то всадник выкрикнул предупреждение. Двое сумасшедших римлян! Эверард видел, как он ухмыльнулся в бороду. Один из нелдоманцев поднял лазер. Эверард растянулся плашмя: на том месте, где он только что стоял, мелькнула огненная вспышка. Он выстрелил лежа, и одна из африканских лошадей упала. Ван Саравак стоял чуть в стороне и методично стрелял. Два, три, четыре — вот уже и нелдоманец свалился с лошади в грязь!

Вокруг Сципиона его люди прорубали дорогу сквозь гущу карфагенских воинов. Эскорт нелдоманцев закричал от ужаса. Действие лазера они, должно быть, видели и раньше, но эти невидимые удары, появившись неизвестно откуда, были совсем другими. Они разбежались. Второй нелдоманец успокоил свою лошадь и повернулся, чтобы последовать за ними.

— Присмотри за тем, которого ты сбил, — выкрикнул Эверард. — Утащи его отсюда, нам придется допросить...

Сам же он вскочил на ноги и поймал пробегавшую мимо лошадь без всадника. Позади него Кублий Корнелий Сципион и его сын пробились сквозь ряды карфагенской армии и присоединились к ним.

Эверард продвигался сквозь хаос. Он ускорил шаг своей лошади, преследуя их и зная, что, если они отойдут от поля сражения и очутятся вне видимости, сверху может опуститься

скутер и уничтожить и нелдоманца и его воинов. Такая же мысль, очевидно, пришла в голову и бандиту, который развернул лошадь и прицелился. Эверард увидел вспышку и почувствовал, что луч чуть было не задел его левую ногу. Он поставил пистолет на широкий диапазон и, стреляя, продолжал скакать вперед.

Вторая молния попала его лошади прямо в грудь. Колени животного подогнулись, и Эверард вылетел из седла. Тренированные рефлексы смягчили удар от падения, он быстро поднялся на ноги и пошел навстречу врагу.

Его станнер вылетел из рук при падении, был затоптан в грязь, но его некогда было искать. Неважно: если он останется жив, оружие можно будет найти потом. Широкий луч лазера нашел свою цель, но заряд был на исходе, и убить им человека было невозможно. Нелдоманец уронил пистолет и остался сидеть неподвижно на лошади.

В лицо Эверарду бил дождь. Он медленно приближался. Нелдоманец соскочил на землю и выхватил шпагу. Шпага Эверарда засверкала в воздухе в ту же секунду.

— Как угодно, — сказал он по-латыни. — Один из нас останется на этом поле.

ГЛАВА 10

Луна осветила горы, снег заблестел на их вершинах. Далеко на севере начинали сползать ледники. Где-то завыл волк. Люди кроманьонской эры о чем-то болтали в пещере. С веранды доносился едва слышный шум.

Дейдра стояла в темноте. Лунный луч высветил ее лицо, мокрое от слез. Она вздрогнула, когда Эверард и Ван Саравак неслышно остановились позади нее.

— Так скоро? — спросила на. — Но вы ведь уехали только сегодня утром.

— Это заняло немного времени, — сказал Ван Саравак, уже успевший выучить греческий под гипнозом.

— Я надеюсь... — она попыталась улыбнуться, — я надеюсь, что вы уже выполнили свое задание и теперь сможете отдохнуть.

— Да, — сказал Эверард.

Они некоторое время стояли молча бок о бок, вглядываясь в снежную страну.

— Это правда, что я никогда не смогу вернуться домой? — мягко спросила Дейдра.

— Боюсь, что так. Заклинания...

Эверард и Ван Саравак обменялись взглядами. Они получили официальное разрешение сказать девушке все, что сочтут нужным, и взять ее в любую эпоху, более или менее для нее подходящую. Ван Саравак настаивал, чтобы это была Венера его времени, а Эверард слишком устал, чтобы спорить.

Дейдра глубоко вздохнула.

— Пусть так и будет, — сказала она. — Я не буду тратить жизнь на сожаления. И Великий Ваал всегда говорил, что мой народ будет счастлив в конце концов.

— Уверен в этом, — сказал Эверард.

Внезапно он почувствовал, что больше ничего не может. Он хотел только поскорее добраться до постели и уснуть. Пусть Ван Саравак скажет ей то, что следует сказать, и получит за это любую награду.

Он кивнул своему другу.

— Я пошел, — сказал он. — Твоя очередь, Ван.

Венецианец взял девушку за руку. Эверард медленно пошел в свою комнату.

Часть третья

ХРАБР, КАК КОРОЛЬ

ГЛАВА 1

Это случилось вечером в Нью-Йорке середины XX века. Эверард, сменив деловой костюм на удобный халат, смешивал себе коктейль. Его отвлек звонок в дверь. Он выругался. Последние несколько дней Мэнс работал не покладая рук и сейчас не желал другого отдыха, кроме рассказов о докторе Ватсоне. Может быть, ему удастся быстро избавиться от незваного гостя. Он прошаркал ночными туфлями через комнату и открыл дверь, сохраняя на лице как можно более дружелюбное выражение.

— Привет, — холодно сказал Эверард.

А затем, в один миг, ему показалось, что он находится на допотопном космическом корабле, который только что вышел в космос, наступила невесомость и он беспомощно болтается в воздухе, глядя на сияющие звезды.

Пинтия Денисон остановилась на секунду в дверях, глядя на бар поверх его головы. Над баром висели две скрещенные шпаги и шлем с плюмажем из бронзового века. Предметы были темные, блестящие и невероятно красивые. Она пыталась говорить спокойно, но у нее ничего не получилось.

— Налей мне чего-нибудь, Мэнс. Только поскорее.

— Ну конечно.

Он крепко стиснул зубы и помог ей снять шлем. Она закрыла дверь и присела на современную модную шведскую кушетку, такую же чистую и красивую, как и оружие над баром. Дрожащими руками Пинтия достала из сумочки сигареты. Некоторое время они избегали смотреть друг на друга.

— Все еще пьешь ирландское? — спросила она.

Ему показалось, что слова эти донеслись откуда-то издалека. А его неуклюжее тело, ворочавшееся между бокалами и бутылками, казалось, потеряло всю ловкость, которую приобрело в Патруле.

— Да, — сказала она. — Значит, ты еще помнишь.

Неожиданно громко в комнате щелкнула его зажигалка.

— Прошло всего несколько месяцев, — ответил он ей, не зная, что сказать еще.

— Энтропия. Обычные, ничем не изменяемые 24 часа каждый день.

Она выпустила клуб дыма и уставилась на него.

— Со дня моего замужества — это было восемь с половиной месяцев моего личного, биологического времени жизни, пока Кейф и я... А как ты, Мэнс? Сколько времени и в скольких эпохах ты прожил с тех пор, как был шафером на нашей с Кейфом свадьбе?

У нее всегда был несколько высокий и тонкий голос. Это был единственный недостаток, который он мог найти в ней, если не считать недостатком то, что она была совсем маленькой — едва пять футов. Поэтому-то Пинтия и не могла никогда выразить своим голосом страсть. Но сейчас он понял, что она готова была заплакать.

Он подал ей бокал.

— До дна, — сказал он. — Пей!

Она выпила и немного задохнулась. Дав ей вторую рюмку, он наполнил свой стакан шотландским с содовой. Затем подвинул кресло и достал трубку и табак из кармана своего старого, проеденного молью халата. Его рука все еще слегка дрожала, но уже слабее, поэтому он надеялся, что она не обратит на это внимание. Она вела себя достаточно умно, не выпалив сразу все новости; им обоим следовало несколько прийти в себя, чтобы мыслить хладнокровно.

Сейчас он даже нашел в себе силы взглянуть прямо на нее: маленький рост, но фигура ее была совершенна, черное платье подчеркивало нежность форм. Золотистые волосы падали на плечи, глаза были голубыми и огромными под крутыми дугами бровей, на лице с довольно мелкими чертами лица губы ее всегда были немного раздвинуты.

Эверард медленно набивал свою трубку.

— Ну ладно, Пин, — сказал он. — В чем дело?

Она задрожала.

— Кейф... Он исчез.

— Что?

Эверард подскочил в кресле.

— По службе?

— Да. Где же еще? Древний Иран. Он отправился туда и не вернулся. Это было неделю назад.

Она поставила бокал рядом с собой на кушетку и переплела пальцы рук.

— Патруль, конечно, обыскал все. Я узнала результаты только сегодня. Они не смогли найти его. Они даже не сумели выяснить, что с ним случилось.

— Как? — прошептал Эверард.

— Кейф всегда... всегда считал тебя лучшим другом. Ты даже не знаешь, как много он рассказывал о тебе. Честно, Мэнс. Я знаю, мы пренебрегали тобой, но ведь ты и сам...

— Конечно, — сказал он. — Ты думаешь, я ребенок? Я был занят. И, в конце концов, вы только что поженились.

После того как я познакомил вас перед Моана Коа и Кукой, Патрулю времени наплевать на снобизм. А такой ребенок, как Пинтия Куннингэм, только что выпущенная из Академии и работающая обычным клерком в своем собственном веке, не могла устоять перед старым ветераном... и встречалась с ним довольно часто в свободное от работы время. И почему, в конце концов, он не мог использовать все методы, чтобы ей понравиться: возить ее на вальсы в Вену времен Штрауса или в Лондонский театр времен Шекспира, в маленькие бары старинного Нью-Йорка или на пляж на Гавайи, где человек должен появиться только через тысячи лет. И его товарищ Кейф Денисон, из Патруля, тоже мог свободно присоединиться к их маленьким развлечениям. А затем жениться на ней. Все так.

Эверард закурил трубку. Когда его лицо окуталось дымом, он сказал:

— Расскажи мне с самого начала. Я не видел тебя два-три года и совершенно не имею понятия, над чем работал Кейф.

— Так долго? — с удивлением спросила она. — Ты даже не приезжал в отпуск? Мы хотели, чтобы ты хоть иногда навещал нас.

— Прими мои извинения, — отрезал он. — Если бы я захотел, я бы вас известил.

Ее лицо перекосилось словно от удара. Он тоже вздрогнул и откинулся на спинку кресла.

— Извини. Конечно, я хотел. Но я уже говорил, что мы... Неприкосновенные Агенты, слишком заняты: эта возня с пространством-временем, чувствуешь себя, как муха в паутине. Ох, черт. — Он попытался улыбнуться. — Ты же знаешь, Пин, что я грубиян, но это ничего не значит. Мне пришлось сделать достоверной эту легенду о Химере в Древней Греции. Я был известен там под названием «дилоипод» — странное чудовище, у которого осталось всего две ноги, торчащие изо рта.

Она уважительно улыбнулась и взяла из пепельницы сигарету.

— Я все еще обычный клерк, — сказала она. — Но зато у меня тесная связь со всеми конторами и отделениями, включая и Главное управление. Поэтому я точно знаю, какие меры были приняты для поисков Кейфа, и считаю, что этого недостаточно. Они просто бросили его! Мэнс, если и ты не поможешь, Кейф погибнет!

Она остановилась, вся дрожа. Чтобы обоим немного успокоиться, Эверард стал вспоминать карьеру Кейфа Денисона.

Родился в Кембридже в мае 1927 года в богатой семье. Докторская степень археолога была получена в 23 года. Неоднократно выигрывал чемпионаты по боксу в колледже. Пересек Атлантический океан на двухмачтовой яхте в 30 футов. Окончил это плавание в 1950-м. Служил в Корее с такой храбростью, которая принесла бы ему славу в более популярной войне. И все же Кейфа надо было очень хорошо знать, чтобы както судить о нем. Когда у него не было работы, он говорил обо всем с тем тонким и сухим юмором, который дается от Бога. Затем, когда появлялась работа, он просто выполнял ее без лишних слов.

«Конечно, — подумал Эверард, — побеждает достойнейший. Кейф легко мог сделаться Неприкосновенным, если бы захотел. Но у него здесь есть корни, которых нет у меня. Наверное, он более постоянен».

Выйдя в отставку в 1952 году, он завербовался по тому же объявлению, что и Эверард. Факт того, что путешествия во времени возможны, он понял намного раньше остальных. У него был гибкий ум, и, в конце концов, он был археологом. После Академии был счастлив, что его собственные интересы совпадают с нуждами Патруля: он стал специалистом Восточно-Европейской протоистории и кое в чем был еще более важным человеком, чем Эверард.

Так, Неприкосновенный Агент мог путешествовать по любым линиям времени, спасать попавших в беду, арестовывать нарушителей закона, обеспечивать общую безопасность. Но откуда он мог знать, что ему делать без зарегистрированного свидетельства?

Все путешествия, открытия и научные достижения, совершенные за века до появления первых геликоптеров, впоследствии развившиеся во временном континууме, Патруль был обязан знать. Направлять их курс — это забота специалиста.

Кроме того, Кейф был его другом.

Эверард вынул трубку изо рта.

— Ну хорошо, Пин, — сказал он, — расскажи мне, что случилось.

ГЛАВА 2

Высокий голос почти не дрожал — она взяла себя в руки.

— Он прослеживал миграции разных армянских кланов. Об этом мало сведений. Для этого надо начать с того момента, когда точно известны исторические данные, и идти от него назад. Поэтому Кейф и собирался в Иран 448 года до нашей эры. Он говорил, что это ближе к мидийскому периоду. Он разговаривал с народом, перенимал его обычаи и нравы, а затем возвращался в еще более ранний период и так далее. Ты должен, знать все, Мэнс. Ты уже помог однажды ему до того, как мы встретились. Он часто говорил мне об этом.

— О, это моя обязанность — вытягивать людей из беды, — пожал плечами Эверард. — Он изучал доисторический путь определенного племени от Дона до Пииду Куш. Мы отрекомендовались их вождю как охотники, приняли его гостеприимство и путешествовали несколько недель. Это было забавно.

Он вспомнил степи и огромные облака, бешеную скачку за антилопой, драку у костра и девушку, чьи волосы пахли дымом. На секунду ему захотелось жить и умереть самым обычным человеком из этого племени.

— В последний раз Кейф ушел один, — продолжала Пинтия. — По его специальности в Патруле постоянно не хватает людей. Столько тысяч лет, которые приходится наблюдать за одну короткую человеческую жизнь. Он и раньше уходил один. Я боялась его отпускать, но он сказал, что в одежде бродячего пастуха, у которого и украсть-то нечего, будет в меньшей опасности на взгорьях Ирана, чем при переходе Бродвея. Только не в этот раз!

— Ты хочешь сказать, — быстро ответил Эверард, — что он оставил Нью-Йорк неделю назад, собираясь добыть всю нужную ему информацию, доложить по своему отделению и вернуться к тебе в тот же день, из которого ушел. Потому что только кретин может оставлять тебя надолго. Но он не вернулся?

— Да.

Она прикурила вторую сигарету от первой.

— Я попросила самого начальника выяснить, в чем дело. Он пошел мне навстречу и отправился на неделю — от сегодняш-

него дня. Кейф все еще не вернулся. Его отделение ничего о нем не знает. Мы сверились по записям в Главном управлении. Там ответили, что... что... Кейф так и не вернулся и что не было найдено даже его следов.

Эверард осторожно кивнул головой.

— Тогда, конечно, и начался поиск, о котором говорится в записях Главного управления.

«Время состоит из миллионов парадоксов», — в тысячный раз подумал он.

Если вдруг внезапно пропадал человек, из этого вовсе не следовало, что будет организован поиск, даже если где-то в каких-то записях этот поиск и был зарегистрирован. Но как еще можно найти человека? Конечно, МОЖНО вернуться в прошлое и изменить историю так, что в конце концов ты найдешь его, а в случае чего в тех же записях ВСЕГДА был зарегистрирован твой успех, и только ты один будешь знать «прежнюю» правду.

Все могло сильно запутаться. Неудивительно, что Патруль с неудовольствием относился к любому, даже самому маленькому изменению, которое не затрагивало основного течения.

— Наше отделение послало ребят из конторы в Древнем Иране, чтобы они расследовали это дело, — сказал Эверард. — Они только приблизительно знали, где и когда Кейф должен был появиться. Я имею в виду, что он сам не знал, где сможет спрятать свой скутер, так что не мог дать своих точных координат.

— Но я не понимаю одного: почему они не нашли потом сам скутер? Что бы ни случилось с Кейфом, скутер пропасть не мог, он должен был быть где-то поблизости, в какой-нибудь пещере или другом месте. А если бы они нашли скутер, то от него можно было уже начать поиски Кейфа.

Пинтия с такой силой затянулась сигаретой, что на щеках появились впадины.

— Они пытались, — сказала она. — Но мне сказали, что это дикая, холмистая страна, которую тяжело обследовать. Ничего не вышло. Они не нашли никакого следа.

Они могли бы найти его, если бы поиски продолжались самым тщательным образом: миля за милей, час за часом. Но они не осмелились. Видишь ли, именно эта эпоха является критической. Мистер Гордон показал мне Залив Положения. Я не поняла всех этих символов, но он объяснил мне, что это очень опасный век, который лучше не ворошить.

Эверард прикрыл рукой огонек трубки. Его тепло было ус-

покаивающим. Критические эпохи никогда не приводили его в особый восторг.

— Понятно, — сказал он. — Они не могли произвести такой тщательной проверки поиска, какой им хотелось бы, потому что это могло вызвать появление нежелательных слухов и многие люди действовали бы совсем не так, когда наступил бы кризис. Понятно. А кто-нибудь пытался смешаться с населением и расспросить народ?

— Несколько экспертов из Патруля. Они жили там неделю и не слышали ни малейшего намека. Эти племена настолько дики и подозрительны... может быть, они боялись, что наши агенты — шпионы мидийского короля: насколько я поняла, они недовольны его правлением... Нет, Патруль ничего не смог обнаружить. И к тому же это исчезновение никак не повлияло на историю. Они считают, что Кейфа убили, а его скутер исчез, пропал, разбился. И какая разница...

Внезапно Пинтия вскочила на ноги и почти закричала:

— И какая разница, если среди множества скелетов, затерявшихся в веках, будет еще один?

Эверард тоже поднялся, она кинулась к нему в объятия, и он не оттолкнул ее. Он никогда не подозревал, что ему будет так плохо. Он перестал вспоминать ее чаще десяти раз в день, но сейчас она пришла к нему сама, и ему придется переживать все это снова.

— Разве не могут они вернуться назад по локальному времени? — взмолилась она. — Хотя бы на неделю назад, чтобы сказать ему, что он не должен туда отправляться. Разве я много прошу? Какие чудовища придумали закон, запрещающий делать это?

— Его придумали самые обычные люди, — сказал Эверард. — Если мы только хоть раз начнем играть с нашим собственным временем, то в конце концов запутаемся так, что ни один из нас не будет существовать.

— Но за миллионы лет и даже больше... ведь были же исключения?!

Эверард не ответил. Он знал, что исключения были. Он также знал, что в деле Кейфа Денисона исключения сделано не будет. В Патруле работали не святоши, но ни один патрульный не осмелился бы нарушить закон, придуманный ими, ради одного из них. Потерю ты воспринимаешь, как на войне, поднимаешь бокал в память погибшего, но ты не путешествуешь в его времени, чтобы посмотреть на него живого.

Затем Пинтия освободилась из его объятий, вернулась на

кушетку и выпила свой бокал до дна. Когда она запрокинула голову, осушая бокал, на ее лицо упали желтые локоны.

— Прости, — сказала она и, вынув платок, вытерла глаза.

— Я не хотела перед тобой реветь.

— Глупости.

Она уставилась в пол.

— Ты можешь попытаться помочь Кейфу. Обычные агенты бросили это дело, но ты можешь попытаться.

Это была бессмысленная просьба.

— Я могу, — сказал Эверард ей, — но может ничего не получиться. Существующие записи говорят, что так оно и было, если я пытался. А на любое изменение пространства-времени смотрят косо, даже в таком тривиальном случае.

— Для Кейфа этот случай нереален.

— Знаешь, Пин, — прошептал он, — ты принадлежишь к тем немногим женщинам, которые сказали бы именно так. Большинство сказали бы, что это нетривиально для меня.

Ее глаза попытались поймать его взгляд, и секунду она сидела неподвижно. Затем она прошептала:

— Извини, Мэнс, я не понимала... я думала, что ты обо всем уже забыл...

— О чем ты говоришь? — Он попытался защититься.

— Неужели психологи Патруля ничего не могут для тебя сделать? — спросила она.

Ее взгляд опять опустился вниз.

— Уж если они смогли обработать нас до такой степени, что мы просто не можем никому рассказать о путешествиях во времени... я думаю, это вполне возможно, чтобы они...

— Замолчи, — грубо оборвал ее Эверард. Некоторое время он ковырялся в трубке.

— Хорошо, — сказал он наконец. — У меня есть кое-какие мысли на этот счет, которые, очевидно, никто не пытался провести в жизнь. Если Кейфа можно спасти, то увидишь его еще до завтра.

— Скажи, ты можешь перенести меня в это время сейчас?

Она начала дрожать.

— Могу, — сказал он. — Только я этого не сделаю. Так или иначе, тебе нужно хорошенько отдохнуть. Я провожу тебя домой и проконтролирую, чтобы ты приняла снотворное. Затем я вернусь сюда и все хорошенько обдумаю.

Его губы дрогнули в каком-то подобии улыбки.

— Прекрати этот рев, слышишь? Я же сказал, что мне необходимо подумать.

— Мэнс...

Она вложила свои руки в его, и он увидел в ее глазах внезапную надежду, которую внушил ей и за которую сам себя проклинал.

ГЛАВА 3

Осенью 542 года до нашей эры в долину Кэр съезжал с гор какой-то одинокий всадник. Он ехал на прекрасной лошади размерами больше кавалерийской, которая повсюду является лакомым кусочком для бандитов. Но Великий король издал настолько строгие законы во всех своих доминионах, что говорили, будто даже девственница с полным мешком золота в руках может пройти через всю Персию и ей никто не причинит вреда. Это было одной из причин, по которой Мэнс Эверард выбрал эту дату: через 16 лет после исчезновения Кейфа Денисона.

Другая причина заключалась в том, что он не хотел появляться сразу же после первого путешествия во времени: в таком случае его прибытие должно было вызвать достаточное волнение в народе. Какой бы ни была судьба Кейфа, она наверняка была далека от обычной, иначе Патруль со своими методами преуспел бы.

И наконец, согласно данным отделения в Иране 1000 года, 542 год был первым относительно спокойным годом, безо всяких волнений в народе, со времени исчезновения Кейфа.

Годы 548—553, когда персидский король Аншена Кируш (известный историкам под именами Кайкоэру или Пируса) находился в натянутых отношениях с мидийским королем Астьягосом, были очень напряженными. Затем следовали три года, на протяжении которых Пирус поднял мятеж, империю разрывала гражданская война, и персы в конце концов победили своих северных соседей. В результате побед Пирус расширял свои владения к востоку. Это встревожило монархов соседних стран: Вавилона, Египта, Индии и Спарты; они составили коалицию во главе с индийским королем Крезом и напали на Пируса в 546 году.

Индийцы были разбиты, и многие их земли захвачены, но они опять подняли восстание: надо было что-то делать с беспокоящимися греческими колониями: Иозанией, Кэрней и Лицией; и пока полководцы Пируса сражались на западе, успешно разрешая все проблемы, сам он воевал на востоке, отбрасывая назад дикие племена, которые бы иначе сожгли его города.

Сейчас как раз наступила передышка от всех этих войн. Сицилия сдается без борьбы, видя, что при всех завоеваниях Персия остается гуманной и издает такие законы, о которых мир не слышал раньше. Пирус раздает постоянные владения своим приближенным и посвящает жизнь объединению той империи, которую завоевал.

Войны с Вавилоном теперь не будет до 583 года, а затем к империи присоединяется еще и Месопотамия. Потом опять наступит долгое время мира, пока не войдут в силу дикие племена за Аральским морем и король Пирус не отправится сражаться с ними — навстречу своей гибели.

Мэнс Эверард подъезжал к древней Персии — мечте своей юности. Он видел крестьян, согбенных под тяжестью своей работы, пыль, поднимающуюся с полей. Дети в лохмотьях строили вдоль дороги домики из грязи и тупо смотрели, как он проезжал мимо.

На той же дороге что-то выискивал цыпленок, и какой-то всадник, сильно торопящийся, проскакал по нему, оставив его валяться мертвым в пыли и грязи. Одежда некоторых всадников была живописна, но она тоже была в пыли и грязи, и по их лицам тек пот. Аристократы владели большими домами с прекрасными садами, но экономика, которую они ввели, скоро разрушила бы их. Разагард,город, в который въезжал Эверард, был восточным городом с кривыми узкими улочками, людьми в тюбетейках, кричащими и зазывающими купцами на базаре, с вороватыми нищими, торговцами, расхваливающими свои товары, с доносящейся из таверн и напоминающей кошачье мяуканье руганью, проклятиями, раздающимися повсюду, — короче, обычным восточным городом.

— Подайте, господин! Подайте, ради всего святого. Подайте, и да будете вы счастливы!

— Возьми, господин! Клянусь бородой моего отца, ни у кого еще не было такой чудесной удачи! Возьми уздечку, господин, всего лишь за...

— Сюда, господин, сюда! Такого прекрасного уголка, как караван-сарай, нет во всей Персии, нет во всем мире! Всего четыре дома отсюда! Мои подушки набиты лебединым пухом, мой отец сам подает божественное вино, моя мать готовит плов, слава о котором разнеслась во все концы земли, а мои три сестры — это полные луны, и все только за...

Эверард не обращал никакого внимания на бегущих и взывающих к чему-то у его стремени мальчишек. Один из них схватил его за лодыжку, он выругался и отпихнул мальчишку

ногой. Эверарду не хотелось останавливаться в гостях: хотя персиане и были чище остальных национальностей этого века, но все же и у них было полно насекомых. Он пытался побороть в себе чувство беспомощности. Обычно патрульные всегда имели с собой какую-нибудь защиту, скажем станнер XXX века или крошечный радиоприемник, с помощью которого можно вызвать скутер из любого пространства-времени. Но не тогда, когда все это могли найти и некуда было спрятать. Эверард был в греческой одежде: тунике, сандалях и шерстяном плаще, со шпагой на боку, шлемом и щитом на луке седла. И больше ничего. Правда, все изготовлено из нержавеющей стали. Он не мог обратиться в местное отделение, попав в беду, по той простой причине, что никаких отделений здесь не было: ближайший патрульный пост находился в Персиполисе, через поколение.

Улицы расширялись, торговцев становилось меньше, впереди показались большие дома. Он подъехал к площади, по углам которой стояли четыре дворца. За окружавшими их стенами он видел сливовые деревья. Стражники — молодые худощавые юноши — стояли небрежно: стойка «смирно» еще не была введена. Но когда Эверард приблизился, стража выпрямилась, а двое поднялись с земли. Он мог просто пересечь площадь и не удостоить их ни малейшим вниманием, но все-таки остановился и обратился к человеку, который выглядел старшим в команде.

— Пусть солнце всегда ярко светит тебе, уважаемый!

Язык персов, которому он выучился примерно за час под гипноизлучателем, легко слетал с его губ.

— Я ищу гостеприимства у какого-нибудь великого человека, который склонил бы свой слух к удивительным рассказам о моих путешествиях.

— Пусть дни твои будут долгими, — сказал стражник.

Эверард вспомнил, что он не должен предлагать денег: персы времен Пируса были гордыми людьми, храбрыми охотниками и воинами. Все они говорили с той вычурной вежливостью, которая не исчезала у этой нации на протяжении многих веков.

— Я служу Крезу Индийскому, слуге Великого короля. Он не откажет в крыше над головой... — заметил старший из стражи.

— Меандру из Афин, — продолжил Эверард. Греческое происхождение объясняло его широкую кость, крепкое сложение и короткую стрижку. В то время греки были к такому типу привычны.

Послали раба к управляющему, который через другого раба пригласил чужестранца в замок. Сад за стенами был весь в зелени, от него веяло прохладой, на какую и не надеялся Эверард. Он не боялся, что у него что-нибудь украдут; вино и еда должны были быть великолепны, а сам Крез, несомненно, заинтересуется гостем. «Все обойдется благополучно», — подумал Эверард, принял ванну, умастил свое тело маслами, надел чистое белье; блюда и вина были принесены ему в комнату, в которой стоял низкий широкий диван и из окон которой открывался красивый вид. Ему не хватало только сигары. Если бы только он был уверен, что Кейф умер... Может быть, тогда...

— Черт побери, — прошептал Эверард, — не смей об этом думать, слышишь?

ГЛАВА 4

После захода солнца стало прохладно. С большими церемониями были зажжены светильники и опущены шторы. Раб распростерся перед ним и сказал, что обед подан. Эверард прошел за ним через длинный зал, где различные фрески изображали Солнце и Великого Митру. Мимо двух стражей он вошел в небольшую, ярко освещенную комнату, с коврами на полу. У стола, согласно греческому обычаю, находились два ложа; блюда были из серебра и золота; рабы сновали подавая пищу, и откуда-то слышалась китайская музыка.

Крез Индийский благожелательно кивнул головой. Когда-то он был красив, но, казалось, сильно состарился за последние несколько лет, когда его слава и могущество пошатнулись. Седобородый, с длинными волосами, он был одет по-гречески, но на персидский манер.

— Садись, Меандр из Афин, — сказал он по-гречески и поднял свой взгляд.

Эверард, согласно обычаю, поцеловал его в щеку. Это было благородно со стороны Креза приветствовать гостя так, ставя его на уровень с собой, даже если Крез и был бывшим королем.

— Спасибо, господин. Я благодарю тебя за доброту.

— Да не унизит тебя эта скудная пища, — сказал экс-король. — Я только подумал... — он заколебался, — я всегда любил греков, и мы сможем поговорить серьезно.

— Я не заслуживаю такого почтения, господин.

Они исполнили обычный ритуал обмена любезностями и принялись за еду. Эверард рассказал заранее продуманную ис-

торию о своих путешествиях; иногда Крез задавал коварные вопросы, но патрульный быстро научился избегать их.

— Да, времена меняются, и счастлив ты, что пришел к нам на заре новой эры, — сказал Крез. — Никогда мир не знал более великого короля. (Он продолжал все в том же духе довольно долго, и все, безусловно, для тех шпионов, которые могли их подслушать. Такое тоже случалось.)

— Сами боги отметили нашего короля, — продолжал Крез. — Знал бы я раньше, что те сказки, которые о нем рассказывали, — правда, я бы никогда не восстал против него. Но сейчас я вижу, что он был избран самим Богом.

Эверард, изображая из себя грека, разбавил вино водой, внутренне пожалев, что выбрал такой умеренный в употреблении вина народ.

— Какие сказки, мой господин? — спросил он. — Я слышал только, что Великий король — сын Камбиза, который стоял во главе этой провинции как вассал мидийского короля Астьягоса. Разве говорят что-нибудь еще?

Крез наклонился вперед. В колеблющемся свете глаза его приобрели странное выражение, в них отражались ужас и энтузиазм в одно и то же время, взгляд, который во времена Эверарда давно уже был предан забвению.

— Слушай и расскажи своему народу, — сказал он. — Астьягос выдал свою дочь Мандану замуж за Камбиза, так как знал, что персы ненадежны, а он хотел привязать их вождей к своему дому. Но Камбиз заболел и очень ослаб. Если бы он умер и его рожденный сын Пирус добился успеха в Аншане, то тогда персидские дворяне не были бы связаны с Астьягосом вовсе.

Предсказатели снов предупредили мидийского короля, что Пирус принесет ему смерть, а его владениям — разруху. Тогда Астьягос приказал своему доверенному слуге Аупнагашу (Крез произнес его имя на греческий манер — Гарпагос, что он, впрочем, делал со всеми именами) убить Пируса. Несмотря на сопротивление королевы Манданы Гарпагос забрал ребенка. Камбиз был слишком слаб, чтобы помешать этому, а Персия не смогла поднять восстание без подготовки. Но Гарпагос не смог убить мальчика. Он обменял его на другого, только что рожденного мертвым сына пастуха. Пастух поклялся молчать. Мертвый ребенок был завернут в королевские одежды и возложен на холм; мидийцы подтвердили, что это Пирус, и ребенка похоронили. Сам же Пирус вырос в семье пастуха.

Камбиз жил еще двадцать лет, но он был слишком слаб,

чтобы зачать второго ребенка. И когда он умер, персы отказались подчиняться другому королю. В это время и появился Пирус, которого узнали по многим признакам. Астьягос сжалился над ним и утвердил наследником Камбиза.

Пирус остается вассалом пять лет, но в конце концов ему надоедает терпеть тиранию мидийцев. Гарпагос в Актабане тоже боится, что лишится головы за то, что ослушался своего короля и не убил Пируса. Поэтому Гарпагос договаривается с мидийской знатью. Они выбирают Пируса своим вождем. Персия восстает, и через три года войны Пирус становится королем двух народов. С тех пор, конечно, он присоединил много других земель. Где еще боги яснее выражали свою волю?

Эверард спокойно лежал на ложе. Он слышал, как в саду холодный ветер теребил осенние сухие листья.

— Это правда или просто слух? — спросил он.

— Я слышал эту историю достаточно часто с тех пор, как живу при персидском дворе. Сам король рассказывал мне это, а также Гарпагос и другие приближенные.

Крез не мог врать, приводя слова короля. Высокорожденные персы были правдолюбцами до фанатизма. И все же Эверард не слышал более невероятной истории за всю свою работу в Патруле. Потому что это была копия рассказа, записанного Геродотом (с небольшими изменениями в переложении на персидский), и было абсолютно ясно, что все это самый обычный миф.

Такие же самые легенды создавались о Ромуле, Реме, Сигурде и множестве других великих людей. Типичный героический эпос. Не было никаких причин верить в то, что это правда и что Пирус не был воспитан в собственном доме, что добился успеха благодаря знатности своего происхождения и поднял восстание по самым обычным причинам. Но только эта сказка, эта легенда имела своего свидетеля, который не мог лгать.

Это было загадкой, которая напоминала Эверарду о цели его посещения этой эпохи. После ничего не значащей беседы он дошел в разговоре до того, ради чего здесь оказался.

— До меня дошли слухи, — начал Эверард, — что шестнадцать лет назад в Разагард вошел человек в простой пастушьей одежде, способный творить чудеса. Может быть, он умер здесь? Слышал ли мой достопочтенный хозяин что-нибудь об этом?

Он ожидал ответа весь напрягшись. Он спрашивал наугад, но Кейфа Денисона не могли просто убить, он не мог свалиться со скал и сломать себе шею или что-нибудь в этом роде, потому что тогда патрульные нашли бы его скутер. Они могли бы не найти самого Денисона, благо поиск был не особенно тщатель-

ным, но как они могли пропустить машину времени своими чувствительными детекторами?

«Значит, — думал Эверард, — случилось что-то другое. И если Кейф еще жив, он должен быть где-то среди людей».

— Шестнадцать лет назад?

Крез запустил руку в бороду.

— Меня тогда здесь не было. Да и в любом случае не думаю, что это возможно, так как именно в этот год Зирус спустился с гор и принял корону Аншана. Нет, Меандр, я ничего об этом не знаю.

— Я хотел найти этого человека, — сказал Эверард, — потому что оракул велел мне...

И Эверард подробно и увлеченно объяснил Крезу, что велел ему оракул.

— Ты можешь расспросить слуг и людей в городе, — предложил Крез. — Я представлю тебя королевскому двору. Ты ведь поживешь здесь немного? Возможно, сам король захочет тебя видеть: ему всегда интересны чужеземцы.

Вскоре их беседа прервалась. Крез объяснил, довольно улыбаясь, что персы верят в то, что надо рано ложиться спать и рано вставать и что он должен быть в королевском дворце с зарей. Раб проводил Эверарда в комнату, где его ждала молоденькая девушка с улыбкой на губах. Он заколебался, вспомнив о том, что было 2400 лет в будущем. Но... к черту все! Человек должен пользоваться всеми благами, которые дарят ему боги, а благ было не так много.

ГЛАВА 5

Вскоре после восхода солнца на площадь прискакали вооруженные всадники и выкрикнули имя Меандра из Афин. Эверард оставил свой завтрак, вышел из дома и уставился на ястребиные черты лица капитана стражи, которую прозвали «бессмертной». Лошади всадников переступали с ноги на ногу, слышались звяканье металла и скрип кожи.

— Вас призывает иллиарх, — отчеканил капитан.

Этот титул был чисто персидским: он обозначал начальника стражи и великого визиря Империи. Эверард стоял неподвижно, оценивая положение. Это было не очень любезное приглашение. Но он вряд ли мог не пойти.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он. — Разрешите мне только вернуться и взять свой скромный подарок, который я хочу преподнести за оказанную мне честь.

— Иллиарх велел, чтобы вы пришли немедленно. Вот лошадь.

Солдат подошел к лошади и скрестил руки, но Эверард вскочил в седло без посторонней помощи таким способом, который положено было знать в веке, когда еще не было изобретено подпруг. Капитан кивнул головой, и они начали бешеную скачку через площадь по широкой улице, по краям которой стояли сфинксы. На ней не было такой толкотни, как на базаре, но все же разъезжали всадники и повозки, шли какие-то прохожие.

«Бессмертные» не останавливались ни перед чем. Они прогрохотали через ворота дворца, широко распахнувшиеся перед ними, и остановились у западного крыла здания.

Сам дворец — кирпичное здание — стоял на широком плато, и рядом с ним располагалось несколько зданий. Капитан соскочил с лошади, небрежно взмахнул рукой и направился вверх по мраморным ступеням. Эверард следовал за ним, окруженный воинами, которые на всякий случай держали наготове блестящие боевые топоры. Они прошли мимо рабов в тюрбанах, с плоскими лицами сквозь красно-желтый колонный зал, потом через зал, выложенный мозаикой, красоту которого Эверард едва успел оценить, а затем мимо других стражников в комнату, потолок которой поддерживали легкие колонны, а в арки окна заглядывали поздно цветущие розы.

Здесь «бессмертные» совершают ритуал повиновения. «Что могут они, можешь и ты, сынок», — подумал Эверард и поцеловал персидский ковер. Человек, возлежавший на низком диване, кивнул головой.

— Поднимитесь и стойте, — сказал он, — подайте подушку греку.

Солдаты поднялись и окружили его. Мидиец принес подушку и положил у ног своего господина. Эверард сел, скрестив ноги. Во рту у него было сухо. Иллиарх, которого, как он помнил, Крез называл Гарпагосом, наклонился вперед. На фоне тигровой шкуры в ярко-красной мантии, надетой на него, мидиец выглядел пожилым человеком, его длинные до плеч волосы были седы, а темное лицо покрыто сетью морщин. Но его пронзительные глаза внимательно оглядели чужестранца.

— Ну, — сказал он по-персидски, с сильным североиранским акцентом, — значит, ты — человек из Афин. Благородный Крез рассказывал нам о твоих приключениях сегодня утром и о том, какие ты задавал вопросы. Так как может быть затронута безопасность государства, я хочу знать, чего же ты

ищешь. — Он погладил свою бороду, и на пальцах заблестели драгоценные камни.

— Если то, что ты ищешь, безвредно, я могу даже помочь тебе.

Он опустил обычные формулы приветствия, не предложил освежающих напитков, не почитал Меандра как гостя. Это скорее был допрос.

— Господин, что ты хочешь знать? — спросил Эверард.

Он хорошо представлял себе, чего хочет Гарпагос, и это было страшно.

— Ты ищешь пастуха, который пришел в Разагард шестнадцать лет назад и творил чудеса.

Его голос стал отвратительным от волнения.

— Зачем тебе это, что ты еще слышал о человеке, одетом пастухом? Говори быстро — не вздумай лгать!

— Великий господин, — сказал Эверард, — оракул в Дельфах сказал мне, что я разбогатею, если узнаю судьбу пастуха, который вошел в столицу Персии в... гм... третий год тирании Вазастрата. Больше я ничего не знаю. Господин сам знает, как темны предсказания оракула.

— Гм... гм...

Гарпагос кинул взгляд на изображение, служащее символом Солнца. Затем он грубо сказал:

— И что же ты узнал?

— Ничего, господин. Никто не мог сказать мне...

— Ты лжешь! — закричал Гарпагос. — Все греки — враги. Берегись, ты замешан в нехорошем деле. С кем ты еще говорил?

Эверард увидел, что губы иллиарха дергаются в нервном тике. Он и сам чувствовал холод и пустоту в желудке. Он приоткрыл какую-то тайну, которую, как считал Гарпагос, уже никто не мог открыть, настолько великую тайну, что иллиарх даже решил не считаться с Крезом, под чьим покровительством Меандр находился. Но что же это, черт побери, такое?

— Ни с кем, господин, — сказал он. — Ни с кем, кроме оракула и Бога Солнца, чьими устами говорил оракул, пославший меня сюда.

Гарпагос с облегчением вздохнул, но тут же снова напрягся.

— Мы только слышали от тебя, грек, что тебе повелел прийти сюда оракул. А может быть, ты пришел сюда выведать наши секреты? Или Бог действительно послал тебя сюда, чтобы тебя казнили за твои грехи. Мы проследим за этим.

Он кивнул капитану стражи.

— Взять его. Именем короля.

— Король!

Перед глазами Эверарда что-то ослепительно блеснуло, словно молния.

— Да, король! — закричал он. — Бог сказал мне... что будет знак... и что я могу донести его своему персидскому королю!

— Взять его! — закричал Гарпагос.

Стража повиновалась и двинулась вперед. Эверард отскочил, крича что есть сил, что он отдается на милость короля Пируса. Это дойдет до трона и... пускай его даже арестуют. Два человека с поднятыми топорами прижали его к стене, но Эверард увидел, как Гарпагос откинулся на диване.

— Схватить и отрубить ему голову! — приказал мидиец.

— Господин, — запротестовал капитан, — он отдался на милость короля и имеет право поговорить с ним.

— Чтобы протянуть время! Я теперь знаю, кто он! Агент Ариана! Убить его!

— Нет, подождите, — закричал Эверард. — Подождите, он сам предатель, который не дает мне сказать королю, что...

Кто-то схватил его за правую руку. Он был готов отсидеть в тюрьме несколько часов, пока король не освободит его, но дела приняли дурной оборот. Он выбросил вперед руку, и кулак попал стражнику в нос, тот отпрянул. Эверард вырвал из его рук топор, отпрыгнул и парировал удар воина, стоящего слева.

«Бессмертные» атаковали. Эверард взмахнул топором, и один из стражников поплатился за это пальцем. В искусстве владеть топором Эверард превосходил их всех, но долго он, конечно, не выдержал бы.

Он уклонился от очередного удара, направленного в голову, и нырнул за колонну. Там его уже ждал другой стражник. Эверард схватил его за руку, отшвырнул в сторону и выбежал на середину комнаты.

Гарпагос встал с дивана, выхватив из-под одежды саблю: старик был храбр. Эверард отскочил назад, так что иллиарх оказался между ним и стражей. Шпага и топор зазвенели друг о друга.

— Стойте! Король идет!

Это было объявлено три раза. Стража застыла на месте, глядя на глашатая в красном плаще, стоявшего у двери, а затем попадала на колени. Гарпагос уронил саблю. Эверард чуть не убил его, но вовремя одумался и, услышав торопливую поступь

воинов, бросил свой топор. Секунду они с иллиархом глядели друг другу прямо в глаза.

— Он услышал... и пришел... сразу... — прошептал Эверард.

Мидиец подобрался, как кот, и зашипел:

— Берегись! Я буду наблюдать за тобой. Если ты отравишь его мозг своими лживыми речами, для тебя тоже найдется если не яд, так кинжал!

— Король! Король! — закричал глашатай.

Эверард и Гарпагос упали на пол. Сначала в комнату вошли «бессмертные» и выстроились в две шеренги, образуя широкий проход. Затем появился Пирус, в длинной тоге, закрывающей ноги. За ним следовали несколько приближенных, которые пользовались привилегией носить оружие в присутствии короля. Рабыня делала рукой знаки, что к приходу короля не постелили ковер.

Голос Пируса прозвучал в абсолютной тишине:

— В чем дело? Где чужестранец, который сдался мне на милость?

Эверард рискнул поднять голову.

Пирус был высок, широкоплеч, он выглядел старше своих лет, но это было естественно, если вспомнить о шестнадцати годах войны. Сейчас ему было сорок семь. Левую щеку короля пересекал глубокий шрам. У него был прямой нос, голубые глаза и полные губы. В черных, зачесанных назад волосах пробивалась седина, а его борода была подстрижена немного короче, чем полагалось по персидскому обычаю.

— Где тот чужестранец, о котором раб говорил мне?

— Я здесь, Великий Король, — сказал Эверард.

— Встань. Скажи свое имя.

Эверард поднялся на ноги и прошептал:

— Хелло, Кейф.

ГЛАВА 6

Вокруг мраморной беседки вились виноградные лозы. Они почти полностью скрывали ее. Кейф Денисон сидел на скамейке. Он поглядел на тени листьев на полу и сказал:

— По крайней мере мы можем говорить спокойно, английского языка еще не существует.

Кейф помолчал.

— Иногда я думаю, — продолжал он, — что самое тяжелое в жизни — это не иметь ни минуты покоя, как это было со мной. Все, что я мог, — это вышвырнуть всех из комнаты, но

через секунду они начинали подслушивать у дверей, лезть в окна, подглядывать. Я надеюсь, что их души, слишком любящие монарха, будут гореть в аду на сковородке.

— Отдельные кабинеты в этом веке еще не изобретены, — напомнил Эверард. — А такие люди, как ты, всегда чем-то недовольны.

Денисон поднял на него усталый взгляд.

— Я все время хочу спросить тебя о Пинтии, — сказал он. — Но ведь, конечно, для нее это было... будет не более недели. Кстати, у тебя не найдется сигарет?

— В скутере, — сказал Эверард. — Мне и так пришлось достаточно объясняться. Никто не ожидал, что ты будешь королем.

— Я и сам не ожидал.

Денисон пожал плечами.

— Самое фантастичное, что могло произойти. Парадокс времени...

— Как это случилось?

Денисон прикрыл глаза рукой и вздохнул.

— По-моему, я совсем уже отстал от цивилизации. Иногда мне кажется все дивным сном. Была ли Хартия вольностей? Джазовая музыка? Не говоря уже о тех людях, которых я знаю. И все еще никак не могу поверить, что ты здесь, Мэнс, я, наверное, сплю...

— Знаешь, как все произошло? И мидийцы, и персы — высококультурные народы, добрые и дружелюбные, но мидийцы в те времена держали власть в своих руках, и они многое переняли от ассирийцев, которых персы ненавидят. Мы в основном земледельцы и скотоводы, и это, конечно, несправедливо, чтобы мы были вассалами...

Денисон поперхнулся.

— Черт! Ну вот опять. Почему я говорю «мы». Как бы то ни было, в Персии было спокойно. Двадцать лет назад король мидийский Астьягос приказал убить Пируса, но впоследствии пожалел об этом, так как отец Пируса умирал и это могло вызвать гражданскую войну.

Я высадился в горах. Мне пришлось долго выбирать место — и во времени и в пространстве, — чтобы понадежнее спрятать скутер: день туда, несколько миль назад. Это одна из причин, почему Патруль не смог обнаружить скутер позже... Видишь ли, я в конце концов подыскал пещеру и отправился дальше пешком, но я попался почти сразу же.

Через этот район как раз двигалась мидийская армия на ус-

мирение персов, среди которых начались волнения... Один из воинов увидел, как я выходил из пещеры, проследил, где я был, и не успел я оглянуться, как меня схватили и стали допрашивать, что я прячу в пещере. Они приняли меня за волшебника и ужасно перепугались, но скорее боялись не меня, а боялись показать этот страх. Скоро обо мне знала вся страна.

Их возглавлял сам Гарпагос, умнейший человек, злой как черт. Он подумал, что меня можно использовать, и приказал мне взять с собой мою странную лошадь, но не разрешил сесть на нее. Тогда мне удалось повернуть главную ручку скутера и отправить его назад путешествовать во времени. Но почему Патруль так и не нашел его?

— Хорошая работа, — сказал Эверард.

— О, я знаю приказ, запрещающий такие анахронизмы.

Губы Денисона искривились.

— Но и все же я ждал, что Патруль выручит меня. Если бы я знал, что они этого не сделают, совсем не уверен, что пожертвовал бы собой ради правил. Я мог взять скутер с собой и потом как-нибудь пробраться к нему.

Эверард угрюмо взглянул на него.

«Кейф изменился, — подумал он, — не просто постарел, но годы, проведенные среди чужих ему людей, затронули его больше, чем он сам представлял».

— Если бы ты рискнул изменить будущее, — сказал Мэнс, — ты рискнул бы и существованием Пинтии.

— Да, да, правда. Я помню, что подумал об этом... Как давно это было!

Денисон наклонился вперед, держа руки на коленях. Он продолжал говорить ровным, но безжизненным голосом:

— Гарпагос, конечно, сразу не раскрыл своих планов. Я думал, что он собирается убить меня. Меня держали все время связанным, как животное, которое ведут на убой. Но, как я уже говорил, слухи обо мне разнеслись по всей стране, и у Гарпагоса возник план. Он предложил мне выбирать: или идти с ним или умереть. Что я мог сделать? И к тому же я не имел права выбирать, так как скоро понял, что играю роль, которая уже записана в истории.

Видишь ли, Гарпагос подкупил пастуха, чтобы тот подтвердил его историю, и представил меня как Пируса, сына Камбиза.

Эверард, нимало не удивленный, кивнул головой.

— Зачем ему это было надо? — спросил он.

— В то время он просто хотел поддержать мидийского короля. Король Аншана, всецело от него зависящий, будет предан

Астьягосу, и к тому же он поможет держать всех персов в руках. Я ничего не мог поделать и следовал ему во всем, с минуты на минуту ожидая, что мне на выручку придет Патруль. Фанатизм всех этих иранских аристократов здорово помог нам — только некоторые из них заподозрили, что я не Пирус, хотя и думаю, что сам Астьягос остался доволен положением вещей.

Но он все-таки жестоко наказал Гарпагоса за неисполнение его приказа, несмотря на то что Пирус был ему сейчас полезней, и как это ни смешно, Гарпагос в точности выполнил его приказание двадцать лет назад!

Все эти пять лет я все больше и больше ненавидел Астьягоса. Сейчас, глядя в прошлое, я вижу, что он был не так уж и плох: типичный восточный монарх древнего мира, но тогда, вынужденный подчиниться всем его прихотям, я чувствовал совсем другое.

Гарпагос, мечтавший отомстить за несправедливость, спланировал мятеж и предложил мне встать во главе.

Денисон усмехнулся.

— В конце концов, я был Пирусом Великим, который должен был оправдать свое назначение. Времена были сначала тяжелые: мидийцы нападали на нас снова и снова, но знаешь, Мэнс, я чувствовал, что мне все это начинает нравиться. Это тебе не сидеть в окопе XX века и гадать, свалится на тебя бомба или нет. О, война здесь достаточно ужасна, особенно, когда начинаются болезни, а они начинаются почти всегда. Но когда ты сражаешься... Боже мой! Ты сражаешься собственными руками. И я даже нашел у себя талант — я умею, оказывается, драться! Мы совершали великие дела!

Эверард с удовольствием смотрел, как Кейф оживляется, как во все черты его лица входит жизнь. А Денисон продолжал со смехом в голосе:

— Мидийская кавалерия числом значительно превосходила нас. Боевых верблюдов мы поставили в авангард, пехоту позади и, наконец, кавалерию. Крез не смог пробиться даже через верблюдов. Мы стерли их кавалерию с лица земли! Крез до сих пор не может опомниться!

Он внезапно замолчал, прикусил губу и посмотрел на Эверарда.

— Прости, я все время забываю. После войны, глядя на груды убитых и раненых, я все время говорил себе, что там, дома, я не был убийцей, но я ничего не мог поделать, Мэнс! Я должен был воевать!

Сначала это было восстание. Если бы я не пошел за Гарпагосом, как ты думаешь, остался бы я в живых? А затем все и пошло. Я не просил ни мидийцев, ни варваров нападать на нас. Ты когда-нибудь видел города, захваченные варварами? Вопрос стоял так: или мы, или они; и когда побеждаем мы, то по крайней мере не заковываем их в цепи и не превращаем в рабов, у них остаются их земля и их обычаи и... ради Бога, Мэнс, что я еще мог сделать?

Эверард сидел, прислушиваясь к легкому ветерку, шуршащему в листьях. Наконец он сказал:

— Нет. Я понимаю. Я надеюсь, что тебе было не слишком одиноко.

— Я привык, — осторожно сказал Денисон, — Гарпагос — человек на определенный вкус, но он интересен. Крез тоже не дурак. Кобат из Мейга чертовски умен, и он единственный человек, который осмеливается обыграть меня в шахматы. Здесь есть праздники, охота, женщины...

Он искоса посмотрел на Эверарда.

— Да. А ты ожидал от меня другого?

— Нет, — сказал Эверард. — Шестнадцать лет — долгое время.

— Кассандра, моя старшая жена, стоит того, что я выстрадал за эти годы. Хотя Пинтия... Боже мой, Мэнс!

Денисон встал и положил руки на плечи Эверарда. Его пальцы сжались с необычной силой: они держали топор, лук и уздечку около двадцати лет. Король Персии громко закричал:

— Как ты собираешься вытащить меня отсюда?

ГЛАВА 7

Эверард тоже поднялся, прошелся и уставился взглядом сквозь каменное переплетение беседки, опустив голову.

— Не знаю, — ответил он.

Кулак Денисона изо всех сил ударил по ладони другой руки.

— Этого я и боялся. Год за годом я все больше и больше боялся, что если Патруль меня и обнаружит... Ты должен помочь мне.

— Я говорю тебе, что не могу!

Голос Эверарда прорвался. Он не обернулся.

— Подумай сам. Ты наверняка и сам все понял. Ты не какой-нибудь мелкий предводитель варваров, чья судьба забудется через сто лет. Ты — Пирус, основатель Персидской империи, ключевая фигура этой эпохи. Если исчезнет Пирус,

исчезнет и все будущее! Не останется ни Пинтии, ни XX века вообще!

— Ты уверен? — взмолился человек за его спиной.

— Я проверял все факты, прежде чем направиться сюда, — сказал Эверард сквозь стиснутые зубы. — Не обманывай себя. У нас предубеждение против персов, потому что одно время они были врагами Греции, а в нашей собственной культуре слишком много было перенято из греческой. Но персы не менее важны!

Ты сам видел, как это произошло. Конечно, по твоим стандартам они все грубы, но такова вся эпоха, включая и греков. И у них нет демократии, но не можешь же ты упрекать их за это. Важно следующее: Персия была первой всепобеждающей силой, сделавшей попытку уважать как сами побежденные народы, так и их законы, что в дальнейшем послужило открытию прочного контакта с Дальним Востоком, что привело к мировой религии зороастризма, создание которой не ограничилось лишь появлением ее у одного народа.

Может быть, ты не знаешь, сколько из христианской религии перенято от Митра, но можешь мне поверить, что очень много. Не говоря уже об иудаизме, который ты, Пирус Великий, спасешь своими руками. Помнишь? Ты завоюешь Вавилон и отправишь всех евреев, еще не принявших другой веры, к себе на родину; без тебя они все будут уничтожены так же, как и другие десять племен.

Даже в своем упадке Персидская империя будет своего рода матрицей для цивилизации. В чем заключается большинство побед Александра Великого, как не в завоевании персидских территорий? А это распространило эллинскую культуру по всему миру!

И затем должны появиться «преемники» персидского государства: Пэнт Гартия, Персия, Фурдуджи и Омар, и Хафаэ, Иран, который мы знаем, и Иран будущего, после XX века...

Эверард круто повернулся.

— Если тебя сейчас не будет, — сказал он, — я хорошо представляю себе, что человек все еще будет в лесах Европы, Америка не будет открыта — через три тысячи лет с этих пор!

Денисон весь обмяк.

— Да, — ответил он. — Я думал об этом. — Он заходил взад и вперед, заложив руки за спину. Его темное лицо старело с каждой минутой.

— Тридцать лет, — прошептал он, как бы разговаривая с самим собой. — Мне восемнадцать лет, и я погибну в битве с

нормандцами. Я не знаю как, но так или иначе обстоятельства вынудят меня. Почему бы и нет? Волей-неволей я проделал все, что от меня требовалось... я знаю, что мой сын Камбиз окажется глупым садистом и что империю спасет Дарий... Боже мой!

Он закрыл лицо руками.

— Прости меня, прости, не выдержал. Я знаю, что мне придется пройти через это.

Эверард вновь сел, избегая смотреть на него. Он слышал, как тяжело Денисон дышит. В конце концов король налил вина в две пиалы и сухим тоном сказал:

— Прости, все прошло. И я еще не сдался.

— Я могу поставить вопрос перед Главным управлением, — сказал Эверард слегка саркастически.

Денисон ответил:

— Спасибо, старина. Я помню их законы достаточно хорошо. Мы пушечное мясо. Они просто запретят посещать Пируса всем, чтобы я не соблазнялся, и пошлют мне приятное письмо. В нем будет говориться, что я абсолютный монарх цивилизованного народа, с дворцами, рабами, вином, поварами, наложницами, огромными землями, на которых я могу охотиться и вообще делать все, что мне заблагорассудится. Чем же я недоволен? Нет, Мэнс, этот вопрос нам придется решать между собой.

Эверард сжал кулаки с такой силой, что почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

— Ты хочешь от меня слишком многого, Кейф, — сказал он.

— Я просто прошу тебя обдумать это, Ариан тебя побери! Ты это сделаешь!

Его пальцы опять впились в плечи Эверарда, когда повелитель Востока выкрикивал свою команду. «Старый Кейф никогда не разговаривал таким тоном, — подумал Эверард, — сейчас в нем звучали властные нотки». Его мысли легко переходили в слова:

— Если ты не вернешься и Пинтия узнает, что ты не можешь вернуться... она придет к тебе, еще одна женщина в гареме короля никак не сможет повлиять на историю. Но если я доложу в Главное управление, перед тем как увижу ее, об этой проблеме как о неразрешимой, что так и есть, что ж, тогда правление Пируса будет под запретом, никому не разрешат отправляться в эти годы и ты никогда не увидишь ее.

— Я уже думал об этом сам, — более спокойно сказал Денисон. — Я не хуже тебя понимаю всю сложность ситуации. Но слушай, я могу показать тебе пещеру, в которой мой скутер

находился несколько часов, пока меня не схватили. Ты можешь вернуться в тот момент, когда я появляюсь, и предупредить меня.

— Нет, — сказал Эверард. — Это отпадает. Причины две. Во-первых, закон, запрещающий это делать, кстати очень мудрый закон. В некоторых случаях делались исключения, но тут вступает в силу вторая причина: то, что ты Пирус. Никто не собирается уничтожать все будущее ради спасения одного человека.

«Сделал бы ты это ради женщины?» — спросил себя Эверард. — Надеюсь, что нет... Пинтии вообще ни к чему знать все. Будет лучше и благороднее, если она ничего не узнает.

Я могу использовать свой авторитет Неприкосновенного Агента, чтобы правда не проникла в различные отделения, кроме как в Главное управление, и не сказать ей ничего, только разве что Кейф умер при таких обстоятельствах, которые вынудили нас запретить путешествия во времени в этот период. Она погорюет немного, конечно, но Пин — слишком здоровая молодая женщина, чтобы скорбеть всю жизнь... Конечно, это непорядочно. Но разве лучше будет позволить ей жить здесь неизвестно как и делить своего мужа по меньшей мере с дюжиной принцесс, жениться на которых его заставила политика? Не лучше ли для нее будет все позабыть и начать жизнь заново, среди ее собственного народа»?

— Ясно, — сказал Денисон. — Я просто хотел быть до конца уверен, что это отпадает. Но должен быть какой-нибудь другой выход. Слушай, Мэнс, шестнадцать лет назад сложилась ситуация, являющаяся причиной всего, что произошло, не из-за человеческого каприза, а из-за частной логики событий. Допустим, я бы не появился. Разве Гарпагос не нашел бы другого псевдо-Пируса. Сходство абсолютно не имеет значения. Другой Пирус вел бы себя совсем не так, как я, в миллионах деталей. Естественно, но если бы только он не был безнадежным психом или маньяком, а умным человеком (я надеюсь, во мне ты признаешь это достоинство, по крайней мере для этой эпохи), его поведение ничуть бы не отличалось от моего и история бы не изменилась. Ты знаешь это не хуже меня. За исключением нескольких критических моментов, время всегда стремится вернуться на круги своя. Небольшая разница в днях и годах не имеет значения, важны отправные ключевые моменты. Ты знаешь это!

— Конечно, — сказал Эверард. — Но, исходя из твоих собственных слов, твое появление в пещере БЫЛО тем самым кри-

тическим моментом. Именно это появление и вложило в голову Гарпагоса мысль о Пирусе. Без этого я хорошо могу представить себе, как разваливается мидийская империя, может быть, ее завоевывают Мидия или варвары, потому что персы не желают иметь другого короля, а только облеченного этим правом с рождения... Нет, я не появлюсь в этой пещере без разрешения, по меньшей мере данеллианина.

Денисон взглянул на него из-под поднятой лампы, опустил ее, но не отвел от Эверарда взгляда.

— Ты не хочешь, чтобы я возвышался, не так ли?

Эверард поднялся со скамьи. Он уронил свой серебряный кубок на пол. Вино потекло как кровь.

— Заткнись! — закричал он.

Денисон кивнул головой.

— Я король. Стоит мне пальцем пошевельнуть, и стража разорвет тебя на куски.

— Это хороший способ, чтобы получить от меня помощь, — сказал Эверард.

Денисон вздрогнул. Секунду он сидел неподвижно, затем сказал:

— Извини. Ты не можешь себе представить, какой шок... О да, жизнь здесь не так плоха, а то, что тебя почитают за полубожество, — к этому тоже привыкаешь, и это постепенно начинает нравиться.

Он улыбнулся.

— Некоторые мои наложницы так прекрасны, что об этом можно только мечтать. И у меня есть Кассандра. Я сделал ее старшей женой, потому что она чем-то напоминает мне Пинтию.

Прошло столько времени. XX век нереален для меня. А здесь получаешь большое удовольствие, несясь на лошади, а не на спортивном автомобиле.... И я знаю, что моя работа здесь ценна, что уже само по себе много... Да, извини меня, я не хотел тебя обидеть. Я знаю, ты бы мог, если бы только смел, но ты не можешь, и я не упрекаю тебя, и тебе незачем меня жалеть.

— Прекрати! — остановил его Эверард.

Он чувствовал, что его мозг словно разрывается на части. Сквозь беседку он видел картинку на крышке: юноша, убивающий быка; за колоннами и лозами винограда стояли стражники в жестких кожаных куртках: их луки наготове, их лица тверже дерева. Из беседки можно видеть и то крыло дворца, где поме-

щался гарем и где минимум тысяча женщин ждала, когда король смилостивится и придет к ним.

За городскими стенами простирались невозделанные поля, на которых крестьяне готовились принести жертву матери-земле. Это место было слишком чуждо. Эверард подумал, с какой страстью он мечтал вырваться отсюда, если бы был на его месте, обратно в XX век.

Он осторожно сказал:

— Дай мне проконсультироваться с некоторыми специалистами. Придется детально проверить весь период. Мы можем обнаружить хоть какую-нибудь зацепку... Я недостаточно компетентен, чтобы все делать одному, Кейф. Дай мне посоветоваться с кем-нибудь наверху. Если мы что-нибудь придумаем, я вернусь... этой же ночью.

— Где твой скутер? — спросил Денисон.

Эверард махнул рукой:

— Там, в холмах.

Денисон запустил пальцы в бороду.

— Точнее ты мне не скажешь, да? Что ж, это мудро. Я не уверен, что доверял бы сам себе, если бы только знал, где эта машина.

— Я имел в виду не это! — вскричал Эверард.

— О, неважно. Не будем ругаться еще и по этому поводу.

Денисон вздрогнул.

— Конечно, отправляйся домой и посмотри, что можно сделать. Тебе нужна охрана?

— Лучше не надо. Это ведь необязательно?

— Нет. Мы сделали нашу страну безопаснее, чем Центральный парк.

— Это мне ничего не говорит.

Эверард протянул руку.

— Только верни мне лошадь. Я бы не хотел потерять ее: это патрульная лошадь, хорошо свыкшаяся с путешествиями во времени.

Их глаза встретились.

— Я вернусь. Каково бы ни было решение.

— Ладно, Мэнс, — сказал Денисон.

Они вышли из беседки, и им пришлось вместе пройти через различные формальности у многочисленных калиток и ворот. Денисон указал на свою спальню и сказал, что он будет ждать его в ней всю неделю, каждый вечер.

Затем, под конец, Эверард поцеловал ногу королю, и, когда Его Величество удалилось, сел на лошадь и медленно выехал из

из ворот дворца. Чувствовал он себя отвратительно. Сделать ничего было нельзя, а он обещал самолично вернуться и произнести приговор королю.

ГЛАВА 8

Днем позже он ехал вдоль холмов, где над холодными ручьями цвели цендры и боковая дорога проходила через густой лес. В Иране тех времен было много таких лесов. Его лошадь явно устала и шла неохотно.

Он найдет какой-нибудь дом пастуха и попросит пристанища, чтобы дать животному отдохнуть. Но нет, к тому времени будет поздно. Ночь обещала быть лунной, он пойдет пешком. Только бы успеть добраться до скутера до восхода солнца! Ему было не до сна.

Лужайка с невысокой травой и спелыми, повсюду разбросанными ягодами так и манила отдохнуть. В седельных сумках у него была еда, мех с вином, и голод настойчиво давал о себе знать. Он неуверенно заерзал на лошади и оглянулся. Что-то привлекло его внимание. Вдалеке на дороге возникло небольшое облако пыли. Оно двигалось и становилось все больше и больше. Несколько всадников, решил он, куда-то очень торопились. Послы короля? Но тогда почему в этом направлении? Ему стало не по себе, нервы напряглись. Мэнс надел шлем, взял в руки щит и высвободил короткую саблю из ножен. Вряд ли всадники проскачут мимо него, он не сомневался в этом, но все же...

Он видел, что всадников было восемь. Лошади под ними были хорошие, хотя их и успели порядочно загнать: на боках животных выступил пот и они тяжело дышали. Наверное, всадникам пришлось поторопиться.

Они были одеты обычно: длинные белые брюки, рубашки, сапоги, плащи и высокие шляпы без полей — не курьеры, не профессиональные солдаты, но и не бандиты. Они были вооружены саблями, луками и арканами.

Вдруг Эверард узнал седого человека, скачущего впереди. В нем будто что-то взорвалось: Гарпагос!

Он ясно мог их видеть; даже для древних иранцев они выглядели устрашающе.

— Ого, — вслух сказал Эверард, — все ясно.

У него не было времени бояться, ему следовало быстро думать. У Гарпагоса не могло быть иной причины для этого бешеного галопа в горы, кроме как поимки грека Меандра. Естест-

венно, во дворце полно шпионов и доносчиков. Гарпагос не позднее чем через час узнал, что король говорил с чужестранцем как равный, на незнакомом языке и затем отпустил его на север.

Какое-то время ушло на обдумывание причин, по которым он должен был покинуть дворец, собрать своих стражников и отправиться в погоню. Почему? Потому что «Пирус» появился среди этих же холмов, на каком-то приспособлении, которое Гарпагос жаждал заполучить для себя. Отнюдь не дурак, мидиец не был удовлетворен рассказом, который состряпал Кейф. Для него было вполне резонно, что рано или поздно кто-нибудь придет из родной страны короля, и на этот раз Гарпагос не даст этому гостю ускользнуть от него.

Эверард более не медлил. Преследующие были всего в сотне ярдов позади него. Мэнс видел сверкающие глаза Гарпагоса под кустистыми бровями. Эверард пришпорил лошадь, свернул с дороги и поскакал через поляну.

— Стой! — закричал позади него знакомый голос. — Стой, грек!

Эверард не оглянулся. Персы уже нагоняли его.

— Стой, а то будем стрелять! Стой! Стреляйте, только не убивайте! Взять его живым!

На опушке леса Эверард соскочил с седла. Сзади послышался свист стрелы. Лошадь заржала. Эверард оглянулся: бедное животное было на коленях. Черт побери, они заплатят за это! Но он был один, а их было восемь. Он поспешил под защиту деревьев. Мимо его левого плеча просвистела стрела и вонзилась в одно из деревьев.

Он побежал, петляя из стороны в сторону, в сгущающихся сумерках. Персы исчезли из виду. Почти наугад они попытались проехать за ним. Треск кустарника и громкие команды раздавались за его спиной.

Скоро они сойдут со своих лошадей. Мэнс прислушался. Где-то журчала вода... Он двинулся в этом направлении, вверх по крутому холму. «Преследователи не беспомощные новички», — подумал он. По крайней мере некоторые из них были горцами, умеющими читать самые незначительные следы на земле.

Ему следовало запутать свой след; тогда бы он смог спрятаться и переждать, пока Гарпагос будет вынужден вернуться к своим обязанностям во дворце. Он тяжело дышал. Голос за ним отдал какое-то приказание, но он был слишком далеко, чтобы

расслышать какое именно. Слишком далеко. Кровь стучала у него в висках.

Если Гарпагос осмелился напасть на гостя короля, он, естественно, не предполагал, что этому гостю когда-нибудь удастся подать на него жалобу. Плен и пытка, пока он не откроет им, где находится скутер, и не научит управлять им, а в конце программы — нож в горло.

«Господи, — подумал Эверард, сердце которого бешено стучало, — я провел эту операцию так, как ее не провел бы и стажер-патрульный. И дело в том, что не надо так много думать об одной женщине, которая даже не твоя, чтобы забыть элементарную осторожность».

Он подошел к высокому берегу. Впереди него, в долине, тек ручеек. Они, конечно, увидят, что он здесь, но как они узнают, вниз или вверх по ручью он пошел?.. Когда он стал спускаться по ручью, тина и грязь приятно холодили его ноги.

Нет, лучше все-таки пойти вверх. Так он подойдет ближе к скутеру, а Гарпагос, наверное, решит, что он скорее всего пойдет вниз по течению, чтобы вернуться назад, к королю. Эверард разбил ноги о камни, и вода леденила их. Воздух стал прохладнее. Но в одном ему повезло: ручеек петлял как змея и он почти сразу же перестал быть виден с того места, где вошел в него.

«Я пройду милю или две, — подумал он, — и, может быть, этот ручеек будет разветвляться, так что я окончательно запутаю следы».

Минуты текли очень медленно.

«Я доберусь до скутера, — продолжал думать он, — обращусь в Главное управление и попрошу помощи, хотя знаю абсолютно точно, что этой помощи лучше не ждать. Почему не пожертвовать одним человеком, чтобы обеспечить свое собственное существование?»

Так что Кейф обречен еще восемнадцать лет жить здесь, пока его не убьют варвары. Но через восемнадцать лет Пинтия все еще будет молодой, и после всего этого кошмара (точно зная дату смерти мужа) она останется совсем одна в запрещенной для путешествия эре, при грозном дворе сумасшедшего Камбиза II... Нет, я должен скрыть от нее правду, удержать ее дома, сказав, что Кейф мертв. Он и сам так хочет. И через год или два она опять будет счастлива: я смогу сделать ее счастливой.

Он остановился, отметил, как острые камни ранили его едва прикрытые ноги, каким усталым и измученным было его тело и

как шумела вода. Но затем он обогнул очередной поворот реки и увидел персов.

Их было двое, и они шли вниз по течению. Очевидно, его след был слишком важен, раз они забыли о своих религиозных предрассудках насчет воды. По берегам, среди деревьев, шли еще двое. Одним из них был Гарпагос.

— Стой! — закричал Гарпагос. — Стой, грек! Сдавайся!

Эверард остановился как вкопанный. Те двое, что шли навстречу ему в этом колодце темноты, казались нереальными, их черные лица совсем не видны, и на черном фоне выделялась только белая одежда, да слышался свист сабли, вытаскиваемой из ножен.

Его словно обухом ударило по голове: они просто разделились: половина воинов пошла вниз по реке, другая половина — вверх, передвигаясь по твердой земле быстрее, чем по воде. Пробежав как можно дальше, они были уверены в том, что добыча от них не ускользнет.

— Взять его живым, — напомнил Гарпагос. — Раньте его, если потребуется, только возьмите живым.

Эверард задрожал от ярости и начал выходить на берег.

— Ну хорошо, негодяй, — сказал он по-английски. — Ты сам напросился на это.

Двое людей, идущих по воде, бросились вперед. Один поскользнулся и упал лицом вниз. Человек на противоположном берегу медленно спускался к воде, чтобы перейти на другой берег.

Грязь была вязкой, Эверард выбросил на другой берег щит, оперся на него и выбрался из воды. Гарпагос медленно и спокойно двинулся вперед, ожидая этого момента. Благородная сталь блеснула, падая на Эверарда сверху. Он наклонился, подставляя под удар шлем, который погнулся, но выдержал. Сабля соскочила со шлема и порезала плечо, он почувствовал слабое жжение.

Эверард понимал, что победить невозможно, но они дорого заплатят за его смерть. Он упал на траву и поднял щит, чтобы прикрыть им глаза. Гарпагос сделал выпад, пытаясь ранить его в ногу. Эверард парировал удар своей короткой саблей. Сабля мидийца свистела в воздухе. Но при ближнем бое у мидийца не было ни одного шанса против верткой сабли противника, что история доказала двумя веками фехтования.

«Бог ты мой, — подумал Эверард, — если бы только у меня были кираса и панцирь, я бы справился со всеми!»

Он искусно прикрывался щитом, отражая атаки длинной

сабли, и с каждым моментом продвигался все ближе и ближе к незащищенной груди Гарпагоса. Иллиарх ухмыльнулся в седую бороду и отскочил прочь. Тянул время, конечно, у него это получилось. Трое солдат выскочили на берег, крича и ломая ветки деревьев. Это была беспорядочная атака. Великолепные воины (в одиночном бою) в рукопашной борьбе, персы никогда не могли научиться массовой дисциплине Европы, за что и поплатились при Марафоне. Но вчетвером против одного, плохо вооруженного человека они явно имели шанс на успех.

Эверард прислонился спиной к дереву. Первый воин подошел к нему как ни в чем не бывало, ни о чем не заботясь, его сабля зазвенела о щит Эверарда. Он чуть наклонился и сделал своим клинком прямой выпад. Эверард почувствовал мягкое, но упорное сопротивление тела. Полагаясь на опыт прежних дней, он быстро вытащил клинок и отскочил в сторону. Воин опустился на землю. Он знал, что умирает, и, застонав, поднял свое лицо к небу.

Остальные солдаты были уже рядом с Эверардом, по одному с каждой стороны. Патрульный отразил щитом нападение справа. Тем самым он приоткрыл правую сторону груди, но, так как воинам было приказано его не убивать, он мог рискнуть.

Солдат справа попытался подрезать ему ноги. Эверард подпрыгнул, и шпага срезала клок травы. Тем временем солдат слева ударил еще ниже, и Эверард внезапно ощутил сталь у себя в икре. Он высвободился, но почувствовал, что нога под ним подгибается.

— Так! Так! — вскричал Гарпагос, подпрыгивая футах в десяти от места сражения. — Свяжите его!

Раньше солдаты не могли использовать свои арканы из-за ближнего боя и из-за того, что им мешали тяжелые луки, висевшие за спиной. Но теперь это было вполне возможно. Уклоняясь от очередного удара сабли, Эверард крикнул, чуть опустив щит:

— Ты, шакал, сам этого сделать не можешь. О шакал и предводитель шакалов, ты боишься, что я отправлю тебя обратно с хвостом, поджатым между ног.

Это был вызов. Его моментально прекратили атаковать. Он пошел вперед.

— Если вы, персы, должны быть собаками мидийца, — проревел он, — неужели вы не могли выбрать мидийца, хоть немного напоминающего мужчину, а не этого шакала, который продал своего короля, а сейчас боится сражаться с одним греком?

Даже так далеко к востоку и в такое древнее время ни один человек с востока не мог «потерять лицо» в таких обстоятельствах. Гарпагос был далеко не трус; Эверард знал, насколько несправедливы были его упреки. Но иллиарх уже кинулся к нему, сыпя проклятьями.

На секунду Эверард увидел дикие, расширенные глаза на ястребином лице. Он пошел вперед. Персы секунду колебались, но этой секунды было достаточно, чтобы Эверард и Гарпагос встретились. Сабля мидийца взлетела и упала, отметая в сторону щит и ранив другую ногу. Перед глазами Эверарда мелькнула белая туника мидийца. Он резко повернул плечо и сделал выпад своей короткой саблей.

Мэнс, вынимая саблю из раны, слегка крутанул ее профессиональным движением, которое обеспечивало смертельную рану, развернулся на правой ступне и отпарировал щитом следующий удар. Перс не сдавался. Краем глаза он видел, как двое солдат подошли ближе и встали за его спиной. «Что ж, — подумал Эверард удовлетворенно, — по крайней мере одним опасным человеком для Пинтии меньше...»

— Стой! Держи!

Голос прозвучал в воздухе хотя и очень слабо, все же сильнее журчания ручейка, и воины отступили назад и опустили свои сабли. Даже умирающий перс отвел свой взгляд от неба.

Гарпагос с трудом попытался сесть в луже собственной крови. Его лицо стало серым.

— Нет... постой, — прошептал он. — Подожди. В этом есть цель. Великий Митра не дал бы мне умереть, если...

Он истинно по-королевски взмахнул рукой, призывая Эверарда к себе. Эверард бросил саблю, наклонился и встал перед Гарпагосом на колено. Мидиец откинулся на его руки.

— Ты из страны короля, — прошептал он сквозь окрашенную кровью бороду. — Не отрицай этого. Но знай... Аупнагаш, сын Ханварша... не предатель.

Его лицо затвердело, как бы отгоняя смерть, пока он не скажет нужного слова.

— Я знаю, — продолжал он, — что есть силы и могущество — от дьявола или бога, — но они есть в стране короля. Я использовал их, использовал его: не для себя, но потому, что я клялся в верности своему королю, Астьягосу, а ему нужен был Пирус, чтобы государство не развалилось.

Потом, по своей жестокости, Астьягос пренебрег моей клятвой. Но я все еще был мидийцем. Я видел в Пирусе единственную надежду — лучшее будущее Мидии. Потому что он был

хорошим королем и для нас — нас чествуют в его государстве сразу после персов... Понимаешь ли ты это, человек из страны короля?

Его мутнеющие глаза попытались поймать взгляд Эверарда, но у него уже не оставалось на это сил.

— Я хотел взять тебя в плен, выпытать у тебя, где спрятана и как работает твоя повозка, а затем убить... это правда... но не для себя. Для блага государства. Я боялся, что ты заберешь короля домой, и знал, что он этого хочет. И что тогда станется с нами? Пощади нас, смилуйся, и кто-нибудь смилуется над тобой.

— Не бойся, — сказал Эверард. — Король останется.

— Хорошо, — вздохнул Гарпагос. — Я верю, что ты говоришь правду... Я не смею думать иначе... Тогда я искупил свою вину? — спросил он с волнением в голосе. — За то убийство по приказанию моего короля (когда я положил беспомощного младенца на вершину холма и смотрел, как он умирает). Искупил ли я свою вину, о ты, из страны короля? Потому что это из-за смерти принца... наше государство чуть не погибло... О! Я искал другого Пируса! Я спас нас! Искупил ли я свою вину?

— Да, — сказал Эверард и удивился, как твердо и убежденно прозвучал его голос.

Гарпагос закрыл глаза.

— Тогда оставь меня, — сказал он командным голосом.

Эверард положил его на землю и отошел. Два перса склонились перед своим господином, исполняя какой-то ритуал. Третий воин вернулся к своей молитве.

Эверард сел под дерево, разорвал часть плаща на полосы и начал перевязывать свои раны. За ранами на его ногах придется поухаживать. Ему надо как-то добраться до скутера. Это будет нелегко, а доктор Патруля вылечит его за два часа. Ему придется найти какое-нибудь ближайшее отделение, чтобы избежать, скажем, многих вопросов в своем собственном веке.

А вопросов он бы не избежал. Если бы только в Главном управлении узнали, что он задумал, какой план пришел ему сегодня в голову, они, безусловно, запретили бы ему его осуществить.

Ответ пришел к нему совершенно неожиданно, но как знание, которое он чувствовал уже долгое время. Он откинулся назад, переводя дыхание. Прибыли еще четверо персидских воинов, и им тут же рассказали, что случилось.

Никто из них не обращал внимания на Эверарда, а только изредка бросали на него испуганные взгляды и делали руками

различные жесты, чтобы предохраниться от зла. Они подняли своего мертвого повелителя и умирающего солдата и понесли их в лес.

Сгущалась темнота. Где-то проухал филин.

ГЛАВА 9

Великий король сидел на постели. За занавесками послышался легкий шум.

Кассандра, старшая жена, неслышно подошла к нему. Мягкая рука тронула его лицо.

— Что с тобой, солнце моего счастья? — спросила она.

— Не знаю.

Он поправил саблю, всегда лежащую у подушки.

— Ничего.

Ее ладонь скользнула по его груди.

— Нет, солнце моей души, — прошептала она, внезапно вздрогнув. — Твое сердце бьется, как барабан войны.

— Пойди туда.

Он указал на комнату, занавешенную тяжелыми шторами.

Лунный свет с темно-голубого неба проникал сквозь арку окна. Он почти слепил, отражаясь от бронзового зеркала. Воздух был прохладен.

Какой-то черный металлический предмет, на котором сидел человек и дотрагивался до различных кнопок на панели управления, появился в воздухе как тень. Предмет осторожно приземлился на ковер, абсолютно беззвучно, и из него вышел человек. Он был крепко сложен, высок, в греческой тунике и шлеме.

— Кейф, — прошептал он.

— Мэнс!

Денисон вышел из темноты.

— Ты пришел!

— Скажи мне что-нибудь новенькое, — прозаически усмехнулся Эверард. — Как ты думаешь, нас кто-нибудь может подслушать? Я не думаю, что меня видели, я материализовался прямо над крышей и прошел сквозь нее на антигравитаторе.

— За дверью стража, — сказал Денисон. — Но они не войдут, пока я не ударю в гонг или не закричу.

— Хорошо. Одевайся.

Денисон выронил саблю. Секунду он стоял как вкопанный, затем у него вырвалось:

— Ты нашел выход?

— Может быть...

Эверард избегал смотреть на него, нервно постукивая по панели управления.

— Слушай, Кейф, — сказал он в конце концов. — У меня есть одна мысль, но может ничего и не получиться. Поэтому нужна твоя помощь. Если все пройдет, как я задумал, считай, что ты уже дома. Я ничего никому не сообщал, но, если представить это как свершившийся факт, Главное управление сможет только выразить свое недовольство таким нарушением правил, но сделать ничего не сможет. Но если ничего не выйдет, тебе придется вернуться сюда, в эту самую ночь и жить жизнью Пируса. Можешь ты это сделать?

Денисон задрожал сильнее, чем при лихорадке. Очень тихим голосом он сказал:

— Хорошо!

— Я сильнее тебя, — грубо сказал Эверард, и у меня с собой современное оружие. Если будет необходимо, я приведу тебя назад связанным. Пожалуйста, не заставляй меня делать этого...

Денисон глубоко вздохнул.

— Хорошо.

— Хочется надеяться, что все будет в порядке. Попрощайся с этим годом навсегда, потому что, если я прав, ты его больше никогда не увидишь, да, надеюсь, и никто другой.

Денисон, который уже направлялся к своей одежде, приготовленной в углу для раба, который должен был одеть его утром, остановился на полдороге.

— Что? — спросил он.

— Мы попробуем переписать историю, — сказал Эверард. — Или, может быть, восстановить историю, которая была раньше, до твоего появления. Я не знаю. Давай скорее!

— Но...

— Говорю тебе, скорее! Понимаешь ли ты, что я вернулся в тот же день, что я в настоящее время с раной в ноге карабкаюсь по холмам, только бы украсть для тебя лишнее время? Скорее!

На лице Денисона появилось какое-то твердое выражение. Лица его не было видно, но говорил он очень ясным и низким голосом.

— Мне надо попрощаться с одним человеком...

— Что?

— Кассандра. Она была моей женой. Боже, уже четырнадцать лет. Она родила мне трех детей и была со мной, когда я три раза умирал от лихорадки и сотни раз от отчаяния, а когда

мидийцы были уже у ворот города, она повела за собой женщин, и мы выиграли... Дай мне пять минут, Мэнс.

— Ну хорошо, хорошо. Только, по-моему, проще послать к ней в спальню евнуха.

— Она здесь.

Денисон кивнул на шторы.

Эверард стоял так, словно его ударили по голове.

«Ты ждал меня сегодня ночью, — подумал он, — и ты надеялся, что я смогу вернуть тебя Пинтии, и поэтому ты послал за Кассандрой».

И потом, когда его пальцы бессознательно сжали рукоять сабли, внутренний голос сказал ему:

«Ты дурак, Эверард, ты просто ревнивый дурак».

Денисон вскоре вернулся. Он в полном молчании оделся и сел в скутер. Эверард включил тумблер пространства, комната исчезла, и перед ними лежали освещенные луной холмы.

— А сейчас в Экбатану.

Эверард начал манипулировать контрольными ручками пространства.

— ... О, ты имеешь в виду Хайматан? Старую мидийскую столицу? — Голос Денисона звучал удивленно. — Но сейчас это только летняя резиденция.

— Я имею в виду Экбатану 86 лет назад, — сказал Эверард.

— А?

— Слушай. Все истории будущего категорически утверждают, что рассказ о детстве Пируса в переложении Геродота и самих персов — чистая выдумка, легенда. В конце концов они могут быть правы. Может быть, твое появление здесь просто один из тех капризов пространства-времени, которые Патруль так тщательно пытается обходить стороной.

— Понятно, — медленно сказал Денисон.

— Ты был в свите Астьягоса достаточно часто, когда был еще вассалом. Ты будешь направлять меня. Нам нужен он сам: предпочтительно один, и ночью.

— Шестнадцать лет — долгое время, — сказал Денисон.

— Гм?

— Если ты хочешь изменить прошлое, зачем тебе нужен я? В моем теперешнем положении? Ты можешь отправиться в тот год, когда я прожил всего несколько месяцев и был молод, и взять меня с собой в Экбатану...

— Извини, нет. Я не смею. Мы и так чертовски рискуем. Бог знает, какой вторичный эффект может возникнуть в мировых линиях. Даже если нам это удастся, Патруль спокойно мо-

жет отправить нас на какую-нибудь отдаленную планету только за то, что мы посмели рисковать такими вещами.

— Да... я понимаю, что ты имеешь в виду.

— К тому же, — сказал Эверард, — ты же не самоубийца! Неужели ты действительно хочешь, чтобы тебя настоящего не существовало? Только подумай на минутку, к чему это может привести?

Он стал передвигать ручки на панели управления. Человек позади него задрожал.

— Великий Митра! — сказал Денисон. — Ты прав. Давай больше не будем об этом говорить.

— Тогда поехали.

Эверард щелкнул основным переключателем.

Они висели над незнакомым городом. Хотя ночь была лунной, город терялся во тьме. Они спустились. Эверард порылся в сумках, висящих у кресла.

— Возьми, — сказал он. — Надень этот костюм, и я тоже переоденусь. Ребята из отделения подогнали их под наши размеры достаточно быстро. Они в таком деле опытны: им самим часто приходится переодеваться.

Воздух свистел в ушах, скутер набирал скорость. Денисон дотронулся до руки Эверарда.

— Вот дворец. Королевская опочивальня в восточном крыле.

Это было массивное и менее красивое здание, чем дворец персидского короля в Разагарде. Окна были слишком узки, чтобы в них можно было пролететь. Эверард выругался и направил машину к воротам.

Двое стражей на конях взглянули вверх и, увидев, что приближается к ним, упали на землю. Еще одно чудо, которое никак не повлияет на историю, потому что в этих веках так же привыкли к чудесам, как в его веке к витаминам. Они проехали по длинному коридору, окруженному лампами, бросающими тусклый свет, мимо насмерть перепуганных стражей. У двери королевской опочивальни Эверард остановился и постучал рукояткой сабли.

— Давай, Кейф, — сказал он. — Ты лучше знаешь, как с ними обращаться.

— Открой, Астьягос! — закричал Кейф. — Открой посланникам великого Ахурамадзы!

К удивлению Эверарда, человек внутри повиновался. Астьягос был так же храбр, как и его народ. Но когда король — дородный человек средних лет — увидел двух существ в люминесцентной одежде, с сиянием вокруг головы и лучами света за

спиной, сидящих на железном троне, он распростерся перед ними на полу. Эверард услышал, как Денисон заговорил громовым голосом на диалекте, который он не совсем понимал, и с божественной мощью в голосе:

— О бесславный отрок обмана, да падет мое проклятие на твою голову! Я знаю все твои мысли, хотя ты и прячешь их под своим глупым черепом. Неужели ты думаешь, что скроешься от Всевидящего ока? Неужели ты думаешь, что Великий Ахурамадза допустит, чтобы ты выполнил свое низкое намерение?

Эверард перестал слушать, уйдя в собственные мысли. Гарпагос был, вероятно, где-то в городе, в расцвете сил и еще невиновный в преступлениях. Теперь ему уже никогда не придется нести на себе такой тяжкой ноши. Он никогда не оставит ребенка на вершине холма и, облокотившись на свою саблю, не будет слушать его криков и плача и ждать, когда он умрет.

Он восстанет в будущем, но по своим собственным причинам и станет иллиархом Пируса. Но он не умрет от руки воина в дремучем лесу, не умрет и второй перс, чьего имени Эверард не знал, от греческой сабли, проткнувшей его насквозь.

Но воспоминание о тех двух людях, которых я убил, останется в клеточках моего мозга, на моей ноге останется белый шрам; Кейф Денисон останется сорока семи лет, со своими привычками думать и делать все, как король.

— ...Знай же, Астьягос, что этот ребенок Пирус — избранник небес. И небеса милосердны: предупреждаю тебя, что если ты возьмешь на душу такой грех, то невинная кровь младенца будет на тебе и не будет тебе прощения! Оставь Пируса в его родной Аншане, или продашь свою душу Архмаду. Это говорит тебе Митра!

— Пошли, — сказал Эверард по-английски.

Эверард переставил рычаги управления на 86 лет вперед, к Разагарду. Лунный свет освещал ручей и дорогу. Где-то вдали завыл волк.

Он спустил скутер, спрыгнул с него и начал высвобождаться из костюма. На лице Денисона застыло странное выражение.

— Мне страшно, — сказал он. — Мне страшно, не слишком ли мы его?.. История говорит, что Астьягос три года воевал с Пирусом, когда персы восстали.

— Мы всегда можем вернуться назад, к самому началу войны, и представить ему видение, чтобы он сопротивлялся, — сказал Эверард. — Но я надеюсь, что этого не случится. Он не тронет принца сразу, но, когда его вассалы восстанут, он будет достаточно разъярен, чтобы забыть то, что будет казаться ему

только сном. Да и его приближенные, мидийская знать, вряд ли позволят ему сидеть сложа руки. Но давай проверим. Разве в день зимнего солнцестояния король не устраивает пышного праздника?

— Да. Отправляюсь. Быстро.

И внезапно в вышине, высоко над ним, зажглось солнце. Они спрятали скутер и пошли к Разагарду пешком среди множества людей, на праздник дня рождения Митра. На пути они спрашивали, что случилось, объясняя, что долгое время были за границей. Ответы удовлетворяли их, даже до мельчайших деталей, которые не были записаны, но хранились в памяти Денисона.

И потом они стояли в многотысячной толпе и приветствовали Пируса, Великого короля, который проезжал со своими главными помощниками — Кобадом, Крезом, Гарпагосом — сквозь тысячные толпы персов.

— Он моложе меня, — прошептал Денисон.

— Так я и думал. И немного меньше ростом... Лицо совсем не похоже, как ты думаешь? Но он подойдет.

— Хочешь остаться посмотреть? — спросил Эверард.

— Нет, — глухо сказал он. — Домой. Это было долгое время. Даже если этого никогда не было.

— Ну-ну.

Сам Эверард тоже выглядел угрюмым, совсем не так, как должен был выглядеть человек, только что спасший друга.

— Этого никогда не было, — сказал он.

ГЛАВА 10

Кейф Денисон выбрался из лифта дома в Нью-Йорке. Он был удивлен тем, что не помнил, как он выглядел. Он даже не мог вспомнить номера своей квартиры, так что ему пришлось обратиться к справочнику. Он попытался остановить дрожь тела.

Пинтия открыла дверь еще при его приближении.

— Кейф, — сказала она почти удивленно.

Он не нашелся что сказать и просто спросил:

— Мэнс не предупредил тебя? Он сказал мне, что предупредил.

— Да это неважно. Я не думала, что ты так изменишься. О мой дорогой!

Она втащила его в квартиру, закрыла дверь и кинулась в его объятия.

Кейф оглядел комнату. Он совсем забыл, какая она маленькая. И ему никогда не нравилось, как Пин ее обставляла, совершенно его не слушаясь.

Уступать женщине, даже спрашивать ее совета — это то, к чему ему предстояло привыкнуть. Как будет нелегко!

Пинтия подняла заплаканное лицо, чтобы поцеловать его. Разве она не изменилась? Но он не помнил, ничего не помнил. После стольких лет он помнил только, что она была маленькой и у нее были светлые волосы. Он прожил с ней всего несколько месяцев. А Кассандра называла его своей «утренней звездой» и дала жизнь трем его детям, и все четырнадцать лет ждала его приказаний.

— Ох, Кейф, наконец-то ты дома, — сказал высокий тонкий голос.

— ДОМА! — подумал он. — БОЖЕ!

Часть четвертая

ЕДИНСТВЕННАЯ ИГРА В ГОРОДЕ

ГЛАВА 1

Его звали вовсе не Джон Сандовал. И он по всем законам не имел никакого права стоять в слаксах и короткой рубашке у окна в квартире одного из домов Нью-Йорка XX века. Эверард привык к анахронизмам, но темно-коричневое лицо, на которое он смотрел, так и предлагало раскрасить себя белыми красками, воткнуть в головной убор перья, обрести пистолет, купленный у какого-нибудь белого вора, и боевую лошадь.

— Ну хорошо, — сказал Мэнс. — Китайцы открыли Америку. Интересно, но почему этот факт требует моих услуг?

— Я сейчас не отказался бы это узнать, — ответил Сандовал.

Его мускулистая фигура опустилась на шкуру белого медведя, которую когда-то подарил Эверарду Тиярин Херлуфсан. Его пальцы сжимались и разжимались.

— Мне было приказано договориться с Неприкосновенным Агентом, забрать его с собой в прошлое и принять меры, которые он считает нужными. Вас я знаю лучше остальных, поэтому...

Он умолк.

— Но разве не лучше было бы взять вторым такого же, как вы, индейца? — спросил Эверард. — Я абсолютно не подхожу для Америки XIII века.

— Тем лучше. Создается впечатление таинственности... Это не такая уж и тяжелая работа, обещаю вам.

— Ну, конечно, нет, — сказал Эверард. — Такая же легкая, как и все остальные.

Он вынул из своего облезлого халата трубку и кисет и быстро стал набивать табак нервными движениями. Первое, что он испытал на собственной шкуре, когда вступал в Патруль времени, что любое, самое важное задание не требует широкой организации. Такие ранние культуры, как сфинксы, Эллада и время Камзкура, и поздние цивилизации по всей истории требовали работы с ними не более одного-двух человек. Самый

обычный выпускник Академии (снабженный, безусловно, оружием будущего) мог заменить собой целую бригаду.

Это было делом не только необходимости, но и этики. На тысячи лет было слишком мало людей.

— У меня создается впечатление, — сказал Эверард, — что это не обычное исправление экстратемпорального вмешательства.

— Верно, — сказал Сандовал твердым голосом. — Когда я доложил, что обнаружил, отделение в Рее провело тщательное расследование. Никакого вмешательства со стороны путешественников во времени не произошло. Кубла-хан придумал все это сам. Он был вдохновлен рассказами Марко Поло о Венеции и его путешествиями по Арабскому морю. И это были правдивые рассказы, даже если в книге о них ничего не упоминается.

— Китайцы — ранние мореплаватели, — сказал Эверард. — О, это вполне естественно. Но что должны делать мы?

Он раскурил трубку и глубоко затянулся. Сандовал все еще молчал, и Эверард спросил:

— Как вам удалось найти эту экспедицию? Не в Новом же Свете?

— Еще не хватало, чтобы я занимался исследованиями собственного племени, — ответил Сандовал. — Нас слишком мало в Патруле, и глупо заставлять нас заниматься ненужными вещами. Нет, я в основном занимался изучением миграции атабасканов.

Как и Кейф Денисон, он был специалистом, пишущим историю народов, которые никогда сами ее не создавали так, чтобы Патруль имел точные представления в случае нужды ими управлять.

— Я работал на восточном склоне Каскадов, около Кратерного озера, — продолжал он. — Это страна Латуами, но у меня были причины подозревать, что племя Атабаскана, чей след я потерял, проходило именно здесь. Туземцы говорили о загадочных незнакомцах, пришедших с севера. Я кинулся туда и нашел там экспедицию монголов на лошадях. Я проследил их путь и обнаружил, что их лагерь расположен у устья Хокальской реки, где несколько монголов помогали китайцам сторожить корабли. Я немедленно доложил в Главное управление.

Эверард молча сидел и глядел на него.

— Насколько тщательно проведено расследование в Китае? — спросил он. — Вы абсолютно уверены в том, что это не вмешательство какого-нибудь незадачливого путешественника во времени? Оно могло произойти не нарочно, а совершенно

случайно и стать побочным эффектом какой-нибудь другой операции.

— Я тоже об этом подумал, — кивнул головой Сандовал. — Специально справлялся в Главном управлении и в его отделении в Камбулаке, или, как вы его называете, в Пекине. Они все совершенно тщательно проверили. Все в порядке. В Китае только знают, что экспедиция была послана и не вернулась, и Кубла-хан решил, что больше никого посылать не стоит. Эта запись лежала в имперском архиве, но была уничтожена при восстании Мияга, которое охватило и монголов. Историографы забыли об этом.

Но Эверард все еще колебался. Он любил свою работу, но в этом деле было что-то ненормальное.

— Вероятно, — сказал он, — экспедиция погибла. Это интересно. Но зачем вам Неприкосновенный Агент? Чтобы шпионить за ними?

Сандовал отвернулся от окна. Эверарду опять пришло в голову, как странно видеть его здесь. Сандовал родился в 1930 году, воевал в Корее и в Патруле работал после окончания колледжа, но как-то особенно не вписывался в XX век.

А кто из нас вписывается в свой век?
И как вообще можно жить, зная, какая
судьба ждет твой народ?

— Но я не собираюсь шпионить! — воскликнул Сандовал. — Когда я подал этот рапорт, приказ пришел прямо от данеллиан. Никакого объяснения, просто приказ уничтожить эту экспедицию. Самому переделать историю!

ГЛАВА 2

Год 1280-й от Рождества Христова.

Государство Кубла-хана занимало несколько широт и долгот: он мечтал о мировой империи, и его двор приветствовал каждого чужеземца с новыми знаниями.

Молодой венецианский купец по имени Марко Поло стал его любимцем. Но не все народы пожелали бы иметь монгола своим царем. По всей стране создавались строго секретные общества заговорщиков. Япония уже отразила одно нашествие. Да и сами монголы не были объединенным народом, разве что в теории. Русские тоже были недовольны: Иль-Абек правил в Багдаде.

Дели был городом рабов. Папой был Николай III; гвельфы наводнили Италию; Рудольф был императором Германии, Филипп Кровавый — королем Франции, Эдуард правил Англией. Это время включало в себя таких людей, как Данте Алигьери, Роджер Бэкон.

А в Северной Америке Мэнс Эверард и Джон Сандовал сдерживали своих лошадей на вершине пологого холма.

— Впервые я увидел их на прошлой неделе, — сказал Сандовал. — С тех пор они уже много прошли. При такой скорости они будут в Мексике через несколько месяцев, даже если учесть, что им придется перебраться через горы.

— По монгольским стандартам, — сказал Эверард, — они двигаются еще медленно.

Он поднял бинокль. Вокруг него цвел апрель. Даже самые старые и высохшие ветки пустили молодые побеги, слегка качавшиеся под сильным ветром, который приносил из-за гор холод и мягкий приятный запах тающего снега.

В небе было столько птиц, что они, казалось, затмевали собой солнце. Горные пики Каскадов, казалось, еще больше удалились к западу и выглядели далекими, бело-голубыми и холодными. Еще дальше к западу виднелись холмы, поросшие лесами, и долины, а вдалеке, за горизонтом, паслось стадо бизонов.

Эверард сконцентрировал внимание на экспедиции. Она проходила более или менее открытыми местами, двигалась вдоль течения реки. Примерно семьдесят загорелых, смуглых коротконогих людей на азиатских лошадях. Животные были тяжело нагружены снаряжением и провиантом. Он опознал двух местных проводников по их умению держаться в седле и по их манере ношения одежды. Но в основном его внимание привлекли монголы.

— Как много беременных кобыл, — заметил он вслух. — Наверное, они взяли их с собой на корабли и выпускали на волю каждый раз, когда приставали к берегу. Сейчас эти лошади только замедляют их движение.

— У кораблей у них тоже остались лошади, — сообщил Сандовал. — Я проверял.

— Что вы еще об этом знаете?

— Не более того, что я уже рассказал, а остальное вы сами видите. И еще этот документ, который лежит в архиве Кублахана. Но, если вы помните, в нем просто удостоверяется, что четыре корабля под командой воина Токтаи и ученого Ли Тай Чунга были отправлены на исследование островов за Ласкией.

Эверард рассеянно кивнул головой. Никакого смысла не было сидеть и ждать. Сандовал откашлялся.

— Я все еще сомневаюсь, что нам обоим следует появляться перед ними, — сказал он. — Почему вы не хотите остаться в резерве на тот случай, если они обойдутся с одним из нас сурово?

— У вас геройский комплекс, да? — спросил Эверард. — Нет, нам лучше пойти вместе. Я не думаю, что следует бояться. Пока что нет. Они слишком умны, чтобы нападать на неизвестных людей. Вы разве не видите, как хорошо они обращаются с индейцами? А мы для них несколько более понятны... Хотя я не возражаю против того, чтобы выпить перед тем, как пойти к ним.

— Согласен! И потом тоже!

Каждый достал из полевой сумки флягу в полгаллона и приложился к ней. Шотландское виски согрело Эверарда. Он пришпорил лошадь, и оба патрульных поскакали вниз по холму.

В воздухе прозвучал резкий свист. Их увидели. Мэнс проехал сквозь линию монголов резвой рысью. С обеих сторон от него по краям ехали всадники с луками наготове, но они не мешали ему.

«Надеюсь, мы выглядим безвредно», — подумал Эверард.

Как и на Сандовале, на нем был костюм XX века: охотничья куртка от ветра, шляпа от дождя. На виду у них были кинжалы, маузеры, а также станнеры XXX века.

Навстречу им скакала группа всадников. Эверард внимательно рассмотрел их при приближении. Примерно за час до своего отправления он получил полное представление о языке, истории, манерах поведения монголов, китайцев и даже местных индейцев. Но он никогда не видел этих людей близко.

Они не казались солидными: небольшого роста, кривоногие, с тощими бородатыми и плоскими лицами, облезшими от загара. Они были хорошо вооружены и одеты: ботинки, брюки, кожаные кирасы с лаковым орнаментом, стальные шлемы с плюмажем, кривые сабли, ножи, луки со стрелами.

Человек, находящийся в центре, имел знаки отличия — сделанные из золота хвосты яков. Он наблюдал за приближением патрульных с абсолютно бесстрастным лицом.

Вождя было легко узнать. Он ехал в повозке, на его плечи был накинут расшитый серебром плащ. Вождь был выше самого рослого солдата, с рыжей бородой и почти римским носом. Проводник-индеец, сидевший рядом с ним, вздрогнул и отпрянул

назад, но нойон Токтаи остался на месте, оглядывая Эверарда твердым взглядом.

— Приветствую вас, — сказал он, когда они достаточно приблизились. — Какой дух привел вас?

Он говорил на диалекте латуами, который потом стал клематским языком, с едва заметным акцентом.

Эверард ответил на неудобном, лающем монгольском языке.

— Приветствую тебя, Токтаи, сын Батыя. По желанию Тенгри мы пришли с миром.

Это было эффектно. Краешком глаза Эверард увидел, как многие монголы сделали рукой знак от дурного глаза. Но воин слева от Токтаи обрел с рождения воспитанную беспристрастность.

— Ах, — сказал он, — значит, люди из западных земель тоже достигли этой страны? Мы этого не знали.

Эверард взглянул на него. Ростом он был выше любого монгола, его кожа была почти белой, руки и черты его лица — мягкими. Одетый так же, как и все остальные, он не был вооружен. Он казался старше нойона Токтаи лет на 50. Эверард поклонился в седле и заговорил на северном диалекте китайского языка:

— Почтенный Ли Тай Чунг, нехорошо мне, такому маленькому человеку, исправлять твою ошибку, но мы пришли из государства, что расположено к югу отсюда.

— До нас дошли слухи, — сказал ученый. Он не мог скрыть своего удивления и возбуждения. — Даже у нас, так далеко на севере, ходили легенды о богатой и прекрасной стране. Мы ищем ее, чтобы принести твоему хану любовь нашего Кубла-хана, сына Тули и Тенгиса, попирающего землю своими ногами.

— Мы знаем о Кубла-хане, — сказал Эверард, — мы знаем Калифа, Папу, Императора и других монархов, менее важных.

Ему приходилось вести осторожный разговор, выбирая слова, не оскорбляя открыто их повелителя и в то же время ставя его на должное место.

— О нас же почти никто ничего не знает, потому что наш повелитель не ищет связей с другими странами и не хочет, чтобы искали его. Разреши мне представить себя, недостойного. Зовут меня Эверард, я не русский и не с запада, как можно подумать по моей наружности. Я принадлежу к охранникам границы.

Пусть сами решают, что это значит.

— Вас немного, — резко сказал Токтаи.

— Больше не понадобилось, — ответил Эверард самым приятным голосом, на какой был способен.

— И вы далеко от дома, — вставил Ли.

— Не далее, чем будете вы, уважаемые, на киргизских маршах.

Токтаи положил руку на пояс, удерживающий саблю.

— Пойдемте, — сказал он. — Тогда я чествую вас как посланников. Давайте разобьем лагерь, и мы выслушаем слова вашего короля.

ГЛАВА 3

Солнце, спускавшееся за западными пиками гор, посеребрило их снежные вершины. Тени в долине углубились, лес потемнел, но на открытой лужайке, казалось, стало еще светлее. Слышались журчание ручейка, стук топора, шелест травы под копытами лошадей.

Монголы были изумлены своими гостями. Но лица их оставались бесстрастными, хотя глаза все время оглядывали то Эверарда, то Сандовала, и они шептали слова различных заклинаний: в основном буддийские или магометанские молитвы. Это никак не повлияло на быстроту, с которой они разбили лагерь, поставили стражу, позаботились о животных и начали готовить ужин.

Но Эверарду показалось, что это нарочитое молчание. Он помнил записи, где говорилось, что монголы, как правило, веселы и разговорчивы.

Он сидел на полу шатра скрестив ноги. Круг довершали Сандовал, Токтаи и Ли. Перед ними лежали коврики, а жаровня не давала котелку с чаем остыть. Это был единственный шатер во всем лагере, вероятно специально взятый вот для таких случаев. Токтаи налил кумыс собственными руками и предложил его Эверарду, который втянул напиток в себя так громко, как требовалось по этикету, и передал другому. Он пил и кое-что похуже, чем кислое кобылье молоко, но был рад, когда ритуал окончился и все сели пить чай.

Вождь монголов заговорил. Он не мог говорить так гладко, как его китайский сотоварищ. Его голос чуть возвысился: ведь чужестранец осмелился подойти к посланцу Великого хана, а не подползти к нему на животе? Но его слова оставались любезными.

— Пусть же теперь гости объявят волю своего короля. Скажите сначала, как его имя?

— Имя его нельзя произносить, — сказал Эверард. — О его землях вы знаете только по ничтожным слухам. О его власти, нойон, можешь судить сам по тому, что он послал сюда только нас двоих и нам нужно было только по одной лошади.

Токтаи усмехнулся.

— Это красивые животные, ничего не скажешь, только хотел бы я посмотреть, как они скачут в степи? Долго вы ехали сюда?

— Не больше одного дня, нойон. У нас есть средство быстро двигаться.

Эверард полез в карман своей куртки и вытащил несколько пакетов с подарками.

— Наш повелитель приказал нам поднести посланникам Великого хана эти подарки в знак своего уважения.

Пока разворачивали подарки, Сандовал наклонился и прошептал на ухо Эверарду по-английски:

— Взгляните на выражение их лиц, Мэнс. Мы сваляли дурака.

— Почему?

— Этот целлофан, в который завернуты подарки, произвел впечатление на такого варвара, как Токтаи. Но посмотрите на Ли. Его цивилизация писала иероглифами задолго до того, как предки Бонаит Теллера еще не умели рисовать. Его мнение о нашем вкусе явно упало.

Эверард пожал плечами.

— Ну что ж, и он прав, разве нет?

Их разговор на незнакомом языке привлек внимание других. Токтаи тяжело посмотрел на них, но потом опять вернулся к своему подарку — карманному фонарику, который пришлось демонстрировать и по поводу которого выслушивать восклицания. Сначала он его немного боялся и даже пошептал заклинание, но потом вспомнил, что монголу не положено ничего бояться, кроме грома, и взял себя в руки, а вскоре забавлялся, как ребенок. Китайский ученый получил в подарок книгу, незнакомый шрифт и оформление которой больше всего должны были удивить его, но, несмотря на то что китаец рассыпался в благодарностях, потрясен он не был.

Эверард вскоре начал понимать, что с этим ничего не поделаешь, софистика лежала в основе любого знания.

Подарками должны были обменяться: патрульные получили красивую китайскую саблю и связку бобровых шкур. Прежде чем беседа опять перешла в деловое русло, прошло много времени. Затем они разговорились о путешествиях.

— Раз вы знаете так много, — начал Токтаи, — вы должны также знать, что наш набег на Японию несколько лет назад не удался.

— Такова была воля небес, — сказал Ли своим ровным голосом.

— Ерунда, — загорячился Токтаи. — Такова была глупость людей, ты хочешь сказать. Нас было слишком мало, мы были слишком невежественны и приплыли по бурному морю. Ну и что? Когда-нибудь мы вернемся туда.

Эверард с печалью вспомнил, что так и будет и что шторм потопит весь флот и множество молодых юношей. Но он не перебил Токтаи.

— Кубла-хан, — говорил Токтаи, — понял, что нам надо больше узнать об островах. Возможно, мы создадим базу к северу от Хоккайдо. Затем мы слышали много рассказов о землях, лежащих западнее. Рыбаки то и дело сбиваются с курса и видят их; купцы из Сибири говорят о богатой стране к западу оттуда. Великий хан построил четыре корабля и нанял китайских матросов, велел мне взять сотню монгольских воинов и открыть эту землю.

Эверард, ничуть не удивившись, кивнул. Китайцы уже сотни лет плавали на своих джонках, вмещающих иногда около тысячи пассажиров. Правда, они еще не были такими моряками, какими станут в более поздние века под португальским влиянием, и они никогда еще не пересекали холодных вод океана. Но все же китайские моряки хорошо ходили по морю.

— Мы исследовали две цепи островов, одну за другой, — сказал Токтаи. — Дни были холодными, но мы все же останавливались тут и там, выпускали лошадей и кое-что узнавали от туземцев. Тенгри знает, как это трудно, когда приходится переводить с шести языков! Мы наконец узнали, что там есть две главные страны: Сибирия и еще одна, — которые так близко подходят друг к другу на севере, что человек может перебраться на другой берег на лодке, а зимой иногда просто перейти по льду.

Наконец, мы пришли к новой стране. Большая страна: леса, много озер. Но слишком частые дожди. Мы решили плыть дальше и поплыли, стараясь держаться рядом с берегами.

Эверард вспомнил карту. Если сначала плыть вдоль Курил, а потом вдоль Алеутских островов, то всегда будешь близко к земле. К их счастью, джонки не разбились, что было вполне возможно, и нашли пристанище даже на скалистых островах. Течение протащило их вперед. Токтаи не успел оглянуться, как

открыл Аляску. Так как страна к югу становилась все богаче и богаче, он решил высадиться.

— Мы разбили наш лагерь, когда год пошел на убыль, — сказал монгол. — Племена в этой стране дружелюбны. Они дали нам пищу, женщин, помогли нам в том, чего мы хотели. В награду наши матросы научили их, как ловить большую рыбу и приносить больше дичи с охоты. Мы видели уже достаточно, чтобы понять, что они рассказали правду: я никогда не видел такой богатой земли.

Его глаза жадно блеснули.

— Конец, — предупреждающе прошептал Ли. Он слегка кивнул в сторону патрульных. Токтаи замолчал.

Ли повернулся к Эверарду и сказал:

— Нам говорили также о золотом королевстве далеко к югу. Мы сочли своей обязанностью исследовать эту страну так же, как и прилегающие к ней. Мы никак не думали, что встретим таких уважаемых гостей на пути.

— Это честь для нас, — промурлыкал Эверард.

Затем, придав своему взгляду торжественность, он произнес:

— Мой повелитель, имени которого произносить нельзя, послал нас с дружбой. Мы опечалимся, если с вами случится несчастье. Мы пришли предупредить вас.

— Что?

Токтаи выпрямился.

Его рука потянулась к тому месту, где должна была висеть сабля, которую ее величество не надел.

— Что ты сказал? Клянусь преисподней, что ты сказал?

— Вот именно преисподней, нойон. Хоть и богата эта страна, над ней висит проклятье. Скажи ему, брат мой.

Сандовал, у которого был более мягкий голос, подхватил: его речь была составлена так, чтобы вселить веру в сверхъестественное у полуцивилизованного монгола, но при этом не затронуть скептицизм китайца.

— Действительно, существуют два великих южных королевства, — объяснял он. — Наше собственное королевство находится очень далеко, соперничающее с ним — к северу и востоку, с высокой башней на равнине. Обе страны могущественны. Северная империя Багдайз считает всю эту территорию своей и не потерпит никаких чужестранцев. Ее воины давно уже обнаружили монголов и уничтожат их своими громами.

Прекрасная южная страна Гудгайз не может защитить их, но послала вестников предупредить монголов, чтобы они поворачивали домой.

— А почему туземцы ничего не рассказали нам о двух таких могущественных державах? — резко спросил Ли. — Прости меня.

— А разве каждый маленький человек в джунглях Бирмы слышал о Кубла-хане? — ответил Сандовал.

— Я чужеземец и невежествен, — сказал Ли. — Прости меня, но я не понимаю тебя, когда ты говоришь о всеуничтожающем оружии.

«И это самый вежливый способ, посредством которого меня когда-нибудь обзывали лгуном», — подумал Эверард. Но вслух он сказал:

— Я могу показать тебе, если у нойона есть животное, которое можно убить.

Токтаи задумался. Лицо его было бесстрастно, но по нему струился пот. Наконец он хлопнул в ладоши и отдал приказание стражнику, появившемуся в дверях. Наступило молчание.

Бесконечно долго тянулось время. Не прошло и часа, как в шатер заглянул воин и сказал, что несколько человек заарканили оленя. Подойдет ли олень для целей великого нойона? Подойдет. Токтаи вышел из шатра первым, остальные — за ним. Эверарду хотелось, чтобы всего этого не было, но отступать было поздно. Вокруг толпились люди. Он снял маузер с предохранителя.

— Хочешь ты? — спросил он у Сандовала.

— Боже, нет.

Олень, великолепный самец, был пойман неподалеку арканами. Солнце играло на его бронзовой шкуре. Когда олень взглянул на Эверарда, в его взгляде была какая-то мягкая покорность судьбе. Мэнс помахал рукой, чтобы люди отошли в сторону, и прицелился. Оленя убила первая пуля, но Эверард продолжал стрелять, пока не опустел магазин маузера.

Когда он опустил пистолет, в воздухе повисло тяжелое молчание. Он оглянулся на фигуры с кривыми ногами, плоскими невыразительными лицами и с необычайной остротой почувствовал запах пота, лошадей, дыма. Он осознал себя таким же далеким от обычного человека, каким он был в их представлении.

— Это самое слабое из всего нашего оружия, — сказал он. — Душа, исторгнутая из тела, не найдет пути домой.

Он резко повернулся. Сандовал следовал сзади. Их оседланные лошади стояли неподалеку. Они молча сели на них и поскакали прочь, в лес.

ГЛАВА 4

Порыв ветра раздул пламя костра. Но при его свете лица сидящих все равно не были видны: они оставались в тени, и только иногда можно было разглядеть линию носа, щеку или блеск глаз. Ветер утих, и двух людей опять поглотила тьма.

Эверард ни о чем не жалел. Он взял мундштук трубки и глубоко затянулся, но легче ему не стало. Когда он заговорил, вздохи качающихся вершин деревьев почти заглушили в ночи его голос, и ему это тоже было безразлично.

Рядом лежали их спальные мешки и стоял скутер —антигравитационная машина пространства-времени, а неподалеку паслись лошади. Вокруг было пусто, разбросанные по земле костры были малы, как и их собственный, и одиноки, словно звезды во Вселенной.

— Я думаю, — сказал Эверард, — что каждый полицейский иногда чувствует себя преступником. До сих пор вы были только наблюдателем, Джон. Активные действия, которыми руководствуюсь я, часто бывает трудно предпринять.

— Да.

Сандовал был еще спокойнее, чем его товарищ. Он даже не пошевелился после ужина.

— И я хочу сказать вот что. Что бы ты ни сделал, чтобы аннулировать чужое вмешательство в историю, ты по меньшей мере можешь думать, что тем самым восстанавливаешь настоящее положение вещей.

Эверард запыхтел трубкой.

— Только не напоминай мне, что «настоящее положение вещей» бессмысленно в этой ситуации. Я просто не нашел более удачных слов, но ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Ну-ну.

— Но когда наши господа, наши дорогие данеллиане-супермены приказывают НАМ вмешаться... Мы знаем, что экспедиция Токтаи не вернулась на родину. Зачем тогда мне или тебе принимать в этом участие? Если они набредут на дружеские индейские племена и смешаются с ними, я не возражаю. И если индейцы их всех перебьют, я тоже не возражаю. По крайней мере не больше, чем против любого убийства в этой проклятой бойне, которую зовут историей.

— Нам не обязательно убивать их. Просто надо заставить их повернуть обратно. Сегодняшней демонстрации может быть вполне достаточно.

— Да. Повернуть обратно... И что потом? Возможно круше-

ние на море. Им нелегко будет добраться до дома (шторм, туманы, течения, скалы) на этих примитивных кораблях, предназначенных в основном для плавания по реке. И мы должны позаботиться, чтобы они сели на корабли и вернулись домой именно сейчас! А если мы не вмешаемся, они вернутся домой позже. Так какая, в конце концов, разница? Почему мы должны брать вину на себя?

— Им не обязательно плыть домой, —прошептал Сандовал.

— Что? Что?!

Эверард подскочил.

— Из того, что говорил Токтаи, я понял, что он собирается вернуться домой верхом, а не на кораблях. Как он догадался, Берингов пролив нетрудно пересечь: алеуты делают это все время. Мэнс, я боюсь, что нам трудно будет пощадить их.

— Но они никогда не вернутся домой! Мы знаем это!

— Допустим, что ты прав.

Сандовал начал говорить громче и намного быстрее. Ночной ветерок пытался унести его слова.

— Давай немного подумаем и пофантазируем. Допустим, Токтаи направится к юго-востоку. Я не вижу, что его может остановить. Ему не придется идти слишком далеко, чтобы добраться до высокоразвитого народа, землепашеского племени Паубло. Это вдохновит его еще больше. К августу он будет в Мексике. Мексика сейчас такая же цветущая, как была... будет... во времена Кортеса.

И еще большее искушение: ацтеки и толтеки все еще сражаются за право первенства, а другие племена околачиваются по соседству, присоединяя к себе любых чужестранцев против тех и других.

Испанские друзья ничуть не ниже любого индейца... Я не говорю, что Токтаи сразу захватит там власть: он будет очень любезен, проведет там зиму, выпытает все, что только можно. На следующий год он отправится обратно на север, достигнет родины и доложит Кубла-хану, что самая богатая золотом страна, самая красивая на всей земле, только и ждет, чтобы ее завоевали!

— Как насчет других индейцев? — вставил Эверард. — Я очень мало знаю о них.

— Новая империя Майзна в зените своей славы. Твердый орешек, но слишком уж соблазнительный. Я думаю, что, если монголы обоснуются в Мексике, никто не сможет их остановить. В Перу сейчас еще более высокая культура и совсем ни-

какой организации. Квешуа-Аймар, так называемая раса инков, — все еще единственная власть там среди остальных.

— И потом — земля! Представляешь ли ты, что сделает племя монголов из Великих Равнин?

— Я не думаю, чтобы они иммигрировали целыми племенами, — сказал Эверард. От слов Сандовала ему стало не по себе, и он перешел к защите. — Не забывай, что им предстоит пройти Аляску и Сибирию.

— Преодолевались и большие трудности. Я не хочу сказать, что они хлынут сразу всей ордой. Может пройти несколько веков, прежде чем они начнут массовую иммиграцию, но у европейцев это заняло столько же времени. Я представляю себе целые кланы и племена, со временем населившие Северную Америку, Мексику и Юкатан, который они тоже присоединят или, что вероятнее, поставят во главе их по хану. Орды все вырастают, и тем временем прибывают все новые и новые. Вспомните: Инскую династию должны уничтожить менее чем через сто лет. Это будет дополнительным стимулом для монголов Азии идти куда угодно. И китайцы придут сюда тоже возделывать землю и добывать золото.

— Я считаю, только не обижайтесь на мои слова, что вы последний из всех людей, которые хотят ускорить завоевание Америки.

— Это будет не то завоевание, — сказал Сандовал. — Ацтеки мне безразличны; если вы изучали историю, вы должны согласиться, что Кортес оказал им большую услугу. Для других же племен это сначала будет тяжело. Но только сначала.

Монголы не такие уж и дьяволы. Мы имеем предубеждение против них только из-за западных цивилизаций. Но мы забываем, как высокообразованные европейцы наслаждаются порой мучениями и резней. В действительности же монголы напоминают чем-то древних римлян. Они также уничтожают и выжигают всех, кто им сопротивляется, но уважают законы тех, кто сдается на милость победителя.

У них такая же военная организация и вполне компетентное правительство. Те же необыкновенные, самобытные черты характера, но тем не менее высокоразвитая цивилизация. Монгольское государство занимает сейчас немалую площадь и объединяет в себе больше национальностей, чем Римская империя могла себе когда-либо вообразить.

Что касается индейцев, то не забывайте, что монголы — скотоводы. Никаких конфликтов между охотниками и фермерами, что когда-то заставило белых людей уничтожать индей-

цев, в настоящем случае не произойдет. У монголов нет расовых предрассудков, и после небольшой войны чироки, семинолы, дакоты будут только рады подчиниться и стать зависимыми. Почему бы и нет? Все индейские племена получат лошадей, овец, потом текстиль, металлургическое производство. Они будут превосходить числом завоевателей и будут находиться с ними на равных правах, чего никогда не дадут им белые фермеры. И я повторяю, что сюда придут и китайцы, неся с собой цивилизацию и ее пороки...

— Боже мой, Мэнс! Когда Колумб приплывет сюда, он таки найдет страну обетованную! Ханство — самое сильное и могущественное устройство в мире!

Сандовал замолчал. Эверард прислушивался к шуршанию листьев. Он долго глядел в ночь, перед тем как сказать:

— Это возможно. Конечно, нам придется жить в этом веке, пока критический момент не станет прошлым. Наш собственный мир перестанет существовать. Никогда не будет существовать.

— Не такой уж это был хороший мир, — сказал Сандовал словно в полудреме.

— Ты думаешь... о своих родителях. Они бы тоже никогда не были рождены.

— Они жили в нищете и грязи. Я однажды видел, как плакал мой отец, когда не смог зимой купить нам ботинок. Моя мать умерла от туберкулеза.

Эверард сидел не шевелясь. Первым на ноги вскочил Сандовал, смеясь каким-то ненормальным смехом.

— Что я там наплел? Не слушай, Мэнс. Это просто болтовня. Давай спать. Хочешь, я буду дежурить первым?

Эверард согласился, но долго не мог заснуть.

ГЛАВА 5

Скутер прыгнул на два дня вперед и сейчас парил высоко в небе, невидимый невооруженным глазом.

Было холодно. Настраивая электронный телескоп, Эверард поплотнее застегнул куртку. Даже при полном увеличении отряд выглядел маленькой точкой на зеленом фоне. Но здесь не могло быть никаких других отрядов.

Он повернулся в седле и обратился к своему компаньону:

— И что дальше?

По лицу Сандовала трудно было что-нибудь понять.

— Ну что же, если наша демонстрация не помогла...

— Какая там демонстрация? Я могу поклясться, что они двигаются в два раза быстрее, чем раньше. Почему?

— Чтобы дать правильный ответ, Мэнс, мне надо знать индивидуальные особенности каждого из них намного лучше. Но, по всей видимости, мы бросили вызов их храбрости. Агрессивная культура не мыслит себя без войны, смелость и отвага являются ее абсолютными добродетелями... Что им еще оставалось делать, как не продолжать свой путь? Если бы они отступили перед простой угрозой, то они потеряли бы к себе всякое уважение.

— Но монголы ведь не идиоты?! Они не кидаются завоевывать первую страну, которую видят, используя силу; они всегда сначала пытаются узнать военные возможности противника. Токтаи должен был отступить, доложить своему императору, что он видел, и организовать другую, более подготовленную экспедицию.

— Это могут сделать люди, оставшиеся на кораблях. Сейчас, думая об этом, я вижу, как мы недооценивали Токтаи. Он, должно быть, назначил время своего возвращения, скажем год, в течение которого он должен вернуться, а в противном случае приказал кораблям попытаться вернуться на родину. Если по пути ему встретится неожиданность, как мы, например, он всегда сможет послать к кораблям индейца.

Эверард кивнул. Ему пришло в голову, что его втянули в это дело, даже не дав подумать и составить план. Но насколько виноват в этом Джон Сандовал? Через минуту Эверард сказал:

— Они могли почувствовать в нас фальшь. Монголы всегда были хорошими психологами.

— Может быть. Но что нам делать дальше?

— Опуститься пониже, несколько выстрелов из энергетического оружия XLI века, и все... Боже, меня сошлют на отдаленную планету, прежде чем я подниму оружие, есть и предел.

— Придется провести более впечатляющую демонстрацию, — сказал Эверард.

— А если и она не поможет?

— Не каркайте! Надо попытаться!

— Я просто спросил. Почему не предупредить эту экспедицию вообще? Отправиться ко двору Кубла-хана на несколько лет назад и доказать ему, что он просто потеряет людей и время, пытаясь исследовать эти земли. Могло этого вообще не случиться?

— Правила Патруля запрещают нам изменять историю.

— А мы что делаем?

— Мы выполняем приказ более высокой инстанции. Возможно, чтобы исправить какое-либо вмешательство в пространстве-времени. Откуда я знаю? Я — только ступень на эволюционной лестнице.

А данеллиане имеют такие возможности, которые мне и не снились.

— Папа знает лучше, — прошептал Сандовал.

Эверард сжал зубы.

— Факт остается фактом, — сказал он, — двор Кубла-хана, самого могущественного человека на земле, более важен и критичен, чем какой-либо в Америке. Нет уж, вы втянули меня в эту проклятую работу, так извольте слушать, что я вам говорю. Что случится потом — это не наше дело. Документы говорят, что они не вернулись домой. Причиной этому будем не мы: это все равно что считать себя убийцей, если ты пригласил знакомого к себе домой на обед, а он по пути попал под машину.

— Перестаньте болтать и давайте работать, — отрезал Сандовал.

Эверард послал скутер вперед.

— Видите этот холм, — сказал он после непродолжительного молчания. — Он находится на пути движения Токтаи, но я думаю, что он разобьет лагерь, не доходя до него, вон в той маленькой долине у ручья. Но этот холм ему будет ясно виден. Нашу демонстрацию можно устроить на нем.

— И устроить фейерверк? Это будет весело. Монголы хорошо знают порох. У них даже есть снаряды.

— Несильные. Я знаю. Но, когда я упаковывал оружие для этого путешествия, я взял кое-что из приспособлений, о которых они не слышали, на тот случай, если первая попытка не увенчается успехом.

На вершине холма росли редкие высокие сосны. Эверард спустил скутер между ними и принялся выгружать коробки из багажного отделения. Сандовал молча помогал ему. Лошади, специально тренированные Патрулем, вышли из стальных клеток, в которых они находились во время пространственного скачка.

Через некоторое время индеец заговорил:

— Я в этом ничего не понимаю. Что вы делаете?

Эверард похлопал по маленькому прибору, который он полуразвернул.

— Это аппарат погоды, который изобретен в золотые века. Таких ярких молний и такого грома я еще не видел и не слышал.

— Гм... Великая слабость монголов.

Внезапно Сандовал ухмыльнулся.

— Вы выиграли. По-моему, это пройдет.

— Приготовьте, пожалуйста, ужин, пока я тут вожусь, ладно? Дыма нам не понадобится... О да, вот и прожектор миражей. Если вы переоденетесь и в нужный момент накинете на себя капюшон или что-нибудь в этом роде так, чтобы вас не узнали, я с помощью этого прожектора сделаю вас в милю ростом и таким уродом, что мертвый испугается.

День тянулся медленно. Наконец Эверард увидел в бинокль, как монголы начали спешиваться и разбивать лагерь как раз там, где он и предвидел. Некоторые всадники отправились в лес на добычу. Основной отряд уже ужинал рассевшись у костра.

Токтаи действительно торопился, используя каждую минуту дня. Когда сгустилась темнота, Эверард увидел расставленных впереди отряда охранников верхом и с луками в руках. Ему было не по себе, как он ни пытался взбодриться. Над снежными вершинами засверкали звезды. Время подошло.

— Вы стреножите лошадей, Джон? Они могут испугаться. Монгольские-то лошади испугаются, я уверен! Ну что ж, поехали!

Эверард повернул рукоятку прибора. Сначала между небом и землей возникло бледно-голубое сияние. Затем засверкали молнии, деревья закачались под ударами ветра, шум эхом отразился в горах. Эверард выбросил несколько шаровых молний, сфер пламени, которые, крутясь и брызгая пламенем, полетели к лагерю и стали взрываться в небе, пока оно не оказалось ослепительно белым.

Сам полуслепой и оглушенный, он нашарил кнопку и включил флюоресцентную ионизацию. Как северное сияние, на небе раскинулись всевозможные ярчайшие цвета: кроваво-красный, ослепительно белый; оглушительно гремел гром. Сандовал тем временем переодевался. Он разделся до трусов, измазал тело глиной, раскрасил лицо и превратился в человека, которого Эверард никогда бы не узнал. Прожектор миражей сделал его еще более уродливым. Он стоял высокий, как гора, а потом принялся отплясывать танец от горизонта до горизонта — прыжки его огромной фигуры сопровождались громовыми раскатами.

Эверард зажмурился от яркого света, чувствуя, что в нем тоже поднимаются остатки первобытного страха. Ну уж если это их не остановит... Он взглянул на часы. Полчаса... еще 15 минут, и можно будет кончать.

Они, конечно, останутся в лагере до рассвета, а не кинутся сейчас же в темноту — у них была железная дисциплина. Так что придется подождать еще несколько часов, а затем обрушить на них последний удар: снести лазером какое-нибудь дерево неподалеку от их лагеря... Эверард помахал Сандовалу. Индеец, тяжело дыша, сразу же опустился на землю.

Когда весь этот грохот закончился, Эверард сказал:

— Хорошо исполнено, Джон.

Его голос прозвучал до странности тихо.

— Я уже забыл, когда в последний раз это делал, — прошептал Сандовал.

Он зажег спичку, странно треснувшую в наступившей тишине. Слабое пламя высветило его тонкие побелевшие губы. Затем он загасил спичку, и в темноте остался только огонек его сигареты.

— В резервации никто не относится к этому серьезно, — сказал он через минуту. — Несколько стариков хотели, чтобы мы выучили их танцы и пляски, чтобы сохранить обычаи и всегда помнить, что мы еще народ. Но мы в основном учили эти пляски, чтобы развлекать туристов.

Последовала долгая пауза. Эверард упаковывал прожектор. Сигарета казалась крохотным огоньком в ночи.

— Туристы! — сказал Сандовал наконец. — Сегодня ночью я танцевал с целью, — продолжал он после некоторого молчания. — Это что-то значило. Раньше я никогда этого не чувствовал.

Эверард промолчал. Внезапно он насторожился и прислушался.

— Ты ничего не слышишь, Джон?

В лицо ему ударил луч фонаря. Секунду он сидел ослепленный, затем, выругавшись, вскочил на ноги и потянулся за станнером. Из-за деревьев выбежала тень. Он отпрянул назад, выхватил лучевой пистолет и выстрелил.

Фонарный луч вспыхнул еще раз, осветив Сандовала. Тот еще не успел переодеться, и оружия у него не было. Безоружный, он кинулся прочь от монгольской сабли. Монгол рванулся за ним. Сандовал применил патрульные приемы джиу-джитсу. Он упал на колено. Монгол перелетел через него и грохнулся на живот. Сандовал моментально вскочил. Ребро его руки ударило монгола по подбородку, и в тот момент, когда голова того откинулась назад, ребро второй влетело в адамово яблоко, а первой рукой он уже выхватил саблю из ослабевших рук. Повернувшись, он парировал нападение сзади.

Из-за сосен раздался голос, отдающий приказания. Эверард пятился назад. Одного воина он сбил с ног рукояткой пистолета. Но между ним и скутером находились другие. Мэнс повернулся к ним. Вокруг его плеч обвилось лассо. Оно профессионально затянулось. Эверард начал сопротивляться, когда на нем повисли четверо. Он видел, как Сандовала бьют по голове рукоятками сабель, потом у него не было возможности даже взглянуть, приходилось бороться за свою жизнь.

Дважды он поднимался на ноги, но лучевой пистолет у него из рук выбили, а маузер и станнер кто-то вытащил. Монголы были не дураки. Они тащили его по земле и били кулаками, ботинками, рукоятками сабель. Сознание он так и не потерял, но в конце концов ему все стало безразлично.

ГЛАВА 6

Токтаи снял лагерь с места перед рассветом. С первыми лучами солнца его воины уже шли по долине. Земля становилась сухой и бесплодной, горы постепенно отходили прочь, и виднелись только некоторые заснеженные вершины, смутно переливавшиеся на бледном небе.

Маленькие проворные монгольские лошади бежали резво, раздавался стук копыт, слышались окрики и скрипение кожи. Оглядываясь назад, Эверард видел только неподвижные лица под кирасами и, как он не пытался, не мог прочесть на них никакого выражения. Мэнс ни о чем не мог думать. Руки ему оставили свободными, но ноги привязали к лошади. Они предусмотрительно раздели его догола — мудрая предосторожность; кто знает, какое еще оружие может быть зашито в одежду? А монгольское одеяние было неудобно и мало.

Прожектор и скутер остались лежать на холме. Токтаи не хотел рисковать такими могущественными вещами. Ему пришлось даже накричать на испуганных воинов, прежде чем они привели лошадей. Копыта стучали быстро. Один из воинов насторожился и дал дорогу Ли Тай Чунгу, который ехал рядом с Эверардом. Патрульный угрюмо посмотрел на него.

— Ну? — сказал он.

— Боюсь, что ваш друг уже не очнется, — произнес китаец — Я устроил его поудобнее.

«То есть на импровизированных носилках между двумя лошадьми, без сознания... Да, от ударов по голове прошлой ночью. Патрульные врачи быстро залечили бы раны. Но бли-

жайшее патрульное отделение в Касбулуне, а Токтаи и не подумает отпустить меня к скутеру и вызвать помощь по радио.

Джон Сандовал умрет здесь за 650 лет до своего рождения», — пронеслось в мозгу Эверарда.

Эверард взглянул в холодные коричневые глаза, любопытные, даже дружелюбные, но чуждые ему. Он знал, что любые аргументы, к которым он мог прибегнуть в своем веке, здесь были бесполезны.

— Неужели вы по крайней мере не можете объяснить Токтаи, как безрассудно с его стороны продолжать это путешествие?

Ли покачал головой.

— Нам совершенно ясно, уважаемый, что ваша нация обладает могуществом, неизвестным нам, — сказал он. — Ну и что ж из этого? Варвары, — тут он бросил на монгольских стражей быстрый взгляд, но они, очевидно, не понимали китайского, — завоевали много королевств, превосходящих их во всем, кроме военного искусства. Мы знаем сейчас, что вы говорите правду о своем государстве, но избежали ее, говоря о враждебном. Очевидно, никакого враждебного государства нет. Зачем же тогда ваш король пытается запугать нас, если он нас не боится?

Эверарду пришлось говорить с большой осторожностью:

— Наш повелитель не любит кровопролитий. Но если вы вынудите его...

— Пожалуйста, — Ли сморщился болезненно. Он помахал нежной рукой, словно отгоняя насекомое. — Говорите Токтаи что хотите, и я не буду вмешиваться. Возвращение домой меня не опечалит, я пришел сюда только потому, что мне приказали. Но друг с другом давайте говорить откровенно, без устрашения, как умные люди. Разве вы не видите, уважаемый, что этих людей вы не можете напугать никакими угрозами? Смерть они презирают, со временем они могут умереть еще в более страшных мучениях, иногда они даже желают смерти. Токтаи считает, что вечный позор ляжет на его голову, если он повернет назад после того, что произошло, а если он будет продолжать свой путь сейчас, то покроет себя вечной славой.

Эверард вздохнул. То, что его удалось взять в плен, было для монголов поворотным пунктом. Когда началась гроза, монголы чуть было не разбежались. Многие забились куда-то (и сейчас, вспоминая это, будут еще хуже относиться к пленникам). Сам Токтаи был в ужасе; несколько лошадей пропало. В их пленении частично был виноват сам Ли, который уговорил Токтаи атаковать, прежде чем молнии сожгут их лагерь.

«Мы недооценили этот народ. Нам надо было взять с собой специалиста, который интуитивно чувствовал бы дух этих людей. Но нет, мы решили, что простой демонстрации окажется достаточно. И что же сейчас? Спасательная экспедиция Патруля со временем придет, но Джон будет мертв через день или два».

Эверард взглянул на каменное лицо воина слева от себя.

«Возможно, я тоже буду мертв. Они на пределе. Они скорее убьют меня, чем оставят в живых. И даже если он (к несчастью) выживет и его спасут другие патрульные, как он сможет глядеть в глаза своим товарищам? Неприкосновенный Агент, со всеми привилегиями своего ранга, был обязан проводить любые операции без посторонней помощи, не отправляя ценных и нужных людей на смерть».

— Я поэтому не желаю причинять вам больше никаких неудобств.

— Что? — спросил Эверард, поворачиваясь к Ли.

— Неужели вы не понимаете, — сказал китаец, — что наши проводники-индейцы удрали? Но мы ожидаем встретить другие племена, завязать с ними отношения...

Эверард слабо кивнул головой. В его глаза било солнце. Он не был удивлен тому, с какой быстротой монголы пробираются через незнакомые места и договариваются с людьми, разговаривающими на других языках. Если не обращать внимания на грамматику, то уже через несколько часов можно усвоить основные слова и жесты: потом можно тратить целые недели и месяцы, чтобы овладеть языком в совершенстве, учась у нанятых тобой проводников.

— ... И нанимать время от времени новых проводников, как мы уже делали раньше, — продолжал Ли. — Сейчас вместо убежавших проводников у нас есть вы. Если вы покажете неверное направление, вы будете наказаны самым нецивилизованным образом. С другой стороны, преданность в службе будет вознаграждена.

Эверард сидел не двигаясь. Мысли в его голове неслись стремительно.

Он принял как факт, что Патруль пошлет людей ему на выручку. Очевидно, ЧТО-ТО должно было предотвратить возвращение Токтаи. Но было ли это так уж очевидно? Зачем вообще им приказано вмешаться тем парадоксальным путем, который его логика человека XX века не воспринимала, в континууме именно этого момента?

Боже великий! Возможно, монгольскую экспедицию все же

ожидает успех? Возможно, то будущее американское ханство, о котором мечтал Сандовал, было настоящим будущим!

Пространство-время нестабильно, возможны всякие нюансы. Мировые линии могут повернуть назад и уничтожить сами себя, так что остальные события покажутся мелкими и незначительными. Например, что Мэнс Эверард, захваченный в плен в прошлом вместе со своим компаньоном Джоном Сандовалом, пришел из будущего, которого никогда не существовало, в качестве Патруля времени, которого никогда не было!

ГЛАВА 7

На закате, передвигаясь необычно быстро, они оказались в местности, покрытой травой и кустарником. Холмы были пологими, под копытами клубилась пыль; серебристые кусты росли на большом расстоянии друг от друга.

Эверард помог опустить Сандовала на землю.

Глаза индейца были закрыты, его лоб сух и горяч. Иногда он что-то бормотал в бреду. Эверард намочил платок и выжал воду на зубы, но больше ничего не мог поделать.

Монголы вели себя более оживленно, чем раньше. Они избежали двух больших опасностей, а других нападений на них не было, и гордость переполняла их. Они болтали друг с другом и после ужина пили кумыс из бурдюков.

Эверард остался с Сандовалом примерно в центре лагеря. Два стража с поднятыми луками сидели в нескольких шагах от него, но на вопросы не отвечали. Они по очереди вставали и подбрасывали ветки в маленький костер, не давая ему погаснуть. Постепенно замолчали и другие воины. Люди укладывались спать, на ночь была выставлена охрана, а где-то вдалеке завывал койот. Эверард прикрыл Сандовала — стало очень холодно. Сам завернулся в монгольскую одежду и пожалел, что монголы не оставили ему хотя бы трубку.

На сухой земле проскрипели шаги. Стражники, приставленные к Эверарду, выхватили из колчанов стрелы и в одну секунду вставили их в луки. С непокрытой головой, в свете костра показался Токтаи. Стражники низко поклонились и отошли в сторону. Токтаи остановился, Эверард посмотрел вверх, потом он опустил голову. Некоторое время он смотрел на Сандовала. Наконец, как можно мягче, Токтаи сказал:

— Не думаю, что твой друг доживет до следующего захода.

Эверард кивнул.

— У вас разве нет лекарств, которые могли бы помочь? —

спросил Токтаи. — В ваших седельных сумках много странных зелий.

— У меня с собой лекарства только от заразных болезней и против боли, — машинально ответил Эверард. — Но с проломленным черепом его надо везти к искусным врачам.

Токтаи присел и вытянул руки над огнем.

— Мне жаль, что среди нас нет хирурга.

— Вы можете отпустить нас, — без всякой надежды сказал Эверард. — Моя повозка — там, у предыдущего лагеря, — сможет отвезти его домой.

— Но ты же знаешь, что я этого не могу сделать! — в его голосе даже прозвучала нотка жалости к умирающему. — В конце концов не я начал все это.

Так как он сказал правду, Эверард промолчал.

— Я не сержусь на тебя за это, — продолжал Токтаи. — И я все еще хочу быть вашим другом. Если бы это было не так, я бы сделал привал на несколько дней и выпытал бы у вас все, что вы знаете.

Улыбка Токтаи напоминала волчью.

— Однако вы можете быть мне полезны как заложники. И мне нравится ваше самообладание. Я даже могу сказать тебе, что думаю. Я думаю, что вы вовсе не из той южной страны. Я думаю, что вы оба путешественники-шаманы. Вы сами хотите завоевать то южное королевство и не желаете, чтобы чужестранцы вам мешали.

Токтаи плюнул в огонь.

— У нас много таких сказок, и в конце концов герой всегда побеждает волшебника. Почему я не могу этого сделать?

Эверард вздохнул.

— Скоро ты узнаешь почему, нойон.

Он сам удивился, насколько справедливы были его слова.

— О! Ну-ну!

Токтаи хлопнул его по спине.

— Не можешь ли ты сказать мне хоть немного? Между нами нет крови. Будем друзьями.

Эверард указал пальцем на Сандовала.

— Мне стыдно, — сказал Токтаи, — но что можно было сделать? Он оказал сопротивление капитану Великого хана. Забудем это и выпьем вместе эбу. Я пошлю человека за бурдюком.

Патрульный скривил губы.

— Так не договариваются о мире!

— О, ваш народ не любит кумыс? Но больше у нас ничего нет. Свое вино мы выпили очень давно.

— Разреши мне тогда пить свое вино.

Эверард вновь взглянул на Сандовала, а потом уставился в небо, стараясь скрыть охватившее его волнение. Боже мой, он мог попытаться использовать его.

— А?

— То, что пьет наш народ. Оно лежит у нас в седельных сумках.

— Что ж...

Токтаи заколебался.

— Ну хорошо. Пойдем, и ты достанешь его.

Стражники следовали за пленником и Токтаи, пробираясь сквозь кустарник и спящих вповалку воинов до лошадей, которых тоже сторожили. Один из стражников посветил Эверарду веткой от костра. Мышцы на спине патрульного напряглись (стрелы были направлены на него), он разбирал свои вещи, стараясь двигаться не слишком быстро. Когда он достал обе фляги с шотландским виски, они вернулись к костру.

Токтаи вновь присел на землю. Он посмотрел, как Эверард налил себе виски в отвинчивающийся колпачок фляги, и понюхал.

— Странно пахнет, — пробормотал он.

— Попробуй.

Эверард протянул ему флягу. Это был один шанс из миллиона. Эверард явно хватался за соломинку. Но ему некогда было взвешивать все: рядом лежал умирающий товарищ. Монгол еще раз с сомнением понюхал, взглянул на Эверарда, а потом бравурным жестом поднял флягу к своим губам.

— Уоо-о-о-оо!

Эверарду удалось поймать флягу, прежде чем из нее вылилась хоть капля виски. Токтаи задыхался и плевался. Один из стражников натянул тетиву лука, другой подскочил к Эверарду и положил на его плечо тяжелую руку. Рассекая воздух, вверх взлетела сабля.

— Это не яд! — воскликнул патрульный. — Просто для него это слишком крепко. Смотрите, я пью это сам.

Токтаи махнул стражникам рукой, и те отошли. Он смотрел на Эверарда слезящимися глаза.

— Из чего вы это делаете? — удивленным голосом спросил он. — Драконья кровь?

— Примерно.

Эверарду вовсе не хотелось объяснять процесс дистилляции.

— А теперь пей свое кобылье молоко.

Токтаи почмокал губами.

— От него делается тепло, а? Как перец.

Он протянул руку.

— Дай мне еще.

Эверард сидел не двигаясь.

— Ну? — проревел Токтаи.

Патрульный покачал головой.

— Я говорю тебе, что это слишком крепко для монголов.

— Что? Слушай, ты, белобрысый сын турка!..

— Пусть тогда ответственность падет на твою голову. Я честно предупреждаю тебя, и твои воины этому свидетели, что завтра ты будешь болен.

Токтаи приник к фляжке, сделал несколько глотков и передал ее обратно.

— Ерунда. Я просто сначала не был готов. Пей скорее.

Эверард пил, затягивая время. Токтаи нетерпеливо ерзал на месте.

— Поторопись. Нет, лучше дай мне другую флягу.

— Очень хорошо. Ты вождь. Только прошу тебя, не пей столько же, сколько я. Ты не сможешь.

— То есть как это не смогу! В Каракуме я перепил двадцать человек! И не каких-нибудь китайцев — это были монголы!

Токтаи сделал еще несколько глотков. Эверард пил осторожно. Но нервы у него были напряжены, так что виски на него не действовало, разве только вызывало слабое жжение в желудке. Внезапно ему показалось, что он нашел выход.

— Возьми, ночь холодная, — сказал он и протянул флягу ближайшему стражнику. — Вам еще долго сторожить, так что лучше согреться.

Токтаи, слегка осоловевший, поднял голову.

— Хорошая штука, — рассуждал он, — слишком хорошая для...

Он вовремя опомнился и замолчал. Какой бы жестокой ни была Монгольская империя, какой бы абсолютизм там ни царил, начальники делили все радости и невзгоды с последним из своих людей. С упреком взглянув на начальника, стражник схватил флягу и поднес ее к губам.

— Полегче, — сказал Эверард, — от этого может закружиться голова.

— У меня никогда не кружится голова.

Токтаи влил в себя следующую порцию.

— Крепок, как бронза.

Он погрозил пальцем.

— В этом и несчастье монголов. Ты такой крепкий, что никак не можешь напиться.

Первый воин облизнулся, протянул флягу своему товарищу и вновь занял пост. Токтаи опять приник к фляге.

— Ах-хик!

Он поднялся на ноги.

— Это было прекрасно. А сейчас ложись спать. Отдайте ему обратно вино, воины.

Эверард весь напрягся.

— Да, спасибо, я с удовольствием еще выпью, — сказал он. — Я знал, что ты понял, что оно для вас слишком крепко.

— Что ты сказал?

Токтаи уставился на него.

— Для монгола ничего не бывает слишком крепко.

Он покачнулся и еще раз поднес флягу к губам. Первый стражник вновь схватил флягу и приложился к ней, боясь, что потом будет поздно. Эверард судорожно вздохнул. В конце концов это могло и получиться. Могло.

Вне всякого сомнения, и он, и его воины могли пить кумыс, вино, пиво, мед, квас — любой напиток той эпохи. Они знали, когда им достаточно, прощались с гостями и шли спать. Но беда была в том, что все эти напитки были крепостью самое большее 24 градуса, само вино было натуральным, и, как правило, они пили напитки, не превышающие пяти градусов крепости.

Шотландское виски — совсем другое дело. Если его пить как пиво или даже как вино, можно попасть в беду. Ты опьянеешь намного быстрее, чем начнешь понимать это, и вскоре свалишься без сознания. Эверард потянулся за флягой, которую держал один из стражников.

— Дай сюда, — сказал он. — Ты все выпьешь.

Воин ухмыльнулся, сделал еще один большой глоток, а затем передал флягу товарищу. Эверард встал и, сделав угрожающее движение, потянулся за флягой. Стражник ударил его в живот. Эверард упал на спину. Монголы разразились громким смехом, подталкивая друг друга локтями. Шутка была так хороша, что они по этому поводу выпили еще.

Один Эверард заметил, когда Токтаи был готов. Потом он из сидячего положения перешел в лежачее, повалившись на бок. Огонь освещал бессмысленную улыбку на его губах. Нервы Эверарда были напряжены как проволока. Один из стражей свалился несколькими минутами позже. Он пополз на коленях, оперся руками о землю и стал выдавать свой ужин. Другой

страж повернулся, икая и еле держась на ногах, размахивая своей саблей.

— Ты кто? — простонал он. — Ты отравил нас, негодяй!

Эверард перепрыгнул через костер и повалился на Токтаи прежде чем последний стражник понял, в чем дело. Монгол крича бросился вперед. Эверард выхватил саблю из ножен Токтаи. Ему не хотелось убивать почти беззащитного человека: он выбил оружие у него из рук и коротко взмахнул кулаком. Монгол упал на колени, потом свалился и заснул. Эверард побежал прочь. Люди окликали его в темноте. Он услышал топот копыт: один из стражников, стороживших лошадей, поскакал узнать, в чем дело.

Кто-то раздул почти потухший костер, зажег ветку и стал светить ею. Эверард упал на живот и прижался к земле. Мимо пробежал воин, но не увидел его. Мэнс вскочил и побежал в темноту. Сзади раздавались крики, проклятия и ругань, из которых стало ясно, что нойон был обнаружен. Эверард бежал к лошадям. Лошади, как обычно, были стреножены и находились под охраной. Он увидел, что один из монгольских воинов скачет к нему. Раздался резкий голос:

— Что случилось?

Мэнс ответил самым высоким, уверенным голосом, на который был способен:

— Атака на лагерь!

Это была просто попытка выиграть время, чтобы всадник не схватил его и не выстрелил из лука. Затем Эверард прыгнул. Он поторопился взять лошадь за уздечку, пока его еще не узнали. Только тогда часовой взвыл и выхватил саблю. Эверард уклонился и легко парировал удар. Затем он в свою очередь сделал выпад и оставил саблю в теле противника. Одна его нога была в стремени. Раненный в ногу монгол уже бежал к нему. Эверард вскочил на лошадь и поскакал. Навстречу ему вылетел еще один всадник. Эверард чуть отклонился. Мимо того места, где он только что был, пролетела со свистом стрела. Украденная лошадь встала на дыбы под необычной тяжестью. Эверард потерял минуту, обуздывая лошадь. Монгол-всадник мог его убить в этот момент, но по инерции проскакал дальше и промахнулся в темноте. Прежде чем он повернул лошадь назад, Эверард уже скрылся в темноте.

Мэнс подъехал к пасущемуся табуну, снял с украденной лошади лассо и заарканил еще одного коня, потом нагнулся, перерезал веревки у него на ногах и увел из табуна. Вторая ло-

шадь была ему нужна. Он оглянулся назад: погони не было. И неудивительно — им сначала надо было прийти в себя. Хотя...

В темном небе засверкали первые молнии приближающейся грозы. Он умерил бег своего коня: теперь уже торопиться нужды не было. «Это должно быть, Мэнс Эверард», — сказал он самому себе, вернулся к машине времени и повел ее к югу в пространстве и назад во времени, в этот отрезок времени.

Патрульный разрешал помогать самому себе таким образом. Слишком большая опасность замкнуть собой круг или перепутать прошлое с будущим.

«Но сейчас им придется посмотреть на это сквозь пальцы. Упрекнуть меня они не смогут, потому что все это для спасения Джона Сандовала, а не для меня самого. Я могу запутать погоню в горах, которые я знаю и которых не знают монголы.

Путешествие во времени назад — только для спасения жизни моего товарища. Кроме того, — подумал он с горечью, — в чем же заключалось наше задание, как не в самой линии будущего, вернувшейся, чтобы создать свое прошлое?

Без нас монголы легко могли бы заселить Америку, а тогда вообще никого бы из нас не было».

Небо было беспредельным и серым, звезд на нем почти не было видно. На секунду сквозь просвет показалась Большая Медведица, потом небо опять заволокло тучами. Копыта стучали в тишине. Никогда до сих пор Эверард не чувствовал себя таким одиноким.

— Что мне делать? — громко спросил он. Ответ сам пришел к нему, и он немного расслабился, откинулся в седле и продолжал свой путь. Он хотел хорошенько все обдумать. И то, что он должен был сделать, оказалось совсем не так страшно, как он представлял сначала.

Токтаи и Ли Тай Чунг никогда не вернутся домой. Но не потому, что они погибли в море или в лесах. Они не вернутся потому, что посланник небес убил громами всех лошадей и спалил корабли, стоящие в устье реки. Ни один китайский матрос не осмелится выйти в море на тех суденышках, которые бы они могли здесь построить; ни один монгол не считал возможным отправиться домой пешком.

Экспедиция останется здесь, люди женятся на индейских девушках и доживут здесь свои дни. Чинук, Тлингит, Нутка — все потлахские племена были прекрасными охотниками, рыболовами, умели строить большие каноэ... что ж, монгольский нойон и даже китайский ученый принесли бы больше пользы, смешавшись с индейцами, чем покорив их.

Эверард кивнул сам себе: «Оставим это». Ему было тяжело думать, что люди его собственной эпохи нисколько не отличаются от кровожадного, мечтающего о завоеваниях Токтаи. Даже отдаленные супермены оказались не такими уж идеалистами. Они не только заботятся об истории, которая привела к ним. Иногда им приходится и вмешиваться, чтобы создать собственное прошлое... хотя прошлое могло бы лучше сочетаться с другим порядком вещей.

Не надо думать о том, было ли когда-нибудь «настоящее положение вещей», только не надо об этом думать! Просто гляди на дорогу будущего, по которой должно проследовать человечество, и говори себе, что ты находишься в большом городе, где есть места и плохие и хорошие.

«Может быть, — подумал Эверард, — это игра краплеными картами. Но это единственная игра в этом городе».

Он сказал это громко, вслух, и его голос разнесся далеко над тем огромным пространством, которое ему еще предстояло проехать. Он пришпорил лошадь и поехал немного быстрее.

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ

Успокойтесь, я не собираюсь утверждать, что вся эта история — истина. Во-первых, вы в это не поверите. Во-вторых, если под рассказом стоит мое имя, то ясно, что это развлекательные истории: я ведь писатель, а не пророк. В-третьих, композиция этой истории придумана мною. Там, где возникали какие-то сомнения или были пробелы в массе заметок, вырезок, фотографий, воспоминаний, я заполнял их своим воображением. Разумеется, имена, названия городов мне приходилось изменять. Вообще многое пришлось досочинить.

И наконец, я сам в это не верю. О, конечно, мы можем вместе полистать старые газеты, журналы, ежегодники, официальные документы. Однако это займет очень много времени, а результаты, даже положительные, ничего не докажут. Так что сейчас нет смысла заниматься этим: перед нами стоят более важные и неотложные задачи.

В своем предисловии я задался целью рассказать немного о докторе Роберте Андерсоне. Эта книга появилась только благодаря ему. И в ней я старался сохранить стиль его речи, его дух.

Я многим обязан ему. В большинстве своих романов я использовал его идеи, своими героями я делал людей, о которых он рассказывал часами, когда мы сидели вместе перед камином с бутылкой хорошего «Шерри», а в комнате тихо звучал Моцарт. Разумеется, все его рассказы я подверг литературной обработке, но центральные идеи принадлежат ему. Однако он решительно отказался от своей доли гонорара.

— Если тебе удастся продать это, — смеялся он, — то угости Карен обедом в самом экстравагантном ресторане и опустошите бутылочку аквавита за меня.

Конечно, мы говорили о многом. В моей памяти сохранилось немало наших разговоров. У него было очень развито чувство юмора. Все свои рассказы, которыми он буквально заваливал меня, сводились в конце к шутке.

Но с другой стороны, многие его истории были довольно мрачными.

Несколько раз при наших встречах присутствовали его внуки, и я заметил, что та радость, которую он испытывал от общения с ними, неожиданно прерывалась глубокой печалью, даже меланхолией. А когда я в последний раз видел его и мы говорили о будущем, он внезапно воскликнул:

— Несчастная молодежь! Мое поколение и ваше прожили жизнь удивительно легко. О чем нам приходилось думать, так это о здоровье людей и мире под солнцем. Но теперь история возвращается к своему естественному течению, а нормальный климат Земли — это ледниковый период.

Он поставил свой стакан на стол, наполнил его слегка дрожащей рукой и продолжил:

— Выживут только самые стойкие и везучие. Остальные... Остальные будут иметь то, что судьба предоставит им. Медик ведь всегда должен говорить правду, не так ли?

Он печально улыбнулся и изменил тему разговора.

В последние годы жизни Роберт Андерсон был высоким, стройным, немного сутулым, но в прекрасной форме, которую он постоянно поддерживал прогулками на велосипеде и игрой в крокет. У него были голубые глаза, которые зорко смотрели из-под толстых стекол очков. Его одежда и седые волосы всегда были в идеальном порядке. Речь его была медленной, и особенно важные места он подчеркивал жестами руки, в которой держал трубку. Манеры всегда непринужденные, дружеские, и сам он был так же независим, как и его кот.

— В моем возрасте, — как-то заметил он, — для людей характерны старческие причуды. — Он улыбнулся. — Но я и сейчас отдаю предпочтение фактам. Вспомни это, когда доживешь до моих лет.

Если посмотреть со стороны, то жизнь его была спокойной. Родился он в Филадельфии в 1895 году в семье дальних родственников моего отца. Хотя наша семья имела корни в Скандинавии, отдельные ее представители жили в Штатах еще со времен гражданской войны. Однако мы никогда не слышали друг о друге, пока один из его сыновей, заинтересовавшись генеалогией, не узнал обо мне и не списался со мной. Затем он сам нанес мне визит и пригласил к себе вместе с женой.

Его отец был журналистом. В 1910 году он редактировал газету в маленьком городке на Среднем Западе, который он называл Сенлак. Роберт Андерсон впоследствии говорил, что семья его была привержена церкви и имела демократические взгляды. Ан-

дерсон получил медицинское образование, а потом началась первая мировая война. Его взяли в армию, но за океан он так и не попал. После выхода в отставку он продолжил свое образование и получил степень доктора. Со временем он вернулся в Сенлак и женился на девушке, которая его очень долго ждала.

Работы у него, как у любого доктора-практика, было много. А семейная жизнь складывалась довольно счастливо. Они с женой вырастили троих сыновей.

В 1955 году он оставил практику и много путешествовал с женой. Однако в 1958 году она умерла. Андерсон продал свой дом и купил поблизости небольшой коттедж. Теперь он путешествовал редко. Как он говорил, без Кэйт путешествия не доставляют ему радости. И все же он сохранил живой интерес к жизни.

Он говорил мне о народе, который я, а не он назвал мауран. И говорил так, будто сам придумал этот народ, но у него не хватает умения воплотить все это в роман или повесть. Лет десять назад его охватило беспокойство за меня, но потом все пришло в норму и он стал самим собою, хотя время от времени на него нападала какая-то хандра и он становился угрюмым. Во всяком случае, у меня не было сомнений в том, что он знал, что делает, когда вписывал меня в свое завещание. Он завещал мне свои записи и воспоминания. И мне предоставлялось право использовать их так, как я сочту нужным.

А затем совершенно неожиданно Роберт Андерсон умер во сне. Нам очень не хватает его сейчас.

ГЛАВА 1

Как известно, начало определяет конец, хотя и ничего не могу сказать я о происхождении Джона Хэйвига, кроме того, что я сам принял его в этом мире. В холодное раннее сентябрьское утро 1933 года разве кто-нибудь думал о генетических кодах, о теории Эйнштейна или о других высоких материях, которыми занимались ученые боги на своих Олимпах, или о силе тех стран, которые мы намеревались завоевать так легко и просто? Это был первенец Элиноры Хэйвиг — молоденькой и маленькой женщины. Мне очень не хотелось делать кесарево сечение. Может быть, это было моей ошибкой, в результате которой она не рожала дважды от одного и того же мужа. Наконец, красное сморщенное существо очутилось в моих ладонях. Я шлепнул его по заду, чтобы дать ему импульс для дыхания, и он негодующе закричал. А дальше все пошло, как обычно.

Роды происходили на третьем, верхнем этаже нашей местной больницы, расположенной на окраине города. Я снял халат и подошел к окну, откуда открывалась панорама города. Я видел скопления домов вдоль замерзшей реки, кирпичных в центре города и деревянных на окраине, элеватор, резервуар для воды возле железнодорожной станции. Дальше под серым небом виднелись низкие холмы, между которыми тут и там можно было рассмотреть фермы. А еще дальше темнели леса Моргана. Стекло запотело от моего дыхания. От окна исходил холод, и дрожь пробежала по моему потному телу.

— Ну что же, — громко произнес я, — Земля приветствует твое появление, Джон Франклин Хэйвиг. Надеюсь, жизнь для тебя будет приятной.

«Вообще-то ты выбрал не самое удачное время для появления на свет, — подумал я. — Мировая депрессия, нависшая над всеми государствами, как тяжкое зимнее небо, захват Японией Маньчжурии в прошлом году, марш голодных в Вашингтоне, похищение Линдберга. Этот год начался в том же

духе: Адольф Гитлер стал канцлером Германии... Новый президент собирается поселиться в Белом доме. Отмена сухого закона почти неизбежна... Вообще в этом полушарии немного теплеет».

Я вышел в комнату в ожидании. Томас Хэйвиг вскочил с кресла. Это был человек, который не проявлял открыто свои чувства, но вопрос, мучивший его, готов был сорваться с его губ.

— Поздравляю, Том. У тебя мальчик. — Я взял его под руки и отвел вниз, в холл.

Об этом мне пришлось вспомнить несколько месяцев спустя.

Сенлак был коммерческим центром небольшого сельскохозяйственного района. В нем также было несколько предприятий легкой промышленности, работающих на местном сырье.

У меня не было выбора, и мне пришлось участвовать в политической жизни города, хотя я старался свести к минимуму свою активность и оставаться в стороне от политических интриг. Поймите меня правильно. Эти люди — мои. Я люблю их и даже восхищаюсь ими. Они и есть соль земли. Но человеку нужна не только соль.

У нас с Кэйт был маленький и очень тесный круг друзей: банкир ее отца, который стал и моим банкиром и над которым я часто подшучивал, так как он считал себя демократом; кроме того, одна леди, которая устроила у себя общественную библиотеку; несколько профессоров из колледжа Хольберга. Правда, они жили в сорока милях от нас, а в те времена это было достаточно серьезное расстояние. И Хэйвиги.

Они были уроженцами Новой Англии и немного домоседы. Сам он преподавал физику и химию в школе. Стройный, с острыми чертами лица, он был похож на тех, кого учил. Школьники очень любили его, к тому же он был неплохим баскетболистом. Элинор была смуглой, живой, хорошо играла в теннис и занималась благотворительностью. Она считала, что каждый должен приносить какую-то пользу.

И я был удивлен, когда она однажды позвонила мне и попросила немедленно прийти. Я услышал истерические нотки в ее голосе.

В те времена квартира доктора отличалась от нынешних, особенно в провинциальных городах. Я переоборудовал две комнаты в большом старом доме, где мы жили. Одна из них

была предназначена для собеседования, другая — для осмотра и лечения, в том числе и для небольших хирургических операций. Мне помогали фармацевт и секретарь. Кэйт помогала мне в различного рода бумажной работе. Оглядываясь назад, я понимаю, что основная ее работа заключалась в том, что она развлекала ожидающих приема пациентов. Обходы клиентов я делал по утрам.

Я прекрасно помню, что то утро было чрезвычайно жарким. На небе ни облачка, совершенно безветренно. Деревья, мимо которых я шел, обдавали жаром, как раскаленные зеленые печи. В чахлой тени деревьев стонали от жары собаки и дети. Ни одна птица не нарушала своим пением знойную тишину. Мною овладел страх. Элинор так выкрикнула имя своего ребенка, что мне стало не по себе.

Когда я вошел в освежаемую вентилятором полутьму ее дома, она меня обняла.

— Я сошла с ума, Боб? — спрашивала она снова и снова. — Скажите мне, я сошла с ума?

— Спокойно, спокойно, — промурлыкал я. — Ты звонила Тому?

Том был на работе, которой занимался во время каникул, — контролировал качество продукции на небольшой кондитерской фабрике.

— Нет, я... я думала...

— Сядь, Элли. —Я оторвал ее руки от себя. — По-моему, ты в своем уме. Может, ты перегрелась? Успокойся, расслабься, покрути головой. Вот так. Тебе уже лучше? Тогда расскажи, что произошло.

— Джонни. Да, Джонни. А потом еще один, — она ахнула, — ДРУГОЙ!

— Да? Элли... расскажи поподробнее.

В глазах ее был ужас, когда она рассказывала мне эту историю.

— Я... я мыла его, когда услышала детский крик. Я подумала, что это с улицы. Но крик как будто слышался из спальни. Я завернула Джонни в полотенце — не могла же я оставить его в воде — и пошла посмотреть. И там, в колыбели моего мальчика, я увидела другого ребенка, голенького, еще сырого. Он кричал и сучил ножками. Я была так изумлена, что... что выронила своего ребенка. Я стояла над колыбелью, поэтому он не мог упасть на пол. Но... Боб, он вообще не упал... Он исчез... растворился в воздухе. Я инстинктивно попыталась схватить его, но в руках у меня осталось только полотенце. Джонни

исчез! Кажется, я потеряла сознание на несколько секунд. И когда пришла в себя, его не было.

— А другой мальчик?

— Он... он остался... мне кажется...

— Идем посмотрим.

И, оказавшись в спальне, я сказал:

— Ну, что ж, здесь нет никого, кроме милого Джонни.

Она стиснула мою руку:

— Он как две капли воды похож на Джонни.

Ребенок уже успокоился и что-то довольно бормотал.

— Он совсем такой же, — говорила Элли, — но это не Джонни.

— Элли, у тебя просто галлюцинации. Это неудивительно: ведь сейчас жарко, а ты еще слишком слаба.

Я никогда раньше не имел такого случая в практике. Все это было весьма необычно, особенно для такой уравновешенной женщины, как Элли. Но голос мой прозвучал уверенно, не хуже, чем у медицинских светил.

Однако она не сразу успокоилась, и мне пришлось достать сертификат новорожденного и сравнить отпечатки рук и ног Джонни и этого младенца в колыбели. После этого я напоил Элли кофе, прописал тоник и вернулся к своей работе.

Через неделю я совершенно забыл об этом случае. Прошел год, когда наша единственная дочь схватила пневмонию и умерла вскоре после того, как ей исполнилось два года.

Джонни Хэйвиг рос очень умным, впечатлительным, но любил одиночество. Чем лучше он ходил и говорил, тем меньше проявлял склонность к общению. Он с большим удовольствием рисовал, лепил глиняных зверюшек, пускал по реке кораблики. Элинор очень беспокоилась о нем, Том — ничуть.

— Я был таким же, — говорил он. — У него возможна ужасная юность, но когда он станет взрослым, будет вознагражден за все испытания.

— Нужно внимательно смотреть за ним, — заявила Элинор. — Ты же знаешь, как часто он исчезает. О, это игра для него, прятки. Он прячется везде. И когда-нибудь он найдет способ проникнуть через забор, и тогда... — Пальцы ее сжались. — Он сможет убежать.

Кризис наступил, когда Джонни было четыре года. На какое-то время он прекратил игру в прятки, как бы поняв, что

это беспокоит всех. Но однажды утром его не обнаружили в постели. Нигде не нашли. Полицейские, соседи, знакомые — все искали его.

В полночь раздался звонок в дверь. Элинор спала, выпив по моему настоянию снотворное. Том сидел один у стола и курил. Услышав звонок, он вскочил, опрокинул стул и, уронив сигарету, — пятно на ковре еще долго напоминало ему об этой мучительной ночи — бросился к двери.

На пороге стоял человек. Воротник его пальто был поднят, широкие поля шляпы бросали тень на лицо. Но Тому было не до того. Все его внимание было обращено на мальчика, которого человек держал за руку.

— Добрый вечер, сэр, — сказал приятный голос. — Не этого ли юного джентльмена все вы ищете?

И когда Том упал на колени перед сыном, схватил его, плача, пытаясь выговорить слова благодарности, незнакомец исчез.

— Странно, — впоследствии говорил мне Том, — ты знаешь, что Эльм-стрит хорошо освещена. Ее невозможно пробежать из конца в конец за минуту. А кроме того, заслышав бегущего человека, все собаки залаяли бы. Но когда я через минуту посмотрел на улицу, она была пуста.

Джонни не сказал ничего о том, где он был. Он извинился, пообещал, что больше так не будет поступать, и пошел спать.

И, действительно, больше он не убегал. Более того, его одиночество кончилось: он нашел себе друга — сына Данберов. Пит физически был развит намного лучше, чем Джонни. Он был достаточно умен: сейчас он занимает довольно высокий пост в какой-то фирме. Но Джон (он потребовал, чтобы его так называли) во всем верховодил: склонял Пита к своим играм, к посещениям своих любимых мест на реке, а позже — лесов Моргана.

Мать Пита вздыхала в моем пропахшем лекарствами кабинете:

— Мне кажется, что Джон гораздо более мечтателен и впечатлителен, чем Пит. Весь мир для него полон контрастов. Это тревожит меня.

Шел уже второй год после того памятного исчезновения Джона, и я видел его всего пару раз во время обычных осмотров. Поэтому я был удивлен, когда Элинор попросила встречи,

чтобы обсудить кое-что. Когда мы увиделись, она рассказала следующее...

— Ты же знаешь, что Том — истинный янки. Он не разрешает мне обсуждать с врачом социальные проблемы, касающиеся нашего сына.

Я спросил:

— Значит, по твоему утверждению, он рассказывает о том, чего не существует, но во что он абсолютно верит? Ничего особенного, обычное явление.

— Я думаю, Боб, — она нахмурилась, — ...что он слишком много знает.

— Возможно. Особенно в свете того, что за последние несколько месяцев он значительно развился как физически, так и умственно. Однако у меня, как у врача-практика, давно сложилось убеждение, что «средний» и «нормальный» не одно и то же... Хорошо. У Джона есть воображаемые партнеры?

Она попыталась улыбнуться.

— Да. Воображаемый дядя.

Я поднял брови.

— Да? Это он сам сказал тебе?

— Нет. Разве дети рассказывают что-нибудь своим родителям? Я просто слышала, как он рассказывал Питу о том, что дядя Джек приходит на берег и берет его в самые замечательные путешествия.

— Дядя Джек? Какие путешествия? В то королевство, о котором ты рассказывала? Где правит Леон Лев?

— Нет. Совсем другое. О Звериной Стране он рассказывал мне сам, и он сам знал, что это чистая фантазия. Но эти путешествия с дядей... Нет, они совсем другие. Все подробности, которые я подслушала, очень реалистичны. Например, визит в лагерь индейцев. Он рассказывал, что делают индейцы, описал, как пахнет сохнущая кожа, догорающий костер. А в другой раз он говорил о полете в самолете. Я могу понять, что он вообразил себе самолет величиной с дом. Но его самолет без пропеллера, летит бесшумно и очень быстро. В салоне показывают фильмы. Цветные. Он даже говорил, как самолет называется. Реактивный. Да, реактивный.

— Ты боишься, что его воображение обгонит его развитие? — спросил я беззаботно. А когда она кивнула, проглотив комок в горле, я наклонился вперед и похлопал ее по руке:

— Элли, воображение — это самое драгоценное, чем владеет ребенок. А способность воображать детали — это более чем

неоценимый дар. Твой сын не просто здоров, он, может быть, гений. Постарайся не убить в нем это.

Я и сейчас не верю, что был прав.

Но тогда я хмыкнул и сказал:

— А что касается реактивного самолета и всего прочего, то я могу тебе показать десятки тайников, где они с Питом прячут книжки издательства Бака Роджерса.

Всем маленьким мальчикам приходит время идти в школу. Этот срок настал и для Джона. Нет никакого сомнения, что он направился туда без особой охоты. Впрочем, как и все остальные дети. Кому охота сидеть в помещении, когда вокруг столько интересных дел? Однако учился он прекрасно. И особенно его захватила история. «Звезда пролетела поблизости от Солнца и выпустила облако огненного пара, который стал планетой... Периоды мировой цивилизации — это Египет, Греция, Рим, средние века и наше время, начавшееся в 1492 году...» Круг его друзей расширился. Их родители замечали: «Мой Билли на четыре года старше. А мой Стюарт и Джимми младше Джонни на два и четыре года». На этом жизненном этапе такая разница в возрасте казалась непроходимой пропастью, и тем не менее Джонни умудрялся руководить детьми. Он вообще обладал организаторскими способностями. К примеру, Элинор полностью доверяла ему приготовления к празднованию дня его рождения.

На восьмом году жизни он испытал новое ощущение. Два старших мальчика из другого района города решили, что будет весьма забавно, если они подстерегут кого-нибудь из детей по дороге из школы и поколотят. В Сенлаке еще можно было найти тогда пустынные места.

Но им не повезло: они нарвались на Джона Хэйвига. Впоследствии они жаловались, что Джон позвал себе на помощь целую армию ребят.

Когда эти двое пожаловались своим родителям, то получили хорошую трепку и замечание: «Идиоты всегда трусы».

Долгое время все смотрели на него с трепетом и обожанием, хотя он и отказывался освещать подробности сражения. Прошло время, и этот инцидент канул в Лету. Это был год, когда пала Франция.

— Есть какие-нибудь новости о воображаемом дяде? — спросил я Элинор, когда мы оказались вместе на какой-то вечеринке. Я подошел к ней, чтобы избегнуть разговоров о политике.

— Что? — недоуменно спросила она. Мы стояли на крыльце дома. Из освещенных окон слышались смех, разговоры. А с площадки доносились удары игроков в крокет. Полная луна висела над часовней колледжа Хольберга.

— О, — проговорила она, — ты имеешь в виду моего сына? Нет ничего подобного. Ты был прав. Все это прошло.

— Или он научился это скрывать, — произнес я.

Она была уязвлена.

— Значит, ты думаешь, что он не доверяет нам? Впрочем, да, он никогда не рассказывает нам ничего... ничего важного.

— Спокойно, — быстро проговорил я, — он во всем следует своему отцу. Элли, не беспокойся, все будет хорошо. Пойдем лучше выпьем.

В моих записях точно указан день, когда Джек Хэйвиг — да, да, теперь его стали называть Джеком — на время потерял над собой контроль.

Вторник, 14 апреля 1942 года. За день до этого Том сделал гордое заявление своему сыну. Раньше он ничего не говорил о своих надеждах, потому что не был уверен, что они сбудутся. И вот счастливый день настал. Школа приняла его отставку, а армия зачислила в свои ряды.

Несомненно, он мог бы остаться, ведь ему больше тридцати лет и он был учителем. На этом поприще он принес бы больше пользы. Но крестовый поход был объявлен, полетели «дикие гуси», и тень смерти нависла над крышами Сенлака. Даже я, человек средних лет, и то рассматривал возможность надеть форму. Но меня не взяли.

Звонок Элинор поднял меня с постели еще до рассвета.

— Боб, приезжай! Прямо сейчас, пожалуйста! Джонни! Он в истерике! Хуже, чем в истерике! Я боюсь... мозговая лихорадка... Боб, приезжай!

Я поспешил и вскоре сжимал его худенькое тело, пытаясь понять его выкрики, сделать инъекцию. До моего приезда Джек кричал, вешался на шею отцу, расцарапал себе до крови лицо, бился головой о стену.

— Папа! Папа, не уезжай! Они убьют тебя! Я знаю, знаю! Я видел! Я видел, как возле этого окна плачет мама! Папа, папа! Не уезжай!

Я держал его под действием лекарств целую неделю. Столько времени потребовалось, чтобы успокоить его. И до самого мая он оставался тихим и бессловесным.

Это была совершенно ненормальная реакция. Другие дети гордились своими отцами, рассказывая об их истинных или выдуманных военных подвигах. Джек был не таким.

Постепенно он оправился и вернулся к занятиям в школе. Все свободное время он воображал, что находится рядом с Томом. И он писал ему письма каждый день. Он писал отцу, который был убит в Италии 6 августа 1943 года.

ГЛАВА 2

Любой доктор не смог бы перенести свои профессиональные неудачи, если бы у него не было удач. Я считаю Джека Хэйвига одной из несомненных моих удач. Пусть я не смог ему помочь как врач, зато помог ему как человек.

Мой опыт позволил мне увидеть все это. Я видел, что мальчик серьезно страдает.

В 1942 году в Восточных штатах на бензин еще не было ограничений. Я распределил между коллегами свою практику, а когда кончились занятия в школе, мы с Билли отправились в путешествие и взяли с собой Джека.

В Миннесоте Эрроухад мы наняли лодку и отправились в первозданную дикость озер, речек и ручьев, которые простирались вплоть до Канады. Целый месяц мы были предоставлены самим себе: я, мой тринадцатилетний сын и этот мальчик, которому было десять лет.

Это была страна москитов и дождей. Грести против течения — очень трудная работа, и тем лучше. Чтобы устроить лагерь и приготовить пищу, тоже требовались значительные усилия. Джеку нужны были трудности, он должен был работать до изнеможения. Прошло несколько дней — и природа начала излечивать его.

Восхитительные рассветы, легкий холодок по ночам, воздушная рябь на поверхности воды, песни птиц, шелест листьев, ароматы леса, белки, бравшие пищу прямо из рук, неохотно удалявшиеся при нашем приближении лани, закаты солнца, которые мы наблюдали через тучи стремительно кружащихся летучих мышей, сумрак, костер, рассказы, ребячье удивление Билли, который впервые увидел все это, спальный мешок, звездное небо... Однажды даже появился медведь и мы почтительно уступили ему свое место... Из всего этого Джек должен был заключить, как огромен мир и как ничтожен в нем человек со своими радостями и горестями.

Такова была основа лечения.

Когда мы вернулись, я, вероятно, допустил ошибку, сказав ему:

— Надеюсь, Джек, теперь ты понял, что все рассказы о Томе — плод твоего воображения. Нет такой вещи, как предсказание будущего.

Он побледнел, повернулся и убежал от меня. Я затратил несколько недель, пока снова наладил с ним отношения.

И то не полностью. Он не доверял мне ничего, кроме мыслей и надежд самого обыкновенного мальчика. Я больше не поднимал вопрос о его отце. Он — тоже. Но, насколько мне позволяли время и обстоятельства, я старался заменить ему его.

Пока шла война, мы не совершали больших путешествий. Однако у нас всегда были под рукой деревенские дороги для пеших прогулок, лес Моргана — для пикников, река — для рыбной ловли и плавания. Недалеко также было озеро Виннего для тех же целей. Джек часто приходил в мою мастерскую при гараже и делал там кормушки для птиц и всякие мелочи. Мы могли разговаривать там.

Я уверен, что к тому времени, как пришло известие о гибели Тома, Джек обрел спокойствие. Все были убеждены в том, что его предвидение было чистой случайностью, игрой воображения.

Элинор начала работать в библиотеке и несколько часов в неделю — в госпитале. Вдовство потрясло ее. Долгое время она была подавленной и нелюдимой. Кэйт и я старались почаще выводить ее в люди, но она, как правило, отклоняла приглашения или очень редко принимала их. А когда она, наконец, покинула свою «раковину», то оказалась в кругу людей, которые раньше не могли быть ее друзьями. Я не удержался от замечания:

— Ты знаешь, Элли, я рад, что ты снова в обществе. Но, прости, меня удивляют твои новые друзья.

Она покраснела, отвернулась.

— Да, — тихо сказала она.

— Хорошие люди, конечно, но их нельзя назвать интеллигентными, правда?

— Да... — Она выпрямилась в кресле. — Боб, будем честными. Я не хочу врать, хотя бы из-за того, что есть Джек, есть ты. Но я не хочу быть погребенной заживо, как это было со мной эти два года. Вы все... с кем мы раньше... вы все женаты...

И я прекратил бесполезный разговор. Она все равно не поняла, насколько чужды эти новые ее друзья, громко разговаривающие, с практическим умом, насколько далеки они от Джека, как глубоко он презирает их.

Ему было уже двенадцать лет, когда два атомных взрыва уничтожили два города и вместе с ними остатки девственности человечества. Хотя его развитие перестало идти с такой скоростью, как это было в 1942 году, все же он немного опережал своих сверстников. И это укрепило тот вакуум, который он создал вокруг себя. Больше у него не было близких друзей. Вежливо, но непреклонно Джек отклонял любые попытки сблизиться с ним. Он учился, и учился хорошо, но все свое свободное время проводил один. Он читал много книг, в основном по истории, совершал далекие прогулки на велосипеде, рисовал или лепил из глины.

Не хочу сказать, что он был угрюмым бирюком. Я уверен, что в будущем он стал бы нормальным человеком. Так как Джек больше не зависел от меня, он хорошо относился ко мне. Разница в возрасте между ним и Билли сгладилась, и в 1948 году они вместе с Джимом и Стюартом совершили путешествие в Среднюю Миннесоту.

После того как они вернулись, мой младший сын спросил меня:

— Отец, ты не посоветуешь, что мне почитать по философии?

— Что? — Я отложил газету. — Философия в тринадцать лет?

— А почему бы и нет? — Кэйт оторвалась от своего вышивания. — В Афинах он начал бы раньше.

— Ну что ж... философия — очень пространная штука, Джим. Что именно тебя интересует?

— О... свободная воля... пространство и все такое... Джек и Билли много говорили об этом во время путешествия.

Я узнал, что Билли, который теперь учился в колледже, начал было изображать из себя учителя, но очень скоро запутался в вопросах Джека. Как была написана история Вселенной до того, как возникла сама Вселенная? Или почему мы считаем, что сделали свой выбор сами? А если нет, то как мы можем воздействовать на свое будущее?

Когда я спросил сына, что подарить ему на Рождество, он ответил:

— Что-нибудь, что помогло бы мне понять теорию относительности.

В 1949 году Элинор вышла замуж вторично. И выбор ее был катастрофическим.

Свен Биркелунд в свои сорок лет выглядел великолепно. Родители его вывезли из Норвегии, когда ему было три года.

Преуспевающий фермер с огромным хозяйством и прекрасным домом в десяти милях от города. Он был ветераном войны. Недавно овдовел, и у него росли два сына: Свен шестнадцати лет и Гарольд девяти лет. Огромный, рыжеволосый, громогласный, он произвел на нас с Кэйт тягостное впечатление. Но он не был лишен тяги к книгам, выписывал «Ридерс Дайджест», «Нэшнл Джиографик», «Кантри Джентльмен», читал книги, которые изредка ему попадались. Кроме того, он любил путешествовать и был опасным соперником в бизнесе.

И все же... Элинор... она была полна жизни.

Со времени гибели Тома прошло шесть лет.

Когда человек увлечен или влюблен, его бесполезно отговаривать. И мы с Кэйт не пытались. Мы были на свадьбе, поздравили молодых, пожелали всего самого лучшего. Больше всего меня беспокоил Джек. Мальчик рос замкнутым. Он двигался и говорил, как робот.

Когда они переехали в новый дом, Джек стал реже видеться со мною. Впоследствии он ничего не говорил о своей жизни там, а я не спрашивал. Но рассудите сами: Элинор — приверженка христианской церкви, Джек буквально от роду сторонник агностицизма. Биркелунд был лютеранином, слепым поклонником Библии. Элинор с Джеком привыкли к легкой городской пище, Биркелунд и его сыновья обожали мясо и картошку. Том в свое время сделал из Элинор политического либерала. Биркелунд, если не занимался счетами, слушал радио, а потом смотрел телевизор. Биркелунд по своим политическим взглядам был ревностным американским легионером. Он яростно поддерживал сенатора Джозефа Маккарти.

Наступил кризис в семейных делах: Элли разочаровывалась. Я не имею в виду, что Элинор совершенно к мужу охладела. Я знаю, что Биркелунд старался всячески завоевать ее уважение, но оставил эти попытки, когда убедился в их бесперспективности. Элинор вскоре забеременела, и это несколько продлило их союз.

Для Джека жизнь стала адом. Новые братья, как и их отец, отрицательно относились к его появлению в доме. Старший, Свен, интересы которого сводились к охоте и свиданиям с девушками, презирал его за то, что он не любил убивать животных и щупать девочек, и находил множество способов мучить его. И это было нетрудно, так как Джек был младше его, не мог защитить себя и от этого очень страдал.

В конце 1950 года родилась Ингеберг. Биркелунд был разочарован, что родилась девочка, но все же шумно отпразд-

новал ее рождение. Все гости перепились, а Биркелунд неоднократно в течение вечера говорил с громким смехом о своем намерении сделать сына, как только доктор разрешит.

Мы с Кэйт тоже были приглашены, но под благовидным предлогом отказались. Поэтому я сам не видел, а только слышал, как Джек покинул праздничный пир и как негодовал по этому поводу Биркелунд. Позже Джек рассказывал мне:

— Когда гости, которые еще могли двигаться и не уснули на полу, разошлись, он загнал меня в сарай и сказал, что сейчас будет вышибать из меня дерьмо. Я заявил, что, если он попытается это сделать, я убью его. Я не шутил, он понял это и, рыча, удалился. После этого мы перестали разговаривать. Я выполнял всякую работу беспрекословно, но после обеда всегда уходил к себе.

Вот так.

Равновесие держалось до начала декабря. Я не знаю, что нарушило его, да и не в этом дело. Как-то Элинор спросила Джека, думал ли он, в каком колледже собирается учиться. Биркелунд закричал:

— Я не дам ни доллара на его учение! Пусть служит стране, как служил я!

Разыгралась ссора, после которой Элинор сбежала по лестнице в слезах.

На следующий день Джек исчез.

Он вернулся в конце января и не сказал ни слова, где был и что делал. Он заявил, что если Биркелунд будет вмешиваться в его дела, то он убежит навсегда. Я уверен, что он завоевал право на полную самостоятельность, и поэтому никто к нему не лез. Следует сказать, что его поведение и внешность заметно изменились после последнего исчезновения.

Снова все пришло в зыбкое равновесие. Но через шесть недель, в воскресенье, Джек отправился на обычную прогулку и забыл запереть дверь в свою комнату. Гарольд заметил это, вошел, обшарил стол, а свою находку сразу же принес отцу. Это был конец всему.

Снег густой пеленой валил на землю. Все казалось серо-серебряным. На улице было удивительно тихо. Элинор сидела в гостиной и плакала:

— Боб, ты должен поговорить с ним, ты должен помочь ему... снова... Что случилось, когда он убегал?

Кэйт обняла ее, прижала к себе ее голову.

— Ничего страшного, моя дорогая, — проговорила она. — О, не беспокойся. Всегда помни, что Джек — сын Тома.

Я размеренно ступал по пушистому ковру. В комнате царил полумрак, так как мы не зажигали свет.

— Давайте будем следовать фактам, — заговорил я более уверенно. — Предполагаю, у Джека оказалась эта брошюрка, которую Свен назвал коммунистической пропагандой. Свен хотел позвать шерифа, прокурора — всех, кто мог бы заставить Джека сознаться, с кем он встречается во время своих прогулок. Ты выскочила из дому, взяла машину, встретила мальчика по дороге и привезла его сюда.

— Да. Боб, я не могу остаться — там Ингеберг... Свен будет разыскивать меня.

Я помолчал.

— Ты сказала, что выхватила эту брошюру?

— Я... — Элинор отстранилась от Кэйт. Она сказала сквозь слезы: — Теперь, когда нет вещественного доказательства, ему нет смысла звать полицию.

— Могу я посмотреть это?

Она колебалась.

— Это чепуха, Боб. Ничего важного. Джек ждет...

Он ждал в моем кабинете, пока мы разговаривали. Он прекрасно владел собою.

— Мы поговорим, — сказал я. — А пока Кэйт напоит тебя кофе и покормит. Кроме того, я же должен знать, о чем говорить.

Она всхлипнула, кивнула, залезла в свою сумочку и подала мне несколько листков бумаги, сложенных пополам. Я устроился в своем любимом кресле, заложил ногу на ногу, закурил трубку и стал читать.

Я прочел написанное несколько раз и совершенно забыл о женщинах.

Вот эти записи. Здесь вы не обнаружите никаких загадок.

Но вернемся назад. Сейчас одиннадцатое марта 1951 года от Рождества Христова.

«Гарри Трумэн стал президентом Соединенных Штатов, победив на выборах Томаса Дейви. Чуть раньше образовалась НАТО, державшая под ружьем сотни дивизий. Многие из нас находились сейчас в каком-то эмоциональном параличе, мы вели обычную жизнь, но каждое мгновение ожидали, что разразится третья мировая война...»

Да, я не мог осуждать Свена Биркелунда за его реакцию на этот документ. Но я читал его и все больше удивлялся. Тот,

кто это написал, прекрасно знал терминологию коммунистов — я сам кое-что читал по этому поводу, хотя не был коммунистом и даже не сочувствовал им. А что Джек?

Попытаемся понять наш мир в 1951 году.

Мы прекрасно знали, что у нас, американцев, есть проблемы, при этом понимали, что при наличии времени и доброй воли мы разрешим их. Со временем люди всех рас, любого цвета кожи и вероисповедания будут жить бок о бок, вместе трудиться и вместе распевать песенки. Дело «Браун против Министерства образования» будет еще не скоро. Студенческие волнения происходят только в других странах, а у нас правительство беспокоится об апатии студентов. Французы в Индокитае чувствуют себя хозяевами и не испытывают заметных трудностей.

Только-только появились телевизоры, и мы обсуждаем последствия этого. Межконтинентальные ядерные ракеты еще только разрабатываются, и никто еще не может себе представить, насколько это грозное оружие. Много говорят о перенаселении, но эта тема скоро будет забыта. Пенициллин и ДДТ считаются друзьями человека. Это пока все, что ощущается в Лос-Анджелесе и иногда в Лондоне. Океан — бессмертный отец всего живого — будет вечно принимать и хранить в себе отходы человечества. Космические полеты предполагаются только в будущем веке, хотя какой-то сумасшедший миллионер предложил финансировать проект. Компьютеров очень мало. Это настоящие мастодонты, сверкающие лампочками, и очень дорогие. Если вы следите за научными новостями, то немного знаете о транзисторах и, может быть, даже мечтаете о дешевом карманном радиоприемнике в руках. Все противозачаточные средства чисто механические. Что-то говорят о генах, хромосомах. Вообще если человек не очутится в каменном веке, ему суждено превратиться в машину. Переселитесь в 1951 год, если сможете, если осмелитесь, и прочитайте, как я прочел эту брошюру, на первой странице которой напечатано: «ДЖОН Ф. ХЭЙВИГ, 1970 г.».

ГЛАВА 3

Словарь колледжа Уитхита

АКТИВИСТ — человек, борющийся за ОСВОБОЖДЕНИЕ. Если это ФАШИСТ, то он исповедует маккартизм.

АГРЕССИЯ — международная политика, проводимая ФАШИСТАМИ.

ЧЕРНЫЙ — африканские жители, имеющие цвет кожи от коричневого до цвета слоновой кости. Не путать с КОРИЧНЕВЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ. Это слово заменяет первичное НЕГР, считающееся оскорблением.

БОМБЕЖКА — метод ведения войны путем сбрасывания с самолета взрывчатых веществ. Осужден за возможность уничтожения детей, стариков, женщин и других мирных жителей, как это произошло в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Осаке, Токио и т. д.

КОРИЧНЕВЫЙ — выходец из Мексики. Название происходит от цвета кожи. Не смешивать с ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ.

ЖЕСТОКОСТЬ — любое действие, производимое полисменом. См. СВИНЬЯ.

ШОВИНИЗМ — уверенность любого БЕЛОГО, что его страна превыше всего.

ШОВИНИСТ — человек любой расы, национальности, пола, исповедующий ШОВИНИЗМ. Любой ФАШИСТ непременно ШОВИНИСТ.

КОЛОНИАЛИСТ — любой европеец или североамериканец, считающий, что имеет право сохранять в своей собственности территорию вне его страны, если на ней когда-то поселились его предки.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ — замкнутый район, где содержатся люди, находящиеся в оппозиции к своему правительству или оккупационным силам. Ни одна прогрессивная страна или движение освобождения не используют концентрационные лагеря.

КОНФОРМИСТ — тот, кто принимает существующий порядок без лишних вопросов.

КОНСЕРВАТОР — см. АГРЕССИЯ, БОМБЕЖКА, ЖЕСТОКОСТЬ, ШОВИНИЗМ, КОЛОНИАЛИЗМ и т. д.

ПРЕСТУПНИК — фашист; в частности, арестованный и наказанный.

ДЕМОКРАТИЯ — форма государства, основанная на признании народа источником власти, его права участвовать в решении государственных дел в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод.

РАЗВИТИЕ — в фашистских странах: создание военного потенциала для захвата чужих стран; в прогрессивных странах: использование естественных ресурсов для удовлетворения нужд народа.

ЭКОЛОГИЯ — наука о взаимодействии человека и его деятельности с природой.

ФАШИСТ — тот, кто делает все, чтобы обеспечить процветание Запада.

ГЕРОЙ — тот, кто рискует жизнью во имя прогресса.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА — все права людей на свободу. Не путать с правом на собственность — это изобретение западной идеологии.

ИМПЕРИАЛИСТ — человек, утверждающий, что любая западная страна имеет права на свои заграничные территории.

ОСВОБОЖДЕНИЕ — свержение западных правительств, освобождение от западного влияния. Движение освобождения стремится создать народную республику.

ЛЮБОВЬ — чувство, которое могло бы разрешить все общечеловеческие проблемы.

ЖЕРТВА — человек, страдающий или умирающий во имя освобождения.

МАККАРТИЗМ — сокрушение политических противников путем ложного обвинения их в участии в коммунистическом заговоре.

НАЕМНИК — солдат, служащий за деньги любому правительству.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — директорат военных и политических лидеров в США. Не путать с военными и индустриальными лидерами в СССР или других народных республиках.

РАКЕТА — самонаводящееся устройство, способное доставлять к месту назначения взрывные устройства.

НАПАЛМ — желеобразный бензин. Осужден всеми либеральными правительствами, как жестокое оружие.

НОНКОНФОРМИСТ — тот, кто принимает все прогрессивные взгляды, не задавая лишних вопросов.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — оружие, где используется ядерная энергия. Используется фашистскими правительствами для агрессии, а прогрессивными правительствами — для достижения мира.

ОРГАНИЧЕСКИЙ — пища, в которой применяются только натуральные продукты и, следовательно, которая не содержит никаких вредных для здоровья веществ.

МИР — окончательное решение проблемы фашизма. Мирное сосуществование — фаза, предшествующая наступлению мира.

ПЛУТОКРАТ — гражданин республики, обладающий ог-

ромными богатствами, но отказывающийся разделить их с бедными и использующий свое богатство для достижения власти. Не путать с Кеннеди.

БЕДНЫЙ — класс людей, имеющих меньше, чем все.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ — законное право людей на то, что они заработали или получили законным способом.

РАСИСТ — белый человек, который не бежит тушить пожар, если горит дом черного.

РЕАКЦИОННЫЙ — не прогрессивный.

КРАСНЫЙ — происходящий от американских индейцев; борющийся за освобождение.

РЕПРЕССИИ — подавление активистов, отказ предоставить им прессу, радио, ТВ. Не смешивать с действиями прогрессивных правительств против вмешательства реакционных элементов.

РЕСПУБЛИКА — страна, где политическую власть получают путем выборов, а не по наследству.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — право этнической группы управлять собой. Например, Биафра, Восточный Пакистан, Гоа, Катанга, Синай, Тибет, Украина и пр.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ — организация, использующая войска Швеции, Индии, Ирландии, Канады во всех частях света, чтобы способствовать самоопределению народов.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН — поэтическая метафора для поражения реакционных сил. Неприменима в случае поражения прогрессивных сил.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН — движение, противоположное по смыслу мужскому движению — шовинизму.

КСЕНОФОБИЯ — недоверие к иностранцам.

ЖЕЛТЫЙ — выходец из Монголии или Восточной Азии.

ГЛАВА 4

Когда я вошел в свой кабинет, он показался мне чужим. Этот круглый стол, настольная лампа с «гусиной шеей», обтянутое кожей кресло, шкаф с книгами, дипломы в рамках на стене. Через раскрытую дверь были видны шкафы с инструментами, многие из которых узнал бы даже Кох, — все это было вне времени, маленький островок в океане, который скоро будет смыт волнами времени. Я теперь знал, что в ближайшие десять лет мне придется бросить практику.

Снегопад усилился, сумрак стал гуще. Джек включил лампу, чтобы можно было читать журнал. Вокруг пятна света

сгустились тени, урчал радиатор. Он делал воздух теплым и сухим.

Джек поднялся.

— Прошу простить меня за беспокойство, доктор Андерсон.

Я махнул рукой, чтобы он снова сел, сам устроился в кресле, достал табак для трубки. Я не слишком много курил, но пальцы мои нуждались в действии.

Джек кивнул на брошюру, которую я положил на стол.

— Как вы это находите? — ровным голосом спросил он.

Я стал протирать очки. Это уже был не тот мальчик, который знал, что потерял отца, и не юноша, отстаивающий право на личную жизнь перед своим приемным отцом. Нет, передо мной сидел взрослый человек с глазами, как у старика.

Это были серые глаза на узком лице с прямым носом. Темно-серые волосы, стройное тело Тома, рот с полными, подвижными губами Элинор. Нет, это был Хэйвиг, я в этом не сомневался.

Он всегда одевался несколько небрежно, и сейчас был одет так, как будто вернулся с прогулки в лес. Он был скорее насторожен, чем встревожен, но не отводил своих глаз от моего лица.

— Ну что же, довольно оригинально. — Я стал набивать трубку. — Правда, должен признать, несколько необычно.

— Да, конечно. Это сувенир. Думаю, мне не следовало приносить его сюда.

— Откуда? Где ты был, Джек?

— Так... гулял.

Я вспомнил того человека, который когда-то очень давно привел малыша к отцу. И вспомнил еще кое-что.

Я чиркнул спичкой, и огонь показался мне сильным. Затем долго раскуривал трубку, пока вкус табака не наполнил мой рот. И только после этого я смог заговорить.

— Послушай, Джек, у тебя будут большие неприятности. Еще больше — у твоей матери.

Такое начало удивило его, но я продолжал:

— Я ваш друг и хочу вам помочь. Но ты, черт побери, отказываешься помочь мне.

— Док, мне бы очень этого хотелось, — прошептал он.

Я похлопал по брошюре.

— О'кей. Скажи мне, ты работаешь над научно-фантастическим романом, действие которого происходит в 1970 году, и это заготовки для твоего романа? Прекрасно. Я думаю, ты зря скрываешь это. Но это твое дело. Однако все осложняется тем,

что твоя брошюра напечатана. Ни одна фирма не будет печатать для частного лица — только для организации. Что это за организация?

— Нет никакой организации. Только несколько друзей. — Он весь напрягся. — Всего несколько среди громадного стада свиней.

Я встал.

— Как насчет того, чтобы выпить?

Теперь он улыбнулся.

— Благодарю. Это именно то, что мне сейчас нужно.

Достав бутылку бренди, которая была припасена, я разлил его по стаканам. Иногда мне и моим пациентам требовалось выпить, особенно когда я выносил приговор. Но Джек...

И я снова ощутил, что Джек уже не ребенок, хотя его не было всего месяц.

Я снова сел и заговорил:

— Я не собираюсь выведывать у тебя никаких тайн, Джек. Тебе известно, что мне по долгу службы приходится выслушивать много тайных признаний людей, но я всегда храню доверенные мне секреты. Я прошу твоей помощи в разработке версии и программы твоего будущего поведения, которое помогло бы твоей матери избавиться от преследования.

Он нахмурился.

— Вы правы. Но самое неприятное, что я не могу придумать, как вам помочь, что вам рассказать.

— Может быть, правду?

— Док, вам этого не хочется. Поверьте мне.

— Красота — правда, правда — красота... Помнишь Китса? Он был врачом и знал тебя лучше, Джек. Ставлю десять долларов за то, что расскажу тебе десяток правдивых историй, которые изумят тебя больше, чем твоя — кого-то.

— Я не приму пари, — хрипло сказал он, — это будет не честно с моей стороны.

Я ждал. Он допил бренди и поставил стакан на стол. В желтом свете лампы его лицо казалось совсем изможденным, но вот на нем появилось выражение решимости.

— Налейте мне еще, — сказал он, — и я расскажу вам.

— Отлично. — Бутылка бренди дрожала у меня в руке, когда я наполнял стакан. — Клянусь хранить твою тайну.

Он рассмеялся довольно странно.

— Не надо клятв, доктор. Вы и так будете молчать.

Я ждал. Он сделал глоток, посмотрел куда-то за меня и пробормотал:

— Я очень рад. А то всю жизнь несу в себе огромную тяжесть, а теперь я могу поделиться ею с кем-то.

Я выпустил клуб дыма и ждал, и тут он пылко заговорил:

— В основном я был в округе Сан-Франциско, в Беркли. Больше года я провел там.

Мои пальцы сжали трубку.

Он кивнул.

— Да, да. Меня не было дома месяц, но на самом деле прошло почти восемнадцать месяцев, 1969 — 1970 годы.

После паузы он добавил:

— Да, примерно полтора года. Но из этого времени нужно вычесть время, которое я затратил на путешествия в более далекое будущее.

Пар шипел в радиаторе. На лбу Джека выступили капельки пота. Он стиснул свой стакан так же крепко, как я свою трубку. Но, несмотря на напряжение, голос его был ровным.

— У тебя есть машина времени? — выдохнул я.

Он покачал головой.

— Нет. Но я могу передвигаться во времени сам. Не спрашивайте меня, как это происходит. Я и сам не знаю.

Он слабо улыбнулся:

— Что, Док? Паранойя? Иллюзия того, что я представляю собой что-то необычное в космосе? О'кей. Я провожу демонстрацию.

При этом он обвел рукой воздух в кабинете.

— Проверьте, что здесь нет никаких тайников, никаких аппаратов. Ведь это же ваш кабинет.

Я тупо повиновался и обошел кабинет, хотя был уверен, что ничего такого здесь нет и быть не может.

— Все в порядке? — спросил он. — Хорошо. Тогда я перенесу себя в будущее. Полчаса. Нет, вам придется слишком долго здесь сидеть и курить. Пятнадцать минут. — Он сверил свои часы с настенными часами.

— Сейчас 16 часов 17 минут. Я появлюсь в 16 часов 30 минут, плюс-минус несколько секунд. Только пусть никто не занимает это кресло в течение этого времени.

Меня всего трясло.

— Хорошо, Джек.

Кровь бурными толчками текла по венам.

Он улыбнулся, тронул меня за руку.

— Старый, добрый Док. Ну, пока.

И он исчез. Я слышал только легкий вздох воздуха и ничего больше. Кресло было пусто. Я пощупал — ничего.

Я сидел за столом четверть часа. Совершенно не помню, о чем думал я в то время. И вдруг он снова очутился в кресле.

Я постарался не упасть в обморок. Джек поспешил ко мне.

— Успокойтесь, Док. Все нормально. Выпейте.

Потом он продемонстрировал мне путешествие в прошлое — на пару минут.

Была уже ночь.

— Нет, я не знаю, как это происходит, — сказал он, но я ведь многого не знаю о себе. Я не знаю, как работают мои мускулы, какие химические процессы происходят во мне. Док, вы должны согласиться, что наши научные познания — всего лишь легкая зыбь на поверхности тайны.

— Что ты чувствуешь при этом? — спросил я, и с удивлением обнаружил, что спокойствие вернулось ко мне. Хиросима вывела меня из равновесия на более продолжительное время. Может быть, в глубине души я подозревал что-то подобное в Джеке.

— Трудно описать... — Он нахмурился. — Я... я просто хочу попасть в прошлое или в будущее. Совсем так же, будто я хочу сделать что-то, взять что-то... И это происходит.

Он старательно подыскивал слова.

— Пока я путешествую во времени, я нахожусь в темноте. В темноте, где мелькает свет при чередовании дня и ночи. Затем я решаю остановиться и останавливаюсь, превращаясь в обычного человека в обычном мире. Во время путешествия я совершенно не воспринимаю движение воздуха. При этом я задерживаю дыхание и не дышу во время перемещения во времени.

— Подожди. Если ты при этом не можешь дышать, не можешь ничего ощущать, то как ты видишь мелькание света?

— Не знаю, Док. Я читал учебники физики, чтобы узнать из них хоть что-то. Но ничего не узнал. Видимо, меня перемещает какая-то сила, действующая в четвертом измерении. Если она электромагнитной природы, то я еще как-то могу понять, что фотоны захватываются ее полем и я улавливаю их. А вещество, материя не могут восприниматься мною. Но это только предположение. Я не специалист. Мне хотелось бы, чтобы этим явлением занялся настоящий ученый.

— Твое предположение слишком непонятно для меня, мой друг. Но ты сказал, что твое перемещение не мгновенно.

Сколько же времени оно длится? Какова его скорость? Сколько лет в минуту, например?

— Все зависит от меня, от силы моего желания. Однако я заметил, что чем больше скорость перемещения, тем больше я устаю. Значит, я трачу энергию на перемещение во времени. Правда, я никогда не путешествовал больше нескольких минут — нескольких столетий.

— Когда ты был ребенком... — я замолчал.

Он кивнул.

— Да, я слышал об этом. Когда мать меня выронила, я переместил себя в прошлое инстинктивно — и оказался в колыбели.

Он сделал глоток бренди.

— Моя способность перемещаться во времени росла вместе со мной. Мне кажется, что сейчас для меня нет границ. Однако я ограничен в массе, которую могу переносить. Это всего несколько фунтов, считая и одежду. Чуть больше — и я не могу перемещаться во времени. Если, к примеру, вы схватите меня, я останусь на месте, пока вы меня не отпустите. Кроме того, я возвращаюсь не в то же самое географическое место, откуда отправился в путешествие, независимо от вращения Земли.

— Странно, что ты с детских лет хранил эту тайну.

— Да, но я причинил матери много беспокойства. Однако я не помню всего. Кто может припомнить первые годы своей жизни? Мне потребовалось много времени, чтобы понять свою уникальность. А когда я это понял, испугался. Может быть, это плохо. Или я — урод. Но дядя Джек объяснил мне все.

— Это был тот неизвестный, который привел тебя обратно, когда ты был ребенком, и исчез?

— Да. Тогда я отправился в прошлое, чтобы посмотреть на индейцев. Но я увидел только лес. Дядя Джек нашел меня, и мы вместе с ним путешествовали во времени, и это было очень приятно. Потом он взял меня за руку и показал, как вернуться домой. Он не выпускал меня несколько минут, чтобы я видел страдания своих родителей, и достиг своей цели. Я понял, что мой дар может причинить мучения другим.

Джон говорил, как будто вспоминая и переживая все заново.

— Мы совершили впоследствии много интересных путешествий. Дядя Джек был прекрасным гидом и наставником. Я полностью подчинялся его требованию соблюдать тайну. И только кое-что намекнул своему другу Питу. Дядя Джек показал мне многое из того, что я сам никогда бы не увидел.

— Но ты же путешествовал и сам, — напомнил я ему.

— Изредка. А вы помните, когда на меня напали два идиота? Тогда я совершил несколько возвращений в близкое прошлое, чтобы предстать в восьми лицах.

— А когда ты узнал, что отец идет на войну, ты решил убедиться, вернется ли он живым?

— Да. — Он нахмурился. — Я стал передвигаться в будущее с небольшими интервалами. И однажды я увидел, как мать плачет у окна. Тогда я пошел обратно и нашел телеграмму. О, я думал, что никогда не смогу путешествовать во времени. Просто не захочу.

Тишина окутала нас. За окном медленно падал снег. Наконец я спросил:

— Когда ты в последний раз видел своего ментора?

— В 1969 году. А перед этим — незадолго до того, как я узнал о своем отце. Дядя Джек был очень добр ко мне. Мы с ним отправились в круглый цирк, видимо конца XIX века. Я спросил, почему он так печален, но дядя ушел от ответа, сославшись на необходимость соблюдать тайну.

— И ты знаешь, кто он?

У него приподнялся уголок рта.

— Как вы думаете, кто он? В предыдущем году я отправился в прошлое. Мне нужно было бежать туда с фермы. Вы понятия не имеете, как прекрасна была эта страна до того, как пришли поселенцы! А индейцы! У меня появились друзья среди них. Мне не нужно было даже знать языка, кроме нескольких слов. А девушки... Они всегда были так ласковы, так готовы на все для меня...

Я не сдержал улыбки.

— А Свен-младший издевался над тобой, потому что ты не назначал свидания девушкам.

Джек улыбнулся.

— Можете себе представить, как эти путешествия облегчали мне душу. — Затем он заговорил серьезно: — Но вы можете также себе представить, каким невыносимым становился для меня дом Биркелунда. И не только дом — весь этот мир. Что я мог делать в колледже? Слушать глупое хихиканье девчонок и монотонный голос преподавателя? Я ведь уже вырос и видел столько разных чудес!

— Я полагаю, что положение в доме заставило тебя отправиться в будущее?

— Да. Я был вне себя от радости. Во-первых, я надеялся увидеть могилу Биркелунда. Двадцати лет, я думал, будет

достаточно. И переместился в конец 1969 года. Дом стоял на месте.

— А Свен?

— Думаю, что он был жив. — Голос его был свирепым. — Я не стал проверять. Мать моя к этому времени разведется с ним.

— И?..

— Вернется в Массачусетс. Третье ее замужество будет счастливым. Мне не следовало причинять ей в то время беспокойство, и я вернулся. Отсутствовал месяц и, вернувшись, дал понять Биркелунду, чтобы он не совался в мои дела.

Я понял, что Джек очень страдает. Сколько раз я видел такое выражение лица у больных людей! Поспешно я спросил у него:

— Ты сказал, что встречался с дядей Джеком, твоим вторым «я»?

— Да. — Он был рад перемене темы. — Он поджидал меня в 1969 году. Я прибыл ночью в дубовую рощу, так как не хотел лишних свидетелей. В то время роща была уже вырублена и участок засажен кукурузой. Он снял для меня комнату в отеле, и мы провели вместе несколько дней. Дядя рассказал о своей матери, показал старые газеты с объявлениями, показал ее письмо к нему... ко мне. А потом он дал мне тысячу долларов. Док, какие цены через двадцать лет! Он предложил мне посмотреть страну.

Из газет я узнал, что Беркли остался там же, где и был, на другом краю бухты Сан-Франциско. Я всегда хотел посмотреть его.

— А как Беркли? — спросил я, вспомнив свои визиты в этот город.

Он рассказал мне, как мог, но никакие слова в 1951 году не могли бы описать того дикого, феерического, возбуждающего, ужасного, гротескного удара по чувствам, который наносил этот город в конце столетия.

— У тебя не было неприятностей с полицией?

— Нет. Я остановился в 1966 году, зарегистрировался под фамилией какого-то чужака и явился в 1969 год с регистрационной картой, где было сказано, что мне двадцать один год. Люди на улицах притягивали меня. Я бродил между ними, слушал их разговоры, оценки происходящего... Целый месяц я провел с радикалами. Странное существование со строгой конспирацией, демонстрации, попойки, неопрятные девушки...

— Да, твое описание не слишком привлекает, — заметил я.

— Я уверен, что дядя Джек хотел, чтобы я почувствовал жизнь изнутри, чтобы узнал, куда катится цивилизация, вскормившая меня. И я теперь изменился.

— М-м-м... Я бы сказал, что ты увидел какую-то новую цель, новое поле деятельности. Что случилось?

— Я предпринял путешествие в еще более далекое будущее.

— И?

— Док, — сказал он чересчур спокойно, — вы можете считать себя счастливым. Вы уже старик.

— Значит, я скоро умру? — Сердце мое забилось сильнее.

— Ко времени катастрофы — несомненно. Правда, я не проверил. Однако установил, что в 1970 году вы еще были живы и здоровы.

Я удивился, чему он улыбнулся, потом понял: он не упомянул о Кэйт.

— Война... ВОЙНА... со всеми ее ужасами придет позже, — продолжал он тем же звенящим металлическим голосом. — Но все ведет к этому шабашу ведьм, часть которого я видел в Беркли.

Он вздохнул, потер уставшие глаза.

— Я вернулся в 1970 год с ощущением того, что волна надвигается, грозя затопить все. Но очень мало людей в 1970 году видели это. Они помогали мне напечатать и распространить мои идеи. Они считали меня ярым республиканцем.

— А ты не республиканец?

— О Боже, нет. Я не вижу ни одной политической партии, которая могла бы сделать что-то полезное в течение трех — четырех поколений. Вряд ли они будут лучше.

Он допил свой стакан, но отклонил мое предложение наполнить его снова.

— Мне нужно сохранить голову свежей, Док. Ведь мы должны разработать подходящую версию. Теперь я понимаю, что навлек на себя серьезные неприятности. Правда, в то время было то же самое.

— Время не меняется? — удивился я. — Значит, мы завязли в нем, как мухи в застывшем янтаре?

— Не знаю. Но я знаю, что все мои усилия были напрасны. Мои первые друзья назвали меня предателем, а других, новых, было совсем мало. Мы не сможем распространить свои взгляды на всю страну, на весь мир.

— В политике нельзя ждать чудес, — сказал я. — И нельзя верить тому, кто обещает их.

— Правильно, это я тоже понял. Поэтому решил, что мой долг — вернуться назад и оставаться с матерью. По крайней мере, я смогу сделать этот мир менее ужасным для нее.

Тон его смягчился.

— Конечно, я сделал глупость, сохранив эту копию. Но мне помогла ее сделать очень милая девушка... Ну что же, мне повезло хотя бы в одном: еще один человек будет знать тайну моей жизни. Только теперь я стал понимать, как был одинок.

— Ты один такой?

— Не знаю. Думаю, что не один. Таких, как я, много. Наверное, есть и другие путешественники во времени. Как мне найти их? — воскликнул он. — А если мы соберемся вместе, что мы сможем сделать?

ГЛАВА 5

Биркелунд ничего не смог извлечь из случившегося. Я увиделся с ним, рассказал, что этот памфлет написан для любительского спектакля и носит чисто сатирический характер. После этого я прочел ему нотацию, как нужно вести себя с приемным сыном и женой. Он выслушал меня, хотя и неохотно. В конце концов, как я уже говорил, он был довольно злым человеком.

И все же ситуация оставалась взрывной. Джек добавил в нее пороху своим надменным поведением.

— Он так изменился, — со слезами говорила мне Элинор. — Даже внешне. И я не могу винить за эти трения Свена и его мальчиков. Джек ведет себя невыносимо.

Конечно, так оно и было. Как мог вести себя человек, ненавидящий этот дом, скучающий в школе, имеющий на плечах тяжелый груз знания будущего?

— Я считаю, — сказал я, — лучше всего предоставить ему свободу.

— Боб, но ему же всего восемнадцать лет! — запротестовала Элли.

По моим расчетам, ему шел уже двадцать второй год, а может, и больше.

— Он достаточно взрослый, чтобы пойти в армию.

После паузы, я продолжал:

— Это даст ему шанс найти себя. Раз он пойдет добровольно, срок службы будет минимальным.

— Только после того, как он получит образование.

Я понимал ее огорчение.

— Он может учиться заочно, Элли. Или учиться во время службы. Там организуются курсы. Он способный мальчик и справится с учебой. Боюсь, что это единственное, что можно сделать для него.

Джек сразу же согласился, выяснив, что его могут послать в Европу.

— Там я буду изучать историю, — сказал он. — Кроме того, оружие и технику войны. Ведь в XXI веке я скорее всего буду убит.

Армия, конечно, не для его натуры, но тем не менее он получил необходимую тренировку и знания по электронике. И постоянно совершал путешествия в будущее, став старше еще на два года.

Его письма ко мне содержали лишь слабые намеки на это, так как они прочитывались Кэйт. Мне было очень трудно скрывать от нее эту ужасную тайну.

И вот однажды он пришел ко мне и несколько часов подряд показывал фотографии, рассказывал.

— Док, вы и представить себе не можете, как отличались друг от друга люди в средние века. Они были разными в разных местах, в разные годы...

Он видел легионы Цезаря, триумфальное шествие по Риму, видел узкие, серые тени кораблей викингов в фиордах Осло, видел Леонардо да Винчи за работой. Однако у него не было возможности посвятить все свое время наблюдениям. Много ли может узнать человек, попавший в совершенно чужую эпоху, если он не может произнести даже несколько слов и если каждую минуту его могут арестовать — слишком мало он соответствует духу времени.

Я чувствовал себя предателем по отношению к Кэйт. Но уж если Джек мог хранить тайну от матери, то я тоже должен хранить ее от жены.

Представьте, что будет, если все узнают о том, что человек может путешествовать во времени? Ведь тогда же начнется столпотворение. Он станет жертвой всех тех, кто захочет узнать свое будущее, или попадет в руки жаждущих власти людей, станет игрушкой в руках тех, кто формирует идеологию, а другие будут пытаться уничтожить его, чтобы он не рассказал людям, что ждет нашу цивилизацию. И если он сможет пережить все это, у него не останется другого выбора, кроме как бежать в другую эру и там скрыть свой дар.

Нет, лучше все время хранить эту тайну. Но тогда какой смысл в этом фантастическом даре судьбы? А может, проклятии?

— В конце своей службы я больше размышлял, чем путешествовал, — рассказывал Джек.

Мы плыли на лодке по озеру Виннего. Он вернулся домой две недели назад, но еще далеко не все рассказал мне. Его ждали дела дома. Мать Джека развелась с Биркелундом, оставила дом, где испытала столько страданий, и ей требовалась моральная поддержка сына. Прошло два года, и теперь передо мной сидел мужчина — еще молодой мужчина, но уже испытавший боль и смятение в жизни. Джек Хэйвиг, сидевший передо мной, теперь полностью владел собой.

Я отвлекся от мысли и достал трубку. Весна отражалась в глубокой воде озера. Сладостью дышало от полей, зелени лесов, яблоневых садов. Дул легкий ветерок. В его потоке медленно плыл в высоте ястреб.

— Да, тебе было над чем подумать, — отозвался я.

— Во-первых, как происходит перемещение во времени.

— О, скажи же мне, как оно происходит?

Он даже не улыбнулся.

— Я изучал физику, электронику, стал специалистом в этой области. Я прочитал немало специальной литературы. И все теории в один голос утверждают, что это невозможно. Все упирается в то, что для перемещения требуется громадное количество энергии.

— Э пур си муове — и все-таки она вертится!

— Что? А, да, Док, я изучал итальянский перед тем, как посетить Италию в эпоху Ренессанса. Я обнаружил, что Галилей никогда этого не говорил. Более того, он даже не бросал шаров с наклонной башни в Пизе.

Джек открыл по бутылке пива для каждого из нас.

— Однако в этих разговорах об энергии есть кое-что, о чем не подозревает современная наука. Математически выражаясь, путешествие во времени эквивалентно передвижению со скоростью, большей скорости света, что также не допускает официальная наука.

Я смотрел, как кольца дыма тают в воздухе.

— Ты оставил меня далеко позади, — заметил я. — Я не понимаю ничего в твоих словах, кроме того, что ты уверен: в твоем даре не замешана никакая нечистая сила.

Он кивнул.

— Да. Что бы это ни было, оно связано с законами природы, соотношением энергия — масса. Но почему только я способен на это и никто больше? Поэтому я предположил, что это связано со структурой моих генов.

— Генов?

— Да. Через десять лет будет открыт молекулярный базис наследственности.

— Но?! — Я резко выпрямился. — Ты должен рассказать мне об этом.

— Потом, потом. Я сообщу вам всю информацию по этому вопросу, хотя там еще многое неясно. Главное в том, что наши гены не просто матрица воспроизведения организма. Они действуют всю жизнь, управляя организмом. Их можно назвать веществом жизни. Но весь механизм... До конца на этот вопрос наша цивилизация, пожалуй, не сможет ответить. Она еще раньше уничтожила сама себя. Однако лично я предполагаю, что существует что-то вроде резонанса в этих огромных молекулах. И если частота резонанса генов одинакова, то человек — путешественник во времени.

— Интересная гипотеза, — промямлил я.

Для меня стало обычным кое-что недопонимать в его присутствии.

— Я — эмпирическое доказательство этому, — сказал он с усилием. — Док, у меня было несколько женщин. Правда, не в этом времени. Для него я слишком застенчив и скован. В будущем или в прошлом это происходит гораздо проще. Тем более, что я окутан такой завесой таинственности...

— Поздравляю, — сказал я, не успев придумать ничего лучше.

Он смотрел на воду.

— Я не был влюблен в них, — сказал он. — Постель — это все, что от меня требуется, как, например, с девушкой из Дакоты три сотни лет назад. Это прекрасно. Но если требуется нечто большее, то я не могу пойти на это. Ведь тогда мне придется жить с ней всю жизнь. Думаю, что никогда не свяжу себя женитьбой. Прежде чем вступить в связь с девушкой, я заглядываю на несколько дней вперед, чтобы убедиться, что связь со мной не причинит ей вреда.

После паузы, Джек продолжил:

— Я отклонюсь, но это важно для меня. Возьмем, к примеру, Мэг. Я был в Елизаветинском Лондоне. У меня почти не возникало проблем из-за незнания эпохи, хотя мне нужно было постичь произношение и жаргон того времени. Слиток серебра,

который был со мной, мне легко удалось превратить в деньги, хотя я подозреваю, что торговец обманул меня. Во всяком случае моего капитала хватило, чтобы снять комнату в маленькой гостинице и пойти в «Глобус». Вообще мне не приходилось особенно стеснять себя.

Однажды я оказался в бедном квартале. Какая-то женщина схватила меня за рукав и стала предлагать свою маленькую дочку. Сначала я возмутился, а затем решил встретиться с бедной девочкой. Может быть, смог бы ей чем-нибудь помочь.

Она очень нервничала, но была решительной. И после того как она мне все объяснила, я был вынужден признать, что для женщины с независимой натурой лучше быть проституткой, чем вести честный образ жизни, но находиться в услужении у кого-нибудь.

Она была очень веселая, красивая, заявила, что с большим удовольствием будет иметь дело со мной, чем с кем-нибудь другим. Что мне было делать? Если бы я начал ее перевоспитывать, она ничего бы не поняла и прогнала бы меня или убежала сама.

Джек сделал глоток пива.

— Ол райт, — сказал он наконец, — я переехал в более просторную квартиру и взял ее с собой. Мэг была женщиной, очень молоденькой, но уже женщиной. Мы прожили вместе четыре года ее жизни. О, разумеется, я совершал путешествия во времени, возвращаясь в XX век. Иногда, не очень часто, я перемещался во Францию, хотя такие путешествия обходились мне очень дорого. Я верил, что Мэг оставалась верна мне. Вам следовало бы видеть, как она отшвыривала своих родственников, требующих облапошить меня. Я сказал ей, что нахожусь на службе Дании... Впрочем, к чему эти детали? В конце концов какой-то молодой коммивояжер влюбился в нее. Я дал ей приданое и благословил ее. Я даже проверил, что в ближайшие десять лет у них все будет нормально.

Он вздохнул.

— Док, она подарила ему полдюжины ребятишек, начиная с первого года совместной жизни. Но от меня у нее никого не было. И я решил, что ни одна женщина не сможет подарить мне ребенка...

Джек даже прошел тест на дееспособность, который показал, что у него все в норме.

И он, и я были смущены его откровенностью.

— Может быть, — медленно заговорил я, — ты мутант?

Мутант до такой степени, что слишком сильно отличаешься от обычного человека?

— Да. Я думаю, что мои гены совсем другие.

— Но если есть женщина, путешествующая во времени...

— Верно, Док.

Он долго сидел молча и наконец сказал:

— Главное, конечно, не в этом. Пожалуй, самое главное — найти других людей, таких, как я, если они есть, и попытаться предотвратить грядущие ужасы. Я не могу поверить, что я всего лишь бессмысленная случайность.

— Как ты предполагаешь найти их?

Взгляд его стал пронзительно холодным.

— Я начну с того, что стану богатым.

Прошли годы, и я мало что знал о его делах. Время от времени он появлялся у нас, но, я думаю, только для того, чтобы сохранить нашу дружбу, а не для того, чтобы держать меня в курсе дел. Все чаще он казался мне плодом моего воображения — настолько чужим он был в заботах нашего маленького городка, ритм жизни которого убыстрялся с каждым годом в подрастании наших сыновей и в других повседневных проблемах. Но когда он появлялся вновь, как бы вынырнув из ночи, я снова был захвачен судьбой этого одинокого необычного человека.

Не хочу сказать, что он был фанатиком, хотя последовательно вынашивал идею спасения мира. Его интеллект проявлялся в самых разнообразных областях, особенно в истории и антропологии. К тому же судьба подарила ему талант быстрого познания языков. Мы часто с ним обсуждали, как незнание языков и неспособность быстро их изучать подрывают возможности путешественников во времени. Сардонический юмор, сочетающийся в нем с европейской вежливостью, делал его весьма приятным собеседником. Он полюбил роскошную жизнь, но мог жить и в весьма скромных условиях, не жалуясь. Я заметил, что он очень неравнодушен как к естественной красоте, так и к красоте настоящего искусства. Особенно он любил классицизм, барокко, китайскую музыку, красивые корабли и оружие, а также эллинскую архитектуру. Боже, если ты существуешь, то я от всего сердца благодарю тебя за то, что мне довелось увидеть фотографию Джека Хэйвига на фоне неразрушенного Акрополя.

Я был единственным, с кем он разделил свою тайну, но не

единственным, кто был его другом. Теоретически он мог завести дружбу со всеми знаменитостями прошлого и будущего, такими,как Перикл, Шекспир, Эйнштейн, Линкольн. Но практически это нелегко было сделать. Кроме трудностей, связанных с языком, законами, обычаями, всем укладом жизни, существовала сложность вхождения в контакт: все знаменитости обычно заняты. Нет, Хэйвиг рассказывал мне о людях, таких, как его маленькая милая Мэг, которая уже триста лет назад обратилась в прах, или горный человек, сопровождавший еще Льюиса и Кларка, или старый усатый солдат гвардии Наполеона.

— История не стремится быть лучше, Док, совсем не стремится, — говаривал он как-то, — мы только воображаем себе это. Но подумайте, отбросьте все романтические легенды и оставьте только факты. Ведь, к примеру, в 1800 году, когда Франция захватила всю Европу, никак не могла бы возникнуть первая мировая война, в которой западная цивилизация сама стремилась перерезать себе горло. А мы и сейчас все еще кровоточим от ран, которые нанесли сами себе в 1914 году.

Иногда он предпринимал путешествия во времени в чисто развлекательных целях.

— Если быть честным, — как-то ухмыльнулся он, — то мне все больше и больше нравятся низкопробные развлечения.

— Париж Тулуза Лотрека? — спросил я.

Он уже сообщил мне, что ранний декаденс в основном был создан людьми из высших классов, которые подвизались — и не без успеха — в искусстве.

— Нет, там я еще не был, — произнес он, — как-нибудь побываю. Но Сторвилль в цвету...

Его не интересовала проституция. Он уже многое узнал о том, какими жестокими могут быть условия жизни людей и к чему это может привести. Он любил ранний джаз, любил компанию тех молодых людей, которые, по его словам, гораздо более реальны, чем молодежь нашего времени; не говоря уже о семидесятых годах.

А тем временем он делал свое состояние. Вы можете подумать, что это было легко. Достаточно посмотреть на цены в 1929 году и в наше время. Но на самом деле это не так. Что он мог делать?

Он мог покупать в Европе серебро или золото и обменивать его на деньги в XIX или XVIII веке. Он мог покупать марки и монеты другого времени и продавать их коллекционерам. Он

мог взять с собой алюминиевые предметы и переместиться в ту эпоху, когда алюминий стоил дороже золота. Но все это были мизерные сделки. К тому же они были ограничены тем, что Джек не мог переносить больших тяжестей. А кроме того, он не хотел лишний раз привлекать к себе внимание.

Он рассматривал возможности вкладывания денег в предприятия, чтобы стричь купоны, но правила этой игры были настолько сложны, что он не хотел тратить время на их изучение. Кроме того, ему хотелось основать свое дело в собственном времени.

В конце концов он преуспел. Правда, он не рассказывал мне подробности операции. Я знал только общую картину.

Джон Франклин Хэйвиг основал фонд, который доверил одному из самых надежных банков, и распорядился, чтобы проценты выплачивались «любому наследнику мужского пола» по достижении им двадцати одного года. И затем Джон Франклин Хэйвиг в 1964 году обратился в банк как наследник и стал обладателем миллионного состояния. Сенлакская «Трампет» с трепетом сообщила о рождении нового миллионера, получившего наследство от дальнего родственника.

— Вот и все, — сказал мне он, — теперь мне нужно только выписывать чеки.

Я должен упомянуть о помощи, которую он оказал матери и некоторым людям. Но в целом благотворительностью он не занимался.

— Это не выход, Док — говорил он мне. — Заниматься благотворительностью — это все равно что лечить насморк, когда надвигается эпидемия чумы.

Но я знал, что он все-таки помог нескольким несчастным и сделал большой вклад в какую-то либеральную организацию.

— Мы нуждаемся в резервах жизни, — сказал он, — всех форм жизни. Сегодня для духовной жизни важны нетронутые уголки природы. А завтра — для продолжения самой жизни на Земле.

— Будущая война, — говорил Джек, — станет не просто выяснением отношений между капиталистическим и коммунистическим миром, как мы представляли в пятидесятых годах. Я могу лишь очень слабо вообразить, что произойдет. И не удивительно. Никто сейчас, да и в будущем, не сможет дать точного анализа последствий. Док, ученые много спорят о причинах и последствиях прошлых войн, но никто не задумы-

вался, к чему могут привести войны в будущем. А ведь достаточно вспомнить о гигантском облаке пыли, которое окутает Землю после ядерных взрывов, чтобы понять: Землю ждет новый ледниковый период.

У него сложилось впечатление, что третья мировая война, как и первая мировая война, — это конфликт, которого все ждут, но никто не задумывается о его последствиях. Он считал, что более важны экологические последствия войны, чем политические и идеологические.

— Я уверен, что в пустыни обратятся огромные области планеты. И не только в пространственном смысле, но и во временном. Вы знаете, Док, что океан снабжает атмосферу половиной кислорода? В 1970 году инсектициды будут обнаружены в планктоне. А к 1990 году океан превратится в зловонную клоаку, к которой даже подойти будет страшно.

— Но все это можно предсказать и предотвратить, — заметил я.

Он поморщился.

— О да. Сейчас много говорят о защите окружающей среды. А она буквально бьется о ветровые стекла огромных автомобилей, принадлежащих волосатым, бесцеремонным молодым людям. И эти автомобили загрязняют землю и воздух... Люди стали совершенно беззаботными.

Это логическое заключение из общей тенденции. Я знаю, что всю вину возлагать на будущую войну и на тех, кто ее готовит, глупо. Тем более, я до сих пор не знаю, как же она возникнет. Но, Док, я имею моральное право утверждать, что большая часть зла произрастает в этой стране, самой могущественной в мире, передовой как в хорошем, так и в плохом смысле. Америка забывает об ответственности за ту мощь, которой она обладает.

Америка сделает попытку наказать своих врагов в Азии, но эта попытка будет не очень успешной, и страна потеряет своих сыновей из-за ничтожной цели. Надеясь сделать невозможное, Америка растеряет своих последних друзей. Люди, избранные в правительство, будут бороться с инфляцией, повышением цен и налогов — а это все равно что заклеивать бумагой трещины в фундаменте. Экономический коллапс приведет к немощной международной политике. Белое большинство попытается свалить экономические трудности на спины цветных, последние начнут бунтовать, и в этом мятеже погибнут последние остатки прогресса. А наши глупые попытки сбалансировать то, что мы берем из окружающей среды, и то, что мы вкладываем в нее...

Сначала американцев охватит чувство вины. Затем постепенно они станут апатичными. В Америке создадутся громадные запасы денег. Физические потребности американцев будут полностью удовлетворены, но что касается духовной жизни...

И вот в феврале 1964 года Хэйвиг вступил во владение наследством, которое создал сам для себя. После этого он постарался зачеркнуть все свое прошлое и всю остальную жизнь он называл себя не иначе, как «дядюшка Джек». Я спросил его, что он намеревается делать дальше, и он ответил:

— Я хочу узнать как можно больше о том, что нас ждет.

Я задумался и подавил желание узнать от него о своем будущем. Теперь я понимаю, сколько бы ему пришлось рассказывать мне о моем будущем до дня смерти Кэйт.

Я никогда не спрашивал Хэйвига, видел ли он раньше могилу Кэйт. Может, он знал все, но молчал об этом. Как врач, я знаю, что такую информацию очень трудно хранить и улыбаться при этом.

Теперь Хэйвиг занимался в нашем университете и в перерывах между занятиями совершал визиты в прошлое. Больше всего он не хотел, попадая в чужое будущее общество, оставаться немым. Более того, он хотел иметь базу, с помощью которой мог бы соотносить изменения языка со временем, даже в далеком будущем.

Он сконцентрировался на латинском и греческом, причем на разговорном греческом, который был более распространен во времени и пространстве, чем классический греческий. Кроме того, он занимался французским, португальским, немецким, итальянским, испанским, арабским, арамейским и одним из языков полинезийской группы.

— Там была цивилизация еще до наших темных веков, — сказал он мне. — Я не мог попасть в те времена, но попадал либо в начало, либо в конец ее. Ты понимаешь, очень трудно понять чужую эпоху. Предположим, ты путешественник во времени из Египта времен фараона. И ты попадаешь в сегодняшний мир и изучаешь его. Многие действия людей абсолютно непонятны для тебя, лишены всякого смысла, более того, ты даже не можешь понять, что они делают хорошо, а что плохо. Потребуются многие годы, чтобы хоть немного научиться понимать этот мир.

Поэтому я хочу начать со стáрых эпох, а потом можно будет перекинуть мостик к будущим временам.

Хэйвиг подробно изучал историю. Можно даже сказать, стал профессиональным историком. Побывав во многих жестоких эпохах, он говорил, что ни мрачное средневековье с его сожжением еретиков, ни массовая резня где-нибудь в Турции не сравнится по размерам жестокости и варварства с тем, что ждет Землю в будущем.

— Тогда погибнут почти все люди. Надеюсь, что многих моих коллег-путешественников во времени эта участь не постигнет и я смогу встретиться с ними когда-нибудь в более счастливых или, вернее, в менее несчастных эпохах.

И когда ему исполнилось биологических тридцать лет, ему повезло. Это случилось в Иерусалиме, в день Распятия на кресте.

ГЛАВА 6

Он рассказал мне о своих планах в 1964 году. Его политика заключалась в следующем: разделить эти двадцать веков так, чтобы его личный календарь и официальный календарь не слишком расходились.

После этого я долго не виделся с ним. Он больше не жил в Сенлаке, а перебрался в Нью-Йорк, где устроил себе штаб-квартиру. Правда, он иногда наведывался к нам. Кэйт находила это очень трогательным. Я — тоже, хотя знал, что он нуждается во мне: ведь я был его единственным доверенным лицом.

— Ну что же, ты был прав, — воскликнул я, выслушав Джека. — Это именно тот момент, когда каждый путешественник во времени, если он христианин, может оказаться в Иерусалиме. Почему ты не сделал этого раньше?

— Это не так просто, Док. Это очень сложное путешествие на абсолютно чужую территорию. А точная дата? Или даже сам факт?

— Ты имеешь в виду свои сомнения в историчности Христа? Я знаю, что ты атеист, но тайна вокруг его имени...

— Док, кем он был и был ли он, представляет только академический интерес. Люди с тех пор прожили века в вере. Моя жизнь, я уверен, дана мне не для того, чтобы я занимался чистыми исследованиями, как бы мне этого ни хотелось. Я видел слишком много человеческих несчастий. Путешествие во времени имеет свою реальную ценность: с его помощью можно попытаться спасти человечество. — Он улыбнулся. — Вы знаете, Док, что я не святой. Но я хочу жить своей головой.

Он улетел из Нью-Йорка в Израиль в 1969 году. К этому

времени евреи уже закрепились в Иерусалиме и по нему можно было ходить более или менее спокойно. Из своего отеля Хэйвиг направился по иерихонской дороге, неся с собой сумку, пока не добрался до апельсиновой рощи, где можно было укрыться. Здесь он дождался ночи и стал готовиться.

Арабский костюм он купил в лавке для туристов. Продавец заверил его, что именно так одевались арабы в библейские времена. Нож, используемый больше для еды, чем в качестве оружия, он прицепил к поясу. Огнестрельное оружие он почти никогда не брал с собой. В кожаном мешке были арабский разговорник (для американских студентов), пища, кое-какая посуда, таблетки от болей в животе, антибиотики, дезинфецирующие средства и деньги. Это были несколько монет эпохи Римской империи и небольшой слиток золота, который можно было обменять.

Хэйвиг сложил современную одежду в мешок, затем достал последнее из своего снаряжения. Он назвал этот прибор «хронолог». Он был разработан и изготовлен им 1980 году на основе последних достижений электроники.

Я видел этот аппарат. Это был ящик с ручкой для переноски размером 24x12x6 дюймов. Открыв крышку, можно было увидеть ручки управления, индикаторы. В ящике размещался миниатюрный компьютер, питающийся от никель-кадмиевой батареи. Вес аппарата составлял пять фунтов — половину того веса, который Хэйвиг мог брать с собой. Этот прибор представлял для него большую ценность.

Представьте, он планирует перенестись в прошлое или в будущее в определенный момент. Как ему это сделать? На небольшом промежутке времени можно ориентироваться по смене дня и ночи, отсчитывая их. А дальше? На тысячу лет? Здесь-то его и выручит хронолог, отсчитывая время с большой точностью.

Ночь была ясная и холодная, шел пар изо рта при дыхании. На севере светились огни Иерусалима, а со всех сторон наступала тьма, рассекаемая лишь огнями редких домов и фарами проезжающих автомобилей. Хэйвиг сориентировался по луне и звездам, выставил точное время по Гринвичу, затем покрутил верньер, установил стрелку на деление, соответствующее определенной дате в Анно Домини, 33.

«Дата точно не установлена», — напомнил он себе. Во всяком случае, эта дата больше похожа на правду, чем все остальные. Он рассмеялся. Единственное, в чем можно быть

уверенным — это то, что все происходило в середине зимы. Иначе, как пастухи могли бы уйти из своих домов пасти стада?

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы насытить кислородом кровь. Затем набрал полную грудь воздуха, не напрягаясь, чтобы не тратить энергии, и погрузился в силовое поле Земли.

Как он мне потом рассказывал, ощущение было примерно таким, как у пловца, преодолевающего сильное приливное течение. Джек перемещался во времени, и тишина окружала его. Единственным ощущением было изменение света и тени — восходы и закаты Солнца.

Вдруг он увидел взрыв — призрачный, бесшумный... Может, это война за независимость? Или эпизод первой мировой? Но все это было уже позади. В туманной ночи XIX века он решил остановиться, чтобы глотнуть воздуха. Кроме того, ему хотелось сориентироваться по звездам, хотя его хронолог еще никогда не подводил. Однако сделать это ему не удалось. Поблизости оказалось несколько всадников — очевидно, турецкие воины. Они не заметили его в темноте, и он продолжил свой путь.

Остановившись в другой раз, он отметил, что местность существенно изменилась. Контуры оставались теми же, но вокруг росли деревья, простирались возделанные поля. Видимо, эта местность периодически страдала от засух, так как раньше он видел ее пустыней и знал, что она останется пустыней в том времени, куда он стремился. Вдали он увидел громадный стадион. Видимо, здесь крестоносцы устраивали свои турниры, пока Саладин не вышвырнул их из своего пропахшего кровью королевства.

Остановки для дыхания становились все чаще. Путешествие истощило его силы, и им владело возбуждение: ведь всего через несколько часов осуществится его мечта. Сердце тяжелым молотом бухало в груди.

На панели хронолога замерцала лампочка. Маленький прибор с огромной скоростью проделал все вычисления, учитывая все возможные возмущения электромагнитного и гравитационного полей, и определил нужное время с большой точностью.

Вспыхнул красный свет. Хэйвиг прибыл к месту назначения.

Кончалась ночь с четверга на пятницу. Если верить Библии, то состоялась уже Тайная Вечеря. Канули в прошлое душевные муки в Гефсиманском саду, и Иисус уже лежал связанный, ожидая решения своей судьбы. Его скоро приведут к Пилату,

осудят, предадут распятию на кресте, пронзят копьем, объявят мертвым и похоронят.

— Они привязали его на кресте, — говорил мне Хэйвиг, — так как гвозди не выдержали бы тяжести тела и ладони бы порвались, иногда гвозди все же вбивают, но в дополнение к веревкам. Это просто дополнительное наказание, так что можно сказать, что Библия в этом вопросе правдива, — он закрыл лицо руками. — Док, я видел, как они висят, — черные, распухшие языки высунулись наружу. Они уже не могут даже стонать — только хрипят, никакой мысли не видно в их обезумевших глазах. Ужас! Поистине, счастлив тот, у кого слабое здоровье и кто может дождаться близкой смерти. В огромной толпе найдутся несколько родственников и друзей, но они не могут высказать свое горе, не могут даже плакать. Остальные в толпе отпускают шуточки, смеются, едят, пьют, поднимают на руки детишек, чтобы им было лучше видно... Что же такое человек?

А чем мы лучше? Ведь наш век — это век Воркуты и Бухенвальда, век бельгийского Конго и Юга Соединенных Штатов. Может быть, в такие моменты я совсем не завидовал его способности путешествовать во времени.

Утро высветило восточное небо. У Хэйвига за спиной оказался чей-то сад, а вдали он увидел дома. Дорога представляла собой сплошную жижу из грязи. Вдали, прячась в утреннем полумраке, раскинулся на холмах Иерусалим — город царей-иродов и римских проконсулов. Он был гораздо меньше того Иерусалима, которым стал через два тысячелетия. Вблизи городских ворот были раскинуты шатры и палатки. Это окрестные жители пришли в город на Святую Неделю. Воздух был холодным и пах землей. Слышалось пение птиц.

— Раньше всегда было много птиц, — говорил мне Хэйвиг.

Он сидел на земле, задыхаясь, пока наконец не пришел в себя. Почувствовав сильный голод, он взял кусок овечьего сыра и ломоть хлеба. Жадно пережевывая, он с удивлением думал, что ест пищу, самую обычную пищу для этого периода времени и места на Земле. Пищу, которую ел сам Христос. Если он существовал. Никогда на Земле не переводились ученые, считавшие, что Христос — это просто миф, вроде какого-нибудь Осириса-Митры. Предположим, что его не было. Вернее, был, но совсем не таким, каким его изображают церковные книги,

не был живым воплощением создателя Вселенной. Была бы жизнь на Земле лучше, если бы люди не следовали его заветам?

Хэйвиг задумался, но вдруг вспомнил о своей цели. Он вздохнул и поднялся. Солнце появилось из-за горизонта.

Хэйвиг шел по дороге. Вскоре к нему присоединилась группа людей. Люди встали затемно. Они убрали дома, приготовили пищу, сделали все дела, так как завтра — суббота. Бородатые люди в лохмотьях подгоняли тощих ослов, нагруженных товарами. Дети, едва начавшие ходить, перебирали зерно возле шатров, а те, кто был чуть постарше, выгоняли овец на пастбище. Хэйвиг шел по дороге, и вместе с ним шли в город шейхи, священники, бродяги, крестьяне... какие-то полупьяные девицы, два торговца из Анатолии в широкополых шляпах. И вдруг он услышал топот копыт и лязг железа. Это проехал отряд римлян, возвращавшийся в город после ночного патрулирования.

Я видел фотографию Джека и легко могу представить себе эту сцену. Она была гораздо менее красочна, чем можете вообразить вы, живущие в век анилиновых красителей. Ткани тогда были в основном серого, тускло-коричневого, грязно-голубого тонов. Но шум стоял невероятный. Пронзительные вопли, смех, ругательства, обрывки песен, звучание музыкальных инструментов, шарканье ног, скрип колес, стук копыт, лай собак, блеяние овец, фырканье верблюдов — над всем этим звенели птичьи трели. Эти люди не были чопорными англичанами: при разговоре они отчаянно жестикулировали, рубили воздух ладонями, хлопали друг друга по спине и по плечам, стискивали зубы, хватались за кинжалы, чтобы через секунду, отбросив свою ярость, залиться жизнерадостным смехом. А запахи! Едкий лошадиный пот, пот людей, дым угасающих костров, запахи готовящейся пищи, запах навоза, запах седельной кожи, нагретой на солнце. Хэйвиг ненавидел это время, когда в живых людей вбивали гвозди, но, наблюдая жизнь простых людей, он не испытывал ни омерзения, ни презрения.

Ворота Иерусалима были открыты. Сердце Хэйвига забилось еще сильнее.

И он вошел.

Это случилось почти сразу. Чьи-то пальцы коснулись его спины. Он повернулся и увидел невысокого широколицего человека, одетого, как и он, тоже безбородого, с короткими волосами и светлой кожей.

Лицо незнакомца было покрыто потом. Стараясь перекричать шум толпы, он спросил:

— Эс ту перегинатор темпорис?

Он говорил с сильным акцентом — акцентом поляка XVII века, но Хэйвиг, изучавший как классическую, так и вульгарную латынь, понял его.

«Ты путешественник во времени?»—таков был вопрос.

Хэйвиг в первый момент даже не мог ответить. Он утратил чувство реальности. Вот и конец его поискам!

Или их поискам.

Хэйвиг был необычно высокого роста — необычного для этой местности. Он оставил голову непокрытой, чтобы можно было видеть его волосы и нордические черты лица. Иерусалим в те годы был достаточно космополитичен. И в нем свободно могли жить иностранцы. Хэйвиг надеялся, что его собратья узнают в нем человека, чуждого этому времени. И вот надежды сбылись.

Они сидели в таверне и разговаривали: Вацлав Красицкий из Варшавы 1738 года, Хуан Мендоза из Тихуаны 1924 года и те, кого они нашли.

Джек Хэйвиг и Конрад ван Левен — воин из Барабанта XIII века, который прибыл сюда, чтобы с помощью меча освободить Спасителя, когда тот понесет свой крест на Голгофу. Его спас Красицкий за мгновение до того, как римский легионер был готов выпустить ему кишки. Он ошеломил барабантца вопросами: откуда ты знаешь, что этот человек — твой Господь? И еще среди них был седобородый монах-ортодокс, говоривший только на хироацианском языке и отзывавшийся на имя Борис. Видимо, он прибыл из XVII века. И тощая женщина, которая сидела, не поднимая глаз от своей миски, и говорила на языке, который никто не понимал.

— И это все? — недоверчиво спросил Хэйвиг.

— У нас есть еще несколько агентов в городе, — ответил Красицкий. Говорили они по-английски. — Мы встретимся в понедельник, а потом... хмм, после Вознесения. Предположим, что они найдут еще несколько путешественников, но все же нас будет слишком мало, чтобы совершить что-нибудь существенное.

Хэйвиг осмотрелся. Посетители сидели, скрестив ноги на грязных коврах, и пили из глиняных чашек, которые мальчик-слуга наполнял из бурдюка. Вокруг бурлил Иерусалим. О Святая Пятница!

Красицкий был спокоен. Он рассказывал, что оставил свой город и свою эпоху ради французского просвещения. Шепотом он сообщил, что его партнер Мендоза — гангстер. Вернее, он сказал «наемник», но смысл этого слова был понятен.

— Мне лично плевать на то, что какого-то европейского портного, страдающего манией читать проповеди, казнят, — сказал он, ухмыляясь. — Но ты относишься к этому иначе, да? Ну что же, по крайней мере, среди нас появился один разумный человек.

Хэйвиг спросил:

— Неужели нас, путешественников, так мало?

Красицкий пожал плечами.

— Кто знает? Многим не так просто прибыть сюда. В твое время достаточно сесть на самолет — и ты здесь через несколько часов. А в другие эпохи это связано с большими трудностями. Мы читали о средневековых пилигримах. Но сколько их было в пропорции к общему населению? Сколько их погибло в пути? А кроме того, некоторые путешественники во времени просто не желают быть найденными. А может, они даже не подозревают, что есть подобные им, которые их ищут?

Хэйвиг посмотрел на него, на непроницаемого Хуана Мендозу, на полупьяного Конрада, на грязного Бориса, неизвестную сумасшедшую женщину и подумал:

«Естественно. Нельзя же было ожидать, что этот дар путешествия во времени будет распределяться выборочно. Нет, им обладают люди самого разнообразного интеллекта и направления ума. С какой стати я решил, что представляю собой нечто из ряда вон выходящее?»

— Мы не можем тратить слишком много времени на поиски, — сказал Красицкий. — Нас мало, — он хлопнул Хэйвига по колену. — О Святая Богородица, как обрадуется Сахем, когда узнает, что мы нашли тебя!

В конце вечера были найдены еще отшельник из Сирии III века и авантюрист из Ионии II века после Рождества Христова. Сказали еще об одной женщине, видимо христианке, но она скрылась прежде, чем ее успели задержать.

— Плохой урожай, — хмыкнул Красицкий, — и все же...

И он повел всю группу. Сначала они остановились после Пятидесятницы, затем отправились в XXI век.

Пыль клубилась над пустыней. От Иерусалима ничего не осталось, кроме костей и отдельных остатков зданий. Но тут их ждал самолет — остроносый, с вытянутыми крыльями, с атомным двигателем. Видимо, командование, застигнутое врасплох нападением противника, так и не успело ввести этот военный корабль в действие.

— Мы летели через Атлантику, — говорил мне Хэйвиг. — Штаб-квартира была устроена там, где когда-то был Висконсин. Да, они позволили мне забрать хронолог оттуда, куда я его спрятал. Хотя они никак не могли понять, зачем он мне нужен. Сами они пользовались для определения точного времени возвращения маяком. Хотя и не любили долгих путешествий в прошлое, так как это укорачивало продолжительность жизни.

В конце XXI века жизнь в Америке только начала возрождаться. Все селения, в том числе штаб-квартира, были под сильной охраной, так как в любую минуту могли подвергнуться нападению бандитов.

Я не знаю, видел ли мой друг Хэйвиг Иисуса Христа.

ГЛАВА 7

После сотни лет разрухи и опустошения сдвиги были довольно значительными. Почва оправилась от загрязнения и начала плодоносить, что способствовало росту населения. Хлебные поля раскинулись по низким холмам под летним небом, по которому гуляли легкие облака. Выросли деревья, в кронах которых пели птицы и шумел ветер. Люди были заняты работой с утра до ночи. У них не было ничего, кроме ручных орудий труда и машин, приводимых в действие животными. Но зато это были прекрасно изготовленные орудия. Опыт человечества не пропал даром. Все люди были похожи друг на друга, так как и мужчины, и женщины одеты были абсолютно одинаково: голубые рабочие брюки и куртки. Лица их были обветрены, покрыты прочным загаром, волосы отросли до самых плеч. Мужчины все с бородами. Все они были низенькими по стандартам нашего времени, у многих были очень плохие зубы или их вовсе не было. И все же они были гораздо более счастливы, чем их предки в эпоху Судного дня.

Люди выпрямились, чтобы приветствовать путешественников, ехавших верхом с аэродрома, а затем сразу же возобновили свою работу. Иногда встречались солдаты верхом на лошадях. Они были одеты в голубую форму, стальные шлемы. Металлические кирасы защищали их грудь. Вооружены они были кинжалами, луками и стрелами, мечами, топорами и пиками. Они почтительно салютовали путешественникам.

— Видимо, вам приходится быть готовыми ко всему, — беспокойно заметил Хэйвиг.

— А что делать? — рявкнул Красицкий. — Большая часть мира, в том числе и этот континент, находится в состоянии

варварства и дикости. Мы не можем снабжать все группы людей материалами и средствами к жизни. Монголы находятся вокруг нас. Они могут нахлынуть, как торнадо, если мы снимем защитные линии. Наши солдаты охраняют рабочих от бандитов. Эти люди должны быть нам благодарны за то, что мы делаем для них.

Средневековый уклад жизни повторялся и в городе. Семьи не жили в отдельных домах. Они селились вместе вблизи крепости, под ее защитой, и вместе работали. Но в отличие от средневековых городов здесь было довольно чисто, хотя и не доставало того шарма, которым отличались города древности. Однообразные кирпичные дома, стоящие вдоль асфальтовой полосы дороги, — все было размеренно и скучно, как в любом городке Викторианской эпохи. Хэйвиг решил, что это связано с необходимостью быстро построить жилища, а в этой обстановке приоритет приобретают простота и прочность, а не красота. Да и экономические соображения здесь играли не последнюю роль. Они ехали дальше, и Хэйвиг заметил деревянное здание причудливой архитектуры — в каком-то азиатском стиле. Красицкий сказал ему, что это храм, в котором люди молятся Ясу и приносят жертвы Октаю — божеству монголов.

— Дайте людям религию, сделайте жрецов своими союзниками — и люди будут подчиняться вам, — сказал Красицкий.

Хэйвиг поморщился.

— А где же виселицы?

Красицкий удивленно посмотрел на него.

— Мы не оповещаем о публичных повешениях. За кого ты нас принимаешь? — После паузы он добавил: — Неужели ты думаешь, что мы могли бы сохранить человечество в течение этих тяжелых десятилетий только с помощью сладкой водички проповедей?

Впереди показалась крепость. Высокие кирпичные стены с бойницами, ров с водой из реки, окружающий стены. Архитектура замка тоже носила печать функциональной направленности, которая лежала на всем городе. По обеим сторонам ворот и вдоль всех стен были установлены тяжелые пулеметы, несомненно собранные из частей, оставшихся от прошлого. По мерному шуму Хэйвиг догадался, что в крепости работает несколько генераторов, приводимых во вращение моторами. Запели трубы.

Часовые приветствовали подъехавших. Опустился подъем-

ный мост, и копыта лошадей зацокали по каменным плитам небольшой площади.

Группа Красицкого прибыла в замок. Со всех сторон к ним сбегались люди, возбужденно крича. Судя по ливреям, это были в основном слуги. Но Хэйвиг почти не обратил на них внимания, так как оно было полностью поглощено той, что прокладывала себе путь через толпу, пока не встала прямо перед ним.

Она заговорила громко, возбужденно. Хэйвиг едва понимал ее хриплую речь. Она была почти такого же роста, как и он. Крепко сбитая, с широкими плечами и бедрами, сравнительно маленькой грудью. У нее были широкие скулы, широкий нос, большой рот и прекрасные зубы. Правда, двух зубов у нее не было. Потом он узнал, что их выбили в драке. Волосы ее, густые и тяжелые, спускались до пояса, в ушах болтались варварские серьги — большие медные кольца. Глаза у нее были карие и немного раскосые под тяжелыми густыми ресницами. Вообще в ней чувствовалась примесь азиатской крови. Одета она была в просторную красную тунику, кожаные сапоги. У нее был нож, револьвер, лента с патронами, на цепочке болтался вырезанный череп ласки.

— Откуда ты? — Ее палец воткнулся в грудь Хэйвига. Последовал взрыв хохота. — Ты должен все рассказать мне, приятель.

— Сахем ждет нас, — напомнил ей Красицкий.

Когда Хэйвиг спрыгнул с лошади, она обхватила его шею и крепко поцеловала в губы. От нее пахло солнечным светом, кожей, потом, дымом и женщиной. Так он встретился с Леонсой, дочерью народа ледников, «скулой» Вакорна.

Сейчас они находились в кабинете, размеры которого и роскошь убранства поражали. Пол был накрыт темно-серым густоворсным ковром, стены отделаны панелями темного дуба. Шторы на окнах — тяжелые, отливающие мягким блеском. Хэйвиг присмотрелся и понял, что это меховые шторы из норки. Благодаря своей массивности и тщательности отделки стол, стулья и диван были неотъемлемой частицей той эпохи, того замка, в котором они находились, но, насколько мог видеть Хэйвиг через открытые двери, они контрастировали с аскетизмом обстановки в других помещениях. На стенах в серебряных рамах висели фотографии. На одной из них — старинном дагерротипе — была изображена печальная женщина в одежде XIX века. Остальные фотографии были сделаны современными камерами с телеобъективом. Хэйвиг узнал Сесиль Роде, Бис-

марка, молодого Наполеона. Однако он не мог узнать желтобородого человека в восточном халате.

Из окон кабинета, находившегося на пятом этаже замка, открывался вид на город и его окрестности. Полуденный свет лился через стекла. Приглушенно стучали двигатели генераторов.

— Не хочешь ли послушать музыку? — Калеб Уоллис включил миниатюрный магнитофон, сделанный во время, непосредственно предшествующее Судному дню. Зазвучала музыка. Уоллис уменьшил громкость и сказал:

— Это произведение очень подходит к данному моменту. Я ужасно рад, что ты с нами, Хэйвиг. — Хэйвиг узнал «Шествие Богов» из «Золота Рейна».

Все остальные, кто пришел с ним, включая и проводников, уже исчезли. Уоллис имел с ними лишь короткую беседу, причем не скрывал своего пренебрежения.

— Но ты — совсем другое дело, — сказал Сахем Хэйвигу. — Ты именно такой, какие нам нужны. Хочешь сигару?

— Я не курю.

Уоллис долго стоял, а затем произнес, как бы про себя, но достаточно громко:

— Я основатель и господин этого государства. Мы здесь поддерживаем дисциплину и субординацию. Меня надо называть «сир».

Хэйвиг взглянул на него. Человек среднего роста, среднего телосложения, с грубо слепленным плосконосым лицом, густыми бровями, серо-рыжими усами, которые переходили в бакенбарды. Он был весь в черном, с серебряными пуговицами и эмблемами. Воротник, эполеты и обшлага были расшиты золотом. За поясом — кинжал в богатой оправе и автоматический пистолет. Однако в нем не было ничего смешного. Напротив, он внушал почтение. Голос его звучал уверенно и мог бы производить гипнотическое действие, если бы Уоллис этого захотел. Его маленькие светлые глаза смотрели уверенно, с чувством превосходства.

— Ты понимаешь, что это все ново для меня, — наконец сказал Хэйвиг. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть... сир.

— Конечно, конечно! — просиял Уоллис. Он хлопнул Хэйвига по спине. — Все будет в порядке. Ты далеко пойдешь, мой мальчик. Здесь нет границ для человека, который знает, чего хочет, и имеет все, чтобы добиться своей цели. Ты ведь американец, честный, добрый американец. Из той Америки,

которая существует сама собой. К сожалению, у нас мало таких, как ты.

Он опустился в кресло.

— Садись. Нет, подожди. Видишь мой бар? Я выпью бурбона на два пальца, а ты себе налей, чего захочешь.

Хэйвиг поискал глазами содовую и лед, но, к своему удивлению. не нашел. Ну что же, видимо, Уоллису это не нужно, а вкусы других его не интересуют.

Усевшись в кресло со стаканом рома в руке, он посмотрел на Сахема и сказал:

— Я мог бы рассказать свою биографию, сир, но, думаю, что будет более полезно сначала познакомиться с этим государством — Ээрией...

— Конечно, конечно. — Уоллис кивнул своей большой головой и затянулся сигарой. Дым сигары был очень едким и кислым. — Но сначала несколько фактов из твоей биографии. Родился... в 1933, ты сказал? Что ты думаешь о своем времени?

— Что??? Хм... Ничего хорошего. Я перемещался в будущее, чтобы знать, что ждет впереди.

— Это все моральное разложение, Хэйвиг. Ты понимаешь это, не правда ли? — Внезапно его голос загремел. — Цивилизованные люди стали врагами друг друга — сначала в войне, а потом — в моральном плане. Империя белого человека рухнула быстрее, чем Римская империя. Все, что было завоевано лучшими сынами расы, было потеряно за время жизни одного поколения. Раса потеряла свою гордость. Предатели, занимающие высокое положение, внушили простому белому человеку, что будущее — за черными. Я видел все это, я изучал твою эру. Ты, живущий в это время, видел это?

Хэйвиг задумался.

— Я видел глупость, предубеждения, суеверия. Грехи отцов часто передаются сыновьям.

Уоллис решил не обращать внимания на отсутствие почтительного обращения. Он улыбнулся и снова заговорил:

— Знаю, знаю. Не думай, что я расист. Многие из цветных — хорошие люди. Зулусы, например, или индейцы апачи, или японцы. Путешественники этих рас, которых мы сможем найти, займут достаточно высокое положение среди наших агентов, как и ты. Черт побери, я восхищаюсь нашими израильтянами, по крайней мере их действиями, о которых слышал. Нечистокровный народ, не имеющий ничего общего с библейскими евреями. Прекрасные солдаты и умницы. Я вообще

отношусь с большой симпатией к тем, кто сохраняет свое национальное лицо и гордость. И меня выводит из себя то, что некоторые используют такие выражения, как «нигер», «краснокожий», «чини», «кайк», «уоп», ты знаешь, о чем я говорю. И среди таких очень много чистокровных белых, которые либо полностью утратили разум, либо предались врагам.

Хэйвиг подумал, что же послужило основой для расистских взглядов Сахема. И вспомнил, что Авраам Линкольн говорил о врожденной неполноценности негров.

— Сир, — осторожно начал Джек. — Я думаю, что нам не стоит спорить, пока мы окончательно не выясним терминологию друг друга. А сейчас лучше поговорить о чисто практических вопросах.

— Ну, конечно, — прорычал Уоллис, — у тебя есть мозги, Хэйвиг. Ты человек действия, хотя, конечно, в известных пределах. Но я буду честным, мозги — вот, что нам требуется в настоящий момент. Особенно если эти мозги получили профессиональную подготовку в реалистической философии. — Он махнул сигарой. — Посмотри на тех, кто прибыл сегодня из Иерусалима. На брабантца и грека... Их еще можно потренировать, и тогда они смогут быть солдатами, разведчиками, служить прикрытием в путешествиях во времени. А остальные... — Он прищелкнул языком. — Не знаю, это просто какая-то отрыжка прошлого. Единственная надежда, что женщина сможет рожать детей.

— Что?! — Хэйвиг привстал с кресла. Что-то внутри него подпрыгнуло. — О, мы можем иметь детей?

— Друг с другом — да. Мы уже выяснили это. Но не с путешественниками во времени. Это мы тоже смогли выяснить. Ты можешь взять себе какую-нибудь крошку, чтобы она согревала тебе постель. У нас есть рабы, которых мы захватили во время рейдов. Только не нужно читать мне мораль. Бандиты постоянно нападают на нас, и, если мы не будем брать пленников, нам придется убивать их. — Уоллис стал серьезным. — У нас мало женщин — путешественниц во времени. И к тому же не все из них стремятся стать матерями. Однако для путешествий во времени это не препятствие. Но дар наш не передается по наследству, так что нам не удастся создать новую расу. Мы, разумеется, даем детям хорошее образование, предоставляем привилегированные посты в администрации, когда они вырастают. Так я награждаю за преданность своих агентов. Но, по правде говоря, мне иногда трудно подыскать такую должность, где бы такой ставленник не приносил бы вреда. Да,

это что-то вроде аристократии, но нам не удастся сделать ее наследственной. Да я и не хочу делать этого.

— Чего же ты хочешь, сир? — осторожно спросил его Хэйвиг.

Уоллис отложил сигару, сделал глоток виски, сложил руки на столе.

— Восстановить цивилизацию, иначе для чего же нас создал Бог?

— Но... когда я путешествовал в будущее...

— Федерация Маури? — Лицо его исказилось гневом, тяжелый кулак грохнул по столу.

— Ты много успел увидеть? Думаю, что нет. Я изучал ту эпоху, Хэйвиг. Говорю тебе, что это сборище нигеров, канаков, чинков, джапов, которые сейчас, пока мы здесь сидим, набирают силу. И это происходит только потому, что они меньше всех пострадали от войны. Они хотят завоевать весь мир, оседлать все человечество, в том числе и нас, белую расу. Они хотят навеки остановить прогресс...

Он откинулся назад, тяжело дыша, отхлебнул виски и заявил:

— Но у них ничего не выйдет. Пусть блаженствуют три — четыре столетия. Я боюсь только одного: что люди привыкнут к их ярму. Но потом... Вот для чего я создал Ээрию, Хэйвиг! Чтобы подготовить будущее...

— Я родился в Нью-Йорке, в 1853 году, — сказал Сахем. — Мой отец был мелкий торговец и убежденный баптист. Мать — вот ее фотографии... — Он показал на блеклую фотографию печальной женщины, нежность тронула его лицо. — Я был последним из семи детей, и отец не тратил на меня много сил и энергии, так как его любимым сыном был старший. Я с ранних лет был замкнутым, научился держать язык за зубами. Я поехал в Питсбург, когда мне официально исполнилось семнадцать лет. К тому времени мое второе, более страшное «я» из будущего хорошо поработало надо мной. К этому времени я уже знал свое предназначение.

— А как ты сделал себе состояние? — спросил Хэйвиг из чисто дипломатических соображений.

— Просто спекуляция землей, как это называется в деловых кругах. Во всяком случае, когда мне исполнилось тридцать пять лет, я решил, что пришло время заняться тем, для чего меня создал Бог.

Конечно, я не оправдал надежд отца, но полагаю, такова

судьба всех путешественников. И я верю в то, что Бог определяет каждому человеку то, что он должен сделать на Земле.

Затем Уоллис рассмеялся так, что живот его заходил волнами:

— Да, я понял, что жизнь дается человеку только затем, чтобы он совершил то, что ему предначертано.

Он протянул свой пустой стакан:

— Налей. Я обычно мало пью, но знает Бог, как мне хотелось поговорить с умным человеком. Тут есть несколько умных людей, вроде Красицкого, но он иностранец. Кроме того, есть пара американцев, но я с ними провел столько времени, что заранее могу сказать, как они отреагируют на мои слова. Наливай себе еще, и поболтаем немного.

Теперь и Хэйвиг мог задать вопрос:

— А как ты вошел в свой первый контакт, сир?

— О, я нанял множество агентов, разбросанных по всему XIX веку. Они печатали объявления в газетах, журналах, альманахах. Разумеется, они не употребляли слова «путешественник во времени», более того, они даже не знали, зачем мне это надо. Сам я не писатель, а человек действия, но у меня были деньги, и я мог нанять себе мозги.

Хэйвиг кивнул и высказал:

— Это и мне приходило в голову, сир. Но я жил в то время, когда идея о «путешествии во времени» была уже затрепана авторами научно-фантастических романов. Так что если бы я предпринял что-либо подобное, то неминуемо привлек бы к себе всеобщее внимание. А сколько же ты собрал?

— Не забывайте слово «сир», — добавил Сахем.

— Прошу прощения, сир.

Уоллис тяжело вздохнул.

— Одиннадцать. Из всего этого проклятого столетия — одиннадцать. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Лучший из них Остин Колдуэл. Он был заросшим щетиной пограничным жителем, когда пришел ко мне. Но потом он стал одним из самых лучших моих помощников. Это он назвал меня Сахемом. Я очень люблю его.

Затем — маг и предсказатель будущего с ярмарки, профессиональный игрок, девушка с юга. Все это американцы. За границей мы нашли боварского солдата, агента инквизиции в Испании, венгерскую еврейку, студента из Эдинбурга, который чуть не тронулся, отыскивая в книгах объяснение своему дару, кокотку из Парижа и молодую крестьянскую чету из Австрии. С последними нам повезло — они сами нашли друг друга. Это

единственный случай среди путешественников, когда они оказались соседями...

Ты видишь, какое разнообразие характеров, и можешь представить себе языковые проблемы, проблемы транспортировки, убеждения...

— Но не больше, чем с последними из найденных? — Хэйвиг почувствовал себя уязвленным.

— Да примерно столько же. Ты же понимаешь, одни боятся присоединиться к нам, другие просто не хотят оставлять старую жизнь, третьи считают, что им выгоднее оставаться на старом месте, так как можно торговать предсказаниями будущего, четвертые не хотят бросать семьи. Я даже обдумывал план похищения жены одного такого, но какой толк от путешественников, которые неохотно отправляются за тобой? Мужчину можно запугать и добиться от него повиновения, но женщины... чересчур трусливы, чтобы бояться чего-то определенного.

Хэйвиг вспомнил ту бесшабашную девушку, которая поцеловала его во дворе, но ничего не сказал.

— Как только у меня появились подчиненные, — продолжал Уоллис, — я смог расширить сферу своих действий. Теперь я мог изучать большие временные пространства и на основе наблюдений формировать план действий. В первую очередь следовало создать фонды и опорные пункты в различных эпохах. Теперь я мог собрать путешественников из разных эпох, мог выбрать место, где основать Ээрию. Местные изголодавшиеся жители с радостью встретили меня как своего повелителя, принесшего им зерно для посевов и защиту оружием.

Хэйвиг потер подбородок.

— Могу я спросить, сир, почему ты выбрал именно это место и время?

— Разумеется. Отвечу, если смогу. Сначала я думал о прошлом, но даже в доколумбовой Америке мы могли бы оставить следы, которые озадачили бы будущих археологов. В этом же столетии феодализм, подобный нашему, распространен по всей планете, поэтому мы здесь не будем уникальны. Разумеется, наши подданные знают, что мы обладаем могуществом, и они называют нас магами или детьми богов, духов — кому что нравится. К тому времени, как цивилизация восстановится, о нас останутся только неясные слухи, ученые будут считать, что здесь когда-то существовал один из многих религиозных культов.

Хэйвиг задал вопрос:

— Насколько я знаю, хотя и очень мало, как раз в настоя-

щее время формируется культура Маури в Тихом океане. Их будущие археологи будут заинтересованы твоей колонией больше, чем поселениями темных варваров.

— Ты, разумеется, прав, — ответил Уоллис, — но только с точки зрения Маури. Не следует забывать, что именно мы наследники великой культуры. Просто нам не повезло.

Хэйвиг должен был согласиться. Действительно, Океания была слишком незначительна и не играла главной роли, чтобы быть подвергнутой атомной бомбардировке. Омывающие острова воды были загрязнены меньше всего и быстрее всего очистились. Но к этому времени человек уже стал редким явлением на планете. Люди на этих островах существовали довольно примитивно, и их жизнь почти не зависела от совершенной технологии. А в развитых странах Северной Америки, Европы, Азии люди начали погибать миллионами, когда был уничтожен индустриально-сельскохозяйственно-медицинский комплекс.

Теперь, когда все погибло, требовались либо время, либо информация, чтобы восстановить индустрию.

Хэйвиг отважился спросить:

— Сир, не думаешь ли ты, что Маури со своим прогрессом послужат нам?

— Естественно, — промолвил Уоллис. — Я даже буду помогать этим бастардам. Но только так, чтобы они смогли сесть в седло, и ни на йоту больше. Мы будем пристально наблюдать за их развитием, чтобы не отпускать слишком далеко.

Казалось, он хочет сменить тему разговора, так как продолжал:

— Мы должны быть очень осторожны, чтобы не упустить лидерство. Сейчас мы управляем территорией двух штатов. Необходимо добиться, чтобы мы управляли не только в пространстве, но и во времени. Мы должны подбирать руководителей из числа обычных людей. Для этого, к примеру, можно проследить жизненный путь какого-нибудь одаренного мальчишки и, убедившись в его способностях и преданности, можно готовить его к занятию соответствующего поста.

Но ты не думай: мы не чудовища и не паразиты, хотя иногда нам приходится быть довольно жестокими. Но наша цель одна: вернуть человечество на тот путь, по которому его направил Бог.

Он наклонился вперед:

— И мы сделаем это, — прошептал он. — Я путешествовал в будущее. И хотя пройдут тысячелетия, я видел... Ты с нами?

— Следующие несколько месяцев все было хорошо, — сказал мне Хэйвиг. — Однако я был очень осторожен. Например, я скрыл некоторые биографические события и точные даты. Более того, я не стал раскрывать истинное предназначение хронолога, и Уоллис потерял к нему всякий интерес. После этого я припрятал его. Если эти люди именно таковы, какими я хотел бы их видеть, они потом простят мне мои колебания и недоверие.

— Но что заставило тебя тревожиться? — спросил я.

Он поморщился.

— О... сначала — мелкие детали. Вроде общего стиля поведения Уоллиса. Хотя мне не удалось завести с ним более близкого знакомства, так как он сразу же переместился в будущий год. Представляешь, какие возможности контроля за своими подчиненными?

— Да, но если во время его отсутствия подчиненные устроят заговор?

Он покачал головой.

— Не та ситуация. В каждой эпохе у него есть верные сторонники, а кроме того — есть целый отряд преданных путешественников, которые постоянно курсируют во времени туда и обратно, контролируя ситуацию в любой точке пространства и времени.

И к тому же, как можно устроить заговор среди тупых фермеров, рабочих, солдат и чиновников, самих путешественников? Ведь все они — разноязыкая толпа, не объединенная общими интересами. Почти все они собраны из послесредневековой Западной Европы.

— Почему? Разве в других эпохах меньше было путешественников?

— Нет, не меньше. Просто в этом случае препятствиями служат языковой барьер, культурное наследие. Трудности слишком велики, и результаты не оправдывают значительных усилий. Путешествие в Иерусалим было только экспериментом. И если не считать меня, то результаты поиска оказались разочаровывающими.

В Ээрии официальным языком был английский, и каждый был обязан изучать его. Но, несмотря на это, я с трудом разговаривал с обитателями замка. Дело даже не в том ужасающем акценте, с которым говорили они. Дело в том, что наше мышление было в корне иным. С моей точки зрения, все они

были мошенниками. А я — с их точки зрения — был чистоплюй, сосунок. Все они с подозрением относились друг к другу, следили друг за другом, каждого считая своим врагом. Как можно было объединить их?

А почему они должны быть иными? Ведь им приходилось, как петухам, жить в постоянной драке. Даже за лучшую пищу, за удобства, за слуг, за женщин для постели, за развлечения, за должность. Каждый из них обучался тому, на что он способен: наиболее умные занимали посты в администрации, наиболее сильные становились командирами отрядов воинов, остальные превращались в клерков. Меня стали тренировать на разведчика во времени! Нет, в целом поначалу мне не на что было жаловаться.

— Но все же тебе не понравились твои новые приятели, — заметил я.

— Почему? Некоторые понравились. Например, Уоллис вызывает симпатию своей целеустремленностью. Или его лейтенант, Остин Колдуэл, уже седой, но крепко сбитый, большой шутник, прекрасный наездник. Он не дурак выпить и знает много разных историй. К тому же он полон юмора и весьма дружески ко мне относился, что облегчило все мое существование там в первое время. Рейал Оррик, бывший ярмарочный маг, восхитительный старый мошенник. Джерри Дженнингс, английский школяр из 1918 года. И еще некоторые. И Леонса... — он зачарованно улыбнулся, — особенно Леонса...

Хэйвиг только въехал в свои двухкомнатные апартаменты в замке, как тут же получил подарок. Это были медвежья шкура и бутылка глинтвейна из прошлого Леонсы. Он не был уверен, что подарок вызван сердечностью, как не был уверен и в сердечности всего остального. Ее манеры поражали Хэйвига еще больше, чем ужасный диалект. Жадный поцелуй всего через несколько минут после того, как они увиделись впервые, затем откровенное внимание... Но в то же время Хэйвиг был занят обдумыванием более важных вещей и отвлекся от этого.

Хэйвиг отказался от предложенной ему девушки, которая ему совсем не понравилась, как и сама форма. Это и было поводом тому, чтобы согласиться на предложение Леонсы провести вместе выходной день.

Бандиты были давно изгнаны из близлежащих областей, и конные патрули постоянно следили, чтобы они не появились вновь. Так что можно было ходить в лес без охраны. Хэйвиг и

Леонса взяли с собой пистолеты. Но не для защиты, а скорее как знак принадлежности их к привилегированной касте, которой разрешено иметь оружие.

Леонса выбрала дорогу, которая пролегала среди полей. Воздух над ними дрожал в лучах утреннего солнца. Затем они поехали по извилистой тропе и оказались в лесу, который всколыхнул в душе Хэйвига воспоминания о лесе Моргана. Запах свежескошенного сена смешивался с запахом прелых листьев и сырого мха. Было тепло, но свежий ветерок шевелил листву и заставлял плясать солнечные зайчики в траве и на лице. Вверху между ветвями шныряли белки. Глухой звук копыт отдавался в тишине леса.

Леонса по пути расспрашивала его, и Хэйвиг с готовностью отвечал. Какой мужчина откажется рассказать о себе привлекательной женщине? Особенно когда для нее твое прошлое кажется непостижимым. Языковой барьер рухнул. Она была здесь недолго, всего год, если учитывать путешествия во времени. Но уже вполне сносно говорила по-английски, особенно сейчас, когда была спокойна и непринужденна. К тому же он привык к особенностям ее произношения.

— Значит, ты из высоких лет? — выдохнула она, наклонилась из седла и погладила его руку.

— Что ты называешь так? — спросил Хэйвиг. — Эпоху перед Судным днем?

— О, это когда люди научились летать к Луне, звездам. — И он понял, что, несмотря на свои внушительные размеры, эта девушка совсем юная по возрасту. Ее раскосые глаза излучали свет, когда она смотрела на него. Они буквально светились под ее рыжими волосами, которые сегодня были причесаны и затянуты лентами.

«Когда мы сами себя осудили на смерть, подписали свой приговор», — подумал Хэйвиг. Но вслух он произнес: — А ты, кажется, пришла из более благополучного времени.

Она улыбнулась, затем сразу сделалась задумчивой, потерла подбородок и долго смотрела на уши своей лошади. Наконец она сказала:

— И да, и нет. Думаю, что у тебя так же.

— Может, ты объяснишь? Я слышал, что ты из будущего, но больше ничего не знаю.

Леонса кивнула, и волны розового света прокатились по ее волосам.

— Примерно сто пятьдесят лет. Народ Гласьер.

Когда они вместе въехали в лес, им было невозможно

двигаться рядом. Она ехала впереди, а Хэйвиг — сзади, восхищаясь ее посадкой в седле. Она рассказывала, изредка оборачиваясь и посылая ему свою солнечную улыбку.

По ее описанию, страна, где она родилась, была гористой и красивой местностью, известной Хэйвигу под названием Гласьер и Ватертон Парк. Сейчас ее предки находились где-то в восточной части, оттесненные ордами монголов, захватывающих пространства для своих стад. Уже сейчас они были больше охотники, чем фермеры, изредка грабили соседние племена, торговали мехами, кожей, шкурами. Пока что они не были объединены и жили замкнутыми кланами.

Но со временем их численность и территория увеличатся, и тогда без твердой организации, без законов им не обойтись. Дикие люди перестают быть дикими, когда преимущества закона и порядка входят в их умы. Несомненно, их вождь Инджун Самаль, который начнет вдалбливать новые понятия в головы своих соплеменников, немало этих голов разобьет.

— Когда я оставила свою родину, — говорила Леонса, — все уже было спокойно. Монголы ушли, и мой народ продолжал торговать и воевать с соседями. Причем все больше он начал заимствовать от них. Как я узнала, через сотню лет после моего ухода народ Гласьер обратился в Норвес Юнион. Но я не хочу возвращаться к ним.

— Мне кажется, что здесь ты тоже ведешь суровую жизнь.

— Могло быть и хуже... Да не в этом дело. Я могла бы уйти и в другую эпоху... Вот мы и приехали.

Они привязали лошадей на небольшой лужайке; вокруг них склонились деревья, шелестя листвой. Леонса распаковала пакет с провизией — огромное количество разнообразных фруктов и сандвичей. Хэйвигу этого количества хватило бы на неделю.

Сначала они решили выпить и немного отдохнуть. Леонса села, прислонившись к стволу дерева, и разлила вино в серебряные стаканчики.

— Продолжай, — напомнил он, — я хочу услышать о тебе.

Ее ресницы затрепетали, он заметил легкие морщинки на носу.

— А... ничего интересного для тебя, Джек.

— Пожалуйста, мне интересно.

Она радостно рассмеялась. И все же история, которую она рассказала, была скорее печальной, чем веселой.

В роду гласьер существовала традиция равенства между полами, которая никогда не умирала либо возродилась в эту

эпоху. Женщины, как и мужчины, ходили на охоту, участвовали в сражениях. Разумеется, существовала некоторая специализация. Так, мужчины выполняли работу тяжелую, требующую физической силы, а женщины делали то, что требовало терпения, усидчивости. Кроме того, прерогативой женщин было то, что Леонса называла «скулой», — предсказания, разгадывание снов, чтение и письмо, лечение некоторых болезней, изгнание злых духов. И еще... напускание тумана на глаза, наведение порчи...

И никто из женщин не делал тайны из своего умения.

Ее отец был (или будет) воином по имени Вольфокин-Джем. Он погиб во время нападения враждебного клана Дафи. Его жена Нида вместе с детьми спаслась и нашла убежище в клане Донналь. Затем последовали годы войн и интриг. И только потом остатки Раньянов нашли союзников и после кровопролитного сражения вернулись в родную страну. Леонса, шпионка во времени, играла ключевую роль в этой войне. И она неизбежно становилась новой «скулой» племени.

Сначала она внушала друзьям не ужас, а почтение. Она жила и развлекалась, как и все остальные юноши и девушки племени. Но постепенно благодаря своему дару она выделилась из всех. И, обладая такой «скулой», вахоры приобрели могущество среди других кланов.

А Леонса стала совсем одинокой. Все ее сверстницы вышли замуж, и постепенно она осталась одна с Оидой в старом вигваме Джема. У нее были любовники, как это было принято среди незамужних, но ни один из них не просил ее стать женой, как будто она была нечто неприкосновенное, запретное. А затем даже любовники оставили ее. Нет, не совсем, они иногда приходили просить совета, но не наслаждения. Разочаровавшись в дружбе, Леонса стала требовать, чтобы ее брали в разбойничьи набеги на соседей. В этих набегах погибали люди, и она уже не раз слышала, как ее соплеменники требуют, чтобы она заколдовала их от смерти. Ведь она наверняка может, она же «скула»... или не хочет? Затем умерла Оида.

Скоро прибыли разведчики во времени и нашли ее по слухам. Она с радостью и слезами приветствовала их. Вахоры больше никогда не увидят ее.

— О Боже, — Хэйвиг обнял ее за плечи, — с тобой поступили так жестоко!

— Там было так хорошо: охота, лыжи, игры, песни... — Она выпила немного вина. — Я неплохо пою. Хочешь послушать?

— Конечно.

Она вскочила, взяла из сумки маленькую гитару и тут же вернулась обратно.

— Я также играю на костяной флейте. Но не могу же я играть на флейте и петь. Вот песня, которую я придумала сама. Когда я была одинока, все время придумывала песни.

К его удивлению, пела она просто прекрасно. И те слова песни, которые он мог понять, наполнили его трепетом.

— Ну как? — спросила она, кончив пение.

— Прекрасно, — ответил Хэйвиг. — А что ты еще умеешь делать?

— О, я умею писать и читать и играть в шахматы. Правда, здесь правила игры несколько отличаются от тех, какие были у меня дома, но я быстро освоила их. Остин научил меня играть в покер. И еще я умею шутить.

— Что?

Она улыбнулась и прижалась к нему.

— Я думала, мы пошутим после ленча, Джек, сладкий мой, — прошептала она, — но почему бы нам не пошутить и до, и после? Ммм?

Когда неописуемое наслаждение поглотило его, он узнал, что еще одно слово к этому времени изменило свой первоначальный смысл.

— Вот так, — сказал он мне, — жили мы вместе, пока я не покинул ту эпоху... Несколько месяцев. И это было восхитительно. Мне нравилась эта девушка.

— Но ты не любил ее?

— Н-нет. Думаю, что нет. Хотя, что такое любовь? Впрочем, оставим это.

Он посмотрел в окно комнаты, где мы сидели. Там была ночь.

— У нее был очень горячий характер, и она часто заводилась по пустякам. Еще больше ее злило то, что я не вступал с ней в ссоры. Но примирения были такими же бурными, как ссоры. — Он потер усталые глаза. — Не похоже на мой темперамент, да, Док? И к тому же я ревновал ее. Она спала со многими до того, как я появился, продолжала делать это и сейчас, хотя и не так часто. Она просто не представляла, как это можно не лечь в постель с мужчиной, если он тебе нравится. Естественно, мне она тоже предоставила такую свободу относительно других женщин. Но... но мне она не была нужна.

— Почему же она ни от кого не забеременела?

Лицо его исказила гримаса.

— Она потребовала, чтобы ее отправили в годы, непосред-

ственно предшествующие Судному дню. Отчасти для того, чтобы посмотреть, но главная ее цель — запастись противозачаточными средствами. Она хотела иметь детей, но только тогда, когда будет к этому готова. А до тех пор она хотела наслаждаться жизнью, любила удовольствия.

— Но раз она все время оставалась с тобой, значит, между вами существовало нечто большее, чем привязанность.

— Конечно. Я попытался разъяснить тебе, что меня притягивало в Леонсе. Что же касается ее... трудно сказать. Хорошо ли мы знали друг друга? Да, насколько вообще хорошо могут узнать друг друга мужчина и женщина. Мои знания и интеллигентность возбуждали ее. Буду честным — пожалуй, там у меня был самый высокий уровень интеллектуального развития. А я полагаю, что люди всегда чувствуют тягу к своим антиподам. Я вовсе не был похож на какого-нибудь дикого горца или твердолобого наемника эпохи Ренессанса.

Он снова загадочно улыбнулся.

— Тем не менее она подарила мне много радости. И я всегда буду благодарен ей за это и за все, что произошло потом.

Подозрения Хэйвига развивались постепенно. Он старался сопротивляться им, но они крепли, особенно когда он заметил, что здесь в разговорах стараются не касаться некоторых тем и не отвечать на некоторые вопросы. Остин Колдуэл заметно терялся, когда Хэйвиг затевал беседы на запретные темы, а Рейал Оррик старался перевести разговор на выпивку или, когда выхода не было, цедил неохотно:

— Придет время, и ты все узнаешь, сын мой.

Другие же просто советовали ему заткнуться.

Он был не один в подобной изоляции. Но некоторые просто не обращали внимания на это. И только юный Джерри Дженнингс воскликнул:

— Клянусь Богом, ты прав!

То же самое сказала и Леонса, правда в более крепких выражениях. И сразу же постаралась оправдать этот заговор молчания.

— Мы ведь появились здесь недавно, не можем же мы узнать все сразу.

— Мы с Конрадом появились в одно время, а ты — еще раньше.

Я пробудил ее любопытство, и она нашла свои методы удовлетворить его. О, совсем не то, что ты думаешь, Док. Нет,

она просто воспользовалась тем, что могла перепить любого, а споив того или иного мужчину, начинала выпытывать у него все, что его интересовало. А по ночам, хихикая, как нашкодившая школьница, она рассказывала мне о том, как проникла в самые запретные тайны Ээрии, проскользнула в самые различные периоды существования Ээрии, чтобы узнать, вынюхать.

— Насколько я смогла понять, — говорила она, — Уоллис просто боится, что ты и подобные тебе возмутятся, когда узнают, что делают его агенты в разное время и в разных местах.

— Впрочем, я и сам пришел к такому же выводу, — сказал Хэйвиг. — Я видел ранние века и знаю, какие люди рождались в них. Путешественники ничем не отличаются от людей тех времен. То, что они приходят сюда, не меняет их природы.

— Судя по всему, тебя будут постепенно вводить в курс дела, — сказала Леонса, — от меня все это скрывают потому, что я с тобой.

— Ты имеешь в виду, что примиришься со всем этим?

— А что? Иногда приходится быть жестоким. Разве люди твоего времени не такие?

И он с болью вспомнил время, бесчеловечные деяния: жестокую эксплуатацию коренных жителей, изгнание индейских племен с их исконных земель и многое другое.

Леонса простодушно продолжала:

— Слабых всегда притесняют и угнетают, если им только не повезет и кто-нибудь сильный не встанет на их защиту. Если бы я была бессмертна, то никогда не убила бы ни одного животного, даже для пищи. Но я умру. Значит, я тоже в игре. И ты тоже, дорогой мой. Так что давай играть так, чтобы получить выигрыш.

Он долго раздумывал над этими словами.

— Во всяком случае, — сказал он, и в голосе его я услышал горечь, — я еще раз убедился, что золото лучше, чем дерьмо.

— И что цель не всегда оправдывает средства, — заметил я. — Иначе говоря, совершенства достигнуть невозможно. Правда, в реальном мире всегда можно выбрать меньшее из зол. Хотя, как врач, могу сказать, что иногда выбор очень труден. Например, чтобы избавить пациента от неизлечимой мучительной болезни, кажется милосерднее дать ему яд. Но продолжай, пожалуйста.

— Мне показали эпоху Маури, с тем чтобы я сам мог убедиться, что все их лидеры стали тиранами и делают все, чтобы остановить прогресс. Правда, это был переходный пери-

од. И мне пришлось согласиться, что иногда гегемония Маури становится чересчур деспотичной. И когда она начнет распространяться по всему миру, нам необходимо вмешаться, остановить рост их могущества и обусловить возврат к прогрессу.

— Разумеется, не открыто, — возразил я, — так как человечество не будет готово воспринять наше появление.

— Конечно, конечно, нам понадобятся целые столетия, пока мы не станем достаточно сильны для такого вмешательства.

— Леонсе разрешили путешествия в будущее?

— Да. Уоллис благоволил к ней. Она много рассказывала мне о том, каких высот достигла будущая цивилизация. Правда, она не была уверена, что это и есть прогресс. Она говорила о воздушных кораблях, о дирижаблях с электромоторами, ранчо в океане, солнечных батареях, широком использовании бактерий для изготовления топлива, о развитии теоретических и прикладных наук, особенно биологии.

Он остановился передохнуть, и я задал вопрос:

— Неужели именно в таких выражениях рассказывала тебе об этом твоя дикарка?

— Нет, нет. Ее впечатления были более общими. Но она как охотница и шаманка прекрасно умела наблюдать и делать выводы. Она могла проследить общий курс развития. И я понял, что будущие люди, достигнув одной высоты, не спешат к следующей. Они не совершенствуют свои достижения, а только расширяют сферу их применения.

Вряд ли это было для Уоллиса с его стремлением к постоянному совершенствованию идеальным обществом. Общество быстро двигалось к своей последней стадии — как мне казалось, ретрогрессии, всеобщей жестокости. Агенты Ээрии еще не создали достаточно мощной организации и поэтому не решались проводить детальные исследования. Но они понимали, что лежит за всем этим. Все казалось достаточно мирным, спокойным, но непонятным. При своих редких путешествиях в будущее я уже готов был поверить Уоллису.

— Что это было за общество? — спросил я. — Ты можешь мне рассказать?

— Очень немного. У меня не было времени. Странно звучит, не правда ли? Но это так. Не забывай, что я это делал почти в секрете от всех.

— Насколько я понимаю, твои путешествия в будущее не развеяли твой скепсис по отношению к целям Уоллиса? — спросил я, стараясь казаться спокойным.

Он пробежал пальцами по волосам.

— Я — дитя своего века, — ответил он. — Подумай, Док. Вспомни таких высокоинтеллигентных людей, как Бартон Гассел, Генри Уоллис. Они совершили путешествие по России и по возвращении домой заявили, что там, конечно, как и везде, есть свои проблемы, но они в основном обусловлены чисто внешними факторами и при доброй воле правительств могут быть успешно решены. И будут решены. Однако не забывайте такие моменты, что их проводники показывали только то, что иностранные визитеры не смогут неправильно, с их точки зрения, интерпретировать. — Улыбка его была неприятной. — Может, проклятие моей жизни состоит в том, что я потерял желание верить.

— Значит, ты не веришь в то, что Ээрия принесет миру пользу? И ты думаешь, что тебе у Маури показывали только нетипичные, плохие черты их цивилизации?

— Не совсем так... все зависит от интерпретации... А вот вам пример...

В одном из своих походов в будущее он сумел познакомиться с одним сверхсекретным документом. В нем говорилось, что ученые Хиндурая разработали водородный генератор, который покончит с извечной нехваткой горючего на Земле. Однако правительство Маури сделало все, чтобы сведения об этом открытии не стали известны народу.

Мотивом служило то, что генератор будет способствовать возрождению машинной цивилизации, а Земля не вынесет второго такого удара.

И все же... В будущем цивилизации Маури Хэйвиг видел огромные бесшумные машины, видел животных, людей, свежую траву и чистый воздух.

— Были ли социологи Ээрии искренни в своей вере? Или же они просто старались сохранять свое положение? Или и то и другое? Или что? И несет ли людям добро это будущее? Откуда я мог знать?

— А ты спрашивал своих компаньонов? — поинтересовался я.

— Конечно. И в первую очередь Остина Колдуэла, честного человека, твердого, как те индейцы, которые охотились за его скальпом.

— И что же он посоветовал тебе?

— Прекратить свои дурацкие расспросы и во всем довериться Сахему. Сахем изучил многое и все обдумал. Он не считает, что знает все, но для этого у него есть мы... Он пользуется нашей объединенной мудростью и ведет нас по правильному пути.

Я извинился и вернулся в Ээрию вместе с ним.

ГЛАВА 9

Вскоре после этого Хэйвиг получил два свободных дня, которые провел в обществе Леонсы, залечивая свои душевные раны. Период его тренировки и адаптации затянулся, уже наступила зима, так что он мог с удовольствием отдаться лыжным видам спорта. Кроме того, он перечитал историю будущего, написанную Уоллисом, и сделал свои оценки в зависимости от того, чему он был свидетелем. Он даже обсудил некоторые проблемы с Вацлавом Красицким, который был самым ученым из нынешних правителей замка.

Сахем признавал, что его труд далек от совершенства, что видел он не больше, чем кто-либо, совершая путешествия. Он побывал в самых разных уголках Земли, что было недоступно его подчиненным ввиду ограниченности транспортных средств. Сахем говорил с очень многими людьми ранних эпох.

Он знал, что Ээрия будет существовать под его контролем следующие два столетия. Он встречался сам с собой и выяснил, что первая фаза плана успешно претворяется в жизнь. К этому времени эта крепость уже подлежала эвакуации. Новая цивилизация распространилась повсюду, и государство, подобное Ээрии, уже не могло существовать изолированно. Оно должно было выходить на широкую арену.

Новая база была (будет) создана в будущем. Хэйвиг посетил ее и обнаружил, что она в корне отличается от старой. Широко использовались новые материалы, изощренные конструкции. Все было в основном сосредоточено под землей. Это была новейшая техника, автоматизация, термоядерные реакторы.

Началась эра восстаний против Маури. Их попытка навязать свою философию всему человечеству вызвала недовольства: мятежи вспыхивали в разных уголках Земли. В одной из стран был разработан водородный реактор, и никто не делал из этого секрета. Разваливались старые союзы и блоки, на их обломках возникали новые.

« Нам постоянно нужны терпение и жестокость, — писал Уоллис. — Теперь у нас гораздо больше материальных ресур-

сов, чем в эру первой фазы, и гораздо больше опыта и умения, чтобы использовать их. Главное, что нужно нам сделать, — это увеличить наши военные силы за счет пересылки в эпоху путешественников. Я прекрасно понимаю, что это связано с большими трудностями. У нас нет надежды победить весь мир. Наша империя должна воздвигаться медленно и постепенно ».

Так чем же должна закончиться вторая фаза? Уоллис был уверен, что на планете люди Ээрии с ее высокоразвитой энергетикой, техникой будут вне конкуренции. Уоллис был уверен, что третья фаза пройдет под эгидой соединения всех народов планеты под властью новых хозяев, под знаком создания человека нового типа. Заглянув в далекое будущее, Уоллис предвидел такие чудеса, что не в состоянии был пока описать их.

Однако эта часть книги была довольно смутной. Точную информацию собрать было трудно. Уоллис продолжал описывать будущее, но уже без подробностей. Он знал, что жизнь его закончится в первой фазе. Он встречал там самого себя, уже довольно старого человека.

« И я рад, что послужил воле Бога, выполняя его предназначение. Вряд ли наука найдет возможность делать старого человека молодым, найдет способ сделать человека бессмертным. Но я уверен, что природа путешествий во времени будет открыта, и, возможно, они станут доступны каждому. Тогда люди найдут нас, тех, кто создал будущее, и воздадут нам должное! »

Хэйвиг сжал губы. Он подумал:

«Я уже видел, что происходит, если человеку навязывают идеологию. Впрочем, здесь он выступает скорее учителем, чем хозяином».

А потом заключил: «Служить этому человеку — значит превратить мой дар в ничто, а свою жизнь сделать никчемной».

Его вызвал Красицкий. Был холодный день. Солнечные лучи играли в сосульках, свисающих со стен и крыш. Хэйвиг сжался от холода, пересекая двор.

Красицкий был в форме. Он сидел в служебном помещении.

— Садись, — приказал он.

Жесткий стул скрипнул под Хэйвигом.

— Как ты думаешь, готов ли ты к своей работе? — спросил Красицкий.

Дрожь пробежала по телу Хэйвига, пульс участился.

— Да-а. Начинать страшно. Я... — Он выпрямился. — Да.

Красицкий достал из стола какие-то бумаги.

— Я посмотрел, каковы твои успехи, и решил, как лучше использовать тебя с минимальным риском. Я знаю, что ты сам приобрел богатый опыт в путешествиях и уже сейчас представляешь ценность для нас. Однако ты еще не выполнял наших заданий.

Он улыбнулся.

— Идея, которая пришла мне в голову, базируется на индивидуальных способностях.

На лице Хэйвига ничего не отразилось.

— Нам нужно расширить свою деятельность. Особенно в части поиска путешественников. Ты рассказывал о своем визите в Константинополь периода расцвета Византии. По-видимому, это самое удобное место, откуда можно начать систематические поиски в средних веках.

— Прекрасно! — воскликнул Хэйвиг. Радость охватила его. — Центр цивилизации! Все торговые пути проходят через него...

Красицкий поднял руку.

— Постой. Это позже. Когда у нас будет достаточно людей, широкая сеть агентов... А сейчас мы ограничены в своих возможностях. Не забывай, мы должны к определенному времени завершить первую фазу. Нет, Хэйвиг, сейчас требуется сделать нечто иное, более важное.

— Что?

— Если бы у нас было много денег той эпохи, нам там легче было бы работать. Но ты же знаешь, как сложно переправлять ценности через время. Следовательно, мы должны раздобыть их на месте. И быстро.

Хэйвига охватили неясные подозрения.

— Не думаешь ли ты о грабеже?

— Нет, нет. — Красицкий покачал головой. — Слушай: нападение на мирный город, достаточно мощное, обязательно бы попало в книги историков, и о нас бы узнали все. Кроме того, это опасно само по себе. Ведь наши люди не смогут применять огнестрельное оружие, а византийская армия и полиция сильны и дисциплинированы. Нет, это было бы сумасшествием.

— Что же тогда?

— Воспользоваться хаосом и забрать то, что в противном случае стало бы добычей безжалостных грабителей.

Хэйвиг молчал.

— В 1204 году Константинополь был разграблен крестоносцами во время четвертого крестового похода. После них Кон-

стантинополь был полностью разрушен. — Он махнул рукой. — Почему бы нам не получить свою долю? — Он всмотрелся в лицо Хэйвига. — К тому же мы дадим компенсацию жителям, мы обеспечим им защиту от резни и насилия, поможем сохранить их жизни.

Хэйвиг с отвращением выругался.

Хэйвиг провел много времени в библиотеке, просматривая пленки и стараясь подобрать костюм, соответствующий эпохе.

Самолет доставил его в окрестности Стамбула XXI века, где сейчас были только развалины. И улетел сразу же, как только Хэйвиг отправился в прошлое.

Здесь все было заражено радиоактивностью. Хэйвиг еще не открыл тайну своего хронолога и был вынужден отсчитывать время по заходам и восходам солнца.

Леонса была в ярости от того, что Хэйвиг не взял ее с собой. Однако она не могла быть ему полезной, даже наоборот: она бы привлекла к себе внимание.

Хэйвиг решил изображать пилигрима-скандинава, разумеется католика, но менее твердолобого, чем французы, венецианцы и другие европейцы, которые, подобно волкам, старались задушить умирающую империю. Конечно, лучше всего было бы предстать в роли русского — их много было в Византии, — но русские тогда отличались крайней ортодоксальностью взглядов. Хэйвиг не стал рисковать, опасаясь провала, и сразу отбросил эту мысль.

Он также решил, что появляться в год нападения слишком рискованно. Ведь любой чужестранец в годы войны подозрителен, особенно такой, который все расспрашивает, всем интересуется. Крестоносцы после морского штурма захватили Константинополь в 1203 году. Они посадили на трон своего ставленника и начали грабить страну прежде, чем отправиться в святые земли. Ставленник обнаружил, что сундуки царской казны пусты, и исчез. Начались трения между франками и восточными римлянами, которые кончились тем, что в январе 1204 года трон занял Алексиус, сын римского императора. Три месяца он и его сторонники старались изгнать из страны крестоносцев. Но их надежда, что Бог поможет им, лопнула, и Алексиус, не отличавшийся мужеством, бежал. Крестоносцы снова вошли в Константинополь, и началась резня.

Хэйвиг выбрал весну 1195 года. Это было прекрасное время года, кроме того, у него были безукоризненно подделанные

документы, которые дали возможность прийти в город, и слитки золота для обмена на деньги. Подобрав комнату в приличной гостинице — фешенебельную комнату, не имеющую ничего общего с комнатой в современных американских отелях даже высокого класса, — он начал вживаться в ситуацию.

Свой первый визит он нанес в 1050 год. Это было прекрасное время, и здесь была та же роскошь, та же космополитическая многоцветность, которую он отмечал в 1195 году. Новый Рим все еще оставался королем Европы.

Хэйвиг увидел его с теневой стороны.

Дом и лавка Лукаса Манассиса, ювелира, стояли на холме, близ центра города. Этот дом, окруженный соседними зданиями, был обращен глухой стеной к вымощенной плитами улице. Но с плоской крыши его открывался чудесный вид. Отсюда были видны весь город и даже то, что за городскими стенами: домики городских предместий, многочисленные церкви, монастыри, где сохранились великолепные библиотеки с трудами Эсхила и Софокла, ипподром, величественный комплекс дворцовых зданий. Если посмотреть в другую сторону, то можно было увидеть сверкающую гладь Мраморного моря, бухту Золотой Рог, где теснились торговые парусники.

На улицах города было большое движение. Шум колес, цоканье копыт, крики, ругательства, песни, смех, всхлипывания, молитвы — все смешалось в одном биении сердца большого города. Ветер приносил запахи моря, конского навоза, дыма, жареного мяса.

Хэйвиг с наслаждением вдыхал этот воздух.

Лукас Манассис обратился к Хэйвигу, который в Византии представлялся Хауком Томассоном:

— Благодарю тебя, кириос Хаук. Я очень рад, что тебе тут нравится.

Лукас был удивлен, что франк восторгается всем греческим. «Возможно, — подумал он, — Хаук Томассон не франк, может, он из какого-то северного королевства?»

— Это я должен благодарить тебя, кириос Манассис, за то, что ты показал мне все это, — ответил Хэйвиг.

Они обменялись поклонами. Византийцы не были никогда скованы строгими правилами поведения. Это был пылкий народ, отличающийся во все времена врожденным вкусом. Отношения между людьми высших классов характеризовались утонченной вежливостью.

— Ты проявил интерес, — ответил Лукас.

Это был седобородый человек с красивым лицом, на котором выделялись близорукие глаза. Его щуплое тело, казалось, терялось в свободном хитоне.

— Ты очень добр ко мне, — пробормотал ювелир, — однако я чувствую, что все хорошее и прекрасное от Бога, и мы, подданные Рима, должны больше думать о нем, а не об удобствах в своей жизни.

— Что это? — Хэйвиг показал на раскидистое плодовое дерево перед домом.

Лукас улыбнулся.

— Это для моей дочери. Она очень любит цветы, но мы не можем слишком часто вывозить ее за город.

Женщины в Византии имели довольно почетный статус и пользовались многими правами и привилегиями. Однако Лукас решил, что его собеседник нуждается в дальнейших пояснениях, и продолжал:

— Возможно мы, я и Анна, слишком балуем ее. Но она у нас одна. Я уже был женат раньше, но мои сыновья от Евдокии давно выросли, Ксения — первый ребенок от Анны и моя первая дочь. — Повинуясь безотчетному импульсу, он добавил: — Кириос Хаук, не считай меня слишком гордым, но я действительно рад встретить дружески настроенного иностранца. Мне очень приятно говорить с тобой. Не согласишься ли ты принять приглашение на ужин?

— Почему же нет? Благодарю тебя.

Хэйвиг решил, что это хороший шанс разузнать все о Византии. Все византийские торговцы и ремесленники были объединены в гильдии, управляемые префектами. А этот ювелир, весьма искусный в своем деле, наверняка многое знал о своих коллегах. Да и кое-что полезное мог узнать от него Хэйвиг.

— Ты не будешь возражать, почтенный гость, если моя жена и дочь разделят с нами трапезу? — спросил Лукас. — Они не будут мешать нам. Им очень хочется послушать тебя. Ксения, прости мне мою гордость, еще ребенок, ей пять лет, но она умеет читать.

Она действительно оказалась прекрасным ребенком.

Хаук Томассон вернулся на следующий год и рассказал о том, какое он занял положение в одной из афинских фирм. Греция входила в состав империи, но большая часть ее торговли находилась под контролем иностранцев. Деятельность Томассона часто заставляла его бывать в Константинополе, и он был

рад возобновить знакомство с мудрым Манассисом и надеялся, что его дочь примет небольшой презент.

— Афины! — благоговейно прошептал ювелир.–Теперь ты живешь в самом центре Эллады! — Он положил руки на плечи гостя. Слезы стояли в его глазах. — О, это так чудесно! Так чудесно! Ты воочию видишь то, что снится мне всю жизнь! Это даже лучше, чем посетить святые места!

Ксения благодарно приняла игрушку. Как зачарованная, она за обедом и после него слушала рассказы иностранца, пока старшие не отправили ее спать.

«Славная девчушка, — думал Хэйвиг, — и совсем не избалована, хотя единственный ребенок и Анна не собирается заводить еще детей».

Он наслаждался и сам. Встреча с человеком умным, наблюдательным, чувствительным — это удовольствие в любую эпоху. И он в будущем поможет Манассису избежать кошмара.

Хэйвиг знал это, так как он тщательно исследовал будущее... И все же он задавал себе вопрос: не слишком ли он внимателен к семье Манассиса? Нужно ли так часто наносить визиты, проводить с ним праздники, приглашать на обеды? Ему пришлось немного превысить расходы по сравнению с тем, что ему было позволено... Наплевать. Он мог сам финансировать себя при помощи ставок на ипподроме, беспроигрышных ставок. У агента, работающего в одиночку, большие возможности.

Ему было противно лгать своим друзьям. И только одно утешало его: он делает это ради их спасения.

Голос Ксении был так тонок и так звонок, что, когда Хэйвиг слышал или вспоминал его, он думал о птичьих трелях. Она всегда радовалась его появлению и болтала с ним до тех пор, пока родители не заставляли ее уйти в свою комнату.

Она была тоненькой, как тростинка. Хэйвиг не знал ни одного живого существа, которое двигалось бы с такой грацией. Когда позволяли приличия, ноги ее танцевали, а не ступали по полу. Волосы у нее были цвета полночи и полностью закрывали ее точеную шею. Кожа была светлой и чистой, овал лица — правильным, губы всегда были чуть-чуть приоткрыты. И это лицо украшали глаза — огромные, бездонно-черные под большими пушистыми ресницами. Такие глаза можно было увидеть только на мозаике Равенны, на лице императрицы Теодоры Великой. И эти глаза невозможно было забыть.

Странно было видеть эти глаза с интервалом времени в

несколько месяцев, которые для Хэйвига были часами или днями. Каждый раз Хэйвиг видел, что девочка с поразительной быстротой превращается в девушку. И он понимал, что сам свободно плывет по реке времени, в ту пору как ей приходилось барахтаться практически на одном месте.

Дом стоял в саду, где было много цветов, апельсиновых деревьев и бил фонтан. Лукас с гордостью показывал Хэйвигу свое последнее приобретение: бюст Константина на пьедестале, того самого, кто признал христианство Рима и чьим именем был назван Новый Рим.

— Хотя мастерство древних христиан давно утрачено, — говорил Манассис, — все же посмотри, как величественно его лицо с твердо сжатыми губами...

Девятилетняя Ксения хихикнула.

— В чем дело, дорогая? — спросил ее отец.

— Ни в чем, — ответила она, продолжая хихикать.

— Нет, скажи нам. Я не буду сердиться.

— Он... Он... хочет произнести такую важную речь, но ему хочется пукнуть!

— Клянусь Вакхом! — воскликнул Хэйвиг. — Она права!

Лукас долго крепился, но затем присоединился к общему веселью.

— О, неужели ты не пойдешь с нами в церковь? — взмолилась девочка. — Ты же не знаешь, как там красиво поют! Как таинственно помаргивает пламя свечей, как упоительно пахнет ладаном... — Ей было уже одиннадцать лет, и она была переполнена Богом.

— Мне очень жаль, — ответил Хэйвиг, — но ведь я католик.

— Святым все равно. Я спрашивала папу и маму. Они тоже не против. Мы можем сказать, что ты русский. Я покажу тебе, что нужно делать. — Она схватила его за руку. — Идем!

Он пошел за ней, не понимая, хочет ли она обратить его в свою веру или действительно хочет показать своему обожаемому дядюшке что-то интересное и красивое.

— Это так чудесно! — Слезы выступили на ее глазах, когда она прижала руки к груди, держа подарок к своему тринадцатому дню рождения. — Папа, мама, посмотрите, что подарил мне Хаук! Книгу! Все пьесы Эврипида! И это все мне!

Когда она ушла, чтобы переодеться к праздничному обеду, Лукас сказал:

— Это поистине королевский подарок. Не только из-за высокой стоимости — это подарок для души.

— Я знал, что она так же любит древних классиков, как и ты.

— Простите меня, — вмешалась Анна, — но, может, в ее возрасте Эврипид слишком сложен...

— Сейчас сложные времена, — ответил Хэйвиг, — трагические судьбы древних помогут укрепить ее сердце, и она мужественно встретит свою судьбу. — Он повернулся к ювелиру. — Лукас, я еще раз говорю тебе. Я знаю: венецианцы в данное время ведут переговоры с другими франками...

— Ты уже говорил это. — Ювелир кивнул. Его волосы и борода были почти белыми.

— Еще не поздно тебе с семьей выехать куда-нибудь в безопасное место. Я помогу.

— Где может быть более безопасное, чем здесь, за этими стенами, куда не сможет ворваться ни один враг? А если я брошу свою лавку, то мы все будем страдать от бедности и голода. А что же делать моим слугам и ученикам? Они же не смогут поехать со мной. Нет, мой друг, нам следует оставаться здесь и довериться Богу, — с печальной улыбкой произнес Лукас. — Послушай, дружище, ты совсем не меняешься. Ты такой же, каким я увидел тебя впервые.

Хэйвиг проглотил слюну.

— Я думаю, что не скоро появлюсь снова в Константинополе. Мои хозяева, учитывая складывающиеся обстоятельства... Будь осторожен. Старайся быть незаметным. Прячь золото и поменьше бывай на улице, особенно по ночам. Я знаю франков.

— Хорошо. Я буду иметь это в виду, Хаук. Но ты чересчур опасаешься. Ведь это же Новый Рим.

Анна взяла их обоих под руки, сдержанно улыбаясь:

— Может, хватит политики, мужчины? — сказала она. — Украсьте улыбками свои постные лица. Сегодня же день рождения Ксении. Разве вы забыли?

Хэйвиг вышел от Манассиса весьма озабоченный.

Он вернулся назад, в более счастливое время, снял комнату в гостинице и, плотно поужинав, лег спать. Утром он хорошо

позавтракал. Это было немаловажно для человека, которому скоро предстоит сражаться.

После этого он переместился вперед, в апрель 1204 года.

Он мог быть не больше чем просто наблюдателем со стороны. Приказ, полученный им, был до неприличия прост: «Оставаться вне опасности, ни во что не вмешиваться, под страхом наказания не влиять на события. Делать все, чтобы вернуться живым, так как нам нужны сведения».

В городе пылали пожары. Клубился горький дым. Люди, как обезумевшие крысы, то прятались в домах, то выбегали из них. И везде их ждало только одно: убийства, насилия, грабежи, избиения, издевательства. На улицах повсюду валялись трупы. Кровь текла по сточным канавам. Матери оплакивали детей, дети с криками и плачем искали своих матерей, пока не становились жертвами обезумевших от крови и убийств вандалов. Всех служителей церкви подвергали жестоким пыткам, чтобы они сказали, где спрятаны церковные сокровища. Самым большим удовольствием было облить бороду священника маслом и поджечь ее. Девушки, женщины всех возрастов лежали на земле без чувств после того, как над ними надругались десятки озверевших мужчин.

Пьяный вандал сидел на троне патриарха в Софийском соборе, а вокруг него на алтаре шла игра в кости на награбленные сокровища. Все было разорено: предметы искусства, драгоценности; все рассеялось по всему континенту. И мало что сохранилось в целости. Не думая о культурной ценности, варвары выламывали драгоценные камни и металлы, остальное сжигалось. Так погибло многое из того культурного наследия, что хранил Константинополь до этого ужасного дня. И турки были здесь ни при чем. Все сделали крестоносцы.

Таким было начало тринадцатого столетия, которое католицизм называл апогеем цивилизации, хотя именно тогда пресловутые западные церковники нанесли удар по восточному оплоту христианства.

А через полтора столетия, опустошив Малую Азию, турки вошли в Европу.

Хэйвиг вернулся назад и стал постепенно перемещаться в будущее, время от времени переходя в настоящее. Так он добрался до того момента, когда франки вступили в город. И он видел смерть, грабежи, разрушения, видел бандитов, пресытившихся убийствами, подгоняющих своих пленников, на-

груженных добычей. Он знал, что не может изменить ни прошлое, ни будущее, но должен был взять из прошлого то, что ему нужно.

Хэйвиг отмечал места, где останавливались мародеры с добычей, и передавал записи людям из Ээрии, которые, переодетые крестоносцами, забирали добычу. В этом бедламе можно было достать все что угодно, не привлекая внимания. Добыча переносилась на корабль, стоящий в безопасном месте.

Красицкий обещал Хэйвигу, что они, насколько возможно, позаботятся о жителях, которым ничего не угрожало и для которых оставалось немного денег, чтобы они могли переселиться в другое место и начать новую жизнь.

Можно было не бояться, что такие добрые поступки демонов-франков попадут в хронику, хотя наверняка рассказы о них будут жить в фольклоре. Однако через пятьдесят семь лет, когда Михаил Палеолог покончит с зависимостью от Рима и создаст подобие империи, все рассказы об этом забудутся.

Хэйвиг не участвовал в действиях агентов. Он и так много сделал и много видел. И то, что он наблюдал, было ужасно. Поэтому он перенесся в прошлое и там плакал, спал, приходил в себя, набирался сил для будущего.

Дом Манассиса был в числе первых, которые он исследовал, хотя и не самый первый. Хэйвиг сначала хотел настроить себя на то, что он ожидал увидеть.

Он лелеял надежду, что дом Манассиса останется нетронутым. Константинополь был слишком велик, в нем много храмов, где можно было взять богатую добычу, за которой грабители ломились в каждую дверь.

Хэйвиг не испытывал особого страха. Если что-то потребуется, то кто, кроме него, сделает это? Тем не менее, когда он, приближаясь к дому Манассиса, увидел с десяток грязных мужчин, направляющихся к распахнутой двери, сердце его заколотилось. Ярость охватила его, и вскоре три франка упали на землю и больше не шевелились, а остальные с криками разбежались. Хэйвиг остался доволен.

Его возвращение было сложной операцией. Ему пришлось долго ждать самолета в зараженном радиацией мертвом Стамбуле.

Ему было о чем подумать. Он только удивлялся, почему все это раньше не приходило ему в голову. Джек теперь понял, что, несмотря на то что Уоллис и его агенты использовали

технику XX века, они оставались людьми своего, XIX века. Нет, теперь ему нужно было обдумывать хорошенько все, чему он был свидетелем, в чем принимал участие.

— Прекрасная работа, — сказал Красицкий, прочитав отчет Хэйвига. — Превосходно. Я уверен, что Сахем наградит тебя за это.

— Да? Благодарю.

Красицкий долго рассматривал его.

— По-моему, ты похудел.

— Можешь называть меня Рип Ван Винкль, — пробормотал Хэйвиг.

Красицкий понял, почему он так выглядит: ввалившиеся глаза, нервный тик.

— Я понимаю. Ты заработал отдых. Думаю, тебе захочется побыть в своем времени. Больше не думай о Константинополе. Если нам понадобится узнать что-то, мы подождем твоего возвращения. — На его лице появилась теплая улыбка. — Иди. Мы поговорим потом. Полагаю, что нам удастся сделать так, чтобы твоя подружка сопровождала тебя. Хэйвиг... Хэйвиг...

Хэйвиг спал.

Все началось позже. Вместо того чтобы предаться отдыху, он стал размышлять.

ГЛАВА 10

Париж, 1965 год. Он проснулся с выкристаллизовавшимся решением. Было еще рано. Утренний свет падал на высокие серые крыши Рив Гош, такие же холодные, как и воздух, спокойствие которого еще не нарушило движение транспорта. В номере отеля стоял полумрак. Леонса мирно посапывала на постели. Ее рыжие волосы раскинулись по подушке. Они всю ночь провели в ночном клубе, слушая шансонье, как этого хотел Хэйвиг, хотя сама Леонса предпочитала яркие красочные шоу в мюзик-холле. После этого они вернулись в отель и долго занимались любовью, несколько лениво и утомленно, но ласково. Леонса даже не пошевелилась, когда несколько часов спустя раздался стук в дверь и горничная принесла кофе и рогалики.

Хэйвиг был удивлен своей решимостью. Все больше он

ощущал, что идет навстречу неизбежному. Совесть уже устала мучить его и предъявила ультиматум.

И, несмотря на опасность, он впервые ощутил в душе мир и покой.

Он поднялся, умылся, оделся, собрал свое снаряжение — оно уже было подготовлено. Два небольших блока в его багаже. Обычное снаряжение для агента во времени, такое же, какое он брал с собой в Иерусалим, плюс пистолет и его хронолог. Ему пришлось выдержать борьбу с Леонсой, так как хронолог не позволял взять с собой сюда побольше серебра, но он сумел настоять на своем. Затем он взял паспорт, сертификат о прививках и толстый кошелек с деньгами.

После этого он долго смотрел на спящую девушку. Ему было жаль расставаться с нею. Она радовалась жизни и доставляла радость ему. Неприятно было тайком покидать ее. Может, оставить записку? Нет, нет. Он всегда сможет вернуться. Если же не вернется... Ну что же, она прилично знает язык, обычаи, у нее достаточно денег. Не пропадет.

Любила ли она его? Может, ей просто нужны мужчины? Впрочем, теперь это неважно. Главное, что она ему нравилась.

Он наклонился над нею.

— Пока, рыжая, — прошептал он, коснувшись губами ее губ. Затем выпрямился, подхватил свои чемоданы и вышел из комнаты. Вечером он был уже в Стамбуле.

Это путешествие заняло очень много времени, которое он провел в самолетах и автобусах аэрофлота.

Он сказал мне с угрюмой улыбкой:

— Ты знаешь, какое самое удобное место для проведения тайного хронокинеза? Телефонная будка? Нет. Туалетная комната. Очень удобно. Очень романтично, не правда ли?

Перед последним рывком он поужинал в одиночестве, затем принял снотворное — нужно было отдохнуть перед делом.

Константинополь, вторая половина дня 13 апреля 1204 года... Хэйвиг вышел на аллею, ведущую на холм. Тишина давила на него — не было привычного стука копыт, скрипа колес, звона колоколов, смеха, голосов, криков детей. Но в этой тишине слышались отдаленный рев пожара и вопли перепуганных людей. Где-то совсем рядом раздался собачий лай.

Он приготовился: «Смит-Вессон» висел на поясе, патронами набиты карманы куртки. Остальное снаряжение и хронолог он

сунул в металлический ящик, который сейчас висел у него за спиной.

Хэйвиг шел по улице и видел запертые двери, окна с закрытыми ставнями. Все люди спрятались в своих домах; голодные, перепуганные, они пытались найти спасение в молитвах. Это был район ювелиров. Разумеется, здесь жили не только ювелиры. Бедняки тоже были здесь, как и везде. По внешнему виду домов никак нельзя было сказать, кто живет здесь: богач или бедняк. Очевидно, те, кто разрушил дом Манассиса, руководили толпой. Здесь ли они еще? Хэйвиг не был уверен, что прибыл в нужное время, но вскоре увидел их.

Он завернул за угол. На мостовой лежал труп мужчины с разбитой головой. Над ним склонилась женщина. Хэйвиг, проходя мимо, услышал:

— Разве недостаточно того, что ты заставил его предать нашего соседа? Во имя Христа, разве этого недостаточно?

«Нет», — подумал он и прошел мимо. Что он мог сделать для этой несчастной женщины? Ведь в своей одежде он был для нее франком. Хотя в то время, когда родился он, она сама и ее горе были погребены пылью столетий.

«По крайней мере, — подумал Джек, — я теперь знаю, как крестоносцы обнаружили лавку Лукаса». Видимо, перед тем, как грабить город, разведчики, знающие греческий язык, тщательно изучили этот район и теперь со своими товарищами решили здесь поживиться. Он также понял, что правильно рассчитал время своего прибытия.

Вопли, звон оружия, стук каблуков по мостовой разносились по улицам, путались среди стен домов.

«Да, — подумал Хэйвиг, — я пришел вовремя».

Хэйвиг ускорил шаг. Он хотел поскорее подойти к дому, так как ему нужно было быстрее узнать, с кем придется иметь дело.

Вот и эта улица. Тяжесть навалилась на него, мускулы одеревенели, подошвы стучали по камням в такт ударам сердца, во рту пересохло, горький дым раздражал ноздри.

Один из раненых крестоносцев увидел его, с трудом встал на колени, поднял руки. Кровь заливала его плащ, капала на мостовую.

— Друг! — прохрипел он. — Брат, ради Иисуса...

Другой, еще живой крестоносец, мог только стонать.

Хэйвигу очень хотелось выбить ему зубы, но он устыдился своего порыва. Он шагнул мимо стоящего на коленях кресто-

носца, тянущегося к нему, поднял вверх руки и крикнул на английском языке:

— Прекратить огонь! Я из Ээрии! Инспекция! Прекратите огонь и впустите меня. — И чувствуя тяжесть в животе, пошел к двери.

Возле двери стояла повозка, в которую был впряжен мул. Животное было привязано к дверной скобе. Оно двигало ушами, отгоняя мух, и без интереса смотрело на умирающих крестоносцев. Видимо, в повозке предполагалось везти драгоценности — золото и серебро — к ожидавшему кораблю.

Вход никем не охранялся. Хэйвиг остановился, осмотрел дверь. Тяжелая, массивная. Франки, видимо, хотели взломать ее. Внезапно она открылась. Хэйвиг понял, почему засов был взорван. Видимо, мальчики Уоллиса воспользовались динамитом. Почему они ворвались сюда силой? Такое появление запугает всех в доме, затруднит задачу переправки их в безопасное место.

До него донесся крик из дома:

— Нет! О нет, пожалуйста!

Это был крик Ксении, сопровождаемый ругательствами и хохотом. Хэйвиг отшатнулся назад, как будто его ударили.

Как он ни старался — он опоздал. К моменту его прибытия агенты взломали дверь и проникли в дом. Они поставили человека у двери, чтобы тот встретил грабителей, о которых предупреждал Хэйвиг. Сейчас он сделал свое дело и присоединился к остальным, чтобы вместе развлечься.

Секунду, которая показалась ему вечностью, Хэйвиг ругал себя последними словами за свою глупость. Или наивность — он еще был новичком в таких делах. Хватит! Сейчас он здесь, и нужно спасти хотя бы то, что еще можно спасти.

Его крик никто не услышал. Он крикнул еще раз и пошел в дом, в знакомые комнаты. Крик о помощи раздался в той части дома, где находились лавка и кладовые.

Туда согнали всю семью, в том числе учеников, слуг. В большой комнате было светло, так как двери и окна, выходившие в маленький дворик, патио, были открыты. Хэйвиг увидел цветочные клумбы, апельсиновые деревья в темной густой зелени, фонтан, разбрызгивающий воду... да бюст Константина, который смотрел безразличным взглядом на все вокруг. В комнате стояли рядами шкафы и столы, где находились произведения искусства, созданные Лукасом и его учениками.

Сам Лукас лежал около входа. Череп его был расколот. Кровь залила пол, впиталась в его белую тунику, окрасила

седую бороду. Рука его все еще сжимала миниатюрный ювелирный молоточек, которым он хотел защитить обеих женщин.

Здесь находились четыре агента, одетые как крестоносцы. Хэйвиг сразу же узнал их. Мендоза — преступник из Испании XX века. Хэйвиг встречался с ним в Иерусалиме. Мориарти — бруклинский гангстер XIX века. Он держал наготове небольшой пулемет. Ганс — ландскнехт XVI века — с любопытством наблюдал, как Конрад из Брабанта борется с Ксенией.

Девушка все кричала и кричала. Ей было только четырнадцать лет. Волосы ее растрепались, слезы текли по лицу, оставляя следы на щеках. Конрад обхватил ее за талию одной рукой, а другой срывал с нее одежду. Тяжелая палица висела на его поясе. На ней засохли кровь и мозги убитых людей.

— Я за тобой, — ухмыляясь повторял Ганс, — я за тобой...

Конрад повалил Ксению на влажный пол и стал расстегивать брюки. Анна стояла, словно слепая и глухая ко всему, над телом мужа. Затем она бросилась к дочери. Ганс свалил ее на землю одним ударом.

— А тебя потом, может быть, — сказал он.

Мориарти смотрел на них и смеялся.

Окрик Хэйвига не был услышан ими, настолько они были поглощены своим занятием. Мендоза первым увидел Хэйвига и вскрикнул. Остальные застыли на месте. Конрад отпустил Ксению и встал.

Ксения умоляюще смотрела на Хэйвига. Никогда еще он не видел такого света в ее глазах.

— Хаук! — крикнула она. — Хаук!

Мендоза поднял пистолет.

— В чем дело? — спросил он.

Хэйвиг только теперь понял, как далека его рука от оружия, но он уже не ощущал страха, только бешенство, ярость, душевную боль, отвращение.

— Это я должен спросить, в чем дело, — ответил он.

— Ты забыл, что тебе было приказано? Я знаю все. Твоя задача — разведка. Ты не должен был подвергаться риску, появляясь здесь в такое время.

— Я сделал свое дело, Мендоза, и вернулся, чтобы закончить свои личные дела.

— Это запрещено! Уходи отсюда, и мы позже поговорим, докладывать о тебе или нет.

— А если я не уйду? — Несмотря на то что он старался держаться спокойным, голос его повышался до нервного крика. — Я увидел то, что не ожидал увидеть, правда, не все сразу,

а небольшими фрагментами. Поэтому я каждый раз шел на компромиссы и в конце концов вынужден был либо стать, как все вы, либо убить себя.

Мендоза пожал плечами, но дуло его пистолета все время было направлено в живот Хэйвига.

— Чего же ты ждал? Мы пользуемся тем человеческим материалом, который нам удается раздобыть. Эти ребята ничем не хуже крестоносцев. Разве не так, Джек? Скажи честно.

— Они хуже, потому что имеют возможность появляться в любом месте, в любой эпохе и творить зло, не боясь возмездия. Представляю, как они проводили свои отпуска! Наслаждение причинять боль и страдания другим усиливается с практикой и опытом.

— Послушай...

— А Уоллис, черт бы его побрал. Неужели у него нет способа контролировать этих животных?

— Хэйвиг, ты слишком много говоришь. Убирайся, или я арестую тебя.

— Таких, как я, вы все время держите в неведении, пока мы не примиримся с болтовней относительно того, что миссия Ээрии слишком важна для всего человечества, чтобы мы могли тратить свои драгоценные жизни на обычную гуманность... Верно?

Мендоза сплюнул.

— Ну хватит, и так наговорил слишком много. Ты арестован. Ты будешь препровожден в будущее, и Сахем будет судить тебя. Веди себя хорошо: и, может, тогда тебе удастся легко отделаться.

Настала тишина, нарушаемая только всхлипываниями Ксении, которая держала на коленях голову матери и не отводила глаз от Хэйвига. Все остальные — и домашние Лукаса, и приспешники Мендозы — смотрели на него.

Хэйвиг принял решение в одно мгновение. Он оценил положение каждого в комнате, переместился назад во времени на несколько минут, выхватил пистолет и снова вернулся в опасное время. Раздались выстрелы, и голова ландскнехта разлетелась на куски. Хэйвиг снова переместился назад во времени, чтобы появиться в другом конце комнаты.

Впоследствии он даже не мог припомнить, как все это происходило. Сражение было слишком яростным и коротким. Ведь его противники могли делать то же самое, что и он. Но Конрад соображал туго, и сразу был убит. Мориарти тут же исчез из комнаты, когда Хэйвиг возник снова. Прогремел выстрел Мендозы, и Хэйвиг, не задерживаясь, переместился

вперед во времени, где сразу же заметил убегающего Мориарти. Хэйвиг застрелил гангстера и вернулся назад.

Испанца уже не было. Хэйвиг проскользнул в прошлое на целые сутки. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха, вытереть пот с лица, успокоиться. Наконец он пришел в себя и смог вернуться, чтобы просмотреть во времени всю битву. Однако Мендозу он так и не обнаружил. Видимо, испанец переместился далеко вперед, в эпоху Ээрии, чтобы вызвать помощь.

Это означало, что действовать надо быстро. Друзья Хэйвига не могли перемещаться во времени. Враги не смогут точно попасть в это время, так что у Хэйвига и византийцев есть еще возможность скрыться. Но времени у них совсем немного.

Хэйвиг вернулся в комнату. Возле стены лежал умирающий Мориарти. Домашние — слуги и ученики Лукаса — сбились в кучу. Некоторые из них были ранены в перестрелке. Бардас лежал мертвый.

— Я пришел спасти вас, — сказал Хэйвиг. Голос его прозвучал страшно в этой комнате, где царила атмосфера страха и смерти. Он перекрестился:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Во имя Девы Марии и всех святых. Быстро идите за мной, иначе вы все погибнете.

Он помог Ксении подняться. Девушка вцепилась в него руками, и он погладил ее длинные спутанные черные волосы, вспомнив, как держал ее, когда она была ребенком. Через плечо он крикнул остальным:

— Иоханнес, Ницефорус, вы понесете свою хозяйку Анну. Остальные, кто может, будут помогать раненым. — Затем у него вырвалось на английском: — Черт бы вас побрал! Нужно убираться отсюда побыстрее!

Они тупо повиновались Хэйвигу. На улице он остановился, снял плащ с убитого крестоносца. С другого типа он снял меч. Ножны не стал снимать, чтобы не терять времени. Меч крестоносца давал ему возможность провести свой небольшой отряд через город, не боясь, что их остановят.

Вскоре силы оставили его, и он вынужден был сесть, сжав голову, чтобы немного прийти в себя.

Ксения, опустившись возле него на колени, гладила его и шептала:

— Хаук! Милый Хаук, что с тобой?

— Все нормально, — смог произнести он наконец.

По крайней мере пока. Впрочем, вряд ли Ээрия будет

обшаривать город в поисках его. И все-таки ему следовало обеспечить и свою безопасность, и своих подопечных. Он поднялся пошатываясь и повел их дальше.

— Я оставил их в каком-то монастыре, — рассказывал он мне потом. — Монастырь был переполнен беженцами, однако в последующие несколько дней я устроил их лучше, вручив настоятелю монастыря богатые дары. Мне это не трудно было сделать, так как я просто грабил крестоносцев. Это было противно, но просто. Благодаря моим взносам монастырь смог покупать пищу для тех, кто искал здесь убежища.

— А как насчет крестоносцев?

— Что я мог сделать? Их было слишком много.

Я потрепал его по плечу.

— Успокойся, ты ни в чем не виноват. Зла всегда больше.

Он слабо улыбнулся.

— Благодарю, Док.

Я уже давно превысил свой табачный рацион, но час был поздний, и мои нервы требовали помощи. Взяв трубку, я начал ужасную церемонию ее чистки. Жуткий запах табака распространился по комнате.

— Что ты сделал еще?

— Вернулся в двадцатое столетие, разумеется, в другой отель, и хорошенько выспался. А потом... что касается моих византийцев, то я уже ничем больше не мог им помочь. Но я предупредил их, чтобы они не болтали о том, как я им помог. Пусть говорят, что они просто сбежали. Дальше, чтоб не привлекать к себе внимания, самое лучшее было — это предоставить им свободу. Теперь мне нужно было позаботиться о себе.

Я сделал глубокую затяжку.

— И что же ты предпринял?

Хэйвиг сделал глоток, виски обожгло ему горло.

— Я знаю дату, когда последний раз был Дж. Ф. Хэйвигом, — сказал он. — В 1965 году. Это было мое последнее пребывание в нормальном времени. Так что мое существование было безопасно начиная с этого момента.

— А агенты Ээрии не могли нанести тебе удар раньше?

— О, они могли появиться и подстроить что-нибудь. Но я сомневаюсь, чтобы они стали даже пытаться. Никто из них не знает жизни в XX веке.

— Значит, ты считаешь, что происшедшее и зафиксированное событие изменить невозможно?

Джек улыбнулся, и от его улыбки мурашки побежали по спине.

— Я знаю, что путешественник во времени не может ничего изменить. Я пытался сделать это, но безуспешно. Это было еще в юности, когда мне хотелось вернуться назад и предупредить отца, что его ждет.

— И?.. — выдохнул я.

— Док, помните мою сломанную ногу?

— Да. Подожди... Так, значит, это...

— Я зацепился за проволоку на лестнице как раз в тот день, когда нужно было отправиться в путешествие... После выздоровления я был готов начать снова, но вдруг получил экстренный вызов от моей страховой компании — пришлось заняться срочными делами. По возвращении в Сенлак оказалось, что мать окончательно порвала с Биркелундом и нуждается в моем присутствии. Я посмотрел на этих двух невинных детей, которых она принесла в этот мир, и принял ношу на себя.

— Ты думаешь, что вмешался Бог?

— Нет, нет. Это просто логическая невозможность изменить прошлое. Каждое мгновение времени — это прошлое бесконечного множества других мгновений.

— Значит, мы все марионетки в руках времени?

— Я не могу сказать этого, Док. Более того, не верю в это. Мне кажется, что все мы являемся частью какого-то грандиозного механизма. И чем меньше мы знаем, тем шире диапазон нашей свободы.

— Значит, это похоже на наркотики. Человек добровольно принимает химическое соединение, которое закрепощает его мозг.

— Может быть. — Хэйвиг шевельнулся в кресле, глядя в ночь, затем сделал еще глоток виски. — Пожалуй, у нас нет времени на философские размышления. Ищейки Уоллиса охотятся за мной. Они кое-что знают о моей биографии и могут выследить меня.

— Поэтому ты так долго избегал встречи со мной?

— Да. — Он положил руку мне на колено. — Пока была жива Кэйт. Ты помнишь?

Я кивнул.

После этого он заговорил быстро, не вдаваясь в подробности, описывая только общую схему своих действий. Он быстро распределил свое состояние по банкам, положив их на фальшивые фамилии. Таким образом Дж. Ф. Хэйвиг исчез со сцены. А так как в двадцатом столетии у него не было никого из

близких, кроме матери и доктора, то никто не удивился его внезапному исчезновению. А мать он сможет предупредить письменно.

— Мне ты посылал в основном почтовые карточки, открытки, — сказал я. — Меня ты заставил нервничать. — И я спросил после паузы: — Где ты был?

— Замаскировав свои следы, насколько это было возможно, я отправился обратно в Константинополь.

На пожарищах и развалинах Нового Рима был восстановлен относительный порядок. Сначала правительство и оккупационные войска нуждались в пище и воде. И поэтому жителей города нельзя было больше грабить и держать в постоянном страхе смерти. Им нужно было обеспечить возможность спокойно трудиться. Позднее Болдуин Фландрский, наместник императора в этой части мира, куда входил Константинополь, решил выжать из своих подданных побольше. Но вскоре он в войне с болгарами был захвачен в плен и умер в тюрьме. Но его преемник, Анри X, продолжил его линию. Король латинян мог принижать греков, повергнуть их в бедность, брать их в солдаты. Но за все это он должен был обеспечить им относительную безопасность.

Ксения уже находилась в женском монастыре. Хоть она была здесь всего лишь гостьей, ее содержание было довольно строгим. Она встретилась с Хэйвигом в холодной комнате с кирпичными стенами под неусыпным надзором сестры-монахини. Она была одета в накидку из грубой темной шерсти и не смела даже коснуться руки своего посетителя-мужчины, несмотря на его щедрые дары монастырю. Однако Хэйвиг смог увидеть ее глубокие темные глаза, успел заметить, что, несмотря на трудности и лишения, которые ей пришлось перенести, тело ее округлилось, наполнилось женственностью, а звуки его голоса вернули ее назад, в те счастливые дни, когда он, она и ее отец...

— О Хаук, милый Хаук! — Она тут же испуганно отшатнулась и перекрестилась, стала опускаться на колени, бормоча: — Я... извините меня... благословенный...

Старая монахиня нахмурилась и шагнула к ним.

Хэйвиг замахал руками:

— Нет, нет, Ксения! — воскликнул он. — Я такой же смертный, как и ты, клянусь! Случилось нечто странное.

Может быть, я смогу объяснить тебе все позднее. Но поверь мне, дорогая, я всего лишь человек, и не более.

Она всхлипнула, но вовсе не от разочарования:

— Я... я так рада... Я рада, что ты пойдешь в рай после смерти, но... — Но сегодня он не входил в число ее хмурых святых.

— Как твоя мать? — спросил он.

Хэйвиг едва расслышал ответ.

— Постриглась в монахини... И убеждает меня сделать то же самое.

Тонкие пальцы сжались в кулаки так, что побелели косточки, полные ужаса глаза смотрели на него.

— Я должна сделать это? Я ждала тебя, чтобы ты мне сказал...

— Не поймите меня неправильно, Док, — сказал Хэйвиг, — в монастыре все было нормально. Но там были слишком строгие правила, много ограничений. Вы же католик и можете себе представить. Ксения любила самого Бога, и она любила читать. Книги были частью ее жизни. Но в ней был слишком силен дух классической античности, и у меня не хватило решимости разочаровать ее. Ведь я, в конце концов, приложил усилия, чтобы она так рано познала живой мир. А сейчас впереди у нее были лишь молитвы и служение Богу, и ничто, кроме смерти, не откроет перед ней двери монастыря. А ведь она родилась свободным ребенком, живым, под вечно ласковым солнцем.

— И что же ты сделал?

— Я нашел престарелых супругов, которые согласились взять ее к себе. Они были бедны, но я помог им деньгами. Они были бездетны и чрезвычайно обрадовались, когда Всевышний в моем лице подарил им дитя. Ксения тоже привязалась к ним, так что все устроилось хорошо.

— Разумеется, ты периодически появлялся у них?

Хэйвиг кивнул. Мгновенная улыбка тронула его губы.

— У меня было много своих дел, но в последующие три года я несколько раз навещал Ксению. Потом мои посещения стали все чаще и чаще.

ГЛАВА 11

С мостика огромного тримарана Хэйвиг смотрел на чистую широкую палубу, отделанную твердыми породами дерева. Он видел люки, стрелы грузовых лебедок, моторы, экраны солнечных батарей. Цивилизация Маури испытывала недостаток в металле, и поэтому корабль использовался только в случае

крайней необходимости. Каюты тримарана были украшены тропическими цветами. На каждом носу корабля стояла вырезанная из дерева фигура, представляющая одного из троицы: создатель Танаров — в центре, Лезу Харисти со своим крестом — слева, а справа — Пан с зубами акулы, олицетворяющий смерть и темные стороны жизни.

Но вовсе не варвары создали этот огромный корабль. Его тройной киль обеспечивал великолепные гидродинамические свойства корабля. Три мачты были, разумеется, оснащены парусами, но эти паруса управлялись небольшими двигателями на биологическом горючем. Паруса, управляемые компьютером, постоянно отслеживали направление ветра, чтобы максимально использовать его движущую силу. Экипаж состоял из четырех канаков и двух женщин — вахин, которые не были перегружены работой.

Капитан Рэви Лоханассо получил образование в Университете Веллантса Н-Зелан. Он говорил на нескольких языках, а его английский вовсе не был каким-то искаженным вариантом вульгарного американского, а был таким же богатым и сочным, как настоящий английский язык, на котором говорил Хэйвиг.

Могучий загорелый капитан в саронго и с босыми ногами медленно сказал, чтобы его понял пассажир, только приспосабливающийся к языку:

— Мы разработали новую технологию после того, как мир машин был уничтожен. Нам нужно найти новые пути развития на отравленной Земле. Мы еще не полностью разрешили свои проблемы. Но сделано много, и я уверен, что будет сделано еще больше.

Океан медленно перекатывал свои волны. Они набрасывались на тримаран, обдавая тело могучего корабля веселыми брызгами. Солнце сверкало в парусах и на крыльях альбатросов. Где-то вдали вверх взметнулся фонтан, выпущенный китом. Ветер не свистел в ушах, так как тримаран несся почти с такой же скоростью, но освежал кожу, приносил соленый аромат моря и далеких цветущих островов. На палубе полуголый юноша извлекал из деревянной флейты чарующие звуки, а девушка танцевала перед ним, изгибаясь стройным телом. Оба были почти обнажены, и смотреть на них было очень приятно.

— Ты создал великую вещь, брат Томас, — сказал Лоханассо. — Тебя будут чествовать, когда ты прибудешь. — Он колебался. — Я не радировал, чтобы федерация прислала за тобой самолет. Честно говоря, дирижабли, конечно, быстрее, но менее надежны, чем корабли. Двигатели в них слабенькие,

а противопожарный катализатор для водорода только еще проходит испытания.

— Я прибыл туда, — говорил мне впоследствии Хэйвиг, — чтобы узнать правду о цивилизации Маури в момент ее взлета. И увидел, что это вовсе не дикари, вернувшиеся в лоно природы. Более того, мозг их был более конструктивно устроен, чем у многих людей XX века. Правда, пока они не смогли получить хорошего горючего для аппаратов тяжелее воздуха. К тому же у них не было даже гелия для создания безопасных дирижаблей. Мы слишком хорошо постарались уничтожить все, что могли.

— Такого открытия ждали несколько столетий, — сказал капитан, — так что ничего, если в Веллантсе подождут еще несколько недель.

— Если я хотел изучить цивилизацию Маури, понять, какой процент правды о ней заключается в рассказах Уоллиса, я должен был проникнуть туда. Я мог бы легко прикинуться одним из обитателей островов. Но какая польза была бы правительству от еще одного варвара? И тут мне пришло в голову... — Хэйвиг ухмыльнулся. — Вы можете представить, Док? Нет? О'кей. В XX веке я приобрел партию радиоизотопов, вроде углерода-12. Я упрятал их в надежном месте и направился в будущее. Здесь я стал братом Томасом, человеком с далекого материка, получившим неплохое образование. Вы понимаете, Док? Основное направление их исследований чисто биологическое. Это обусловлено, во-первых, необходимостью залечивать раны Земли, ее животного и растительного мира, а во-вторых, изучать человека, потому что организм его — натуральный преобразователь солнечной энергии. Но у Маури не было ядерного реактора, производящего меченые атомы для исследований. Поэтому моя «находка» была для них даром божьим.

— Ты думаешь, что меня примут как ученого? — тревожно спросил Хэйвиг капитана. — Но это совсем не так. У нас все такие, как я.

Лоханассо положил ему руку на плечо:

— Не бойся, друг. Мы торговый народ. Мы платим за то, что имеет цену для нас. А то, что ты предлагаешь, бесценно. А кроме того, мы хотим развивать цивилизацию всюду. Для этого нам нужны союзники, умные и знающие люди.

— Вы действительно хотите переделать все человечество?

— Переделать? Ты имеешь в виду — создать наши копии? Нет, конечно. Я не вхожу в правительство, но я читаю отчеты о дебатах, труды наших философов. Основная причина гибели предыдущей цивилизации, машинной культуры в том, что она

стремилась сделать всех людей подобными друг другу. Разумеется, это не единственная причина, но одна из тех, что привела мир к катастрофе. Более того, у них не было средств защиты. — Лоханассо ударил могучим кулаком по поручням. — Черт побери, Томас, нам нужно все многообразие людей, обликов, образов мышления, образов жизни!

Он рассмеялся и закончил:

— Разумеется, в разумных пределах. Например, от пиратов нужно избавляться. Ну, хватит на сегодня. Уже полдень. Мне нужно проделать кое-какие измерения, а потом мы пообедаем. Считай, что ты еще не жил, раз не пробовал моего пива.

— Я провел больше года среди ранних Маури, — сообщил мне Хэйвиг, — и получил там именно то образование, которое нужно было для моей цели. Это были очень милые, добрые люди. О, разумеется, среди них были и подлецы, и мошенники, у них были свои недостатки, но в целом федерация того времени была самой счастливой и пригодной для нормальной жизни человека. Чего не скажешь о более ранних стадиях развития, которые я прошел вплоть до двадцатого столетия. Там я сел на самолет и перелетел из Веллингтона в Стамбул. Я хотел увидеться с Ксенией. Вскоре мы поженились.

Об их совместной жизни, о пяти счастливых годах, проведенных с нею, он рассказывал мало. Да и это понятно — я тоже никому не рассказывал о своей жизни с Кэйт.

Впрочем, жизнь их была довольно сложной. Им приходилось жить затворниками, скрываться от агентов Ээрии.

К тому же ему было не так просто заниматься предпринимательством. Он не мог начать свое дело в этом мире гильдий, монополий, сложных взаимоотношений, ибо даже тогда, когда отсутствовала регулярная связь с метрополией, слухи и сплетни разносились со скоростью курьерского поезда. Ему стоило немалых усилий утвердиться в роли торгового агента некоего датского торгового дома, выполняющего скорее роль наблюдателя, чем комиссионера, и, следовательно, не связанного с франками. Финансы как таковые не были для него проблемой: ведь он успел захватить с собой достаточно золота. Однако он должен был иметь разумное объяснение такого богатства.

Хэйвиг подумывал о том, чтобы им с Ксенией перебраться куда-нибудь в безопасное место, например в Россию или Западную Европу. Но в Россию нахлынули татары, а в Европе господствовала Святая инквизиция. И, следовательно, перед

ними везде будут развертываться жуткие сцены, которым они уже были свидетелями здесь. А кроме того, они не могли остаться незамеченными, каждому будет ясно, что они выдают себя не за тех, кто они есть на самом деле. Поэтому Хэйвиг купил дом в пригороде Константинополя — Пера. Там обычно жили чужестранцы.

Чтобы еще больше обезопасить себя от агентов Ээрии, он придумал себе новое имя — Джек Андерсен. Приучил Ксению называть его так. К счастью, она была не любопытна и не задавала глупых вопросов относительно того, почему он сменил имя, почему он, такой богатый и знатный, решил жениться на ней, бедной девушке. Если ему так захотелось иметь ее, почему он не сделал ее своей заложницей?

— Какую долю правды ты говорил Ксении? — спросил я.

— Я вообще ничего ей не говорил. Правда могла только повредить ей. Она всегда была простодушной девушкой с открытым сердцем. Ксения совершенно спокойно приняла объяснения относительно моего имени и никогда не спрашивала меня о делах, так как понимала, что, когда я с ней, мне совсем не хочется думать о делах. И она была права.

— Но как ты объяснил ей чудесное спасение?

— Я сказал, что молился своему святому, который, видимо, услышал мои молитвы. Она была так напугана насильниками, что едва помнила, что тогда происходило. Поэтому она мне поверила. Мне было больно смотреть на нее, такую нежную, юную. Я ведь знал, что нам не суждено иметь детей.

— Хмм. Кстати, о религии. Она стала католичкой или ты перешел в ортодоксальную веру?

— Ни то ни другое. Я не требовал от нее перемены веры. Что же касается меня, то я должен был оставаться примерным католиком, чтобы не потерять доверия у своих торговых партнеров: итальянцев и франков. Мы нашли священника, который обвенчал нас, а затем западного епископа, который за определенную мзду отпустил мне грехи. Ксения вообще не думала об этом. Она вполне терпимо относилась к вопросам веры и религии. Она была уверена, что я не буду гореть в аду после смерти... Ведь мой святой так хорошо относился ко мне. А кроме того, она была так счастлива! — Хэйвиг рассмеялся. — И она постоянно пребывала в таком состоянии!

Дом их был пуст, но со временем он был обставлен и украшен со вкусом, который Ксения унаследовала от отца. С

крыши дома можно было видеть залив Золотой Рог, стены и купола Константинополя на другом берегу. С такого расстояния Константинополь казался богатым, неразграбленным городом.

У них в доме было трое слуг. Совсем мало для того времени, когда работы было очень много, а нанять людей было очень просто. У Хэйвига в услужении был грум — каппадокиец с лицом мошенника. Он был женат на кухарке, которая работала у них на кухне. Ксения с удовольствием возилась с их детьми, баловала их. Она ухаживала за садом, который вскоре стал настоящим уголком рая. Остальное время она занималась шитьем, проявляя при этом настоящий талант, читала книги, которые приносил ей Хэйвиг.

— Византийцы, — рассказывал Хэйвиг, — были полны суеверий. Магия, гадания, амулеты, предзнаменования, приворотные зелья... Ксения же увлеклась астрологией. Естественно, ее увлечение было безвредным. Она составляла гороскопы, интерпретируя их так, как ей казалось интересным. Часто мы вместе ходили ночью наблюдать звезды. О, Боже, как она была прекрасна в лунном свете! Я постоянно боролся с искушением принести ей телескоп. Но это было слишком рискованно.

— Ты многое сделал, чтобы преодолеть интеллектуальную пропасть между вами, — заметил я. — В случае с Леонсой тебе было проще. Ты заполнял эту пропасть сексуальными наслаждениями.

— Ничего особенного я не сделал, Док. Ксения была моложе меня лет на пятнадцать. Она многое не знала из того, что знал я. Во-первых, она с детства читала классиков, что не принято у нас, в нашем веке. Поэтому у нее сформировался идеальный вкус. Она наизусть читала из Эсхила и Софокла, Сафо и Аристотеля. Она хорошо знала древнюю историю, архитектуру, обычаи.

Он остановился, переводя дыхание. Я ждал.

— Мы любили друг друга, и я с удовольствием наблюдал за ней, когда она легко передвигалась по дому, что-то делая и постоянно напевая нежные мелодии.

И он, и она не любили гостей, хотя Хэйвигу время от времени приходилось приглашать в дом своих компаньонов и агентов. Ксения тогда скрывалась в своей комнате. К счастью, в то время было принято, чтобы хозяйка дома не присутствовала при таких встречах. Если в гости приходили ее друзья, тогда уже Хэйвигу приходилось скрываться. Ведь он был Джеком Андерсеном, чужаком в этой стране.

И когда ему приходилось скрываться, то он, с одной сторо-

ны, был рад перемене, а с другой — очень грустил при разлуках с Ксенией. Правда, ему, чтобы оправдать свою роль коммерсанта, довольно часто приходилось отлучаться. Хотя его канцелярия находилась в доме, дела фирмы требовали, чтобы он встречался с агентами в своем городе или даже в других городах.

— Вот так и протекала моя жизнь, — говорил мне Хэйвиг. — Я вел жизнь преуспевающего коммерсанта с солидным капиталом и любимой женой и в то же время перемещался в будущее, чтобы изучить федерацию Маури, ее расцвет, ее величие, ее постепенное угасание и закат.

Сумерки медленно наползали на остров. Внизу, у подножия холмов, уже зажглись фонари, но вода еще отражала свет заходящего солнца. В темно-голубом небе уже зажглась Венера. На веранде дома Карело Каэдзиму курилась ароматная кадильня. Старик пробормотал:

— Увы. Мы идем к концу. Умирающий мир. Смерть так же реальна для целого народа, как и для отдельных личностей...

Хэйвиг молчал, стоя возле умирающего друга на коленях.

— Я следовал за ним всю его жизнь, — говорил мне Хэйвиг. — Он начинал как блестящий философ, а закончил жизнь государственным деятелем. Я говорю о нем, так как вы — один из двух людей моего времени, которым я мог доверить свою тайну. Видите ли, я не мудрец, могу лишь скользить по поверхности жизни, собирая информацию. Но могу ли я интерпретировать собранные факты, могу ли понять, что происходит? Откуда мне знать, что может быть сделано... Я просто проскользнул по воде времени, а Карело Каэдзиму жил, работал, мыслил. Мне нужна была его помощь.

— Вы видите, — сказал Хэйвиг, — один элемент вашей культуры развит слишком сильно за счет остальных.

— Судя по тому, что вы рассказали мне, — да.

Его хозяин надолго задумался, эти минуты показались Хэйвигу бесконечностью.

— Вернее, тебе кажется, что в будущем возникнет конфликт между двумя концепциями, которые мы, Маури, стараемся сохранить в равновесии, — продолжил философ.

Наука, рационализм, планирование, контроль... А с другой стороны — мифы, освобожденная психика, человек как часть природы, откуда он черпает знания и мудрость...

— Мы, Маури, — продолжал старик, — когда-то возвели то доброе, что нам казалось важным, в ранг идола, совершенно забыв о другом, выбросив его из обращения. Во имя сохранения национальных культур мы старались заморозить целые народы

в таком состоянии, которое нам казалось наилучшим. Опаснейший анахронизм! Во имя сохранения экологии мы старались запретить все работы, которые могли продолжить путь к звездам. Не удивительно, что такая стратегия породила множество оппонентов.

Помолчав, он продолжал:

— Но, согласно твоим рассказам, Джек, друг мой, в будущем человечество откажется от науки и сохранит только минимум технологии, необходимый для поддержания жизни на планете. О, люди еще больше углубятся в себя, в мистицизм... Я правильно понял тебя?

— Не знаю, у меня сложилось такое впечатление. Я многого не понимаю, и от меня потребовались бы годы жизни, чтобы понять все. Даже не все, а хотя бы столько, сколько я понял в вашей жизни. А жизнь будущих Маури ускользнула от меня.

— И парадокс углубляется, — сказал Каэдзиму. — Посреди пасторальных пейзажей стоят могучие заводы, которые вибрируют и гудят, наполненные загадочной энергией. В небеса взлетают бесшумные корабли... Это ты не можешь понять. Ты не можешь представить, откуда все это у них... Я прав?

— Да, — с несчастным видом сказал Хэйвиг. — Карело, что мне делать?

— Мы находимся с тобой на одной ступени знаний. Чему я могу научить тебя?

— Карело, я единственный человек, который пытается увидеть через тысячелетия. Но я не могу! Однако я чувствую, что, возможно, Ээрия внесет машинные аспекты в будущую жизнь. И что тогда будет?

Каэдзиму легко коснулся его.

— Успокойся. Человек мало что может сделать. Но если это малое то, что нужно, его достаточно.

— То, что нужно? Но если будущему человечеству предстоит жить под тиранией? Тиранией нескольких человек, обладающих техникой? Разве это то, что нужно? И что тогда можно сделать?

— Как политик я уклоняюсь от ответа. — Его внезапная сухость удивила Хэйвига. — Но я думаю, что ты видишь будущее слишком мрачным. Деспотизм можно уничтожить. Но мы, Маури, со своей концентрацией биологии, может быть, оставим будущему слишком плохое наследство.

— Что?! — Хэйвиг даже привстал.

— Отточенный металл может рубить дерево и человеческую плоть, — сказал Каэдзиму. — Взрывчатка образует котлованы,

но может уничтожать и людей. Наркотики... да, да. Уверяю тебя, что это самая главная проблема, которая беспокоит наше правительство. И это не обычные наркотики, которые стимулируют воображение. Нет, мы уже имеем химические вещества, которые могут заставить человека поверить во все, что ему скажут.

Я почти рад, что гегемония федерации в будущем прекратится. Следовательно, вина за то, что произойдет с человечеством, ляжет не на нас. — Каэдзиму наклонился к Хэйвигу. — Но ты вынужден думать о будущем... Это вечер мирного неба. Смотри на звезды, вдыхай аромат, слушай пение птиц, ощущай дыхание ветра. Будь заодно с Землей.

Я сидел в своем коттедже за книгой. Сенлак, ноябрь 1969 года. Ночь была удивительно ясной и пронзительно холодной. Морозные узоры подернули стекла на окнах.

Проигрыватель тихонько журчал, донося музыку Моцарта, на коленях у меня лежал томик стихов Китса, возле меня на столе стоял стакан, куда было налито виски на два пальца. Воспоминания роились в моей голове и иногда заставляли улыбаться. Прекрасное время для старого человека.

Кто-то постучал в дверь. Я произнес нечто непроизносимое, с трудом поднялся с кресла и, придумывая предлоги для отказа и извинения, подошел к двери. Мое настроение не улучшилось, когда моя собака, едва не сбив меня с ног, бросилась к двери. Я держал этого бесцеремонного пса только потому, что это была собака Кэйт. Когда умерла Кэйт, пес был еще щенком, а сейчас и сам был близок к могиле.

Как только я открыл дверь, морозный воздух окутал меня. Снега еще не было, но земля промерзла, казалось, до самого экватора. И на земле стоял человек, который буквально трясся от холода в своем легком не по сезону пальтишке. Он был среднего роста, щуплый, светловолосый, с острыми чертами лица.

Хотя я не видел его уже пять лет, эти годы не стерли его образ из моей памяти.

— Джек! — воскликнул я. Волна слабости затопила меня.

Он вошел, закрыл двери и сказал нервным, прерывающимся голосом:

— Док, вы должны мне помочь. Моя жена умирает.

— Жар и озноб, боль в груди, красные пятна на щеках, кашель... Все это похоже на пневмонию, — кивнул я. — И все это сопровождается головной болью, болью в спине и шее. Возможно, развивается менингит.

Сидя на краешке стула, Хэйвиг спрашивал:

— Что же делать? Антибиотики...

— Да, да. Я не люблю прописывать лекарства заочно, тем более лечить. Так что я предпочел бы сейчас порекомендовать кислородную палатку...

— Я могу... — вскинулся он, затем взор его угас. — Нет, баллон с газом слишком тяжел.

— Ну что же, она молода, — я пытался успокоить его. — Возможно, стрептомицин... — Я поднялся, похлопал его по спине. — Успокойся, сынок. Послушай, что я скажу... — и я признался ему, что пять лет назад в беседе с одним писателем из Калифорнии не смог удержаться и рассказал ему отдельные детали эпохи Маури, о которых узнал от Хэйвига. Эта таинственная культура заинтриговала меня, и я подумал, что этот человек, писатель, тренированный в размышлениях, сможет объяснить мне некоторые загадки и парадоксы. Естественно, я ничего не сказал ему о Хэйвиге и откуда у меня такая информация. Выслушав меня, он попросил разрешения использовать некоторые мысли в своих произведениях, и я не нашел причины для отказа.

— И рассказы были опубликованы, — с виноватым видом сказал я Хэйвигу. — Интересно, что в некоторых рассказах он даже сумел передать то, что я узнал от тебя позднее, например борьбу правительства Ээрии с теми, кто пытался возродить машинную технологию. Что если агенты Ээрии выйдут на след?

— У вас есть эти рассказы? — спросил Хэйвиг.

Я дал ему книгу. Хэйвиг быстро пролистал ее. Озабоченность исчезла с его лица.

— Думаю, что нет оснований беспокоиться: он изменил имена, место действия, а кроме того, он ошибался чаще, чем оказывался прав. Если кто-нибудь из сведущих прочтет эту книгу, то подумает, что это простое совпадение, случайное попадание в цель, но я сомневаюсь, что кто-либо прочтет это. Эта книга скоро забудется. Агенты Ээрии не смогут просмотреть всю массу книг, которые издаются.

Мне кажется, что я чрезмерно осторожен, если за столько времени на вас не вышел ни один агент, значит, это вряд ли

случится. Несомненно, они проверили вас и решили, что для них вы бесполезны. И тем не менее я не посещал вас столько времени только ради вашей безопасности.

Помолчав, он добавил:

— Более того, они даже не устроили мне ловушку там, где живет моя мать. Видно, это кажется им слишком очевидным или рискованным, ведь они плохо знают эту эпоху. Так что, Док, живите спокойно, и я думаю, что все будет хорошо. Но сейчас вы должны помочь мне.

— Почему ты пришел ко мне? Ведь в эпоху Маури медицина получила хорошее развитие.

— Слишком хорошее. Она там носит профилактический характер. Поэтому я считаю, что в случае с Ксенией мне лучше всего воспользоваться вашими знаниями.

Я потер подбородок.

— Я всегда знал, что химиотерапия имеет свои пределы.

Хэйвиг беспокойно зашевелился.

— Дайте мне ампулы и шприц, и я пойду.

— Легче, легче, — заметил я, — помни, что я уже не практикую и у меня нет лекарств. Нам придется ждать, пока откроется аптека. А кроме того, я хочу почитать немного о лекарствах. Антибиотики могут иметь побочные эффекты, так что я должен подготовить тебя. Но прежде всего тебе нужно немного выпить и поспать.

— Ээрия...

— Успокойся, — сказал я этому усталому, измученному и издерганному человеку, в котором я все еще видел мальчика. — Ты сам только что сказал, что эти бандиты потеряли интерес ко мне. Если бы они следили за мной, то они были бы уже здесь. Согласен?

Он кивнул.

— Вероятно.

— Я согласен с твоими предосторожностями, но все же настаиваю, чтобы ты сообщал мне о всех стадиях болезни твоей жены.

— Могу ли я... Сначала у нее была сильная простуда. Вообще в то время болезни протекают гораздо тяжелее, чем сейчас. Дети мрут, как мухи. Родители не проявляют особой любви к ребенку в первые пару лет. Вероятно, именно потому, что высока детская смертность, они не хотят привязываться к ребенку. Ксения, заболев, не ложилась в постель, хотя чувствовала себя плохо... А тем вечером... — Он не смог договорить.

— Ты заглянул в ее будущее?

Запавшие глаза дико посмотрели на меня.

Я не могу понять, почему он боялся узнать о будущем Ксении, узнать, когда она умрет. Неужели он считал, что незнание спасет его свободу, вернее иллюзию свободы? Я ничего не знаю, кроме того, что он оставался у меня два дня, давая отдых своему телу и обучаясь делать уколы. Наконец, он распрощался со мной. Ни он, ни я не знали, увидимся ли мы снова. Он уехал на такси в аэропорт, сел в самолет и полетел в Стамбул, чтобы там переместиться в прошлое, где его захватят агенты Ээрии.

Был ноябрь 1213 года. Хэйвиг выбрал этот месяц потому, что знал: будут грязь, слякоть, холод, и агенты Ээрии не станут дежурить у его дома. Но на берегу бухты Золотой Рог погода была не такая холодная, хотя пронизывающий ветер из России дул через Черное море, принося дождь. В домах византийцев для защиты от холода имелись медные жаровни — камины были слишком дороги. Маленькое тело Ксении содрогалось от холода, в легких слышались хрипы.

Хэйвиг прибыл в Стамбул в район доков и пошел окружной дорогой, чтобы не привести шпионов. Дорога была почти пустой. В одной руке он нес хронолог, в другой — плоский чемоданчик, где заключалась жизнь Ксении. Дождь сыпал с серого неба, и вскоре его одежда промокла до нитки, холод подступал к его телу. Звуки шагов по скользким камням гулко разносились по пустынным улицам. Он торопился, ведь прошло уже более пятнадцати минут, как он покинул Ксению. Было только три часа дня, а сумерки уже повисли над городом.

Дверь его дома была заперта, ставни опущены, и сквозь щели пробивался свет. Он постучал, ожидая, что новая служанка Зулалия (так, кажется, звали ее) откроет дверь и впустит его. Она, конечно, удивится, увидев его, ну да черт с ней.

Заскрипели петли, дверь отворилась. В дверном проеме стоял бородатый человек в византийской одежде, дуло пистолета в его руке показалось Хэйвигу огромным.

— Не двигайся, Хэйвиг, — сказал человек по-английски. — И не пытайся бежать. Помни, что женщина у нас.

Единственное, что напоминало о строгости византийских нравов в их спальне, была икона Девы Марии. Свет, проникающий через щели в ставнях, освещал стены, разрисованные

яркими красками и веселыми зверюшками. Ксения лежала в постели. Она была такая маленькая и худенькая в своей ночной рубашке, кожа обтягивала ее хрупкие кости. Губы были синие, сухие и потрескавшиеся. Густые волосы разметались по подушке, с бледного лица смотрели огромные испуганные глаза.

Человек в одежде римлянина, которого Хэйвиг не знал, крепко и профессионально держал его за левую руку. Справа его держал Хуан Мендоза. Он был одет как римлянин с запада, точно так же, как и Вацлав Красицкий, стоящий у постели Ксении.

— Где слуги? — автоматически спросил Хэйвиг.

— Мы пристрелили их, — сказал Мендоза. — Они не знали, что такое пистолет, поэтому смерть не испугала их. Мы не могли позволить, чтобы они своими криками предупредили тебя. Заткнись.

Мысль об убитых слугах, о том, что их дети стали сиротами, оглушила Хэйвига. Его страдания усугубились, когда он услышал кашель Ксении.

— Хаук, — прохрипела она, — нет, Джон... — Она протянула к нему тонкие бессильные руки. Хэйвиг не двинулся с места.

Широкое лицо Красицкого заметно постарело. Он сказал с холодным удовлетворением:

— Должно быть, тебе интересно узнать, что мы потратили много времени в своей жизни, чтобы выследить тебя. Ты много нам должен, Хэйвиг.

— Но... но к чему это вам?

— Не думал же ты, что мы оставим тебя в покое? И не только потому, что ты убил наших людей. Ты много знаешь, умен и поэтому способен причинить нам много вреда. Ты опасен для нас. Мне поручили разыскать тебя.

«Они слишком меня переоценивают», — тупо подумал Хэйвиг.

— Мы должны знать, что ты делал, — сказал Красицкий. — Помни мой совет и ответь правду.

— Но как...

— Чисто детективная работа. Мы предположили, что раз ты поступил так, то эти греки дороги тебе и ты непременно вступишь с ними в контакт. Признаю, ты неплохо запутал следы. Но тем не менее мы нашли тебя. Узнав от соседей, что твоя жена серьезно больна, мы стали ждать, пока ты придешь. — Красицкий посмотрел на Ксению.

Она содрогнулась и тихонько заскулила, как собака, чувствующая, когда убьют ее хозяина.

— Ради Христа! — воскликнул Хэйвиг. — Отпустите меня, дайте мне ее вылечить!

— Кто они, Джон? Чего они хотят? Где твой святой?

— А кроме того, — сказал Мендоза и еще сильнее заломил руку Хэйвигу, — Пат Мориарти был моим другом.

Боль заполнила все сознание Хэйвига, и он как-будто издалека услышал голос Красицкого:

— Если ты будешь себя хорошо вести и пойдешь с нами без шума, мы оставим ее в покое. Я даже сделаю ей укол, ведь, насколько я понимаю, в чемоданчике шприц и лекарства?

— Этого недостаточно... Пожалуйста...

— Хватит. Мы сказали, что потратили на тебя целый год жизни. Не заставляй нас терять еще больше. К тому же мы рискуем. Слушай, ты хочешь, чтобы тебе сломали руку?

Хэйвиг вздрогнул и заплакал.

Красицкий выполнил свое обещание и сделал укол Ксении, но сделал неумело, и она вскрикнула от боли.

— Все хорошо, моя дорогая, все хорошо. Святые будут хранить тебя... — крикнул Хэйвиг и, обращаясь к Красицкому, добавил:

— Дайте мне попрощаться с нею. Я сделаю все, что вы требуете, только дайте попрощаться...

Красицкий пожал плечами:

— О'кей, если поторопишься...

Мендоза и другой человек держали Хэйвига, когда он склонился над Ксенией.

— Я люблю тебя, — сказал он ей, не зная, слышала ли она его, охваченная болезнью и ужасом. Губы, которых он коснулся, были совсем не такими, какие сохранились в его памяти.

— Ол райт, — сказал Красицкий. — Идем.

Перемещаясь во времени, Хэйвиг потерял ощущение людей, державших его. Они как бы стали частью его самого. Только мелькание света в комнате было реальностью. Он видел, как Ксения исчезла, услышал ее крик и в следующее мгновение уже увидел ее неподвижной, заметил, как кто-то вошел в комнату, затем в комнате появились люди, плачущие... и потом стало пусто, в следующее мгновение в ней оказались уже другие люди, чужие. Так что при первой остановке он начал было сопротивляться, но обуздал себя. Нельзя прибыть в Ээрию с искалеченным телом и душой. Нужно быть готовым

ко всему, что придумает для него Уоллис. Нужно сохранить способность мыслить.

Но эти мысли мелькнули в его голове, как нечто постороннее. Всю его душу захватила смерть Ксении. Он уже едва видел, как дом ее вспыхнул в пожаре, когда турки взяли город, как затем город стал отстраиваться, как перед ним мелькали лица, лица... до той самой поры, как город был стерт с лица земли ядерным взрывом. Они остановились среди радиоактивных развалин и полетели дальше на самолете через океан, чтобы продолжить путешествие в будущее, где их ждал Сахем. Но там не было ничего, кроме Ксении. Он видел, как она осталась одна умирать в пустой комнате.

Хотя в Ээрии стояло жаркое лето, камера башни, где поместили Хэйвига, была сумрачной и холодной. В ней было пусто, если не считать умывальника, матраца и двух прямых стульев. Из единственного окна открывался вид на поля, где трудились крестьяне.

Металлический трос в пять футов, закрепленный на его ноге, был прикован к кольцу, вмурованному в стену. Это был единственный способ удержать путешественника во времени в заключении.

— Садись, садись, — приказал Уоллис.

Он пристроил свой широкий зад на одном из стульев вне досягаемости Хэйвига. Черная форма с эполетами, тщательно уложенные рыжие бакенбарды — все это подчеркивало превосходство Уоллиса над Хэйвигом, который был в древней одежде. На лице Хэйвига были синяки, глаза обведены черными кругами.

Уоллис махнул сигарой.

— Я не очень зол на тебя, — сказал он, — я даже восхищаюсь тобой, твоей энергией, твоим умом. Мне хотелось бы, чтобы ты использовал их для меня. Именно поэтому я приказал своим мальчикам дать тебе отдохнуть перед этим интервью. Надеюсь, твои нервы пришли в норму. Садись.

Хэйвиг повиновался. Он все еще был в подавленном состоянии. Всю ночь ему снилась Ксения, они были с нею в огромном тримаране, скользящем по водной глади. А затем его паруса превратились в крылья и он взмыл в небо, к звездам.

— Мы здесь одни, — сказал Уоллис. Конвой ждал за дверью, закрытой и тяжелой. — Ты можешь говорить свободно.

— А если я не буду?

Глаза, устремленные на него, блеснули, как пули.

— Ты будешь. Я человек терпеливый. Но не позволю тебе дальше разрушать то, что создаю. Я оставил тебе жизнь только потому, что, надеюсь, ты компенсируешь тот вред, который нанес нашему делу. Например, ты хорошо ориентируешься во второй половине XX века. И у тебя там есть деньги, это может оказаться полезным для нас.

Хэйвиг запустил руку под тунику и почесался. Он тупо подумал: «Драма превратилась в комедию. Я, потерявший жену, нахожусь в плену, ожидаю пытки. Мне даже не позволили вымыться, так что у меня чешется все тело и от меня дурно пахнет».

Когда-то он сам сказал Ксении, что ее любимые классические поэты весьма далеки от реальной жизни. И она, чтобы доказать ему обратное, прочла Гомера, греческие драмы, гимны... Голос ее звучал вдохновенно, палец бегал по струнам и строкам, а среди роз гудели пчелы...

— Я слышал, что ты завел себе женщину в Константинополе, — сказал Уоллис. — Она заболела и умерла. Я сочувствую тебе. И все же ты сам виноват во всем. — Он качнул тяжелой головой. — Да, да, ты виноват в том, что случилось с ней. Я не говорю, что твой Бог наказал тебя. Природа сама делает с человеком то, чего он заслуживает. Белый человек не имеет права связываться с такими женщинами. Она же левантинка, а это значит, что в ее жилах течет азиатская кровь, а может, еврейская или примесь негритянской. — Снова Уоллис махнул сигарой. — Я ничего не имею против, когда мои мальчики развлекаются, — сказал он с игривой ухмылкой, — они имеют на это право, так как выполняют трудную работу. Но ты, Джек, женился на ней!

Хэйвиг пытался не слушать его, но слова Уоллиса проникали в уши помимо его воли.

— Это еще хуже, чем кажется на первый взгляд. Это символично. Ты спустился на низший уровень, ибо такая, как она, не могла подняться до тебя. И ты уронил достоинство расы. — Голос его стал жестким. — Ты понимаешь? Это было всегда проклятием белого человека. Так как он более интеллигентен и чувствителен, он всегда открывается тем, кто ненавидит его. Он впускает в свой дом лживых лицемерных людей, проходит много времени прежде, чем он убеждается, что открылся врагам, хитрым и жестоким. О да, да! Я изучал твой век. Именно тогда произошло то, что готовилось десятилетия-

ми, пришел в действие заговор, уничтоживший мир белого человека, открывший ворота для монголов и маури. Ты знаешь, что я считаю страшной трагедией всех времен? Это когда два гения, каких когда-либо создавала раса белых людей, возможные спасители от нашествия славян и китайцев, оказались в состоянии войны друг с другом. Макартур Дуглас и Адольф Гитлер.

Хэйвиг, услышав это, испытал острое чувство негодования. Он в ярости плюнул на пол:

— Если бы генерал услышал это, я не дал бы и гроша за твою жизнь!

Странно, что Уоллис не проявил гнева.

— Ты как раз подтверждаешь мои слова. — В его манерах выразилась как бы жалость к Хэйвигу. — Джек, я хочу, чтобы ты понял всю перспективу. Я знаю, что в тебе сильны инстинкты. Они только погребены в тебе под грудой коварной лжи и лицемерия. Ты видел эту негритянскую империю будущего, и ты просто не знаешь, что нужно и что можно сделать, чтобы снова направить белую расу на дорогу эволюции.

Уоллис раскуривал сигару, пока кончик ее не стал ярко светиться.

— Разумеется, ты сегодня не в себе. Ты потерял девушку и скорбишь о ней. Я тебе очень сочувствую. Но ведь к этому времени она все равно давно уже была бы мертва. Разве не так?

Голос его ожесточился:

— Все умирают. Кроме нас. Я не верю, что путешественники во времени нуждаются в смерти. Ты можешь быть среди нас и жить вечно.

Хэйвиг очень хотел сказать, что не желает входить в их число, пока там Уоллис, но сдержался. Он ждал.

— Да, да, в далеком будущем нас ждет награда. Мы найдем бессмертие и войдем в число богов...

Где-то вдали прокаркала ворона. Трубные звуки угасли в голосе Уоллиса.

— Я надеюсь, ты будешь с нами, Джек. Ты сделал много полезного для нас до того, как сошел с ума. Ты позволил нам широко внедриться в ту эпоху. Позволь мне сказать, что Калеб Уоллис помнит добро.

Разумеется, узнав подробнее о нашей миссии, ты был шокирован. Но что ты скажешь о Хиросиме? Что ты скажешь о многих солдатах, твоих товарищах, которые были вынуждены умирать, лежа на животе, за американскую свободу? И ты

противопоставил им эту гречанку, в которую ты ненароком влюбился!

Ты провел там несколько лет и собрал много информации. Как насчет того, чтобы поделиться ею? И передать нам свои деньги? Этим ты заслужишь возвращение в наше братство.

Или ты хочешь раскаленное железо, щипцы для выдирания ногтей, свидания с теми, кто имеет огромный опыт заставлять людей тщетно мечтать о смерти? Но я долго буду мучить тебя и не позволю быстро умереть...

Ночь сначала пришла в камеру, затем заглянула в окно. Хэйвиг тупо смотрел на ужин, принесенный ему, пока тарелка не скрылась во тьме.

Он должен принять решение. Уоллис, возможно, врет о будущем Ээрии. Если Хэйвиг не сможет сбежать отсюда, то он должен присоединиться к ним в надежде на то, что добрый дух Ксении спасет его.

Ведь если, например, Уоллис узнал о психонаркотиках Маури и послал за ними людей...

Ну что же, Юлий Цезарь тоже отошел от своих принципов и заложил основы западной цивилизации, которая дала миру собор в Шартре, Франциска Ассизского, пенициллин, Баха, «Билль о правах», Рембрандта, астрономию... Шекспира, конец рабства, Гете, генетику, Эйнштейна, эмансипацию женщин, Джейна Адамса, следы человека на Луне, космос... и ядерную боеголовку, тоталитаризм... но в целом с точки зрения бесконечности...

Может ли он, Джек Хэйвиг, противостоять будущему во имя маленького обожаемого комочка праха?

Может ли он? Скоро придет слуга Уоллиса, чтобы посмотреть, записал ли что-нибудь Хэйвиг на магнитофон, оставленный ему.

Он, Хэйвиг, должен понимать, что заслуживает бессмертия не больше, чем Лукас Манассис, Ксения или любой другой...

И все же он не должен развязывать врагу руки, не должен давать ему возможности свободно ориентироваться в той эпохе. Пусть враги истратят на это как можно больше своей жизни...

Чья-то рука коснулась его. Он с трудом вынырнул из объятий беспокойного сна. Мягкая ладонь зажала ему рот, и в черноте камеры раздался шепот Леонсы:

— Тихо, дурачок...

Вспыхнул луч фонарика. Он высветил металлический трос, затянутый на ноге Хэйвига.

— Ах, — выдохнула она, — вот как они тебя. Держи. — Она протянула ему фонарик, но Хэйвиг, сердце которого отчаянно колотилось, не мог держать его ровно. Леонса выругалась, взяла фонарик обратно и, зажав его в зубах, стала пилить напильником трос.

ГЛАВА 13

— Леонса, дорогая моя, ты не должна, — пробормотал он.

Она сердито проворчала что-то, и Хэйвиг покорно замолчал. Звезды смотрели в окно.

Когда трос был перепилен, Хэйвиг выпрямился. Только на ноге осталось металлическое кольцо. Леонса выключила фонарик, сунула его в карман — он успел заметить, что она в куртке, джинсах, что у нее нож и пистолет.

— Слушай, — прошептала она, — ты переместишься вперед, в утро. Пусть они принесут тебе завтрак, а потом возвращайся сюда. Ты понял? Я хочу, чтобы они считали, что ты сбежал утром. Ты можешь перемещаться? Если нет — ты погиб.

— Я попытаюсь, — слабо сказал он.

— Хорошо. — Она кротко поцеловала его. — Иди.

Хэйвиг медленно стал перемещаться во времени. Когда за окном стало совсем светло, он аккуратно поправил трос, чтобы не было заметно, что он перепилен, и стал ждать. Никогда еще время не тянулось так медленно.

Вскоре пришел охранник с кофе и едой.

— Хелло, — с деланным спокойствием поздоровался Хэйвиг.

Охранник бросил на него суровый взгляд и предупредил:

— Ешь быстро. Тебя ждут для разговора.

Хэйвиг с ужасом подумал, что охранник останется в камере. Но он ушел. Когда за ним закрылась дверь, Хэйвиг в изнеможении сел. Колени не держали его.

Леонса... Он глотнул кофе. Воля и силы вернулись к нему. Когда он пришел в нормальное время, то успел расслышать шепот:

— Ты можешь перемещаться? Если нет — ты погиб.

— Я попытаюсь.

— Хорошо, —Леонса помолчала. — Иди.

Он услышал легкий шелест воздуха, заполняющего вакуум в том месте, где он только что был, и понял, что он исчез.

— Где я? — тихо спросил он.

Она, видимо, видела в темноте лучше, чем он, так как сразу же подошла к нему.

— Все о'кей?

— Да. Вероятно.

— Не болтай, — приказала она. — Возможно, они решат проверить это время. Держись за меня, и мы полетим в прошлое. Не торопись. Я буду приспосабливаться к тебе.

В тренировки людей Ээрии входило и совместное перемещение. Когда партнер ощущал скорость перемещения другого, он увеличивал или уменьшал свою энергию хронокинеза.

Прошло несколько секунд. Дверь в камере была не заперта. Они спустились по лестнице, прошли через двор, вышли в ворота, которые всегда были открыты. Вскоре они оказались в лесу и стали перемещаться в прошлое, останавливаясь для отдыха только по ночам.

Страдая от усталости и горя, Хэйвиг едва успевал за Леонсой. Она освободила его. Освободила ли?

Она действительно подарила ему свободу, ему требовалось время, чтобы поверить в это.

Они сидели в лесу. Было лето. Колумб тогда еще не родился. Гигантские деревья сплелись друг с другом, образуя непроходимую чащу. Их густые запахи, наполняя воздух, напоминали что-то. На земле лежала плотная тень. Где-то барабанил дятел. В очаге, сложенном из камней, горел огонь. На нем варился глухарь, которого принесла Леонса.

— Я никогда не думала, что мир был так чудесен до того, как люди испакостили его своими машинами. Я больше не мечтаю о высоких годах, когда люди летали в космос. Я там побывала, и с меня достаточно.

Хэйвиг, прислонившись к стволу дерева, испытывал странное ощущение, что все это он уже видел. И он сразу же понял причину: через несколько тысячелетий он и она... Он посмотрел на нее внимательно: ярко-рыжие волосы, собранные в узел, померкший загар, мальчишеская одежда на сильном теле — она, казалось, появилась прямо из его времени. В ее английском языке совершенно исчез акцент родного языка. Но сейчас она была вооружена, и ее опасная грация оставалась при ней.

— Сколько времени ты там была? — спросил он.

— После того как ты бросил меня в Париже? Три года. — Она наклонилась и повернула птицу на углях.

— Прости. Я поступил тогда жестоко. Почему ты решила освободить меня?

Она нахмурилась.

— Я хотела, чтобы ты рассказал мне, что произошло.

— А ты не знаешь? — удивленно воскликнул он. — Но, если ты не знала, за что меня арестовали, как ты могла освободить меня?

— Ты расскажешь мне?

Он стал говорить без лишних подробностей. Ее раскосые глаза внимательно смотрели на него, хотя на лице ничего не отражалось, и наконец она сказала:

— Ну, что же, кажется, я поступила правильно.

Он подумал: «Почему? Вряд ли бы она протестовала против убийств и грабежей».

Леонса заговорила, как бы отвечая на его мысли:

— Если бы борьба была честной: сила против силы, ум против ума... Но эти шакалы... они напали на беспомощных... И больше для развлечения, чем для наживы. — И она агрессивно ткнула ножом птицу. Жир стал капать на раскаленные угли.

— И кроме того, какого черта мы должны делать все, чтобы машины вернулись в мир? Чтобы Калеба Уоллиса люди могли называть богом?

— Когда ты узнала, что меня схватили, почему ты решила меня освободить, почему пошла на открытый бунт против Уоллиса?

Она не стала отвечать. Просто пожала плечами.

— Мы сможем наслаждаться жизнью вместе с тобой, не думая о том, что произошло и что должно будет произойти. — Она внимательно посмотрела на него. — Это мы с тобой можем сделать. Найдем себе укромное местечко для жизни... Ведь мы не собираемся жить в Ээрии.

— Я совсем не уверен, что победа Ээрии предрешена. Из того, что я смог узнать... — Его размышления позволили заполнить пустоту, которая образовалась в нем после смерти Ксении. — Леонса, ты не права, отрицая начисто технику и науку. Их нужно только правильно использовать. Природа никогда не была в идеальном равновесии. Всегда находились виды, лучше других приспособленные к жизни в данных условиях. И первобытный человек был так же легко уязвим, как и цивилизованный. Почти все люди умирали от болезней, которые, как ты знаешь, в будущем научились лечить. Маури делают больше, чем просто стараются возродить жизнь на

Земле. Они пытаются создать сбалансированную экологию. Но это возможно только в том случае, если у них будет развита наука и технология.

— Кажется, они не добьются успеха.

— Не могу этого сказать. Это таинственное будущее... Его еще предстоит изучить. — Хэйвиг потер глаза. — Позже. Сейчас я слишком устал. Одолжи мне свой нож, я нарежу после обеда веток, чтобы на них выспаться хорошенько за все это время.

Она опустилась возле него на колени, обняла одной рукой, другой пробежала по волосам.

— Бедный Джек, — прошептала она, — я была жестока к тебе, прости. Но ты, когда ушел, тоже причинил мне боль. Спи, спи. Сейчас у нас мир.

— Я не поблагодарил тебя за спасение, — сказал он. — Я в вечном долгу перед тобой.

— Тупица. — Леонса крепко обняла его. — Почему, ты полагаешь, я вытащила тебя оттуда?

— Но... Леонса, я видел, как умерла моя жена...

— Да, да... — всхлипнула она, — как мне хотелось вернуться туда и познакомиться с этой девочкой... Если она дала тебе счастье... Но это невозможно, я знаю. Ну что же, я буду ждать, Джек, ждать сколько понадобится.

Они не были подготовлены для жизни в доколумбовой эпохе Америки и смогли оставаться там очень недолго. Они могли перенестись вперед во времени, взять то, что нужно, и вернуться обратно. Но после того, что они оба выстрадали, безмятежная идиллия для них была невозможна.

Но самое главное — это состояние здоровья Хэйвига. Его душевная рана залечивалась медленно, но она залечивалась, хотя после нее оставался шрам — решимость объявить войну Ээрии.

Он не думал, что это просто желание отомстить убийцам Ксении. Леонса встала на его сторону, как любая женщина ледникового периода встает рядом со своим мужчиной. Он признал, что до некоторой степени она права.

— Самое странное, — говорил он Леонсе, — что в эпоху Маури и позже не рождались путешественники во времени. Хотя, может, они остаются инкогнито, как это случалось в ранней истории. Может, они просто боятся продемонстрировать свою уникальность. И тем не менее хоть одного бы нам узнать...

— Ты заинтересовался?

Они были сейчас в гостинице, в середине XX века. Вокруг них бурлила жизнь Канзас-Сити. Хэйвиг не прикасался к своим вкладам в банках. Сначала он хотел убедиться, что не находится на крючке агентов Уоллиса. Мягкий свет лампы падал на Леонсу, которая сидела в постели, поджав колени к подбородку. Она была в прозрачном пеньюаре. И тем не менее она была для него только сестрой. Охотница научилась терпению, а «скула» умела читать души людей.

— Да, — сказал он, — я тебе рассказывал о Карело Каэдзиму. У него есть связи по всему миру. Если он не знает о путешественниках во времени, значит, никто не знает. Леонса, нам придется рискнуть и отправиться в будущее Маури.

Снова практические проблемы, касающиеся жизни в новом мире.

Подумайте. Одна эпоха полностью и мгновенно сменяет другую. Каждая тенденция замаскирована многочисленными подводными течениями. Так, Мартин Лютер Кинг вовсе не был первым протестантом. Он просто был первым, кто поднял эту проблему. И его успех был подготовлен неоднократными поражениями его предшественников. Гуситы, лолларды, альбигойцы — вот фундамент его успеха, но и они уже имели под собой основу, заложенную в предыдущих веках.

Если вы хотите изучить эпоху, то в какой год ее следует перенестись?

Вы можете путешествовать во времени, но, чтобы остановиться у цели, необходимо обеспечить базу для жизни, крышу над головой. Поэтому предварительно следует сделать несколько путешествий в будущее для подготовки всего необходимого.

Хэйвиг переместился на западный берег Северной Америки тридцать первого столетия. Там существовал город — некий гибрид англо-испано-маури. Хэйвиг взял там грамматику, словарь, материалы для чтения. После недолгой, но интенсивной практики он и Леонса почувствовали себя готовыми.

Этот город притягивал к себе посетителей разных частей света, и еще два чужака не смогли привлечь к себе особого внимания. Да, Сансиско был Меккой пилигримов: ведь знаменитый гуру Дуаго Самито здесь сделал свои открытия. Никто не верил в чудеса, но люди верили в то, что если встать на высоких холмах над городом, слиться головой с небом и ногами с морем, то тебя может посетить особый дар внутреннего видения.

Перед пилигримами не стояла финансовая проблема. Эта

эпоха была эпохой процветания. Каждый из жителей мог разделить пищу и кров с пилигримом, получая взамен рассказы бывалых людей, много повидавших на свете.

— Если вы ищете Хозяев Звезды, — сказал хозяин, у которого они остановились, — то действительно они здесь есть. Но они есть везде, и в вашей стране тоже.

— Мы просто хотели бы узнать, такие ли они, как у нас, или нет, — ответил Хэйвиг. — Я слышал, Хозяева отличаются большим разнообразием.

— Верно.

— К тому же это нисколько не удлинит наше путешествие.

— Туда вам не нужно ходить. Достаточно связаться с помощью этой системы. — Хозяин дома показал аппарат голографической связи, стоящий в углу. Это была странная конструкция, которая смотрелась здесь примерно так же, как японский замок в средневековой Европе или готическая церковь в Японии эпохи Мэйдзи.

— Хотя, я полагаю, у них на станции сейчас никого нет, — заметил хозяин. — Они приходят не часто.

— Мы по крайней мере посмотрим, где они живут, — сказал Хэйвиг.

Смуглый человек кивнул.

— Да, вы получите ощущение спасения. Идите с Богом...

Утром, после часового пения и медитации, семья вернулась к обычным делам. Отец вручную обрабатывал небольшой сад. Для него это было чисто психологической, а не экономической необходимостью. Мать продолжала работу над парамематической проблемой. При одном взгляде в ее записи у Хэйвига закружилась голова. Дети занялись сложной электронной системой, которая выполняла функции преподавателя и воспитателя.

Шагая по вязкой дороге, где грязь налипала на сапоги, в то время как в небе проносились сложные машины, Леонса вздохнула:

— Ты прав. Мне никогда не понять их.

— Для этого может потребоваться целая жизнь, — согласился Хэйвиг. — В историю человечества вошло что-то новое. Не обязательно плохое, но новое.

И чуть погодя, он добавил:

— Впрочем, что-то подобное уже было. Разве мог охотник палеолита понять земледельца неолита? Разве могут сравнить-

ся человек, живущий под божественной властью короля, и тот, что живет в свободном государстве? Я не всегда понимаю тебя, Леонса.

— И я тебя тоже, — она схватила его за руку. — Давай постараемся.

— Мне кажется, — сказал Хэйвиг, — повторяю: мне кажется, что эти Хозяева Звезд живут в ультрамеханизированном мире, который находится в вопиющем контрасте с жизнью на Земле. Они появляются нерегулярно. Их посты в основном необитаемы. Не кажется ли тебе, что они путешественники во времени?

— Но ведь они несут добро, разве не так?

— Это значит, что они не из Ээрии? А почему нет? Вполне возможно, что они начинали именно так. Внук пирата вполне может стать обожаемым королем. — Хэйвиг приводил в порядок свои мысли. — Насколько я могу понять, причем следует учесть, что я плохо понимаю их новейший язык, они появляются, чтобы торговать — давать идеи и знания, а не материальные ценности. Их влияние на Землю, с одной стороны, ничтожно, с другой — весьма впечатляюще. И насколько я смог заметить, оно постоянно растет. Видимо, они родоначальники новой цивилизации, которую я не могу себе даже представить.

— Но местные описывают их иногда похожими на людей, иногда — нет.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Может, это просто фигуральное выражение?

Он посмотрел на Леонсу. Солнце сверкало в ее волосах, на лице блестели капельки пота. Он ощутил острый запах ее тела. Плащ пилигримки прилип к ее ногам, совершенно не скрывая красивых форм бедер. Где-то вблизи послышалось пение птиц.

— Посмотрим, если удастся, — сказал он.

Она улыбнулась.

Город с устремленными в небо шпилями и изящно закругленными куполами был пуст, когда они пришли. Невидимый барьер задержал их. Они двинулись вперед во времени, пока не увидели в воздухе корабль. Тогда они остановились.

Корабль приземлился. Команда спустилась на землю по невидимому трапу. Хэйвиг видел мужчин и женщин. Сверкающая одежда обтягивала их тела. Хэйвиг понял, что подобных совершенных существ Земля не могла создать ни раньше, ни позже. Вдруг болезненно распухшее красное солнце как будто медленно начало сжигать Леонсу.

Леонса вскрикнула. Хэйвиг едва успел схватить ее прежде, чем она исчезла, перемещаясь в прошлое.

— Неужели ты не поняла? — спрашивал он. — Ты не поняла все это чудо?

Они стояли на высоком холме. Бесчисленные звезды были рассыпаны на небе от одного горизонта до другого. Метеориты прочерчивали небосклон. Воздух был холодный, при дыхании образовывались облака пара. Леонса прижалась к Хэйвигу. Вечная тишина космоса окружала их.

— Посмотри, — сказал он, — каждая из этих звезд — солнце. Неужели ты думаешь, что во Вселенной больше нет планет, населенных разумными существами?

Она содрогнулась.

— Но то, что мы видели...

— То, что мы видели, — это чудо. — Он старался подыскать слова. Ведь они росли в разное время. Что для него было реальностью, достижимым будущим — для нее всего лишь туманная легенда. — Откуда человечество может получить вливание нового духа, новых возможностей? После эпохи Маури человечество не замкнулось в себе. Оно начало распространяться дальше во Вселенной, за пределы, которых не достигало раньше.

— Расскажи мне, — молила она, — помоги мне!

Неожиданно для себя Хэйвиг поцеловал ее. И они остались одни во Вселенной, слились воедино.

Но счастливых концов нет. Никаких концов нет. Ничто не кончается. Правда, нам выпадают счастливые мгновения.

Пришло утро, когда Хэйвиг проснулся рядом с Леонсой. Она еще спала, теплая, мягкая, положив руку ему на грудь. На этот раз не его тело утомило ее, а его мысли, рассуждения.

— Док, — говорил он мне. Голос его был хриплым от отчаяния. — Я не мог оставаться там, где мы были, в этом подобии рая... Я не мог оставаться нигде, не мог позволить себе не вмешиваться в будущее.

Я полагаю, что будущее идет туда, куда надо. Но могу ли я быть в этом по-настоящему уверен? Да, да, меня зовут Джек, а не Иисус. Моя ответственность за будущее должна где-то кончиться, но где?

И даже, если человечеству предначертано счастливое будущее, где дорога, которая ведет туда? Помнишь, однажды я высказал свое мнение, что Наполеон должен был выполнить

свою миссию — объединить Европу, собрать ее вместе. Но Гитлеру этого нельзя было позволить. Нельзя было допустить его победы. И как мне рассматривать Ээрию?

Он разбудил Леонсу. Девушка быстро собралась, чтобы следовать за своим мужчиной.

Они могли посетить Карело Каэдзиму, но он мало чем мог помочь им, кроме того, он занимал слишком высокое положение и жизнь его была у всех на виду.

Мне казалось неважным, кого хотят найти: Джека Хэйвига или Леонсу из Вакорна.

ГЛАВА 14

12 апреля 1970 года. Весна, только нарождающаяся зелень, еще сырая после ночного дождя, белые облака на небе, отражающиеся в лужах дорожки. Сырая холодная земля липла к пальцам. Я, стоя на коленях, сажал луковицы ирисов.

И тут заскрипел гравий под колесами машины, которая въехала в ворота и остановилась на лужайке возле большого каштана. Машина была мне незнакома, и я выругался про себя, поднимаясь с колен, чтобы встретить посетителей. Но когда из машины вышли люди, я сразу же узнал одного из них, но не мог себе представить, кто же это с ним.

— Док! — Хэйвиг бросился обнимать меня. — Боже, как я рад видеть тебя!

Я очень удивился. После того как он несколько месяцев назад был у меня, я все ждал, что он вернется, если только еще жив. Но только сейчас я понял, как мне недоставало его.

— Как твоя жена?

Лицо его сразу помрачнело.

— Ее больше нет. Я расскажу... позже...

— О, Джек, прости...

— Ничего. Ведь это произошло полтора года назад.

А когда он обернулся к рыжеволосой девушке, приехавшей с ним, улыбка снова появилась на его лице.

— Док, это Леонса, вы много слышали друг о друге. А теперь встретились.

Как и он, Леонса совершенно не обратила внимания на то, что руки мои запачканы землей. Встреча для меня была очень неожиданной. Я ведь еще не видел никого, прибывшего из иного времени. Хэйвиг не в счет. Но эта женщина совершенно не из моей эпохи!

Охотница, шаманка, прорицательница, любовница многих

и убийца многих... И вот, она передо мной, одетая в самую обыкновенную одежду: модный костюм, нейлоновые чулки, туфли на высоком каблуке, в руке — сумочка, на губах — помада, и говорит она на английском языке, совершенно не отличающемся от моего.

— Здравствуйте, доктор Андерсон! Я давно мечтала встретиться с вами.

— Входите в дом, — с трудом выговорил я, — пойдемте, умоемся, а потом я угощу вас чаем.

Леонса очень старалась оставаться невозмутимой, но это ей плохо удавалось. Хэйвиг рассказывал, а она то и дело вставала со стула, подходила к окну, смотрела на тихую улицу.

— Успокойся, — сказал он ей наконец, — мы же все проверили, просканировали этот промежуток времени. Помнишь? Никаких агентов мы не обнаружили.

— Не могли же мы проверить каждое мгновение, — возразила она.

— Нет, но... Док, я через неделю буду тебе звонить и спрошу, все ли у нас было в порядке, так что ты не удивляйся.

— Может, они приготовили что-нибудь? — предположила Леонса.

— Вряд ли. Мы списаны со счета. Я уверен.

— Вероятно, я нервничаю оттого, что я девушка.

Хэйвиг после некоторого колебания сказал:

— Если бы они следили за нами и знали о наших контактах с Доком, они нанесли бы удар через него.

— Нет, нет, — возразила Леонса и, обратясь ко мне, продолжала: — Я могу навлечь на тебя неприятности, Док. Прости меня. Именно поэтому я не поддерживаю контакта с матерью.

— Все в порядке, Джек, — я пытался изобразить улыбку. — Это немного развлекает меня, когда я вне практической работы.

— Но все будет о'кей, — сказал Джек. — Я позабочусь об этом.

Леонса вздохнула. Долгое время стояла тишина, только с улицы слышался скрип ветвей на ветру. По небу проносились облака.

— Значит, ты считаешь, что я спокойно доживу до смерти?

Он кивнул.

— Ты знаешь, когда это случится?

Он сидел неподвижно.

— Хорошо. Не говори. Но не потому, что я боюсь. Я простой

смертный и знаю, что это случится. Однако я не завидую тебе. Когда я умру, ты потеряешь друга.

Мой чайник засвистел.

— Значит, — говорил я несколько часов спустя, — ты не собираешься быть пассивным? Ты хочешь что-то предпринять относительно Ээрии?

— Если смогу, — тихо ответил Хэйвиг.

Леонса, сидевшая рядом с ним, стиснула его руку.

— Что ты говоришь! — почти воскликнула она. — Я сама была там, в будущем. Недолго, но видела, что Ээрия становится могущественной. Я видела Калеба Уоллиса, выходящего из самолета. Он был стар, но я его видела. — Она сжала кулаки. — И никто не убил этого ублюдка!

Я взял свою трубку. Мы пообедали и сидели в моем кабинете среди книг и картин. Солнце уже поднялось высоко, и я объявил, что пора выпить виски. Но все же атмосфера в кабинете сохранялась напряженной. Я почти физически ощущал горе и гнев, которые хранили в себе эти двое.

— Ты недостаточно изучил будущее Ээрии, — сказал я.

— Да. Мы читали книги Уоллиса и слушали его рассказы. Я не думаю, что он лгал. Он эгоист, но в таких вопросах лгать не будет.

— Ты не понял меня. — Махнул я трубкой. — Я спросил, изучал ли ты год за годом Ээрию внимательно?

— Нет, — ответила Леонса, — раньше не было причин, а теперь стало слишком опасно. — Она внимательно взглянула на меня. Все-таки она была чертовски привлекательная. — Вы что-то имеете в виду, Док?

— Может быть... — Я достал спички, зажег трубку. Этот маленький очаг в моей руке всегда действовал на меня успокаивающе. — Джек, я много думал о том, что ты рассказал мне в последний визит. Это естественно. У меня есть время для размышлений. И сейчас ты пришел ко мне в надежде, что я дам тебе совет. Верно?

Он кивнул. Его била мелкая дрожь.

— Я, разумеется, не могу утверждать, что решил ваши проблемы, — предупредил я. — Я могу только сказать то, что ты сам говорил мне: свобода таится в неизвестном.

— Продолжайте, — выдохнула Леонса.

— Ну что же, — сказал я, глубоко затянувшись, — твое последнее утверждение еще больше укрепило меня в моем

мнении. Уоллис верит, что его организация, модифицированная, но базирующаяся на том, что он создал, будет доминировать после эпохи Маури. По тому, что вы видели, это кажется мне сомнительным. Следовательно, где-то, когда-то произойдет упадок Ээрии. И... вообще-то о будущем Ээрии вы знаете только со слов Калеба Уоллиса, который крайне тщеславен и родился более сотни лет назад.

— А какое значение имеет дата его рождения? — спросил Хэйвиг.

— Большое, ваш век — коварный век. Мы получили жестокие уроки, каких себе даже представить не может поколение Уоллиса. Кроме того, общий стиль жизни, уровень науки... Он наверняка слышал что-то, например, об операционном анализе, но никогда не пользовался им.

Хэйвиг напрягся.

— Твой хронолог — это пример мышления человека XX века. Кстати, что с ним?

— Я оставил его в Стамбуле, когда меня схватили. Я думаю, что люди, которые стали жить в этом доме, либо выбросили его, либо разобрали на части из любопытства. Я уже сделал себе новый.

Мне стало не по себе. Я начал понимать Леонсу, охотницу дикого племени.

— Те люди, которые тебя схватили, даже такой изощренный и неординарный человек, как Красицкий, и не подумали, чтобы взять этот прибор для изучения. И это прекрасная иллюстрация к моей точке зрения. Джек, у каждого путешественника во времени есть проблема точного попадания в нужный момент времени. И только ты подошел к разрешению этой проблемы научно: разработал прибор и нашел компанию, которая изготовила его для тебя.

Я выдохнул клуб голубого дыма.

— Это никогда бы не пришло в голову Уоллису. И никому из его окружения. Для них это недоступно. У них совсем не такой образ мышления.

Снова наступила тишина.

— Ну что же, — заговорил Хэйвиг, — я путешественник во времени, рожденный в самый поздний период.

Я кивнул.

— Так воспользуйся своим преимуществом. Ты же сделал это, решив изучить эпоху Маури. Никто из окружения Уоллиса не осмелился бы пойти на это. Помни, что Уоллис — выходец из того века, в котором главным было не тщательное изучение

с обоснованными выводами, а предсказания, предположения. Это век Максвелла, Пирса, Рикардо, Клаузевица — мыслителей, гениев. Но семена, которые они посеяли, не взошли в те времена. Я уверен, что Уоллис, как и другие путешественники во времени, — дитя своего века, хотя он и смог отбросить кое-какие предрассудки и стать суперменом.

У Леонсы был озадаченный вид. Естественно, моя философия была ей непонятна. Хэйвиг тоже не все понимал.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Ничего конкретного. Только общее. Сконцентрируйся на стратегии, а не на тактике. Не пытайся в одиночку воевать с целой организацией. Заручись союзниками.

— Откуда мне их взять?

— Везде и во всех временах. Уоллис неплохо поставил дело с набором агентов. Но он действует слишком грубо и напористо, многие не попадают в его сети. Наверняка в Иерусалиме в день казни было много путешественников. Его агенты смогли найти только тех, которые очень старались скрыть свою уникальность. Нужно попытаться найти остальных.

— Хм... Я уже думал об этом. — Хэйвиг потер подбородок. — Может, стоит пройти по улицам, напевая мессу на греческом языке...

— И на латинском тоже, — я сжал трубку. — И еще одно. Может быть, тебе не стоит слишком уж засекречивать себя. Ты уже не ребенок. Я разговаривал о тебе в Беркли и колледже Хольберга, разумеется, не называя тебя. В Беркли — хорошие люди и настоящие ученые. Я могу назвать тебе тех, с кем говорил, кто принял факт твоего существования и кто может помочь тебе, оценивая твое доверие.

— Но почему? — спросила Леонса.

Хэйвиг вскочил с кресла и стал метаться по комнате, объясняя Леонсе:

— Чтобы открыть мир, дорогая. Не может быть, чтобы такие, как мы, рождались только на Земле, на Западе. Это бессмысленно. Китай, Япония, Индия, Африка, Америка — миллиарды людей! И мы... — Он замолчал, чтобы перевести дух. — Мы можем отбросить плохих, отобрать лучших — молодых, вывести их на правильный путь, черт побери! О Боже! Что нам эти тупицы из Ээрии? Мы будем делать будущее, а не они!

Конечно, это было не просто. Они провели много лет в подготовке. Это позволило им наладить отношения между

собой. Когда я увидел их в следующий раз вместе, они уже вели себя по отношению друг к другу как давно женатая счастливая пара. И тем не менее это было трудное время для них.

Это время требовало от них четкого мышления и трезвого реализма. Благодаря мне Хэйвиг встретился с теми учеными, о которых я говорил. После того как он смог убедить их, они познакомили его со своими коллегами, и у Хэйвига образовался настоящий мозговой центр, который руководил его действиями. Некоторые из ученых ради Хэйвига и его миссии даже ушли в отставку, что озадачило непосвященных коллег. Временами и я слышал кое-что об их успехах. Они разработали много способов вступления в контакт с потусторонними мирами — если перечислить все, нужно было бы создавать еще одну книгу. Многие из этих способов не увенчались успехом, но некоторые сработали.

Например, тот, кто ищет своих собратьев, должен обращать внимание на необычность, отличие того или иного человека от окружающих. Шаманы, ведьмы, колдуньи, совершающие чудеса, крестьянин, который среди засух и прочих бедствий умудряется получать хорошие урожаи. Торговец, чьи корабли регулярно возвращаются домой, несмотря на штормы и ураганы. Воин, который прославился как неуловимый шпион и разведчик. А когда путешественник выявлен, встает не менее сложная задача: привлечь его на свою сторону.

Найти путешественников во времени — это только начало. Их нужно организовать. Как? Почему они должны согласиться покинуть свои дома, привычное окружение, пойти на определенные ограничения, положить свои жизни за что-то призрачное, неясное. И что может остановить их, когда они устанут от одиночества и захотят вернуться к родным?

То, что они окажутся среди подобных им, конечно, будет иметь свое воздействие. На этом сыграл Уоллис, сыграет и Хэйвиг. Но этого мало. Кроме того, Уоллис обещал всем власть, величие, он утверждал, что каждый из них — творец будущего.

Что же мог сказать своим товарищам Хэйвиг, чтобы они прониклись ненавистью к Ээрии, поняли необходимость войны с ней?

Я завидовал громадности задачи Хэйвига. Представьте: отыскать, а затем выковать твердый сплав из конфуцианского учителя, охотника на кенгуру, нольского школьника, месопотамского крестьянина, эскимосской девушки... Даже чтобы собрать вместе весь этот калейдоскоп, потребовалось много сил.

А потом еще многим из них приходилось говорить, что они путешественники во времени.

Они проходили тренировки в разных местах и эрах. После чего подвергались проверке на справедливость, правдивость, определялись их способности. В отдельных случаях — очень небольшой процент — люди отправлялись обратно по домам, им платили и прощались с ними. К этому времени они получали много информации о враге, с которым предстояло бороться, и не могли вступить в контакт с Ээрией.

Остальные отправлялись на главную базу для обучения. База находилась именно там, где в будущем расположится Ээрия, но только за много тысяч лет назад, в эпоху раннего плейстоцена. Такая предосторожность создавала множество проблем. Например, чтобы перемещаться в будущее, нужно было создать промежуточные базы отдыха, где можно было не только передохнуть, но и набраться сил и переодеться в соответствии с модой эпохи.

Но безопасность была дороже всего. Их крепость стояла на высоком холме, у подножия которого мирно катила свои воды река.

Хэйвиг собрал общество, в котором женщины и мужчины были примерно в равном количестве. Это было настоящее содружество, спаянное общими целями. У них появились свои обычаи, ритуалы, законы. Это был настоящий триумф Хэйвига. Сахем создал армию, а человек, поклявшийся уничтожить его, создал племя.

Хэйвиг и Леонса были у меня в марте — тогда, когда их работа была в разгаре. И только День Всех Святых был продолжением истории.

ГЛАВА 15

Тени проносились мимо нас, когда время неумолимо рвалось вперед. Они имели форму и цвет, массу и размеры только тогда, когда мы останавливались поесть, поспать, глотнуть воздуха. Над этими холмами проносились годы, десятилетия, столетия. Со временем менялся ландшафт, наступали ледники. Затем они таяли, оставляя после себя озера, из которых пили воду мастодонты. Затем озера зарастали травой, превращались в болота.

И снова приходили ледники и снова таяли, но теперь по

окружающим бескрайним прериям бродили стада бизонов, чья поступь заставляла содрогаться землю. И вот появились первые люди — меднокожие люди, вооруженные копьями с кремневыми наконечниками. А затем наступила большая зима — и снова потепление, и снова люди, но уже вооруженные луками и стрелами. А потом пришли завоеватели, огнем и мечом добывающие себе право жить на этой благословенной земле...

Для последнего отдыха группа Хэйвига остановилась в доме одного фермера, который не был путешественником во времени, но ему можно было доверять.

Свет фонаря отражался от гладкой поверхности кухонного стола. В печи горели поленья, на ней стоял громадный кофейник. Хотя до ближайших соседей было полдня езды на лошади и дом стоял среди деревьев, Олаф Торстад всегда принимал гостей после наступления темноты. То, что кто-нибудь увидит свет в окнах, не смущало его: подумают, что он страдает бессонницей.

— Вы уже собираетесь? — спросил он.

— Да, — ответил Хэйвиг, — мы уйдем перед рассветом.

Торстад взглянул на Леонсу.

— О, леди как будто собралась на войну.

— Женщина должна идти за своим мужчиной. Джеку не удастся от меня отделаться.

— Да, другие времена, другие нравы, — вздохнул Торстад, — но я рад, что родился в 1850 году, — и торопливо добавил: — Но я очень благодарен вам за то, что вы сделали для меня.

— Ты больше сделал для нас, мы поселили тебя здесь именно потому, что нам нужна база поблизости от Ээрии. Ты все время рискуешь, ведь мы прячем у тебя свои вещи... Но сегодня все кончится. — Хэйвиг улыбнулся. — Ты можешь пользоваться всем, что осталась после нас, жениться на девушке, с которой помолвлен, и прожить остальную жизнь в этом мире в полном покое.

Несколько секунд Торстад смотрел на него, а затем коротко сказал:

— В мире? Но ведь вы вернетесь? Скажите, что случилось? Пожалуйста!

— Если победим, — ответил Хэйвиг и подумал, сколько таких обещаний он дал своим помощникам, разбросанным по разным эпохам. Он вскочил с кресла:

— Принеси оружие для моих людей. Нам пора действовать.

У Хэйвига не было большой армии. Отряд состоял из трех тысяч человек. Туда входили и женщины. И все-таки людей

было достаточно, чтобы держать их на одной промежуточной базе, так как могли возникнуть различные слухи, которые дошли бы до врага и насторожили бы его. Поэтому небольшие группы были разбросаны по разным эрам, и теперь все пришло в движение. Все группы стали собираться в исходной точке.

Хэйвиг и с полдюжины его друзей вступили в утро нового 1077 года непрерывного существования Ээрии. Звезды ярко сверкали на западе, но уже начали блекнуть на востоке. В призрачном свете виднелись кирпичи стен и башен, стекла окон, покрытые инеем булыжники мостовой. Необычайная тишина царила на этом холоде, который при дыхании пощипывал горло и легкие.

Эти ребята хорошо знали, что им нужно делать, и тем не менее Хэйвиг испытующе посмотрел на них, на тех, кого он выбрал для выполнения самого важного дела.

Все они были одинаково одеты: темно-зеленые парки, брюки, заправленные в кожаные сапоги, шлемы, оружие, пояс с патронами. Он знал эти лица лучше, чем свою ладонь. Ведь он провел с ними много лет. Леонса с широкими скулами, выпуклым лбом, чувственными губами, которые он так часто целовал; Чако, Индхлову, Гуттиэрез, Белявский, Маатук Ибн-Нахаль. Они на мгновение скрестили свои руки и пошли. Все приготовили оружие, так как часовые могли бы заметить их и поднять тревогу.

Крепость всегда тщательно охранялась, но теперь, когда Ээрия процветала уже столько лет, никто бы не осудил часовых, которые в утро нового года решили покинуть свои посты и отметить праздник.

— О'кей, — сказал Хэйвиг. — Я люблю тебя, Леонса.

Ее губы скользнули по его губам. Отряд приблизился к двери башни, где жил Калеб Уоллис.

Она была заперта. Ругательство сорвалось с губ Леонсы. Пистолет Маатука выпустил пулю в замок. Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, заметался среди спящих стен.

Хэйвиг повел отряд в башню. Позади он услышал крик, который только удивил его, но не встревожил. Вперед, на лестницу!

Звуки шагов по каменному полу глухо раздавались в тишине. Они быстро поднимались по спиральной лестнице. Гуттиэрез и Белявский остались внизу охранять главный вход и лифт.

Индхлову и Чако начали обыскивать второй и третий этажи, чтобы обнаружить апартаменты секретаря Уоллиса — Хэйвиг не знал, кто сейчас секретарь, — и Остина Колдуэла. А Хэйвиг был уже на следующем этаже перед обитой медью дверью, ведущей в комнату Уоллиса.

Она даже не была заперта. Сюда никто не мог войти без разрешения. Если он, конечно, не намеревался уничтожить все созданное Сахемом. Хэйвиг широко распахнул двери.

Он сразу узнал этот мохнатый ковер, тяжелую мебель, фотографии на стенах. Воздух был спертым и сырым. Через морозные узоры на стеклах окон свет едва проникал сюда. Маатук остался охранять вход. Хэйвиг и Леонса прошли через кабинет в спальню.

Уоллис вскочил с двуспальной кровати, закрытой пологом. Хэйвиг был поражен, увидев, как прошедшие годы подействовали на Уоллиса. Он был совсем седой. Вся кожа лица изборождена сетью красных прожилок. Впечатление, которое он производил, усиливалось цветом ночной рубашки на нем. Уоллис бросился к столу, где лежал пистолет.

— Ба-а-а! — воскликнула Леонса, прыгая вперед.

Они исчезли из виду: Уоллис и Леонса, ухватившаяся за него. Через мгновение они появились вновь, катаясь по полу. Он не мог исчезнуть во времени, так как Леонса не пускала его. На фоне хриплого дыхания слышались рыдания девушки-наложницы за пологом. Хэйвиг бегал вокруг, пытаясь помочь, но они так крепко сплелись между собой, что он не находил просвета, куда можно было бы ударить.

В прихожей раздались выстрелы.

Хэйвиг бросился к двери, распластался на полу, выглянул. На полу лежал Маатук. Над ним качался Остин Колдуэл. Он хрипло дышал, истекая кровью. Похоже, ему прострелили легкие. Его пистолет искал следующего врага. Видимо, ветеран войны в Индии сумел убить Чако, который успел прострелить ему легкие. Однако Колдуэл убил и Маатука.

— Вы окружены! Сдавайтесь! — крикнул Хэйвиг.

— Иди... к дьяволу... предатель... — Снова прогремел кольт.

Хэйвиг проскользнул во времени на минуту вперед, вышел из двери и выстрелил.

Его пуля пробила воздух и разбила стекло на фотографии Шарлемана. Колдуэл был мертв.

Во дворе раздались выстрелы. Хэйвиг поспешил к Леонсе. Она зажала ногами нижнюю часть тела Уоллиса, а пальцами рук давила на сонную артерию. Уоллис бил ее кулаками по

рукам, но она давила и давила. Удары Сахема все слабели, и вот руки его бессильно упали.

— Быстро, — простонала она. — Быстро!

Хэйвиг достал из кармана наручники и цепочку. Он ловко приковал Уоллиса к ножке кровати.

— Он никуда не денется, если кто-нибудь не освободит его. Ты будешь его охранять.

Она вскинулась:

— И пропустить самое интересное?

— Это приказ! — рявкнул он.

Она бросила на него испепеляющий взгляд, но повиновалась. Этот пленник был сердцевиной плана.

— Я пришлю кого-нибудь сменить тебя, — сказал он и добавил про себя: «После боя».

Он ушел, наложница тоже исчезла. Хэйвиг подумал, обрадовалась ли она неожиданному освобождению или огорчилась.

На следующем этаже был балкон, с которого просматривался весь двор. Отсюда Сахем произносил проповеди. Хэйвиг вышел на балкон и посмотрел вниз. Там царил хаос боя, слышались крики, стоны, выстрелы. Повсюду валялись мертвые и раненые. Шум боя оскорблял мирные небеса.

Хэйвиг не мог понять общей картины боя и достал бинокль. С его помощью он мог узнавать людей. Или трупы... да, Хуан Мендоза... и, о Боже! Джерри Дженнингс, которого он надеялся спасти!

Новый отряд его армии вынырнул из времени и вступил в бой. И внезапно на крепость обрушился парашютный десант: его люди, выпрыгнувшие с самолета в XX веке, приземлились сейчас, в точно указанный час, так как каждый из них был снабжен хронологом. Смятение в рядах воинов Ээрии было полнейшим. Они не ожидали нападения. К тому же они еще не отошли от празднования Нового года, а если добавить то, что им противостояли воины, специально подготовленные для такой битвы, четко знающие свой маневр, то победа Хэйвига была неизбежной.

Сейчас для Хэйвига было главным позволить ускользнуть как можно меньшему числу агентов Уоллиса. Он опустил бинокль, взял в руки микрофон передатчика и стал руководить боем.

— Ускользнуть удалось немногим, — рассказывал мне Хэйвиг. — Да и тех мы поймали позже. Из регистрационных книг

Уоллиса мы узнали о них все, так что не составило труда понять, куда они могли скрыться. Ведь никто из них не был суперменом. Все они были либо хлюпиками, поставленными Уоллисом выполнять работу клерков, управителей, либо воинами, тупоголовыми и суеверными, но жестокими. Уоллис никогда не старался дать своим людям разностороннее образование. Он развивал в каждом только то, что хотел получить от него. Ведь если человек образован, он начинает думать, задавать вопросы.

Следовательно, те, кто мог бежать от нас, не были высокоморальными людьми, и единственное, о чем они думали, — это о спасении собственной жизни. И я уверен, что такие люди без денег, без образования не смогут жить спокойно в любую эпоху цивилизованного мира. Единственное место, где они могут спрятаться, — это среди диких племен, и там всякий из его людей сможет быть знахарем, прорицателем. Во всяком случае он кончит свою жизнь полезным членом общества.

— Так было покончено с Ээрией, — мурлыкающим голосом сытой тигрицы сказала Леонса.

— Да, в военном смысле, — быстро вступил ее муж. — Но работы предстояло много. Нам нужно было превратить всех пеонов Ээрии в свободных граждан. Фаза «Два» характеризуется тем, что мы уничтожили рабство. И наши агенты тоже стали сами собой, а не воинами. Они могли свободно посещать прошлое, но только для исследований и поиска членов нашего братства. И если для операций требовались деньги, то мы добывали их посредством справедливого обмена ценностями.

Леонса ласково погладила Хэйвига по щеке.

— Джек родился в сентиментальную эру, — проговорила она.

Я нахмурился, желая понять все до конца.

— Подождите, — сказал я. — Но перед вами стояла еще одна проблема — проблема пленников. Что вы сделали с ними?

Воспоминание об этом заставило Хэйвига сморщить лоб.

— Да, трудно было найти правильное решение, — сказал он. — Мы не могли освободить их. И не могли вечно держать в заключении в секретной тюрьме.

Леонса нахмурилась.

— Уж лучше тогда быть расстрелянным.

— Так вот, — продолжал Хэйвиг, — ты помнишь, я рассказывал о психопрепаратах, изобретенных в эпоху Маури? Мой друг Карело Каэдзиму боялся их. Человек, находящийся под действием такого наркотика, подвержен стойкому внушению. Он верит всему, что ему скажут. Это становится частью его существа, его убеждением. И его мозг изобретает для него

фальшивое обоснование. Ты понимаешь, что это значит? Важнейшее промывание мозгов! Такое полное, что жертва даже не подозревает, что когда-то в голове было другое.

Я присвистнул.

— Боже, неужели ты привлек на свою сторону всех этих мясников?

Хэйвига передернуло.

— Нет, я никогда не смог бы работать с бандой... зомби. Ведь мне пришлось бы стереть из памяти всю их прошлую жизнь... Нет, это непрактично. Каэдзиму устроил несколько моих парней в школы обучения психотехнологии, но все равно работа была большая.

Он перевел дыхание, как бы собираясь с силами.

— Нет, мы просто уничтожили в наших пленниках веру в путешествия во времени. Затем перенесли их по домам в разные времена. Там им объяснили, что у них было помешательство, наваждение — в общем то, что соответствовало времени. Но теперь все они здоровы, но никогда не должны позволять даже думать об этом, и они должны вернуться к нормальной жизни.

Я улыбнулся.

— Ну что же, должен признать, что идея неплохая. Мне самому нередко приходилось лгать пациентам...

— Но у нас было два исключения, Док, — сказала Леонса.

— Иди за мной, — сказал психотерапевт мягким голосом. Одурманенный наркотиком, Калеб Уоллис ухватился за его руку. Они ушли, а Хэйвиг остался в томительном ожидании. Время шло медленно, но наконец психотерапевт сказал ему, что он может войти.

Пожалуй, самым удивительным для Хэйвига было то, что Уоллис прекрасно выглядел. Он сидел за столом в своем кабинете, где уже были убраны следы сражения и пятна крови.

— Привет! — воскликнул он. — Добрый день, мой мальчик. Садись. Нет, сначала налей нам. Ты знаешь, что я люблю.

Хэйвиг повиновался. Маленькие глазки внимательно следили за ним.

— Значит, ты вернулся с трудного задания? Тебя долго не было. Ты постарел. Я уверен, что ты прекрасно справился. Я еще не читал твоего отчета, но собираюсь. А пока давай выпьем, — он поднял стакан, — за наше здоровье!

Хэйвиг заставил себя сделать глоток и опустился в кресло.

— Ты, несомненно, слышал, что я немного приболел, —

продолжал Уоллис. — Что-то вроде мозговой лихорадки. Сейчас уже все позади, и я решил, что мы должны сосредоточить все наши усилия на том, чтобы увеличить наше могущество в нормальном времени. Что ты думаешь об этом?

— Мне это кажется мудрым решением, — прошептал Хэйвиг.

— Мое решение вызвано тем, что мы потеряли много людей, пока тебя не было. Сплошное невезение. Ты слышал? Остин Колдуэл, Вацлав Красицкий... Эй, ты побледнел. Тебе плохо?

— Да, сир. Просто устал. Я провел столько лет в прошлом...

— ...это Леонса нашла Красицкого, прикованного цепью, вытащила свой пистолет, сказала «Ксения» и пристрелила его. И он, Хэйвиг, даже не испытал никакого сожаления по этому поводу.

— Я скоро приду в себя, сир.

— Прекрасно. Нам нужны такие люди, как ты. — Уоллис потер лоб и снова заговорил пронзительным голосом, в котором слышалось недоумение. — Здесь так много новых людей, а все старые ушли... Куда? Я не знаю. Я смотрю с балкона и вижу только незнакомых. Я знаю, что должен увидеть кого-то, кого зовут Хуан... Ганс... других... Но я не вижу их. Может, они приснились мне, пока я болел?

Он поежился, как будто зимний ветер проник в кабинет, заполненный тропическим теплом.

— Теперь я часто чувствую себя одиноким, совсем одиноким в пространстве и времени...

Хэйвиг изобразил участие.

— Все, в чем вы нуждаетесь, сир, — это полный отдых. Вам нужно хорошенько отдохнуть. Могу предложить интересные места.

— Да, думаю, что ты прав. Я возьму отпуск, — Уоллис сделал глоток и взял сигару.

— После выздоровления, сир, вам не следует так много работать. Главное сделано, все налажено и течет по намеченному руслу.

— Знаю, знаю.

— Теперь не требуется ваше постоянное руководство. У нас много компетентных людей, знающих, что и как делать. Теперь нам нужен ваш гений предвидения, ваш стратегический дар, который позволяет определить фундаментальные направления.

Уоллис был доволен, хотя и пытался скрыть это. Он раскурил сигару.

— Я говорил об этом с офицерами, — продолжал Хэйвиг. — Они сказали, что уже обсуждали это с вами. Сир, позвольте

мне добавить. Мы считаем, что для вас нужно составить расписание посещения будущего в разные моменты времени, где вы сможете посмотреть своими глазами, как идут дела, и дать соответствующие указания. Однако расписание будет составлено так, чтобы истратить как можно меньше вашей жизни. Она нужна для осуществления больших проектов.

— Да. Я и сам думал об этом, — закивал головой Уоллис. — Сначала, как ты сказал, хороший отдых, чтобы привести мысли в порядок, избавиться от головокружения. Затем... путешествие в будущее, выдача указаний, оценка перспектив... да, да, да...

— Великолепно! — воскликнул я. — Такая месть...

— Это не месть, — поджав губы, ответил Хэйвиг.

— И как же он выглядел, когда вернулся из путешествия?

— Меня тогда не было. Люди, которые сопровождали его, рассказывали, что представление удалось. Он посетил настоящие потемкинские деревни, где жизнь была именно такой, какую он хотел видеть. А затем его перенесли в прошлое, в уютное местечко, которым был бы доволен сам Потемкин, известный сибарит, и устроили для него настоящую оргию, чтобы облегчить его конец...

Кулак Хэйвига стукнул по подлокотнику кресла.

— И он кончил свою жизнь. Он вскрикнул ночью... и затем его комната опустела. Видимо, он куда-то швырнул себя во времени, так как его искали и в прошлом, и в будущем, но нигде не нашли.

Хэйвиг допил стакан. Я видел, что он нуждается в подкрепляющем, и предложил еще.

Леонса погладила его по плечу.

— Не казни себя, дорогой, он не стоит этого.

— Скорее я не стою, — ответил он. — Лучше не обсуждать этот вопрос.

— Я... я не понимаю... — Я не мог остаться без объяснений.

Леонса повернулась ко мне. Она мягко улыбнулась, как бы извиняясь за слабость и уязвимость мужа. То, что она сказала, для нее было простым замечанием, не имеющим реального значения:

— Нам потом сказали, что умирающий мозг воспротивился действию наркотика и Уоллис перед смертью вспомнил все, что было на самом деле...

ГЛАВА 16

31 октября 1971 года пришлось на воскресенье. Это значит, что завтра дети пойдут в школу. Глядя на детей, я вспомнил о своих детях, когда они были в этом же возрасте, и Кэйт. Я развел огонь в камине, приготовил трубку, кружку с горячим сидром, поставил любимую пластинку Кэйт на проигрыватель и сел у огня, погруженный в воспоминания. Мне было спокойно, я был счастлив.

Но этот день чем-то тревожил меня. Он был холодный, ветреный. Солнце сверкало в небе. Деревья стояли алые, бронзовые, желтые, четко вырисовываясь на фоне неба. Я вышел прогуляться.

На пешеходных дорожках Сенлака передо мной катились листья. Они издавали звуки, подобные смеху, когда домохозяйки пытались смести их в кучи. За городом раскинулись поля, пустынные, темные, чего-то ждущие. Однако стаи ворон все еще кружились над ними, зловеще каркая. Я сошел с шоссе и направился по грязной дороге, по которой автомобили ездили довольно редко, она вела в лес Моргана.

Я шел по дороге, пока не добрался до ручья. Здесь долго стоял на мосту, глядя, как вода пробирается между камнями. Белка прыгала по своим владениям на дубе, которому было больше сотни лет. Я прислушался к звукам... ни о чем конкретном не думал, не размышлял, я просто был здесь.

Наконец, мое тело напомнило мне об усталости, и я направился домой. Горячий чай и трубка казались мне высшим блаженством. Я потом напишу письмо Биллу и Джуди, что собираюсь этой зимой навестить их в Калифорнии.

Я не заметил автомобиля, стоявшего возле каштана, пока не наткнулся на него. И сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Может быть... машина другая... но... Я совсем забыл о больных ногах и пустился бегом.

Джек и Леонса выбежали мне навстречу. Мы обнялись. Сразу все трое.

— Привет, — бормотал я. — Привет, почему вы не предупредили? Я бы приготовился.

— Все о'кей, Док, — ответил он. — Мы сидим и наслаждаемся.

Я отступил назад и посмотрел на Хэйвига. Он похудел, глубокие морщины залегли по сторонам его рта и возле глаз. Кожа была загорелая, но сухая, в волосах — седина. Лет сорок с лишним. Значит, для него прошло десять лет с момента нашей

последней встречи... Я повернулся к его жене. Высокая, гибкая, с такими же пышными формами... Да, прошедшие годы оставили на ней гораздо меньше следов, чем на нем. Конечно, она моложе его. И все же я заметил сеть морщин возле глаз и проблески серебра в бронзовой гриве волос.

— Все в порядке? — спросил я. — Вы победили Ээрию?

— Да, да! — с торжеством ответила Леонса.

Хэйвиг просто кивнул. Какая-то застылость ощущалось в нем. Но все же он обнял жену за талию, не думаю, что она могла бы оставаться счастливой, если бы чувствовала, что его что-то гнетет.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Заходите в дом.

— Выпить чаю? — рассмеялась она.

— О Боже, нет! Такой случай требует аквавита Альборга, пива от Карлсберга и глинтвейна... Я позвоню Свенсону и закажу хороший обед и... сколько вы сможете пробыть у меня?

— Боюсь, не очень долго, — сказал Хэйвиг. — Самое большое — день или два. У нас впереди еще много дел.

Их рассказ занял несколько часов. Солнечный закат уже окрасил золотом западную часть неба. Ветер стучался в окна. Хотя в доме было тепло, я почувствовал, что пора подложить в камин дров. Я приподнялся, но Леонса сказала, что этим займется она. Руки ее еще не утратили искусства обращения с деревом, и на нее было приятно смотреть. Приятно было и то, что, несмотря на все ужасы, о которых я слышал, взгляд Хэйвига с любовью следил за Леонсой.

— Плохо то, что ты не мог предотвратить основание Ээрии, — сказал я.

— Мы не могли, — ответил Хэйвиг. — Но я не уверен, что это плохо. Разве мог бы такой человек, как я, принять жестокое решение? Нет, я бы все время надеялся на что-то, что изменит все к лучшему. Разве я стал бы создавать организацию для специальной цели, если бы не... — Он замолчал.

— Ксения, — пробормотал я. — Да, конечно...

Леонса смотрела на нас.

— Даже Ксения не могла нарушить баланса, — сказала она. — Крестоносцы не убили ее, и она спаслась и прожила еще девять лет. — Она улыбнулась. — И пять из них — с Джеком. Да, она получила меньше счастья, чем я, но все же...

Так как Хэйвиг молчал, я понял, что рана его затянулась,

но шрам, конечно, остался. Так всегда бывает, если в человеке здоровы тело и дух.

— Хорошо, — сказал я, стараясь уклониться от этой печальной темы. — Вы собрали вместе себе подобных, уничтожили зло, установили добро. Значит, теперь я принимаю у себя короля и королеву?

— Что?! — Хэйвиг удивленно вскинул брови. — Мы не король и королева!

— Разве вы не правите там, в будущем?

— Пока. Кто-то должен править. Но с нами сотрудничают самые мудрейшие, кого мы только смогли найти, — и не обязательно путешественники во времени. И мы все делаем, чтобы превратить военное общество в свободную республику.

Леонса шевелила поленья в камине, и они потрескивали, зажигая искры в ее глазах.

— Я не понимаю, — сказал я в который раз за сегодня.

Хэйвиг подыскивал слова.

— Док, — сказал он, — когда мы уйдем отсюда, ты никогда больше не увидишь нас.

Я сидел спокойно. Солнце уже село за горизонт, наступал вечер.

Леонса подбежала ко мне, обняла, поцеловала. Меня окутал аромат ее волос, к которому примешивался запах дыма.

— Нет, Док! — воскликнула она. — Это совсем не значит, что ты скоро умрешь...

— Я не хочу... — начал я.

— А-а-а... — В ней заговорило простодушие девушки варварского племени. — Ты хочешь сказать, что не хочешь знать даты своей смерти. И мы не собираемся говорить тебе это. Но, черт побери, у тебя впереди еще много времени.

— Дело в том, — объяснил Хэйвиг, — что мы, я и Леонса, покидаем Землю. Сомневаюсь, что мы вернемся.

— Что хорошего в путешествиях во времени? — спросил он, когда мы приобрели способность обсуждать дела.

— Но... — замямлил я.

— Контроль исторического развития? Неужели ты веришь, что горстка людей способна делать это? Уоллис верил в это, но ты-то, надеюсь, нет?

— Ну... история... археология...

— Согласен, знания — вещь важная и нужная. Но судьбу предвидеть нельзя. Это смерть надежды. Однако, получив знания, разве может человек остановиться? Неужели же он не захочет использовать их?

— Зависит от результатов, Джек.

Леонса шевельнулась, и по стене запрыгали тени от пляшущего в камине огня.

— Для нас, — сказал он, — результат ведет к звездам. Вот чем хороши путешествия во времени.

Хэйвиг улыбался. По виду он был спокоен, но в голосе слышались звенящие нотки.

— Почему, ты думаешь, мы решили завершить фазу «Два», «Поляриз Хауз», как мы ее называем? Я уже сказал тебе, что мы не собирались править миром. Нет, «Поляриз Хауз» предназначен для исследований и разработок. Его работа будет завершена, когда будут готовы первые корабли.

— И они будут! — воскликнула Леонса. — Мы видели их!

Страсть овладела Хэйвигом. Пальцы его стиснули стакан. Он горячо заговорил:

— Я еще не изучил технические и научные детали. Именно поэтому нам нужно будущее. Физики говорят о математическом эквиваленте путешествия в прошлое и возможности летать со сверхсветовой скоростью. Они надеются разработать теорию, которая поможет создать такой корабль. Я знаю, что в «Поляриз Хауз» у них это не получится. Но может выйти в далеком будущем или на другой планете. Но это не меняет дела. Корабль может лететь с небольшой скоростью, если команда состоит из путешественников. Путешествие может длиться столетия. Но для нас путешествие в будущее, если мы перемещаемся в пространстве, занимает минуты, часы.

Наши дети будут иными. Но они будут там! Мы откроем для человечества путь в бесконечность!

Я посмотрел в окно. Созвездия прятались в облачном небе.

— Я предполагаю, — медленно сказал я, — грандиозные планы.

— И необходимые, — добавил Хэйвиг. — А без нас, без нашего главного врага, это никогда не будет сделано. Маури могли бы собрать необходимые ресурсы для межпланетных путешествий, но они не сделали этого. Их запрещение разрабатывать энергетические установки вначале было необходимо для спасения Земли, но затем, как это бывает, этот закон встал на пути прогресса. Несомненно, культура, которая последует за Маури, будет неспособна подняться к звездам.

— Мы поднимемся! — воскликнула Леонса. — Звездные Хозяева — наша раса!

— И спасители жизни на Земле, — добавил Хэйвиг. — Ведь цивилизация, которая сейчас владеет Землей, подходит к

концу. Вселенная больше, чем может представить любое воображение.

— Насколько я понимаю, звездные пришельцы вдохнули жизнь в Землю.

— О да. Причем более в идейном смысле, чем в смысле материальных благ. Опыт существ, рожденных в самых разных местах Вселенной, даст человечеству новый импульс. Особенно это коснется философов, мистиков. Я не знаю, к чему приведет единение с внеземными цивилизациями. Может, к новому состоянию души? Но я верю, что конец будет счастливым, и именно для этого мы, путешественники во времени, рождены.

Леонса дотронулась до него.

— Джек, ты заболтался и ударился в высокие материи. Кончай свои пророчества, милый, обрати внимание на свой стакан.

— И вы оба намереваетесь быть среди первых исследователей?

— Мы имеем на это право, — сказала она.

— Простите, это не мое дело, но ваши дети не смогут унаследовать ваш дар...

Лицо ее стало серьезным.

— Может, мы найдем новую землю, чтобы вырастить их. Все-таки мы еще не старики. — Она посмотрела на мужа. — А может, будем скитаться по Вселенной, пока не умрем.

Наступила тишина, и я встал с кресла, чтобы открыть дверь, в которую постучали. На пороге стояли три маленькие фигурки: клоун, медведь и астронавт. В руках у них были бумажные пакеты. Они запели старинную песенку, какую пели до них миллионы поколений ряженых.

Прошел год с тех пор, как Джек и Леонса распрощались со мной. Я часто думаю о них. Разумеется, обычная суета заполняет мои дни, но среди них я нахожу время, чтобы вспомнить о них.

В любом месте планеты могут быть они сейчас, предающиеся отчаянию или торжествующие. Но мы никогда не встретимся больше. Конец их жизни безмерно далек от момента моей смерти.

Что ж, такова жизнь человека Земли в космосе.

Я хочу... Я многое хочу. Я хочу, чтобы они были счастливы и свободны в это лето, которое для них уже прошлое. Чтобы они заехали ко мне, и мы бы вместе купались в озере, гуляли в лесу. Однако они наверняка захотели увидеться с Элинор, его матерью, в один из тех моментов, когда Хэйвиг был уверен,

что находится в безопасности... Он сказал ей... Что? Он об этом никогда не говорил мне.

Я хотел бы, чтобы он ответил на мой вопрос, который давно мучает меня: как и зачем появилась раса путешественников?

Мы с ним предположили уже, что знаем — зачем. Но мы не задавались вопросом, кто почувствовал необходимость в них и создал эту расу.

Случайная, бессмысленная мутация? Тогда любопытно, что после Хэйвига в будущем Ээрии не родился ни один путешественник. Но, правда, говорят, что после того, как они завершили свое дело, освободив человечество, открыв ему вечность, они стали не нужны. Их знание будущего стало лишним, никому не нужным и даже до некоторой степени вредным. Но кто решил все это? Кто формирует реальность, в которой мы живем?

Я недавно читал работы по экспериментальной генетике. Вероятно, можно создать вирус, который будет переносить гены от одного существа к другому, причем не обязательно существ одного вида. А природа, может быть, уже умеет это делать, и, вполне возможно, мы носим в себе гены тех живых существ, которые никогда не числились среди своих предков. Хорошо, если это правда. Мне нравится чувствовать себя родственником всего живого.

Но не может ли быть создан вирус, который переносил бы эту способность — путешествие во времени? Может быть, он давно создан в будущем и им засеяны отдаленные эпохи? Засеяны людьми, пришедшими из невообразимо далекого будущего?

Почти каждый вечер я брожу по городу, стою под высокими осенними звездами, смотрю на небо и думаю...

ВОССТАВШИЕ МИРЫ

ГЛАВА 1

Спутник-тюрьма вращался вокруг планеты Ллинотавр по большой наклонной орбите далеко от трасс регулярных космических сообщений. Экран обзорника в тюремной камере адмирала Хуга Мак-Кормака показывал планету в разных фазах. Она выглядела то темным пятном, тронутым по краям золотисто-красными лучами солнца, то ярко сверкала, словно ятаган. Время от времени адмирал видел планету целиком — блестящий круглый шар, голубой в тех местах, где ее покрывали океаны, и серебристый там, где облака простирались над огромными континентами.

Адмирал подумал, что если с такого расстояния посмотреть на Землю, то выглядеть она будет, как постаревшая красавица, знавшая в своей жизни слишком много мужчин. Но Земля была сейчас на расстоянии многих световых лет. И ни одна планета не походила на коричневато-ржавый Аэнеас, о котором с тоской вспоминал Мак-Кормак.

Время от времени облака, медленно струящиеся над спутником, полностью закрывали собой Ллинотавр и Солнце, и тогда перед внутренним взором адмирала возникали другие звезды — немигающие и холодные, как россыпи драгоценностей в зимний день. Ярче всех сияла альфа Кручис — голубовато-белый гигант, находящийся в десяти парсеках отсюда. Бета Кручис, звезда-одиночка, находилась в той же части неба. Кроме них опытный наблюдатель мог бы различить сияние Альдебарана и Арктура. Можно было разглядеть и холодный блеск Денеба и Полариса, лежавших далеко за пределами Империи.

Во рту Мак-Кормака пересохло. «Если бы Катрин могла читать мои мысли, — подумал, он, — она бы не одобрила такого количества метафор». Он не осмеливался признаться даже себе, что образ жены все еще живет в его душе. Ее участь могла быть гораздо хуже. Самому адмиралу жаловаться на судьбу не прихо-

дилось. Очевидно, что в намерения Снелунда не входило создавать ему большие неудобства.

Помощник начальника тюрьмы, разговаривавший с ним после ареста, выглядел смущенным.

— Этот... э-э... приказ о вашем задержании, адмирал, — извиняющимся тоном проговорил он, — исходит от губернатора. Вы будете находиться здесь до суда или до... до переброски на Землю. Или до дальнейших распоряжений.

Тут он посмотрел на факс на своем столе, будто тайно желал, чтобы смысл послания изменился со времени его первого прочтения.

— Так... одиночка, лишение связи... Честно говоря, адмирал Мак-Кормак, я не вижу причин лишать вас книг, бумаги и видеопроектора. Я буду ходатайствовать за вас перед его превосходительством.

«Все ясно, — подумал Мак-Кормак, — они будут обрабатывать меня, пока я не сдамся. Что ж, пусть попробуют!»

Сержант дворцовой охраны, доставивший арестованного из катапрайнисского порта, услышав, как помощник начальника тюрьмы обратился к арестанту, бесстрастным голосом произнес:

— Не называйте предателя званием, которого он лишен.

— Сержант, — ответил тот, смерив его презрительным взглядом, — я двадцать лет служил в Военном флоте. Флот адмирала Мак-Кормака может быть лишен своего командующего, но до тех пор, пока он не будет снят с поста в результате тщательного судебного разбирательства или по прямому указанию его величества, вы обязаны оказывать ему должное уважение, иначе можете попасть в еще худшее положение, чем сейчас.

Очевидно, случившееся представлялось ему в несколько ином свете. Спустя некоторое время, в течение которого охранники смущенно переминались с ноги на ногу, он добавил, тяжело вздохнув:

— Подпишите передаточный документ и уходите.

— Но мы должны... — начал было сержант.

— Если кроме передачи этого джентльмена под арест у вас есть еще какие-либо полномочия, то позвольте мне на них взглянуть, — сухо ответил помощник начальника тюрьмы и, помолчав, добавил: — Подпишите и идите. Я не намерен вести с вами дальнейший разговор.

Мак-Кормак запомнил имя и лицо помощника начальника тюрьмы. С той же тщательностью он запоминал всех, кто был причастен к его аресту. Придет день, и... Если только придет...

Мак-Кормак не знал, что его ждет в будущем. Ему не приходилось раньше сталкиваться с системой наказаний за гражданские преступления. Военный флот располагал собственной карательной системой. Отправка сюда была спланированным оскорблением и частично объяснялась желанием изолировать его от друзей, которые могли бы попытаться его освободить.

Кто теперь займет его должность? Снелунд назначит своего любимчика или кого-либо еще, давшего хорошую взятку. С тех пор как губернатором сектора назначили Снелунда, взятки стали обычным делом.

Как бы там ни было, адмиралу было предложено сменить мундир на серый комбинезон. Его отвели в одиночную камеру, лишенную роскоши, но достаточно большую для ходьбы и удобную для отдыха. В потолок на видном месте был вмонтирован аудиовизуальный сканер. Никто не возразил, когда Мак-Кормак завесил его простыней. Через специальное отверстие в двери подавались вполне съедобная пища и чистое белье, а для того чтобы избавиться от остатков пищи и грязного белья, в его распоряжении был мусоропровод. Но что самое главное — в камере был обзорник.

Без возможности видеть планеты, созвездия, молочное свечение Млечного Пути и тусклое сияние соседних галактик его воля быстро бы ослабла, а если учесть старания медиков, умеющих залечивать любые следы пыток, то очень скоро он согласился бы подписать что угодно и молил бы об освобождении.

Почему же губернатор не отдал распоряжения о содержании его в темной камере? Проглядел, поглощенный слишком большим количеством дел? Или же, полностью занятый собой, Снелунд, возможно, не придавал такого значения обзорнику, какое он имел для адмирала.

По мере того как день следовал за днем (хотя слабое белое свечение никогда не менялось), Мак-Кормак начал интересоваться, почему ничего не происходит. Если бы его надсмотрщики точно докладывали Снелунду обстановку, тот, без сомнения, приказал бы перевести Мак-Кормака в другое помещение. Но они были существами примитивными и обычно не имели права посылать отчеты непосредственно губернатору сектора, пользующемуся полномочиями его высочества на территории в пятьдесят тысяч световых лет. Они не имели права этого делать даже в том случае, когда речь шла об адмирале флота.

Агенты должны были давать отчет низшим административным чинам, а те, в свою очередь, посылали его по соответствую-

щим каналам. Присматривал ли кто-нибудь за тем, чтобы материалы не затерялись и не были положены под сукно?

Мак-Кормак вздохнул. Стук его ботинок по металлическому полу перекрывал жужжание вентилятора. Сколько может длиться его заключение?

Орбита спутника была ему неизвестна. Тем не менее он с достаточной точностью мог рассчитать угловой диаметр Ллинотавра и его приблизительную массу, а затем и период вращения. Нелегко манипулировать законами Кеплера, держа все цифры в уме, но что еще оставалось делать? Результат более или менее подтвердил догадку, что его кормят трижды в сутки. Он не мог точно припомнить, сколько раз получал пищу с тех пор, как попал сюда и начал завязывать узелки на тесемке. Десять? Пятнадцать? Что-то в этом роде. Добавить это число к тридцати семи узелкам — и получится что-то около пятидесяти космических суток, или четырнадцать земных дней, или шестнадцать аэнеасских.

Аэнеас. Башни Бинхоума, высокие и серые, со стягами, трепещущими на фоне неба, полного птичьего щебета. Путаница ущелий и утесов — красных, коричневато-желтых, бронзовых в том месте, где рифы врезаются в голубовато-серый сумрак, искрящийся капельками воды. Морское дно Антонины, резкий металлический звук Дикого Потока, водопадом обрушивающийся вниз. Смех Катрин, когда они вдвоем скачут верхом, и ее взгляд, обращенный к нему, ее голубые глаза...

— Нет! — воскликнул он. — Голубые глаза были у Рамоны. У Катрин глаза зеленые.

Неужели он уже путает умершую жену с живой? А есть ли вообще у него сейчас жена? Двадцать дней прошло со времени их ареста. Она оттолкнула руки наемников от своих запястий и сама пошла вперед, окруженная рядами направленных на нее черных стволов. В глазах ее блестели слезы...

Мак-Кормак стиснул руки так сильно, что побелели костяшки пальцев. Боль сейчас была его другом. «Если я буду терзаться тем, что для меня недоступно, я только окажу услугу Снелунду. Но что же мне предпринять? Сопротивляться до конца?»

Не в первый раз он вызывал в воображении существо, с которым ему довелось когда-то встречаться: дракон — огромный, чешуйчатый, хвостатый, четырехногий, с лицом ящера, но дружелюбный и более мудрый, чем остальные ему подобные.

— Вы, люди, странные существа, — гудел глубокий голос дра-

кона. — Вместе вы можете показывать примеры такой храбрости, что лежит на грани безумия. Но когда поблизости нет никого, кто может вам объяснить, как предстоит умереть, воодушевление быстро покидает вас и сменяется полным упадком сил.

— Дело, я полагаю, в наследственности и инстинктах, — сказал Мак-Кормак. — Наша раса идет от животных, охотящихся стадами.

— Тренировка может побороть инстинкт, — продолжал дракон. — Разве разумное создание не может заниматься самотренировкой?..

Мак-Кормак кивнул сам себе. «Может быть, когда-нибудь Катрин, или дети Рамоны, или кто-то, кого я еще не знаю, сумеют полностью преодолеть все преграды на пути моего освобождения».

Он лег на койку, составляющую всю обстановку комнаты, если не считать раковины и унитаза в углу, и закрыл глаза. «Попытаюсь до обеда поиграть мысленно в шахматы за двоих. Дайте время, и я в совершенстве овладею техникой игры. Перед едой я еще раз потренируюсь».

В воображении адмирала возник стройный мужчина. Мало что выдавало его пятьдесят земных лет — лишь проседь в темных волосах да продольные морщины на длинном худом лице. Похоже, он никогда не прятал лицо от непогоды. Его кожа всегда оставалась темной и грубой. Выступающий треугольник носа, прямой, выдающийся вперед подбородок говорили о волевом характере их обладателя. Глаза под нависшими бровями походили на кусочки льда. Когда он говорил, его голос звучал твердо, а за время службы на границах Империи он утратил аэнеасский акцент.

Мак-Кормак лежал, и воображение его было с такой силой сконцентрировано на поединке с шахматистом, что он не обратил никакого внимания на взрыв за пределами камеры. Лишь когда дрогнули стены, до его сознания дошло, что что-то случилось. Он вскочил на ноги.

Звук следующего взрыва был низким, и металл ответил ему протяжным гулом. «Тяжелая артиллерия», — понял адмирал. Пот выступил на его лбу, а сердце начало стучать сильнее.

Что случилось?

Он бросил взгляд на обозреватель. Ллинотавр был таким же безмятежным.

Послышался нарастающий гул. На двери его камеры появилось красное пятно, которое вскоре стало белым. Кто-то разрезал дверь с помощью бластера. До Мак-Кормака донеслись

чьи-то голоса. Слова различить было невозможно, но они явно были сердитыми и взволнованными.

Выпущенная кем-то пуля прожужжала в коридоре, ударилась в стену и улетела в никуда.

Дверь вскоре поддалась, и расплавленный металл потек вниз, собираясь в фантастический ручей. Пламя бластера ворвалось в дыру, все больше ее увеличивая. Мак-Кормак отпрянул, ослепленный его блеском. В голове на мгновение мелькнула мысль: «Зачем так экстравагантно обращаться с оружием?»

Бластер перестал изрыгать пламя. Дверь широко распахнулась, и в комнату ворвалась дюжина мужчин. На них были синие мундиры. Двое оказались роботами в боевой броне. Они тащили за собой огромную энергопушку Хольберта, поставленную на полозья. Один из ворвавшихся в камеру, негуманоид, превосходил размерами всех остальных. На его теле, лишенном какой-либо одежды, висел целый арсенал оружия, но он оставил его зачехленным, отдав предпочтение боевому топору, лезвие которого было окрашено красным. На обезьяноподобном лице сияла широкая улыбка.

— Адмирал! Сэр! С вами все в порядке? — Мак-Кормак не узнал юношу, который кинулся к нему с распростертыми объятиями.

— Да. Да. Что?.. — От удивления Мак-Кормак поперхнулся словами. — Что все это значит?

Молодой человек отдал честь:

— Лейтенант Насрудлин Хамид, сэр. Как уполномоченный капитана Олифанта командую операцией по вашему освобождению.

— Вы пошли на нарушение устава! — Мак-Кормаку показалось, что за него говорил кто-то другой.

— Сэр, вас хотят убить. Капитану Олифанту это точно известно. — У Хамида был совершенно безумный вид. — Нам нужно торопиться, сэр. Мы прорвались без потерь. Человек, который стоял на часах, знал об операции. Ему удалось договориться с половиной охраны. Он уйдет с нами. Некоторые отказались повиноваться и сопротивлялись. Должно быть, люди Снелунда. Мы сломили их сопротивление, но некоторым удалось бежать. Как только наш корабль поднимется, они пошлют сообщение губернатору.

Происходящее все еще казалось Мак-Кормаку нереальным. Он даже засомневался, полностью ли владеет рассудком.

— Губернатор Снелунд арестовал меня по приказу его вели-

чества, — услышал он свой голос. — Истинное место для разрешения спорных вопросов — зал суда.

Вперед выступил другой человек. Его речь не утратила аэнеасскую напевность.

— Пожалуйста, сэр! — Он едва не плакал. — Вы нужны нам! С каждым днем все больше восстаний на разных планетах. Снелунд пытается уговорить флот помочь его войскам подавить восстания... своими методами... водородными бомбами, если не помогут стрельба, пожары и тюрьмы.

— Война со своим народом, — прошептал Мак-Кормак. — В то время как варвары у границ... Что с моей женой?

— Я не знаю... я ничего не знаю насчет нее, — промямлил Хамид.

Мак-Кормак с яростью посмотрел на него и схватил лейтенанта за лацканы кителя.

— Это ложь! — закричал адмирал. — Вы не можете не знать! Олифант не послал бы людей в рейд, не проинструктировав до последних мелочей. Что с Катрин?

— Сэр, в эфире помехи. Мы располагаем лишь одним наблюдательным судном. Вражеский корабль на сторожевой заставе мог...

Мак-Кормак так встряхнул лейтенанта, что тот лязгнул зубами. Все увидели, как лицо адмирала буквально окаменело.

— То, что Снелунд схватил Катрин, было частью продуманного плана, — сказал он. — Двор губернатора любит разводить сплетни. А то, что известно при дворе, вскоре становится известно всем. Она все еще во дворце, не так ли?

Все старались смотреть куда угодно, но только не на Мак-Кормака.

— Я слышал об этом, — пробормотал Хамид. — Видите ли, прежде чем совершить нападение, мы остановились на небольшом астероиде — сделали вид, будто это обычная туристическая поездка, и заводили разговоры со всеми, кто подворачивался под руку. Один торговец, накануне приехавший из города, сказал... Он передал слухи о вас и вашей жене. Насчет того, что вы задержаны для расследования. А губернатор... — Лейтенант смолк.

Через некоторое время Мак-Кормак похлопал Хамида по плечу.

— Не нужно переживать, сынок, — сказал он бодрым тоном. — Пойдемте на корабль.

— Мы не мятежники, сэр, — умоляюще прогово-

рил Хамид. —Вы нужны нам, чтобы обуздать этого монстра... пока мы не сможем донести правду до императора...

— Нет, случившееся нельзя считать мятежом, — прервал его Мак-Кормак. — Это — восстание. — Он повысил голос: —Вперед! На корабль!

ГЛАВА 2

— Метрополис возвышается над скалистыми горами Северной Америки, будто вознесенный туда титанами из древних мифов. И однажды, — заметил Доминик Фландри девушке, которой показывал окрестности и которой высказал данное сравнение, чтобы продемонстрировать свою образованность, — боги придут в такое раздражение, в которое когда-то уже приходили. Будем лишь надеяться, что последствия окажутся менее плачевными.

— Что вы имеете в виду? — спросила девушка.

Поскольку Доминик не собирался заниматься ее просветительством, а хотел лишь понравиться ей, он лихо подкрутил усы и произнес:

— Я имею в виду, что вы слишком очаровательны для того, чтобы я мог спокойно демонстрировать перед вами достоинства своего мужского ума. Ну а теперь, поскольку вы хотели видеть этот хитроумный ящик, сюда, пожалуйста.

Он не стал уточнять, что этот трехмерный звездный проектор предназначался прежде всего для показа специальным гостям. Даже самое незначительное астрономическое расстояние слишком велико для того, чтобы любая из показываемых проектором карт имела хоть какую-то прикладную ценность. Настоящая информация хранилась в банках памяти огромных компьютеров, которые были надежно скрыты от взоров праздной публики...

Фландри вспомнил этот небольшой эпизод, когда его кэб ехал по территории Адмиралтейского центра. Вокруг него поднимались многоцветные стены, такие высокие, что фальшпанели на нижних уровнях должны были постоянно светиться. Подъемники подобно клубку спутанных лиан громоздились между ними, уходя вершинами к облакам и солнечному свету. Воздушное движение наполняло небо жужжанием и блеском, внизу оно было менее интенсивным. Транспорт сновал вверх и вниз по тоннелям и камерам под тоннелями. Все эти машины и авто создавали шум не более громкий, чем шуршание эска-

латора. И все равно Адмиралтейский центр жил в постоянном обилии звуков, среди круглосуточного жужжания.

Здесь находился центр имперской мощи. Земля отсюда правила сферой радиусом в четыреста световых лет, содержащей примерно четыре миллиона солнц, из которых сто тысяч в том или ином виде платили ей дань.

При поверхностном взгляде все это внушало чувство гордости. Но если посмотреть глубже...

Фландри очнулся от своих дум. Его кэб скользил в направлении штаб-квартиры «Интеллидженс». Он в последний раз затянулся сигаретой, притушил ее и оправил мундир. Вообще-то он предпочитал более франтоватый его вариант с таким множеством элегантных отклонений от нормы, которое только позволялось снисходительными правилами, а порой и более того. Тем не менее когда твой отпуск прерван всего лишь через несколько дней после начала и тебе приказано явиться с отчетом к самому адмиралу Кераскову, лучше предстать перед его взором в строгом белом кителе и брюках, аккуратно заправленных в ботинки, с ремнем вместо шарфа на талии, в простом сером плаще и фуражке, сидящей так, чтобы значок с изображением Солнца находился точно на середине лба.

«Рубище было бы сегодня более уместным. Подумать только, три великолепные девушки готовы отпраздновать день моего рождения в гостинице «Эзераст»! А меню, на согласование которого я затратил не меньше двух часов! Мы продлили бы этот день настолько, насколько потребуется, чтобы доказать, что четверть столетия не такая уж страшная дата, как кажется... И теперь — вот это!» — невесело подумал молодой человек.

Машина в здании связалась с той, что находилась в кэбе. Вскоре Фландри был поднят на пятидесятый уровень. Он вручил свою визитную карточку охраннику, который долго ее изучал. Затем охранник у следующей двери проверил ее еще раз и позволил пройти дальше.

Фландри миновал несколько коридоров, пока не достиг нужного, и пешком поднялся по лестнице, игнорируя эскалатор.

Толпа двигалась мимо и растекалась по кабинетам. Она состояла из служащих всех рангов — от младших клерков до адмиралов, в чьих головах умещалась безопасность тысяч миров, и ученых, которым с трудом удавалось удерживать Империю в необходимой боеготовности во Вселенной, полной смертоносных сюрпризов. Вне всякого сомнения, все они были гуманоидами. Разнообразие форм, красок, слов, запахов проносилось мимо Фландри бесконечной каруселью.

«Толкотня, суета, поспешность, стремительность, беготня, беготня и еще раз беготня, — угрюмо подумал Фландри. — Грядет ночь. Долгая ночь, когда Империя падет и погребет людей под своими руинами. Возможно, нам никогда так и не удастся узнать той россыпи звезд, которая нам еще не доступна. Ведь мы ни разу не посещали более половины солнц на том микрокусочке пространства, на который претендуем.

Наши предки изучили больше, чем мы за все последующие столетия. Когда ад вырвался на свободу, а их цивилизация готова была развалиться на куски, они залатали ее Империей. Но мы потеряли волевые качества предков. Слишком легко нам все давалось в течение длительного срока. Теперь на наших флангах марсиане и бетельгейзиане. Мы окружены дикими расами. Они нажимают на нас извне...

Почему я, собственно, должен беспокоиться? Когда-то карьера на флоте казалась мне немыслимым счастьем. Потом я увидел ее обратную сторону. Я чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы занимался любым другим делом».

Прервала его невеселые мысли незнакомая женщина. Должно быть, она явилась в центр по какому-то делу, так как служащие не имели права появляться здесь в подобных ярких одеждах.

— Прошу прощения, — произнесла она, — не могли бы вы указать мне кабинет капитана Яна Ли? Боюсь, я заблудилась.

Фландри поклонился.

— Конечно, моя госпожа. — Он отчитывался в этом кабинете после прибытия на Землю и теперь дал ей подробные пояснения. — Передайте ему, пожалуйста, что лейтенант-командор Фландри считает капитана счастливчиком.

Она взглянула на него из-под длинных ресниц.

— О сэр! — Дыхание ее сделалось частым, глаза заискрились. — Я сразу догадалась, что вы из «Интеллидженс». Поэтому и обратилась к вам.

— Ну поскольку мы оба знаем Яна Ли... — Фландри просиял.

Они обменялись визитными карточками. Она ушла, покачивая бедрами, а Фландри продолжил прерванный путь. Настроение его сразу поднялось. В конце концов работа может оказаться не бей лежачего. Он дошел до знакомого места. «Вот здесь я сяду в лифт».

Зайдя в кабину лифта, он расслабился, ощущая, как его поднимает антигравитационное поле. Вернее, он попытался расслабиться, но так и не смог. Вне зависимости от перспектив знакомства с привлекательной женщиной вновь испеченный

лейтком, выбранный для личной беседы с шефом операции, не избежал сухости во рту и влаги на ладонях.

Он приложил палец к нужному углублению в кабине лифта и, поднявшись на девяносто седьмой уровень, вышел в коридор. Здесь было тихо. Редкие негромкие голоса лишь подчеркивали полноту тишины, заключенной между этими угрюмыми и суровыми стенами. Все, кого ему пришлось встретить, были старше его по званию, взгляд каждого был невидящим, а мысли гуляли далеко среди чужих звезд. Дойдя до отдела Кераскова, он обнаружил, что секретарем у адмирала служит сканер с вмонтированным в компьютер микрофоном. Невысокая ступень развития сканера не позволяла назвать его мозгом. Высокий уровень здесь был и не нужен — основная фильтровка производилась на нижних стадиях. Фландри ожидал вызова не более пяти минут, затем ему было предложено войти.

Он очутился в просторной комнате с высоким потолком и толстым ковром на полу. В одном углу стояли факс и видеотелефон для внешней связи, в другом — небольшой холодильник. Кроме того, здесь было три-четыре картины и множество полок с отчетами о прежних победах. Дальняя стена одновременно служила экраном. В этот момент на нем светилось голографическое изображение Юпитера, каким он бывает виден с космического корабля. Изображение было настолько реальным, что у Фландри перехватило дыхание. Он остановился на положенном расстоянии и так лихо отдал честь, что едва не вывихнул себе руку.

— Лейтенант Фландри прибыл в ваше распоряжение, сэр.

На человеке, поднявшемся из-за письменного стола, была обычная форма. Ни одна из тех наград, которые он наверняка имел, не сверкала на его груди. Исключение составлял лишь скромный рыцарский знак, заработать который было гораздо труднее, чем дворянскую грамоту. Блеск этого знака затмил для Фландри окольцованную планету на экране. Хозяин кабинета был низким, плотным, с усталым мопсоподобным лицом со щетинистым подбородком. Его ответное приветствие было почти небрежным, что задело самолюбие Фландри.

— Как раз вовремя, — сказал вице-адмирал Илья Керасков. — Садитесь. Курите! — Он указал на коробку с сигарами.

— Благодарю вас, сэр. — Фландри выбрал сигару и раскурил ее, в то время как кресло под ним приспособилось к его мускулам и ненавязчиво побуждало их расслабиться. «Адмирал очень любезен», — подумал он, а вслух сказал:

— Я и не знал, что существует сорт сигар лучше, чем «Корона Австралии».

На самом деле он знал несколько таких сортов, но и этот был совсем неплох. Дым щекотал язык приятным горьковатым привкусом и изящными завитками выходил через ноздри.

— Кофе, пожалуйста, — предложил шеф миллиона агентов, рассеянных по Империи и за ее пределами. — Можно чай, джин...

— Нет, благодарю вас, сэр.

Керасков изучал Фландри ненавязчиво и учтиво, но взгляд его походил на рентгеновские лучи.

— Мне не очень приятно прерывать подобным образом ваш отпуск, лейтенант-командор, — сказал адмирал. — Вы, должно быть, ожидали его с таким нетерпением. Я вижу, у вас новое лицо?

Фландри удивился — ведь они никогда раньше не встречались, но заставил себя улыбнуться.

— Да, сэр. То, что дали мне мои родители, выглядело не слишком выразительно. А поскольку я направлялся на Землю, где биоскальп так же привычен, как и косметика... — Он пожал плечами.

Взгляд его собеседника все еще оставался испытующим. Перед адмиралом сидел атлет под два метра, широкий в плечах и узкий в бедрах. Судя по белым, с тонкими пальцами рукам, трудно было предположить, что их владелец уделял много времени физическим упражнениям. Прямой нос, высокие скулы и подбородок с ложбинкой были приобретенными, подвижный рот и серые глаза — его собственными.

— Вне всякого сомнения, вы удивлены, почему из всего списка было выбрано ваше имя, — сказал Керасков, — и почему вам было велено явиться прямо сюда, а не к вашему непосредственному начальник или капитану Яну Ли?

— Да, сэр. Я не считаю себя достойным вашего внимания.

— Да и не жаждали его удостоиться, — невесело улыбнулся Керасков. — Но все же вы его удостоились. — Он откинулся на спинку кресла, перекинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. — Я отвечу на ваши вопросы. Прежде всего, почему вы — подобный тысячам других. Вы узнаете об этом, Фландри, если уже не узнали, хотя, как я подозреваю, ваше тщеславие подсказало вам, что для определенного эшелона сил вы не являетесь «подобным». Вы в вашем возрасте никогда бы не достигли того звания, которое носите, если бы дела обстояли по-иному. Мы с особым интересом приглядывались к вам со времен старкадского

дела. Его, конечно, пришлось замять, но оно не было забыто. Последующие наблюдения за вами выявили некоторые интересные детали. — Фландри не мог полностью скрыть своей тревоги. Керасков снова усмехнулся. Смешок его походил на бряцание железных цепей. — Мы узнали нечто, о чем вы умолчали. Не беспокойтесь. Пока компетентные люди, не говоря уже о выдающихся, к нашему сожалению, редко встречаются, настолько редко, что Служба держит в запасе широкий набор всяческих средств для наблюдения за ними. Вы или будете убиты, молодой человек, или сделаете нечто такое, что вынудит нас вмешаться в ваши действия. Или вы действительно далеко пойдете. — Он глубоко вздохнул, затем продолжил: — Настоящее дело требует хорошей маневренности. Я не открою вам особой тайны, если скажу, что последний марсианский кризис — явление гораздо более опасное, чем его представили в прессе. Он мог стать для нас подобием взрыва, которому, правда, мы могли бы противостоять. Однажды Империя уже действовала быстро и решительно. Но для этого необходимо, чтобы подавляющая часть наших флотов была бы сосредоточена на границе до тех пор, пока марсиане не поймут, что мы действительно полны решимости не дать им захватить Джихайнах. Операция «Интеллиджженс» в этой части Империи достигла такого размаха, что источники сил в других местах совершенно иссякли.

А тем временем на другом конце Империи возникло нечто похуже, чем простой конфликт с Марсом. — Керасков поднял руку. — Не воображайте, что вы единственный, к кому обратились за помощью, или что вы отвечаете нашим запросам более чем на квант по сравнению с другими. При нашей истощенности каждый квант — сокровище. То, что вы оказались неделю назад на Земле, явилось неудачей для вас, но удачей для Империи... возможно. Когда я запросил архив на предмет того, кто бы мог быть нам полезен, обладая нужной квалификацией, ваше досье оказалось среди дюжины тех, что были положены на мой стол.

Фландри молча ждал. Керасков подался вперед. Налет напускной бравады покинул его окончательно. Говорил угрюмый, исполненный горечи человек:

— Теперь насчет того, почему вы были направлены непосредственно ко мне. Дело в том, что это единственное место, где, я уверен, нет никаких шпионских устройств, а вы единственный человек, который, как я думаю, не станет на меня доносить. Скажу больше — вы могли бы немедленно отправиться в суд и повторить там все, что я вам сейчас скажу. Меня бы сместили, а возможно, арестовали или даже убили. Вы бы получили деньги и

те льготы, которыми пользуются лизоблюды. Так что я иду на определенный риск. Но, не разбираясь полностью в ситуации, вы не сможете быть полезным.

Тщательно выговаривая каждое слово, Фландри произнес:

— Я умелый лжец, сэр. Но, поверьте моему слову, я не очень умелый доносчик.

В течение нескольких секунд Керасков молча сидел в кресле. Потом вскочил и принялся расхаживать по своему кабинету взад-вперед, прихлопывая в такт шагам кулаком одной руки по ладони другой.

— Вас дóлгое время не было на Земле. Но после Старкада вы посетили Землю для дальнейшего обучения. Вы, должно быть, были слишком заняты, чтобы внимательно следить за всеми событиями. Ну, там скандал, там непристойные шуточки, слухи... Всякое такое до ваших ушей все-таки доходило? Но важное известие... Позвольте мне коротко о нем вас уведомить.

Три года прошло с тех пор, как умер бедный старый император Георгиуа и воцарился Джасип. Всем известно, что он из себя представляет: слишком глуп и слаб для того, чтобы его власть приносила большой вред. Мы все были уверены, что, пока жива вдовствующая императрица, она удержит его на верном пути. Он, благодаря ужасному отношению к своему здоровью, ненадолго ее переживет, а детей у него не будет — куда ему! Служба полиции, Генеральный штаб, гражданская служба, офицерские части, аристократия солнечной системы и экстрасолнечной... У них сейчас больше жуликов и некомпетентных сотрудников, чем в былые дни, но остались и несколько порядочных людей... несколько. Я пока ничего нового не сказал вам, не так ли? — Фландри едва успел покачать головой, как Керасков снова принялся расхаживать и говорить: — Я уверен, что вы пришли к той же оценке, что и большая часть информированных граждан. Империя настолько огромна, что ни один индивидуум не может причинить ей существенного вреда, несмотря на свою потенциальную опасность. Любой вред, приносимый Джасипом, почти наверняка будет нейтрализован группой придворных политиканов и плутократов и тому подобных лиц, сконцентрированных на Земле или вокруг нее, — так что потеря невелика. Пережили же мы многих плохих императоров!

Логичное суждение? Несомненно, логичное в обычном смысле. Но возможны и варианты. И даже мы, находящиеся на вершине власти, были удивлены действиями Аарона Снелунда. Вы слышали о нем когда-нибудь?

— Нет, сэр.

— Он придерживается золотой середины, — пояснил Керасков. — Цензорство на его планете эффективно как нигде. Суду о нем известно, и людям вроде меня — тоже. Но наши данные о нем неполны. Я хочу сообщить вам факты, скрытые от широкой публики. Он родился тридцать четыре года назад от матери проститутки и неизвестного отца. Это произошло в тех местах, где люди или живут по жестоким законам, или погибают. Он умен, талантлив и очарователен, когда хочет быть таковым. В ранней юности он был актером на Земле. Теперь, задним числом, я понимаю, как он мог действовать: самым тщательным образом изучив вкусы Джасипа, тратил все свои наличные деньги именно на ту биоскульптуру, которая была нужна, чтобы обладать необходимыми манерами. Когда они встретились, то сближение их пошло как по маслу. К двадцати пяти годам Аарон Снелунд совершил скачок от обычного катамита к фавориту кронпринца. Следующим его шагом было отстранение от власти влиятельных лиц и замена их теми, кто был лично ему предан.

У него появились противники. Дело было не просто в зависти. Честных людей беспокоило, что он получает слишком большую власть. До нас доходили слухи об убийствах. Я не знаю, возможно, Снелунд начал убирать неугодных. Во всяком случае, это проглядели.

Георгиуа, как вы помните, умер внезапно. На следующей же неделе Джасип сделал Снелунда виконтом и назначил губернатором сектора альфа Кручис. Вы понимаете, насколько все было рассчитано? Назначение на такую высокую должность вызвало бы целую бучу, ведь виконтов-то много. Многие секторы гораздо богаче и могущественнее, ближе к дому или обладают еще какими-либо достоинствами. Полицейский отдел не допустил бы назначения в качестве губернатора непроверенного человека. Альфа Кручис — другое дело.

Керасков щелкнул выключателем. Экран погас. Изображение Юпитера, огромного, вращающегося среди звезд в окружении своих спутников, исчезло. Его место занял вид звезд Империи. Возможно, гнев Кераскова требовал выхода, хотя бы в такой ничтожной деятельности, как переключение изображения. Силуэт его тучного тела вырисовывался на фоне сверкающего тумана.

— Бетельгейзе. — Он ткнул пальцем в красную искорку. — Гигантское солнце, что царствовало на пограничных территориях между Землей и марсианской империей. Здесь нас постоянно терзала угроза войны. Теперь — альфа Кручис.

Он указал рукой на отрезок величиной почти в сто счетных градусов. Затем нажал на кнопку контрольного устройства, переместив изображение примерно на семьдесят градусов к югу. Ярко вспыхнули гиганты класса В, которые, находясь в противоположной стороне от земных владений, были родственны одинокой звезде бета из созвездия Южный Крест. Вокруг них не было ничего, кроме черноты. Земные законы там были бессильны, а царствовали дикость и варварство. В ближайшем будущем у них должны появиться космические корабли и водородные бомбы.

Керасков быстро очертил окружность на экране.

— Здесь, — сказал он, — действительно может разразиться война.

Фландри нарушил молчание:

— Имеет ли адмирал в виду, что дикие расы осмелятся совершить новое нападение? Но, сэр, я понимаю так, что после битвы, э-э... я забыл ее название, их все время держат под контролем?

— Это было сорок три года назад. — Плечи Кераскова слегка сгорбились. — Ни один разум, ни одна раса не может предусмотреть все. И мы позволили вредному семени взойти, а всходам расти до тех пор, пока не стало слишком поздно. Ладно. — Он выпрямился. — Трудно предусмотреть, какой вред может нанести нам Снелунд. Все это гораздо опаснее, чем обычный конституционный кризис. Территория весьма удаленная. Она не приносит никакой экономической выгоды и не особенно густо заселена; ее лояльность и стабильность не более сомнительны, чем лояльность и стабильность остальных территорий. Там есть лишь две значительные вещи. Одна — индустриальные фокусы планеты Сатан, которая является древним владением герцогов Гермесских. Она вполне способна защитить свои интересы. Другая — позиция сектора как буфера между нами и дикими племенами. Но защита является делом адмирала флота, и такой адмирал у нас есть — Хуг Мак-Кормак. Вы никогда о нем не слышали? Конечно, Снелунд неизбежно должен был жиреть. Какой-то годовой процент, оторванный от прибылей, не должен был причинить вреда ни одному жителю Империи. Снелунд сколотит себе состояние, которое насытит его жадность, и со временем удалится от дел, чтобы проводить свою жизнь в роскоши. Тем временем флот и гражданская служба должны будут вести свою обычную работу. И все будут счастливы. Подобные ситуации возникали всегда и успешно разрешались.

— Только на этот раз вы упустили фактор властолюбия, — произнес Фландри.

Керасков выключил экран и внимательно посмотрел на Флан-

дри. Ответный взгляд последнего был вежлив и спокоен. Наконец вице-адмирал произнес:

— Снелунд стал губернатором три года назад. С тех пор поступают донесения о вымогательствах и жестокостях. Но Империя настолько велика, что ей не поможет полицейский, пытающийся поддерживать мир и внутри и снаружи. Племена, страны, планеты, провинции автономны в самом широком смысле этого слова. В Империи тысячи разумных цивилизаций, разделенных сотнями световых лет и никак не влияющих на жизнь миллионов других. Или сколько их там? А у нас слишком много дел, о которых мы должны постоянно беспокоиться. И подумать только, что может сделать губернатор дальней провинции, если он решится злоупотребить своей властью?

Фландри представил себе это, и ему стало не по себе.

— В конце концов сам Мак-Кормак послал протест на Землю. Протест адмирала, кавалера двух звезд, достиг цели. В полицейском управлении заговорили о создании комиссии по расследованию. Почти немедленно Снелунд арестовал Мак-Кормака за предательство. Ему, видите ли, пришлось это сделать, и он самолично выбрал временного высшего командующего флотом. Суд должен был состояться на базе флота или на судне, и членами его могли стать офицеры соответствующих рангов. Но из-за марсианского кризиса... Вы следите за моими мыслями?

— Очень внимательно,— пробормотал Фландри.

— Провинциальные восстания не являются редкостью, — продолжил Керасков. — Сегодня нам трудней избежать их, чем когда бы то ни было.

— Что вы хотите, чтобы я сделал, сэр?

— Как я сказал, мы посылаем всех нераскрытых агентов, которых только можем найти, плюс кое-кого из инспекторов. На той территории, где предстоит работать, им понадобится много времени, чтобы составить верную картину. Возможно, фатально много. А я хочу попробовать кое-что другое, и знать об этом будем только мы с вами. Нужен человек, который должен повсюду совать свой нос — пусть неофициально, но открыто — и передавать необходимые сообщения прямо мне. Командир военного корабля, назначенный в Ллинотавр в качестве подкрепления, имеет определенный вес, и у губернатора Снелунда не будет веского довода отказаться от встречи. В то же время этот корабль не флагманский, и его шкипер не настолько важная фигура, чтобы вызвать подозрения.

— Но я никогда не командовал кораблем и тем более не был шкипером, сэр!

— Да неужели?

Керасков тактично не заметил замешательства, в которое вверг собеседника своим вопросом. Он продолжил:

— Мы нашли корабль, капитан которого только что был повышен в звании. Согласно записям в судовом журнале это очень дельный старший офицер. Подобное обстоятельство дает возможность сконцентрировать все ваше внимание на истинной задаче. При нормальном течении дел и учитывая ваши способности, вы вполне могли бы получить этот корабль. Мы любим, чтобы у наших агентов была твердая почва под ногами.

«В моем случае эта почва не такая уж и твердая», — молнией пронеслось в голове Фландри. Его охватило страшное возбуждение.

— Возвращайтесь к себе, — сказал Керасков. — Собирайтесь, сдавайте дела. Явитесь к тыловому генералу Ямагучи. Он снабдит вас данными о корабле, окажет любую помощь, которая только потребуется. На все это у вас сорок часов. Затем отправляйтесь на первую марсианскую базу за дипломом полноправного командира. Ваш корабль находится на орбите Марса. Отлет будет внеочередным. До получения сведений о корабле, которыми вы пока не располагаете, делайте вид, что вы давно ими владеете. Если вы поведете себя верно, мы проследим, чтобы ваше временное звание осталось за вами. В противном случае остается надеяться на Господа Бога. Удачи вам, Доминик Фландри!

ГЛАВА 3

Третья остановка «Авскоува» на пути к Ллинотавру была последней. Фландри только теперь понял, почему торопился Керасков.

По прямой даже при глубоком гипердрейфе судну Фландри понадобилась бы немногим более двух недель, чтобы достичь места назначения. Возможно, следовало полагаться на отчеты и встречи, которые ждали его по прибытии. С другой стороны, ему могло больше и не представиться такой возможности, и Снелунд нашел бы способ удержать корабль вдали от своей главной планеты. Последнее казалось маловероятным. Приказы, полученные Фландри, требовали от него широты мысли. Там говорилось,

что необходимо послать отчет в Ллинотавр и явиться к командующему сектором альфа Кручис с максимальной быстротой.

Секретное письмо Кераскова давало возможность покинуть корабль и действовать самостоятельно, но подобный шаг следовало предпринять в крайнем случае. К тому же подобные действия были строго подотчетны. Фландри пошел на компромисс, сделав три остановки в наугад выбранных системах, находящихся в пределах владения Снелунда и отстоящих не слишком далеко от основного курса. Это добавило ему лишних десять дней.

Два мира звездных систем были колонизированы людьми. Обитаемая планета третьего солнца называлась Шалму. Благодаря периодическим контактам с торговцами других звездных систем, шалмуане научились добывать железо и освоили сложную технологию производства энергии. Это позволило им распространить свое влияние в окружающем мире. В отличие от землян, шалмуане не отличались жестокостью и не относились к своим меньшим собратьям как к бездушным существам.

Они с радостью вошли в состав Империи, что давало защиту от варваров — межзвездных разбойников, уже причинивших им много вреда. Шалмуанам создали базу на необитаемой планете в той же системе. На Шалму остался лишь небольшой гарнизон, и астронавты посещали его по пути. Шалмуане охотно принимали к себе на службу представителей других миров. Некоторые прилетали даже из-за пределов солнечной системы. А небольшая группа шалмуан, пройдя обучение на Земле, вернулась домой, обогащенная знаниями. У жителей планеты росла и крепла надежда на то, что со временем они станут полноправными членами Империи.

В ответ на все благодеяния Шалму платила скромные налоги, вид которых зависел от того, чем был богат данный сектор планеты: металлом, горючими материалами, продуктами питания, образцами местных художественных промыслов. Шалмуане подчинялись власти императорского резидента, чье слово являлось законом. Но в обыденной жизни он не мешал развиваться местной культуре. Его гарнизон препятствовал возникновению войн и проявлению бандитизма. И большая часть жителей считала такое положение нормальным. Астронавты, посещающие планету, часто вели себя агрессивно, однако любое зло, причиненное шалмуанину, как правило, каралось.

Короче, Шалму была одной из планет, подпавших под власть Земли. Строго говоря, все они бо́льше приобретали, чем теряли. Имперская монета в основном оборачивалась к ним своей еще не слишком потускневшей стороной.

Вернее, так обстояли дела до последнего времени...

Фландри стоял на холме. За его спиной выстроились пять членов экипажа. Рядом стоял Ч'кассы — премьер Совета клана города Атта. Родная община Ч'касса расположилась на склоне холма — аккуратные, беленькие, напоминающие барабаны домики, в которых жило несколько тысяч поселенцев. Крытые дерном крыши, несмотря на остроконечность форм, одновременно являлись и цветниками, поражающими буйством форм и красок. Дорожки между домами были покрыты жесткой мшистой растительностью, кроме тех мест, где росли фруктовые деревья. Плодами мог пользоваться любой житель, но никто не злоупотреблял этим правом. Пастбища и возделываемые поля занимали раскинувшуюся внизу долину. Другие стороны холма были покрыты лесом.

Если не считать более слабой гравитации, Шалму во многом походила на Землю. Широкие равнины, высокие горы, гребни волн над не знающими усталости морями, сень лесов, неожиданный проблеск крошечных белых цветов меж старых корней, величавость огромного, увенчанного рогами животного, одинокие крики крылатых существ и, наконец, люди. Облик Ч'кассы не намного отличался от облика Фландри, а отсутствие волос, ярко-зеленая кожа, приспособленный для хватания хвост, сто сорок сантиметров роста, экзотика расшитых одежд, жезл, украшенный перьями, — разве все это имеет большое значение при общении?..

Поднялся ветер. На планете, подобной этой, воздух всегда кажется чище, чем в каком-нибудь частном парке богатого землевладельца. Находясь вдали от машин, вдыхая в легкие чистый воздух, люди должны были бы чувствовать себя прекрасно. Но у Фландри вдруг перехватило дыхание, а у одного из его людей начался приступ рвоты.

У подножия холма высился ряд своеобразных крестов с распятыми на них телами. Зловоние от разлагающихся трупов распространялось по окрестностям. Хищные птицы и насекомые создавали вокруг крестов подобие черной завесы на фоне сверкающего летнего неба.

— Вы видите? Вот почему мы повинуемся новому резиденту, — сказал Ч'касса. — Вначале мы сопротивлялись. Тяжелые налоги легли на нас непосильным бременем. Мне говорили, что резидент поступает так по всему миру. Ему якобы нужны огромные средства для борьбы со смертельной опасностью. Что это за опасность, никто не знает. Тем не менее все платят налоги, особенно когда стало известно, что туда, где народ протестует, посылают войска

для подавления бунта. Я не думаю, что на такое был способен старый резидент. Не думаю также, чтобы император, да отдастся его имя вечным эхом во Вселенной, позволил бы подобные вещи, узнай он про них.

«На самом деле Джасипу на все наплевать, — подумал Фландри. — Вполне возможно, что он с удовольствием просматривает кассеты, на которых запечатлены подобные зверства».

Ветер сменил направление и унес трупный запах.

— Мы исправно платили налоги, — сказал Ч'касса. — Это было нелегко, но мы слишком хорошо помним нашествия варваров. Потом нам были предъявлены новые требования. Мы, имеющие пороховые ружья, должны поставлять мужчин для отправки в места, где у людей нет огнестрельного оружия. Там они должны ловить аборигенов для рынка рабов. Я часто спрашиваю себя: зачем Империи с большим количеством машин нужны еще и рабы?

«Рабство... — подумал Фландри. — Мы используем его как наказание за уголовные преступления. Но большого значения оно не имеет. Процент рабов в Империи относительно невелик. Варвары же согласны хорошо платить за умелые руки. А сделки с ними не попадают в имперские отчеты, чтобы компьютеры официальных органов не могли проверить эти данные».

— Продолжайте, — сказал он вслух.

— Совет клана города Атта долго совещался, — сказал Ч'касса. — Мы были испуганы. И все же согласиться на их требования было невозможно. В конце концов мы решили найти повод для какой-нибудь отсрочки, чтобы тем временем наши посланцы отправились на Искойн. Как известно моему господину, там находится имперская база. Посланцы должны были явиться к коменданту и просить его походатайствовать за нас перед резидентом.

Фландри услышал, как за его спиной кто-то пробормотал:

— Ну и дела! Что же это здесь творится?

— Успокойся и попридержи свой язык, — проворчал другой голос. — Не очень выступай, а то старик услышит.

«Это про меня? — удивился Фландри. — Это я — старик?»

— Я думаю, что наших посланцев схватили, — вздохнул Ч'касса. — Как бы то ни было, они так и не вернулись. Но зато прибыл офицер и сказал, что мы должны покориться. Мы отказались. Тогда на нас двинули войска. Арестовали сто человек и распяли на крестах. Остальные должны были стоять и смотреть, пока все несчастные не умрут. Это продолжалось три дня и три ночи. Среди казненных была и одна из моих дочерей. — Он вытянул вперед дрожащую руку. — Возможно, мой господин

сможет ее рассмотреть. Вон то маленькое тельце, одиннадцатое слева. Оно почернело и распухло. Дочь звала меня, молила о помощи. Тогда все кричали, но я слышал только ее голос. Как только я пытался приблизиться к ней, на меня направляли шоковый луч. Я никогда не думал, что увижу ее смерть... Нам приказали не подходить, оставить тела так, как есть, иначе грозили уничтожить всех. Чтобы проверить, послушались мы или нет, над нами долго летал аэрокрафт.

Он опустился в шелестящую сверкающую траву и уткнулся лицом в колени.

— Вот так нас превратили в рабов, — сказал он.

Фландри некоторое время стоял молча. Он был в ярости от того, что власть имущие учинили со своими подданными.

— Где жители вашей деревни? — спросил он наконец, ибо дома выглядели покинутыми и дым не вился из труб.

— Они не смогли жить здесь, по соседству с этими мерзавцами, — ответил Ч'касса. — Они разбили лагерь в другом месте и лишь иногда сюда приходят. А увидев ваш корабль, господин, они убежали. Ведь они не знают, что у вас на уме. — Он поднял голову. — Можно ли их винить? Верните меня к моим людям. За каждого раба, которого мы приведем, нам обещана плата. Она поможет нам рассчитаться с налогами.

— Хорошо. — Фландри повернулся и пошел прочь. — Идемте.

Тихий голос раздался за его спиной:

— Я никогда не слыхал такой чепухи, что преподнесли нам братья по мирозданию, Сэм. Но когда наши подданные боятся нашего же судна...

— Замолчите! — приказал Фландри.

Лодка с шумом поднялась в воздух и помчалась над континентами и океанами. Все молчали. Когда нос лодки нацелился на джунгли, Ч'касса сказал несмело:

— Может быть, вы заступитесь за нас, мой господин?

— Я сделаю все, что смогу.

— Когда император узнает, то пусть не сердится на нас. Мы стали рабами не по своей воле. Мы страдали от лихорадки и умирали от отравленных стрел народа Янгувара. Если нам суждено понести наказание за то, что мы содеяли, пусть оно падет на меня одного, — попросил Ч'касса. — Все это не имеет для меня большого значения после того, как я увидел смерть моей малышки.

— Потерпите немного, — сказал Фландри. — У императора

много людей, которые нуждаются в его помощи. Придет и ваш черед.

Инерционная система навигации точно указала местоположение каравана, но прошло еще два часа, прежде чем Фландри нашел его. Караван пробирался через болото, надеясь избежать нежелательных встреч. Фландри пролетел еще с километр и посадил судно. Выйдя из люка, Ч'касса опустился на колени.

— Прощай, мой господин! — Он прополз немного вперед, а затем поднялся и пошел по направлению к каравану.

— Возвращаемся на корабль, — сказал Фландри.

— Разве капитан не желает нанести визит вежливости резиденту? — с сарказмом спросил пилот. Он только недавно закончил академию. Цвет его лица до сих пор хранил болезненный оттенок.

— На борт, Вилинг, — приказал Фландри. — Как вам известно, наша миссия заключается в сборе информации. У нас мало времени. Мы никому, кроме флота, не сообщали, что будем в Звездном Порту или на Новой Индрее.

Экипаж занял свои места. Руки пилота затанцевали над пультом управления. Лодка взвилась в небо так стремительно, что, если бы не компенсаторы ускорения, всем пришлось бы худо.

— Извините меня, сэр, — процедил сквозь зубы пилот. — Позвольте вопрос. Разве мы не стали свидетелями абсолютно незаконных действий? У шалмуан, как мне кажется, даже нет никакой возможности пожаловаться на их положение. Разве сообщить о том, что мы видели, не наш долг?

Пот блестел у него на лбу, и темные пятна выступили на форме. Фландри оглянулся и увидел, что остальные члены команды, силясь услышать слова, заглушаемые шумом мотора и свистом сжатого воздуха, подались вперед. «Нужно ли мне отвечать? — лихорадочно соображал он. — А если да, то что я могу сказать, чтобы это не повлияло на дисциплину? Я слишком молод для того, чтобы быть авторитетом для них».

Выигрывая время, он принялся раскуривать сигарету. На видеоэкране возникло изображение звезд — лодка выходила в Космос. Вилинг обменялся сигналами с кораблем, переключил приборы на стыковку и посмотрел на капитана.

Фландри выпустил клуб дыма и осторожно сказал:

— Вам не раз говорили, что мы, во-первых, должны собрать факты, а во-вторых, если удастся обойти низших должностных лиц, явиться в расположение командующего на альфа Кручис. Все, о чем мы узнали, будет подробнейшим образом отражено в

рапорте. Если кто-то желает собрать дополнительный материал и подать личные донесения — это его право. Тем не менее должен вас предупредить, что не следует заходить в этом слишком далеко. И вовсе не потому, что непроверенные факты положат под сукно. Хотя, должен признаться, именно так часто и бывает. Наши сведения должны быть достоверны.

Сотня тысяч планет, может, чуть больше или чуть меньше, — он сделал широкий жест рукой, — и каждая со своими миллионами или биллионами населения, со своими особенностями и тайнами, своей географией и цивилизацией, прошлым и настоящим, с взаимоисключающими планами на будущее — словом, каждая со своей собственной неповторимой связью с Империей. Мы не сможем их всех контролировать, не так ли? Мы не можем даже надеяться, что поймем их. Самое большее, на что мы способны, это на поддержание мира.

То, что кажется полезным в одном месте, может принести вред в другом. Одни могут оказаться воинственными и склонными к анархии, другие — миролюбивыми, похожими на муравьев. Я знаю планету, на которой убийство и каннибализм являются необходимыми условиями поддержания жизни общества: высокий фон радиации, видите ли, вызывает высокую скорость обмена, а значит, постоянное чувство голода. Слабый должен быть съеден. Мне известны общества, состоящие из в высшей степени разумных гермафродитов. Среди них встречаются индивидуумы, которые регулярно меняют пол. Все они считают наш способ воспроизводства непристойным. Я мог бы продолжать еще долго, не говоря уж о различиях в самой культуре. Вспомните хотя бы земную историю. Бесчисленное количество миров, неимоверные расстояния, время, необходимое для передачи сообщений... Все это создает непреодолимые препятствия. Для регулярного контроля за жизнедеятельностью всей огромной Империи мы вынуждены давать губернаторам полную свободу действий. Мы вынуждены позволять им выбирать себе помощников, рассчитывая на то, что эти помощники знают местные условия лучше, чем представители Империи. Кроме того, джентльмены, наша главная задача — укреплять союз с дружественными цивилизациями, а не сеять вражду.

Он не получил ответа на свой страстный монолог, да и не ждал его, надеясь на то, что речь его была достаточно убедительна.

В поле зрения появился корабль. Крошечное веретено по сравнению с огромной блестящей планетой, вокруг которой он вращался, быстро увеличивалось и превратилось в стальную гро-

маду, мчавшуюся среди звездных скоплений. Разрушительная сила корабля была не больше, чем у эсминца. Он обладал хорошей скоростью, но слабым вооружением, и команда его едва насчитывала пятьдесят человек. Это был первый корабль, которым командовал Фландри, и сердце чаще забилось у него в груди, когда он вновь его увидел.

Стыковка получилась довольно жесткой. Очевидно, Вилинг не совсем хорошо себя чувствовал. Фландри удержался от комментариев. Когда лодка заняла свою нишу, он отпустил команду и поднялся на мостик...

В пути он провел много часов, читая официальные отчеты и просматривая старые вахтенные журналы. Корабль был старше своего капитана на несколько лет и своим названием обязан обитаемой планете Авекоув, которую мало кому доводилось увидать воочию. Фландри слышал несколько версий о ее местонахождении, и все они противоречили друг другу, так что планета могла находиться не менее чем в четырех мирах. Фландри вспомнил о других судах класса «Континент» с тем же названием. Название — не более чем обычная формальность, когда компьютерам приходится иметь дело с миллионами судов. Это судно входило некогда в состав патрульного отряда, попавшего в какую-то неприятную историю. Потом оно оказалось вовлеченным в пограничный инцидент, и его тогдашний капитан едва не попал под суд, но ему удалось оправдаться. В остальном это было обыкновенное патрульное судно. С учетом этих фактов ждать особого уважения к нему бессмысленно...

Люди расступились, пропуская Фландри. Он вышел на мостик, где уже находился его помощник. Ровиан был несколько ниже ростом, чем человек с Земли. Его тело было покрыто темным бархатистым мехом. Тяжелый хвост, когти на пальцах рук и ног, зубы-пилы представляли собой опасное оружие. Он был превосходным стрелком. Нижняя пара его четырех рук при необходимости могла служить и ногами. В таких случаях его тихая неспешная походка превращалась в стремительную скачку. Он ходил обнаженным, если не считать оружия и эмблем. По своей природе и воспитанию ему никогда бы не стать капитаном, да он и не стремился к этому. Но он был способным и любознательным, и земная цивилизация оказала на него благотворное влияние.

— Как дела? — спросил он вместо приветствия. Клыки служили ему помехой при разговоре на англике. Наедине с Фландри он не беспокоился о формальностях. Обычаи людей забавляли Ровиана.

— Плохо, — ответил ему Фландри и подробно разъяснил ситуацию.

— Почему плохо? — спросил Ровиан. — Если не считать того, что возможно восстание, то совсем не плохо.

— Этическая сторона значения не имеет. Ты бы ее и не понял. Обдумай лучше варианты нашего участия в событиях.

Фландри закурил. Отыскал глазами Шалму. Диск планеты безмятежно плыл в пространстве. Половина ее ярко светилась отраженным светом.

— Почему Снелунд так себя ведет? — задумчиво произнес он. — Подобное положение дел должно было привести к немалым неприятностям. Самая рядовая коррупция дала бы ему больше, чем он способен потратить за всю свою жизнь. У него должна быть далеко идущая цель, достижение которой требует огромных сумм. Но какова она?

Ровиан поправил сенсорную антенну, расположенную на высшей точке головы. Лицо его искривилось, глаза стали желтыми.

— Финансирование мятежа? Может, он надеется стать независимым правителем?

— М-м-м... нет, это не имеет смысла, а он, насколько я понимаю, неглуп. Империя не стала бы терпеть такое положение дел. Его бы тут же уничтожили. Нет, тут кроется что-то еще. — Фландри снова перевел взгляд на своего коллегу. — Займись патрульной аппаратурой. Нужно, чтобы через полчаса она была готова к действию. Следующая остановка на Ллинотавре.

До цели оставалось два летных часа, когда Фландри получил сообщение. В нем говорилось, что адмирал Хуг Мак-Кормак бежал в систему Виргилиан. Там он поднял восстание и провозгласил себя императором, что с радостью было встречено жителями огромного количества планет. Люди, служившие в разное время под началом адмирала, и большинство кораблей объявили о своем подчинении ему. Возникли две армии, а так как их цели и намерения были противоположными, они тут же превратились во враждебные. Гражданская война казалась неизбежной.

ГЛАВА 4

Когда Империя выкупила Ллинотавр у открывших его синтиан, главной ее целью было сделать планету привлекательной для переселенцев. Ллинотавр обладал восхитительным климатом и богатыми природными ресурсами. Штаб-квартира военного командования сектора находилась достаточно близко, чтобы обес-

печить надежную охрану планеты. Даже дикие цивилизации далеко не все были настроены враждебно, так как для них появилась великолепная возможность для торговли с многочисленными племенами, в том числе и с теми, кто не имел еще космических кораблей. Казалось бы, есть все условия для нормальной жизни. Однако число переселенцев с соседних планет, подобных Аэнеасу, было невелико.

И все же Катапрайнис стал достаточно крупным городом: два миллиона населения, если считать только постоянных жителей. Сначала он был административным центром, а позже стал еще и центром связи и торговли. Большая часть увеселительных заведений содержалась негуманоидами. Это были злачные места Катапрайниса. Обжитые районы планеты были лишь островками цивилизации среди лесов, гор, океанов и пустынных равнин.

«Главное преимущество такого положения в том, — подумал Фландри, — что оно не дает превратить планету в очередную выгребную яму». Отчитавшись о прибытии, он облачился в штатское и несколько дней провел инкогнито. Он не просто расспрашивал отдельных граждан, а буквально прочесал весь нижний город.

«Теперь я чувствую себя вполне уверенно», — решил он наконец. Сердце его забилось быстрее, когда он подумал о предстоящей встрече с Аароном Снелундом. Нужно во что бы то ни стало сохранить бесстрастное выражение лица. В этом ему поможет не столько профессиональная выучка, сколько опыт игрока в покер.

Пока лестница поднимала его к весьма впечатляющему портику, он бросил взгляд назад. Губернаторский дворец размещался на высоком холме. Он представлял собой пастельных тонов здание, выполненное в стиле прошлого столетия. Сад и помещения для прислуги уступами спускались к подножию холма. Их сменяли более скромные строения, примыкавшие к полям сельской местности на западе и городским домам на востоке. Коммерческие башни, не очень высокие, громоздились неподалеку от Луан-ривер, за которой виднелись трущобы. Сегодня горизонт был затянут легкой дымкой. Дул холодный ветер, пахнущий весной. По улицам и в воздухе, подобно тучам насекомых, сновали машины. Негромкий шум, которые они создавали, почти не был слышен за шелестом листьев. Трудно поверить, что Катапрайнис стоял на пороге войны, стиснутый когтями страха.

В дверях возникли фигуры двух охранников.

— Ваше имя, сэр, и по какому делу вы сюда прибыли? - спросил один из них.

— Капитан Доминик Фландри, командир корабля «Авекоув». Прибыл по договоренности с его превосходительством.

— Одну минутку, пожалуйста. — Охранник позвонил в секретариат и настроил на посетителя сканер. — Все в порядке. Попрошу сдать оружие, сэр, и... пройти небольшой осмотр.

— Что?! — У Фландри округлились глаза.

— Приказ губернатора, сэр. Не имеющие особого допуска и не прошедшие полного физического индивидуального досмотра не пропускаются с оружием. — Охранник извиняюще улыбнулся. — Вы же понимаете, сэр, когда уж флот изменяет, мы... кому мы можем доверять?

Фландри посмотрел на смущенного охранника, перевел взгляд на его бластер и поднял руки, давая себя обыскать.

Появился слуга. Он поклонился, провел Фландри по коридору к гравилифту, и они поднялись наверх. Роскошь внутренней обстановки была выдержана в самом дурном вкусе: яркие краски, уродливые пропорции, перегруженность в деталях. То же замечание справедливо было и для комнаты, в которую ввели Фландри.

Пол был устлан шкурой, переливающейся черными и золотыми тонами, а стены выглядели так, будто их опоясала радуга. В каждом углу двигались диаскульптуры, а воздух был напоен фимиамом и тихой музыкой. Одну стену полностью занимали изображения придворных. Над губернаторским столом висел портрет Джасипа в три человеческих роста величиной, причем автор картины явно льстил оригиналу.

По бокам кресла, в котором сидел Снелунд, стояли четыре наемника. То были не земляне, а гигантские горауниане, косматые, как звери. Они способны были подолгу сохранять неподвижность.

Фландри отдал честь и застыл в ожидании. В Снелунде не было ничего дьявольского. Он придал себе почти девичью красоту: рыжие как пламя волосы, молочной белизны кожа, пухлые губы, вздернутый нос, слегка косящие фиалковые глаза. Невысокий, уже начинающий полнеть, он сохранил грацию танцора. Его богато украшенный китель, брюки клеш, туфли в форме лепестков и золотое ожерелье вызвали у Фландри зависть.

Когда он поворачивал ручку мемоскрипа, вмонтированного в подлокотник кресла, на его пальцах сверкнули перстни.

— А, капитан, добрый день. — У него был приятный голос. —

Я могу уделить вам не более пятнадцати минут. — Он улыбнулся. — Прошу извинения за подобную краткость и за то, что заставил вас так долго ждать этой встречи. Но вы знаете, какие сейчас тяжелые времена. Если бы адмирал Пикенз не проинформировал меня, что вы прибыли прямо из штаб-квартиры «Интеллидженс», боюсь, вам никогда бы не удалось проникнуть дальше кабинетов моих помощников. — Он усмехнулся. — Иногда мне кажется, что они переходят всякие границы в своем усердии защитить меня.

— Ваше превосходительство! Чтобы не тратить даром время...

— Садитесь, пожалуйста. Я очень рад нашей встрече, ведь вы явились сюда с моей прародины. Мы здесь, знаете ли, даже почту нерегулярно получаем. Как дела на старушке Земле?

— Хорошо, ваше превосходительство. Я провел там всего несколько дней и большую часть их был страшно занят. — Фландри сел. — Это было связано с моим назначением.

— Конечно, конечно, — сказал Снелунд. — Но давайте ближе к делу. — Сердечность сменилась деловитостью. Голос сделался резким. — Вы имеете свежие новости о марсианской ситуации? Несмотря на собственные затруднения, эта проблема нас очень волнует. А нарушение спокойствия здесь, на границе Империи, ослабит ее по всей территории. В случае войны с Марсом мы попадем в тяжелое положение. Эта война спровоцирует варваров. Вот почему мятеж Мак-Кормака должен быть немедленно подавлен, не важно какой ценой.

«Он морочит мне голову», — понял Фландри.

— К сожалению, — сказал он вслух, — из вашего сектора в штаб-квартиру информация приходит нерегулярно, и не мешало бы поискать, где та бездна, в которую она проваливается.

— Хорошо сказано, капитан, — рассмеялся Снелунд. — Мы все изголодались по живости ума. Провинция полна энергии, но лишена воображения, таковы традиции.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — сказал Фландри. — Но мне лучше перейти к сути дела. Прошу прощения, если окажусь несколько многословным. Это необходимо, потому что мое задание не совсем определенно. Мне приказано подготовить рапорт по фактам, которые станут мне известны.

— Продолжайте. — Снелунд лениво откинулся на спинку кресла.

— Как лицо новое в этих краях, — решительно продолжил Фландри, — я должен начать с изучения документов и расспросов большого количества людей. Мои старания добиться встречи

с вами, сэр, будут напрасны, если эта встреча ни к чему не приведет. Я понимаю, вы сейчас очень заняты, но тем не менее ситуация делает наш разговор неизбежным. К счастью, от вас требуется немногое. Вы должны всего лишь отдать приказ.

— Какой же? — Тон Снелунда был ободряющим.

«Он не ждет подвоха — принимает меня за племянника какой-нибудь шишки, которому вся эта комедия нужна лишь для того, чтобы получить следующее повышение», — подумал Фландри и неожиданно произнес: — Я хотел бы переговорить с леди Мак-Кормак.

Снелунд даже привстал в кресле.

— Согласно моей информации, она была арестована вместе с мужем и содержится под вашим личным наблюдением, — продолжал Фландри с простодушной улыбкой. — Я уверен, что ей известно много интересного. Кроме того, у меня зародился план использовать ее в качестве посредницы в переговорах с Мак-Кормаком...

— Никаких переговоров с предателем! — Снелунд ударил кулаком по подлокотнику.

«Как драматично», — подумал Фландри.

— Извините меня, сэр, — сказал он, — но я не собираюсь вести с ним переговоры. Просто... меня удивляет, что до сих пор никто не допросил леди Мак-Кормак...

Снелунд с негодованием прервал его:

— Я догадываюсь, откуда вам это известно. Здешние люди болтливы, как свора грязных старух. Я уже объяснял ситуацию старшему офицеру «Интеллидженс» и готов повторить ее вам. Она, как мне кажется, крайне неуравновешенная особа. Даже более неуравновешенная, чем ее муж. Арест Мак-Кормака вверг ее в совершенно невменяемое состояние. Впрочем, термин «психоз» не будет в данном случае слишком сильным. Движимый простым человеческим чувством, я предпочел поместить ее в отдельную комнату, а не в камеру. Против нее меньше улик, чем против ее мужа. Она живет в том крыле, где размещаются мои личные апартаменты, и потому ей там спокойнее. Когда эти преступники освободили Мак-Кормака, у моих агентов были уже подготовлены материалы для предварительного следствия. Услышав об освобождении адмирала, его жена пыталась покончить с собой. С тех пор врачи вводят ей сильные седативные средства.

Фландри слышал иную версию, хотя все, кто осмеливался говорить об этом, ограничивались лишь намеками.

— Прошу меня извинить, но... — запнулся он, — я надеюсь,

что мои особые полномочия позволят мне заглянуть туда, куда другие не допускаются.

— Ее дважды пытались допросить, командор. Но она ни разу не смогла дать вразумительных показаний.

«Еще бы, когда у тебя есть час-другой времени, не трудно сделать пленнице инъекцию или дать таблетку».

— Понимаю, ваше превосходительство. Ее состояние так и не улучшилось?

— Ухудшилось. По совету врачей я запретил дальнейшие визиты. И вообще, каких показаний можно ожидать от несчастной женщины?

— Возможно, никаких, ваше превосходительство. Тем не менее надеюсь, вы поймете мое желание подготовить полный отчет. А поскольку я скоро отбываю, то возможности поговорить с ней у меня больше не будет. Мне нужно всего несколько минут для свидания.

Снелунд рассердился:

— Вы сомневаетесь в моих словах, командор?

— О нет, ваше превосходительство. Ни в коем случае. Речь идет всего лишь о простой формальности. О том, чтобы спасти мою...э-э... репутацию, так как меня обязательно спросят, почему я не проверил всех обстоятельств. Я могу отправиться туда прямо сейчас, сэр, и пусть ваши врачи находятся рядом.

— Я не могу вам этого позволить.

Фландри посмотрел на него с укором.

— Понимаю ваше положение, — сказал Снелунд, поглаживая подбородок и криво улыбаясь, будто желая смягчить этой улыбкой свою неуступчивость. — Земля находится отсюда так далеко, что наш мир предстает перед ней в виде слов, фотографий, карт... М-м... дайте мне номер, по которому я могу с вами связаться. Я велю своему главному врачу проинформировать вас, когда ее можно будет увидеть. Иногда она бывает более разумна, хотя и в самые лучшие дни речь ее бессвязна. Подойдет ли вам такое решение?

— Ваше превосходительство, вы в высшей степени любезны, — просиял Фландри.

— Не могу обещать, что ее состояние улучшится до вашего отлета, — осторожно добавил Снелунд. — Осталось слишком мало времени. В противном случае вы сможете повидаться с ней по возвращении. Хотя это вряд ли будет иметь смысл после того, как схватят Мак-Кормака, не так ли?

— Формальность, ваше превосходительство, — повторил Фландри.

Губернатор записал необходимые данные, включая и номер, по которому можно будет передать сообщение. Фландри вышел, храня на лице выражение почтительного удовлетворения.

Сев в кэб, он громко приказал ехать в направлении пригородного порта.

— Почему ты здесь находишься? — спросил он капитана Леклерка, члена штаба адмирала Пикенза, к которому явился с полным отчетом. — Штаб-квартира ведь на Ифри?

Леклерк пожал плечами.

— Так захотел губернатор.

— Но ведь он не может...

— Может, Фландри. Губернатор — прямой представитель императора. Поэтому он может использовать власть императора, когда пожелает. Позже это может вовлечь его в конфликт с Землей, но это будет позже. При нынешних обстоятельствах нам лучше подчиниться.

— Но какой в этом смысл? На Ифри специально оборудованный центр управления, а здесь...

— Да, конечно, Ллинотавр не обладает защитой Ифри. При теперешнем положении дел нам поручено охранять его от атак Мак-Кормака. Уничтожение столицы сектора, а еще лучше ее захват дали бы ему возможность держать под своим контролем целый сектор. Теперь же, когда в дело вмешались мы, возможно, он не осмелится напасть. Поэтому мы держим здесь свой гарнизон. — Немного помолчав, он добавил с ухмылкой: — А пока тянется это ожидание, наши люди наслаждаются хорошим отдыхом. Снелунд заботится о том, чтобы поддерживать в Катапрайнисе свою популярность.

— Ты действительно считаешь, что мы должны готовиться к немедленной и всеобщей войне?

— Дело в том, что есть приказ губернатора. Он, конечно, идет вразрез с темпераментом адмирала Пикенза, который, убежден, попытается, насколько это возможно, обойтись мелкими вылазками и малой стрельбой... Это устраивает его куда больше, чем превращение имперских миров в радиоактивные развалины. Но приказ гласит, что мы должны с корнем вырвать эту заразу там, где она дала свои всходы. — Он скривился. — Ну и хитрый же ты человек! Я не должен был говорить тебе об этом. Принимайся-ка лучше за свои дела.

В отеле Фландри уже ждал приказ прибыть через два часа на спутник номер восемь, откуда можно было вызвать лодку для отправки на корабль. Фландри позвонил портье, и ему доставили

багаж. Поскольку тот состоял только из одного уже упакованного саквояжа, он не стал его проверять и сразу пошел в дезактивационную камеру. Оттуда он вышел в гражданской одежде и в плаще с капюшоном. Фландри намеренно изменил походку, а саквояж вывернул подкладкой наружу, так что тот стал другого цвета. У Фландри не было серьезных причин полагать, что за ним следят, но он не пренебрегал безопасностью, когда за нее не надо было дорого платить. Он отправился в кэбе в Нижний город и, не доезжая несколько кварталов, отпустил его и пошел пешком.

Ровиан жил в меблированном доме, населенном главным образом не слишком разборчивыми негуманоидами. Свою каморку он делил с большим, неуклюжим бетентаклидом с труднопроизносимой планеты. От него сильно пахло сероводородом. К его достоинствам можно было отнести незнание марсианского языка и отсутствие любопытства.

Когда вошел Фландри, тот невнятно пробормотал приветствие на англике и вернулся к своим размышлениям.

Ровиан вытянул все свои конечности и звучно зевнул.

— Наконец-то, — проговорил он, — я уже думал, что так и сгнию здесь.

Фландри сел на пол, ибо стульев здесь не было, и закурил сигарету, повинуясь скорее привычке, чем желанию курить.

— Как состояние корабля? — спросил он по-марсиански.

— Удовлетворительно, — ответил Ровиан. — Кое-кто выразил удивление, что помощник уходит, не дожидаясь возвращения капитана. Но я представил дело так, будто отправляюсь за важным снаряжением. За старшего остался Валексма. Пока мы болтаемся на орбите, ничего особенного произойти не может, так что особых комментариев не последовало.

Фландри посмотрел в глаза собеседнику. Его зрачки походили на щели. «Похоже, ты соображаешь куда лучше, чем положено гуманоидам, — подумал он. — Но... нужно же мне на кого-то положиться, а наблюдая за тобой, я пришел к выводу, что ты по крайней мере наименее нечестный из себе подобных».

— Не ворчи. Тебе в этой берлоге не жить, — успокоил его Фландри. — А для соблюдения конспирации это место вполне подходит. Слушай меня внимательно.

Ровиан навострил уши.

Фландри описал встречу с губернатором и закончил так:

— У меня не осталось сомнений, что Снелунд лжет относи-

тельно жены Мак-Кормака. Охрана и слуги шушукаются, слухи ползут за пределы дворца. Сам дворец Снелунд набил себе подобными. Я облазил все окрестности, совал повсюду свой нос, заводил знакомства со свободными от службы людьми и развязывал им языки. Двое-трое из них порядочно напились, прежде чем выболтали мне больше, чем следовало. — Фландри не упомянул, что добавлял кое-что в их напитки.

— Почему не возникли подозрения у служащих «Интеллидженс»?

— О, я думаю, что возникли. Но у них слишком много других дел, и к тому же весьма важных. Они не подумали, что жена адмирала может рассказать что-то важное. И зачем ссориться с губернатором, рискуя своей карьерой ради жены мятежника?

— Что ты собираешься делать?

Фландри подмигнул ему сквозь дым сигареты.

— Видишь ли, — начал он, — я нахожусь на особом положении. Наш корабль действует сам по себе. Я не привязан ни к одной из тех шестеренок, которые должны послушно вращаться во время предстоящей экспедиции флота. И у меня гораздо больше компромата на Аарона Снелунда, чем у всех этих провинциальных офицеров вместе взятых. Я был свободен и имел возможность посидеть и поразмышлять, и пришел к выводу, что с его стороны не логично удерживать Катрин Мак-Кормак у себя лишь для того, чтобы весь двор мог хихикать по этому поводу. В штабе Пикенза, очевидно, есть своя точка зрения на эту проблему. Они вообще могут ничего не предпринять. В конце концов, почему бы мне не подвергнуть ее допросу? Должно же быть хоть что-то ей известно?! Она могла бы оказаться полезной и при переговорах с ее мужем.

— Едва ли, — заметил Ровиан. — Его жизнь — битая карта.

— Угу. Так же думают и мои вечно спешащие коллеги. Вот почему они и открестились от дополнительной проверки. Я не прорицатель, но уверен, что она могла бы вынудить Мак-Кормака сдаться. Готов согласиться с тем, что лишь такой безнравственный тип, как я, может обдумывать подобные варианты. Главное в том, что мы не должны ее потерять. Она — наш шанс. Но Снелунд держит ее взаперти, сочиняя небылицы о болезни. Почему? Зачем ему идти на действия, которые оборачиваются против него же? Его сектор рвут на части. Почему он не хочет уступить в таком незначительном вопросе?

— Не могу сказать. — Голос Ровиана был полон безразличия.

— Уверен, она знает нечто такое, что Снелунд предпочитает скрывать. Хотел бы я знать что, — сказал Фландри. — Есть подозрения, что Снелунд может оказаться недобросовестным губернатором. Но пока он лоялен, а Мак-Кормак уже враг. Однако это только предположения.

— Не следует ли тебе тогда воспользоваться своими полномочиями и потребовать ее выдачи?

— Ха! Пять минут ожидания у ворот — и я получу не человека, а его тело. Или же десять минут искаженной гипнопробы — и перед нами безмятежная идиотка. Пока мои шаги были чрезвычайно осторожными. Впрочем, я не жду вызова до ухода флота.

— А после возвращения?

— Она вполне может исчезнуть во время кампании.

Тело Ровиана напряглось. Скамья, на которой он полусидел, издала жалобный скрип.

— Ты говоришь мне это все с определенной целью, капитан? — спросил он.

Фландри кивнул.

— И как это ты догадался? Думаю, мы сможем ее освободить, если точно рассчитаем время. Ты будешь ждать в городе с теми членами экипажа, которых выберешь сам. И с воздушным каром под рукой. Примерно за час до того, как наша армада должна будет выступить, я представлю губернатору свои секретные полномочия. Затем отвлеку от вас его внимание. Пусть Снелунд больше думает о флоте, а не о дворце. Ты приведешь свой отряд, предъявишь ордер, который я тебе выдам, и заберешь Катрин Мак-Кормак, прежде чем кто-либо сможет добраться до губернатора и сообщить ему об этом. В случае необходимости можешь стрелять. Любой, кто попытается тебя остановить, вступает тем самым в конфликт с Империей. Но я сомневаюсь, что такая необходимость возникнет, если ты будешь действовать быстро. Лодка будет ждать неподалеку. Ты и твои парни доставите на ней леди Мак-Кормак прямо на орбиту, состыкуетесь с «Авекоувом», и мы покинем эту систему.

— Рискованная операция, — заметил Ровиан. — И все это ради такой призрачной цели!

— Ничего другого я придумать не могу, — ответил Фландри. — Основным действующим лицом операции предстоит

быть тебе, так что можешь отказаться, если считаешь меня дураком.

Ровиан облизнул зубы-пилы и махнул хвостом.

— Я не отказываюсь, мой капитан, — сказал он. — Мы братья по присяге. Но мне кажется, что ты мог бы быть со мной откровеннее. Я уверен, что в основе твоего плана лежит нечто более элегантное.

ГЛАВА 5

Корабль за кораблем адмирала Пикенза выходили на орбиту. Когда солнце над Ллинотавром достигло своей высшей точки, суда построились и вошли в гипердрейф. Сгустки неосязаемой энергии закружились в космосе. Корабли избрали своей целью звезду, называемую Вергилием, чтобы отыскать там человека, который провозгласил себя императором.

Их было немного — часть кораблей еще раньше отправили на помощь силам, противостоящим Марсу, и это порядочно ослабило флот сектора. Кроме того, некоторые остались охранять Ллинотавр. Было установлено, что сторонники Мак-Кормака располагают примерно тремя четвертями тех сил, которые имел в своем распоряжении адмирал Пикенз. Управляемые водородные бомбы и плазменные лучи, имеющиеся в распоряжении Пикенза, не имеют столь большого значения, как это принято считать. Простая защита от проникающей радиации может надежно оградить корабль.

Памятуя об этом, адмирал продвигался осторожно, защищенный эскортом кораблей-разведчиков. Самые быстроходные из них могли бы покрыть это расстояние за полтора дня, самые медленные — вдвое дольше, но Пикенз рассчитывал на целых пять дней. Ему очень не хотелось попасть в ловушку.

А на мостике «Авекоува» Доминик Фландри, склонившись над пультом управления, командовал:

— Двадцать градусов к северу. Четыре градуса по часовой стрелке, три тысячи километров отрицательных. Когда скорость установится, развить квазиускорение и выровнять корабль.

— Вас понял. — Пилот повторил команду и запрограммировал компьютер, руководивший гипердрейфом.

Фландри сосредоточил внимание на приборах, которые давали массу информации. Затем спросил:

— Сможете удержать этот курс, Ровиан?

Его волновало сейчас только одно — удержать корабль под прикрытием эскадры, чтобы создаваемая им волна была подавлена множеством других, давая таким образом ему шанс уйти от преследования. Ровиан изучил показания приборов, затем ответил:

— Смогу, сэр. — Голос его был серьезен и торжествен.

Фландри включил главный интерком.

— Внимание всем! — произнес он. — Капитан обращается к офицерам и команде. Вам известно, что наш корабль выполняет специальное задание. Оно крайне важно и в высшей степени конфиденциально. Для успешного выполнения его мы должны соблюдать полную коммуникационную тишину. Ни одно сообщение не должно быть кем-либо принято, кроме меня и моего помощника Ровиана. Ни одно не может быть послано без моего на то разрешения. В условиях, когда предательство проникло даже во флот его величества, ни на минуту нельзя расслабляться.

«Вот так тирада у меня получилась!» — внутренне усмехнулся он и добавил вслух:

— Офицер связи работает под моим контролем. Приступайте к исполнению своих обязанностей.

Он выключил интерком и скользнул взглядом по видеоэкрану. Никаких космических кораблей не было видно. Они затерялись где-то в бесконечности, и обнаружить их можно было только с помощью приборов и специальных вычислений. Звездам не было дела до его забот. Они — бессмертны. А впрочем, конец есть у всех и у всего. И у звезд тоже.

— Цепь внешнего коммуникатора готова, сэр, — доложил Ровиан. Он надел наушники приемника. — Любой сигнал извне должен теперь поступать непосредственно сюда.

— Я отлучусь ненадолго. — Фландри встал. — Допрошу пленницу. Когда придет время менять направление, немедленно доложите и действуйте, не дожидаясь меня. — А по внутренней связи, только для Ровиана, он добавил: — Следи за переговорами по контрольному аппарату. Снелунд зарычит, когда узнает, что произошло. Когда мы выйдем из гиперпространства, он несомненно пошлет за нами погоню. В любом случае он потребует нашего возвращения, и Пикенз вполне может уступить ему. Тогда возникнет весьма опасная ситуация. Если почувствуем, что речь идет о возвращении, резко меняем курс и убираемся ко всем чертям. Я не присягал Пикензу и имею полное право ему не подчиняться.

— Понял, — ответил Ровиан.

Но такой вариант был известен только им двоим. Возможно, те, кто участвовал в похищении жены Мак-Кормака, догадывались о происходящем, но сейчас это не имело никакого значения. Они — бывалые ребята и умеют держать язык за зубами. После того, что им удалось увидеть, любая возможность насолить Снелунду должна радовать их.

Фландри спустился по трапу и пошел по гудящему коридору к своей каюте. Звонка на двери не было, и он постучал.

— Кто там? — Вопрос был задан чуть хрипловатым голосом с легким певучим акцентом. Сколько в нем было усталости!

— Капитан, моя госпожа. Могу ли я войти?

— Не смею вам возражать.

Фландри вошел и закрыл за собой дверь. Места в его каюте было как раз столько, чтобы разместить койку, стол, стул, шкаф и несколько полок. Потолок едва не касался его головы. Штора скрывала раковину, туалет и душевую кабину. Как-то украсить каюту личными вещами почти не было возможности. Шум от вибрации, запах масла и перегретого металла наполняли воздух.

Раньше ему никогда не приходилось видеть Катрин Мак-Кормак, и теперь, оказавшись с ней рядом, он немного волновался. Позднее, вспоминая эту встречу, он сожалел, что не поклонился ей.

Фландри знал, что Катрин Мак-Кормак на пять лет старше его. Она не отвечала земному эталону красоты. Была высокой, широкоплечей, крепкого телосложения женщиной. Черты ее лица были довольно крупными: высокие скулы, широко расставленные зеленые, с золотистыми искорками глаза, густые черные брови, прямой крупный нос, большой красивый рот, сильный подбородок. Цвет лица оставался смуглым даже после долгого заключения. Густая челка закрывала лоб. Волнистые, цвета меда с примесью золота и меди волосы ниспадали на плечи. На ней был короткий перламутровый халат и сандалии — одежда, в которой ее забрали из дворца. «Чем-то она похожа на мою мать», — подумал Фландри.

— Добро пожаловать на наш корабль, моя госпожа. — К нему наконец вернулся дар речи. — Позвольте представиться — Доминик Фландри. Я всецело к вашим услугам, — закончил он и протянул руку.

Она никак не отреагировала на этот жест и не встала со стула. Он отметил темные круги под глазами, впалость щек, легкую сеть морщин.

— Добрый день, командор, — ответила она голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций.

Фландри присел на койку.

— Что я могу вам предложить? — спросил он. — В нашем ассортименте обычный набор напитков. Не желаете ли поесть?

— Мне ничего не нужно.

Он посмотрел на нее. «Прекрати, сын мой, — приказал он себе. — Она красива и... и у тебя уже зашевелились мыслишки о возможности... И это после того, что она перенесла? Забудь об этом. Побереги эту подлость для другого раза».

— Вы не хотите воспользоваться гостеприимством того, кто связан с Империей, не так ли? Прошу вас, будьте благоразумны, моя госпожа. Для того чтобы выжить, вам придется принимать пищу. Вы уже делали это в доме Снелунда. Мои намерения совсем не обязательно противоположны вашим. Я доставил вас сюда, причем с немалым риском для себя, чтобы мы могли обсудить кое-какие проблемы.

Она повернула голову. Их взгляды встретились. Через несколько минут, показавшихся ему вечностью, он понял, что напряжение покинуло ее.

— Спасибо, командор, — проговорила она. Ее верхняя губа дрогнула. — По правде говоря, кофе и сандвич были бы весьма кстати.

Фландри тут же отдал распоряжение по интеркому. Она отказалась от предложенной сигареты, но не стала возражать, чтобы закурил он. Фландри сделал несколько затяжек, прежде чем наконец приступил к делу.

— К сожалению, наш корабль оставляет желать лучшего в смысле комфорта. Вы, конечно, останетесь в моей каюте, а я переберусь к помощнику. Он вполне может обойтись матрацем на полу. Но мне придется оставить здесь одежду и прочие вещи. Ни стюард, ни я не будем часто беспокоить вас. Питаться можете здесь или в общей каюте, как пожелаете. Я прослежу за тем, чтобы вы получили подходящий комбинезон или что там у нас еще есть из одежды. Прошу меня простить, но я не подумал о том, чтобы прихватить женскую одежду. Ящик для хранения белья я вам освобожу. Кстати! — Он встал и выдвинул один из ящиков письменного стола. — Его я оставлю незапертым. Включая и этот сувенир. — Фландри достал марсианский боевой нож. — Знаете, как пользоваться этой безделушкой? Он, конечно, бесполезен против пули или бластера, но в некоторых ситуациях может быть очень кстати. — Фландри снова встретился с ней взглядом. — Будьте с ним

осторожнее, моя госпожа, — тихо проговорил он. — На моем корабле вам бояться нечего. Но положение может измениться. Мне противна мысль, что вам придется когда-либо воспользоваться моим сувениром. Я низко поклонюсь Вселенной, если такой необходимости не будет.

Катрин была явно взволнованна. Рука, протянутая за ножом, дрожала. Было видно, что она с трудом заставляет себя не расплакаться.

Фландри отвернулся, делая вид, что рассматривает книгу, которую захватил с собой. Принесли еду. Когда он закрыл дверь за посыльным, Катрин Мак-Кормак уже полностью овладела собой.

— Вы — страйдер, сэр, — сказала она.

Он удивленно поднял брови.

— Это означает — сильный, добрый человек... джентльмен.

— Возможно, «джентльмен» слишком сильно сказано, — смутился он и снова сел на койку. Их колени коснулись друг друга.

— За едой никаких проблем не обсуждаем. Отвратительная привычка. — Она замолчала.

— Вы любите музыку? — спросил он любезно. — У меня плебейские вкусы, но я самым подробным образом выведал, что считается высоким искусством. — Он включил селектор. — Миленькая ночная серенада.

— Прекрасно, — сказала она, закончив есть. — Земная?

— Докосмической эры. Антиквариат во внутренней Империи ожил во всех сферах. От фехтования — это такой вид спорта с использованием шпаг — до танцев. Тоска по ушедшим векам. Они представляются мне более красочными и менее жестокими, чем были на самом деле. По крайней мере так мне кажется. Ведь все, что у них было плохого, надежно захоронено бездной прошедших веков.

— А теперь нам очень хочется похоронить свои проблемы. — Она допила содержимое чашки и опустила ее на пустую тарелку. — Если только они сами не похоронят нас раньше. Давайте поговорим, Доминик Фландри.

— Если вы чувствуете себя готовой к разговору. — Он закурил сигарету.

— Да, вполне. Времени мало. Вам предстоит решить, что со мной делать. — Она подняла голову. — Я чувствую себя отдохнувшей. Скорбь вынуждает меня к действию, а не к унынию.

— Прекрасно, моя госпожа. Жаль, что у меня нет такого легкого акцента.

— Почему вы меня спасли? — спросила она.

Он внимательно изучал кончик сигареты.

— Спасение — это не совсем точное слово, — ответил он.

И вновь кровь отхлынула от ее лица.

— Уйти от Аарона Снелунда — спасение в любом случае, — прошептала она.

— Было плохо?

— Я готова была убить себя, но случай не представился. Поэтому старалась сохранить свой разум, чтобы найти способ убить Снелунда. — Она с силой сжала пальцы и продолжала их сжимать, пока не поняла, что делает. — Привычка Хуга, — пробормотала она и разняла руки.

— У вас будет возможность отомстить. — Фландри выпрямился. — Слушайте, моя госпожа. Я полевой агент «Интеллидженс». Мне было дано задание расследовать положение дел в секторе альфа Кручис, и вы могли бы помочь в этом, так как знаете больше, чем кто-либо. Вот почему вы здесь. Теперь так. Я не буду официально регистрировать ваши показания и не стану применять гипноз, чтобы узнать от вас то, что вы хотите скрыть. Но если вы мне солжете, то это будет хуже, чем если бы вы молчали. Хуже для нас обоих, учитывая, что я хочу вам помочь.

Самообладание лишь на мгновение покинуло ее. Эта женщина была особой породы.

— Я не стану играть, — пообещала она. — Что же касается того, насколько я буду откровенна... Это зависит от обстоятельств. Правда ли, что мой муж возглавил восстание?

— Да. Мы находимся в хвосте флота, задача которого — захват повстанцев и планет, которые их поддерживают... в число которых входит и ваша родная планета.

— И вы — вы тоже с Империей?

— Я офицер земной Империи.

— Значит, это правда, что Хуг поднял мятеж? Но он никогда не желал никому зла. Если бы вы знали все обстоятельства, вы и сами бы...

— Не рассчитывайте на это, моя госпожа. Но я готов выслушать все, что вы пожелаете мне сообщить.

Она покорно кивнула головой.

— Я расскажу все, о чем знаю. Потом, когда присутствие духа вернется ко мне, вы сможете задавать вопросы по своему усмотрению, чтобы увериться в моей искренности. Я думаю, что могу доверять вам и вы не используете полученную информацию во вред мне.

— Вы вполне можете мне доверять.

Несмотря на ее внешнюю апатию, Фландри чувствовал, как она напряжена. «Клянусь всеми святыми, я на верном пути!» — подумал он.

Тщательно подбирая слова, она говорила монотонно, но без колебаний. Лицо ее было неподвижно, как маска.

— Х у г никогда не планировал предательства. Иначе я бы узнала об этом. Он провел меня через все секретные отделы, чтобы мы с ним могли беседовать о его работе. Иногда я сама подавала ему идеи. Мы оба с ума сходили от того, что выделывала банда Снелунда. Поначалу цивилизованные миры, наподобие Аэнеаса, страдали только от дополнительных налогов. Потом мало-помалу начались штрафы, конфискации, политические аресты... все больше и больше... а потом аппарат тайной полиции был узаконен. Но все это ничто по сравнению с тем, что творилось на менее важных планетах. У нас была связь, и мы неизбежно должны были посылать сообщения на Землю, несмотря на то, что Снелунд — любимчик императора. Бедняги аборигены... Хуг начал борьбу. Для начала он получил выговор за то, что вмешивался в гражданские дела. Но обвинения его были настолько серьезны, что начали постепенно просачиваться через толщу бюрократического аппарата. Он стал получать запросы из Адмиралтейства о более точной информации. Связь поддерживалась по каналам флота. Мы не могли больше доверять обычной связи. Мы провели этот год, собирая факты. Показания, фотографии, выписки из бухгалтерских книг — все, что могло бы послужить доказательством и от чего никто уже не смог бы отмахнуться. Мы собирались сами доставить эти данные на Землю.

Снелунд почуял опасность. Мы принимали меры предосторожности, но в вопросах секретности были дилетантами, а вы даже представить себе не можете, как ужасны и длинны щупальца тайной полиции. Никогда не знаешь, можно ли говорить открыто... Хуга вызвали к губернатору для обсуждения проекта укрепления границ. У пограничных миров действительно возникли большие затруднения, а Хуг не из тех, кто может бросить на произвол судьбы нуждающихся в помощи. Я подозревала, что это ловушка, но не смогла убедить в этом мужа. В те последние дни мы все время держались вместе. Я заручилась поддержкой старшего адъютанта Хуга, одного из старейших друзей моей семьи, капитана Олифанта. В случае предательства он должен был поднять тревогу.

Мы остановились во дворце, как и положено гостям высокого

ранга. На вторую ночь, когда уже собирались ложиться спать, нас арестовали. Меня отвели в личные апартаменты Снелунда. То, что произошло потом, не имеет сейчас значения. Через некоторое время я стала замечать, что он склонен к переоценке своих достоинств. Ему нравилось видеть мои страдания, и я решила сыграть на этом: показывать, что страдаю, когда это было выгодно. И все же я не думала, что он пойдет на то, чем постоянно грозил. Он мне сказал, что если я и выйду отсюда, то только лишившись разума. Надежда... только надежда помогла мне все выдержать. — Она замолчала. Глаза ее были устремлены вдаль. Казалось, она вовсе не видит Фландри.

— Уверен, что место губернатора не было пределом мечтаний Снелунда, — осторожно сказал Фландри. — Каковы же его истинные планы?

— Приблизиться к трону. И стать тенью императора, управляя всеми его действиями.

— Гм. Его величеству известно об этом?

— Снелунд заявлял, что они обо всем договорились еще до его отъезда сюда и с тех пор постоянно поддерживали связь.

Сигарета в руках Фландри догорела до самого основания и обожгла пальцы. Он бросил ее и закурил новую.

— Мне кажется, что у нашего повелителя Джасипа нет даже трех мозговых клеточек, способных думать, — пробормотал он. — Может быть, и есть пара, но и они неполноценны. Но этот ловкач Снелунд заставляет Джасипа чувствовать себя страшно умным. Очевидно, это — лишь часть чудовищного плана.

Звук его голоса вернул Катрин к действительности.

— Что вы сказали?

— Если вы донесете — меня осудят «за оскорбление его величества», — продолжал Фландри. — Но я почему-то сомневаюсь, что вы способны на это.

— Вы правы. Ведь мы... — Она смутилась.

«Ведь мы... что? Союзники? Кажется, у нее создалось именно такое впечатление, если она решила, что я смогу присоединиться к романтическому восстанию Мак-Кормака. Что ж, пусть так и будет. Это сделает ее еще более откровенной и пойдет на пользу нам обоим», — так размышлял Фландри, но вслух сказал:

— Я кое-что понял. Император хочет вернуть дорогого Аарона. Дорогой Аарон объясняет ему, что это требует необыкновенно крупных сумм, которые надлежит взять из сектора альфа Кручис. Заручившись поддержкой императора, он дает взятки, подкупает

выборы, ведет пропаганду, содержит наемных убийц... Большая часть полицейского аппарата на его стороне. Преступные действия Снелунда замалчиваются. Следствие по ним затягивается. Я сам начал подозревать неладное исходя лишь из своей информации. — Он нахмурился. — Но подобные скандальные факты нельзя скрывать вечно. Многие покоряются Снелунду ради достижения высокого положения, пока не поймут, к чему он клонит. Тогда они принимают меры хотя бы для собственной безопасности. Снелунд не глуп, и это только усугубляет положение. Может быть, ни один крупный гражданский или военный чиновник и не сможет свалить его, но целый рой мелких гражданских и военных должностных лиц — это неодолимая сила. Должно быть, у него есть план, как справиться и с ними. А вот что он задумал, пока неизвестно.

— Он хочет развязать гражданскую войну, — ответила Катрин.

— Что?! — Фландри выронил сигарету.

— Довести население до такого состояния, чтобы вызвать восстание, — хрипло сказала она, — и подавить его так, чтобы у них не осталось улик о прошлых его преступлениях. Он предпочел бы, чтобы ваш флот не смог быстро подавить восстание Хуга. Продолжительная кампания с налетами на планеты вызовет хаос, который ему и нужен. Но предположим, Пикенз сможет разбить Хуга немедленно, в чем я сомневаюсь. За этой победой все равно последовал бы период «усмирения», заниматься которым должны были бы наемники Снелунда, а уж они-то получили бы полные инструкции, что и как делать. Затем он распустит их, и они бесследно исчезнут в огромной Империи.

Она вздохнула и продолжила:

— Он понимает, что ему не удастся упрятать все концы в воду, но не считает их слишком важными и рассчитывает лично обрубить большинство из них.

— Риск серьезный, — пробормотал Фландри, — но каков приз!

— Марсианский кризис явился большой удачей для Снелунда, — продолжила она. — Все внимание переместилось совсем в другую сторону, и большая часть местного флота ушла. Ему нужно было убрать Хуга с дороги, так как Хуг чрезвычайно опасен для него. Кроме того, Снелунд надеялся спровоцировать его арестом восстание на Аэнеасе. Для нашего сектора Хуг — фигура гораздо большая, чем просто командующий флотом. Он был верховным членом Ллиона, что делало его вторым челове-

ком на планете после резидента. По закону наш кабинет имел право называть Хуга лишь экспертом-советником, но на самом деле он являлся реальным руководителем сектора. Именно он возглавил сопротивление Снелунду. А следуя традициям, Аэнеас задает тон всем здешним людским поселениям и многим колониям негуманоидов. — Ноздри ее дрогнули. — Снелунд всегда боялся Хуга.

— Сомневаюсь, что Империя позволит восставшим победить, — сказал Фландри, — какие бы благородные цели они ни преследовали.

— Но ведь правда станет известна, — запротестовала Катрин.

— В лучшем случае ваши показания приобщат к делу, — сказал он. — Вам пришлось пережить трудное время. Бесконечные приемы наркотиков и воздействие на мозговые центры, не говоря уже об остальном. Я прав? — Он увидел, как она прикусила нижнюю губу. — Мне жаль, что приходится напоминать об этом, но еще меньше мне хотелось оставлять вас в заблуждении. Тот факт, что вы слышали размышления губернатора о своих планах, еще ничего не доказывает. Потрясение, паранойя... создание фальшивых воспоминаний, да мало ли способов. Любой ловкий адвокат, любой подкупленный психиатр может разбить ваши свидетельские показания в пух и прах. Вы можете потерпеть поражение уже на предварительном следствии.

Она посмотрела на него так, как будто он ее ударил.

— Неужели вы мне не верите?

— Я хочу вам верить. И среди прочих причин еще и потому, что ваши свидетельства указывают направление поиска фактов, от которых не удастся так просто отмахнуться. Я пошлю капсулы с закодированными сообщениями. Для верности отправлю их разным адресатам.

— А сами домой не вернетесь?

— Нет. Нужно собрать весомые доказательства. Моему сообщению, конечно, поверят скорее, чем вашим показаниям, однако бездоказательная информация не многого стоит. — Фландри помолчал. Ему хотелось облечь свои мысли в такую словесную форму, чтобы она ему поверила. — Речь идет об очень важной персоне, к тому же любимчике императора. И... Снелунд... все верно рассчитал. После боевых действий никаких улик на планете не останется. Думаю, что следующим пунктом назначения для нашего корабля будет Аэнеас.

— Аэнеас?!

— Да. Мы попытаемся вступить в переговоры с вашим мужем, моя госпожа. Надеюсь, вы сможет склонить его к сотрудничеству. Тогда можно будет начать легальное преследование Аарона Снелунда.

ГЛАВА 6

Аэнеас — четвертая планета системы звезд класса Ф7. Поверхность ее покрыта обширными пустынями, а от морей и океанов остались жалкие крохи.

Первоначальной причиной колонизации планеты было изучение уникальной цивилизации, существующей в условиях, далеких от комфортных в человеческом понимании.

Тем не менее со временем на планете возникло довольно крупное поселение людей, которым в течение длительного исторического периода приходилось в полном смысле этого слова вести борьбу за выживание, полагаясь при этом только на свои силы. В результате сформировалось общество, члены которого отличались мужеством и повышенным чувством патриотизма. К моменту, когда цивилизация утвердилась в секторе альфа Кручис, Аэнеас прочно занимал роль безусловного лидера.

Среди аэнеасцев особенно крепки были военные традиции. Каждый аэнеасец, включая женщин, умел владеть оружием. Жизнь высших слоев аэнеасского общества подчинялась строгим правилам. Представители же низших сословий вели свободный образ жизни, чем выгодно отличались от аналогичных слоев общества на Земле.

Заходящее солнце освещало древнее морское дно Антонины, превращая рощи и плантации в скопление зеленовато-желтых пятен. Золотые лучи его пылающим огнем пронизывали клубящийся над соляными копями туман. Древний континентальный уступ Ллиона вздымался к величественному голубому небу. Внешняя луна Ливиния казалась холодным маленьким рогом, венчающим громаду скал континентального уступа Ллиона.

Шум ветра смешивался с мягким рокотом водопада и стуком копыт. Вдоль крутого обрыва скакали на косматых, мускулистых лошадях четверо всадников. Мак-Кормак и три его сына по официальной версии отправились охотиться на волков. На самом деле истинной причиной этой прогулки было желание Мак-

Кормака побыть наедине со своими сыновьями. Другого такого случая могло уже и не представиться.

В поле зрения показался валх. Крылья его тяжело рассекали воздух. Джон Мак-Кормак поднял ружье. Отец оглянулся на него:

— Не надо. Пусть живет.

— Смерть побережем для врагов, так? — спросил Боб. В свои шестнадцать лет он был переполнен открытием, что Вселенная не так уже проста, как учили в школе.

«С возрастом это пройдет. Он хороший мальчик, — подумал Мак-Кормак. — Они все хорошие, так же как и их сестры. Да и какими еще они могут быть, если их родила Рамона».

— Я терпеть не могу бессмысленных убийств, — сказал он. — Война — другое дело.

— Ну, не знаю, — вставил Колин. Он был самым старшим. Поскольку ему предстояло быть следующим Первым, его, по семейной традиции, не отдали на службу. Хуг Мак-Кормак стал Первым после того, как его бездетный старший брат попал в песчаную бурю и пропал без вести. — Тебя здесь не было, отец, когда поднялось восстание, а я видел, как толпа простых граждан выволакивала на улицу служащих политической полиции Снелунда и избивала их до смерти. И это казалось справедливым. Мне и сейчас так кажется, когда я вспоминаю, что они тут вытворяли.

— И сам Снелунд, попадись он мне, живо отправится на тот свет, — мрачно вставил Джон.

— Нет, — отрезал Мак-Кормак, — ты не унизишься до его методов. Снелунда уничтожат как бешеную собаку, а его сообщников будут судить. Есть предел человеческой низости.

— Найти их будет не легче, чем иголку в стоге сена, — сказал Боб.

Мак-Кормак подумал о бесчисленном количестве миров, входящих в Империю, и сказал:

— Возможно, большинству и удастся скрыться. Ну и что с того? У нас есть дела поважнее, чем простое мщение.

Некоторое время они скакали молча. Тропа пересекла плато, похожее на степь, и перешла в мощеную дорогу, которая вела к Виндхому.

Колин пришпорил лошадь. Его юное, с резкими чертами лицо хранило печальное выражение.

— Отец... — начал он и замолчал.

— Продолжай, — ободрил его Мак-Кормак.

— Отец... ты думаешь... ты считаешь, что мы можем победить?

— Я не знаю, — ответил Мак-Кормак. — Мы поступим как мужчины, вот и все.

— Но... провозглашать себя императором...

Мак-Кормак с новой силой ощутил, как мало шансов у него быть понятым своими близкими. С тех пор как спасители доставили его домой, у него не было ни минуты свободного времени — слишком много дел требовало его внимания. Этот день он буквально украл.

— Не думай, пожалуйста, что мне это очень нужно. Ты не жил на Земле. А я жил. И мне там не понравилось. Я нигде не буду чувствовать себя более свободным и счастливым, чем на Аэнеасе.

«Имперская традиция, — пронеслось у него в голове, — тасовать людей как колоду карт. Перебрасывать их из сектора в сектор и возвращать в конце концов на родину. Простой расчет. Свою планету они будут защищать упорнее, чем чужую. А что из этого получается? В случае восстания интересы Земли для них будут значить неизмеримо меньше интересов своей родины. Так вот вопрос: если я одержу победу, что мне делать дальше?»

— Но тогда зачем все это? — спросил Колин.

— А что же мне еще делать? — вопросом на вопрос ответил адмирал.

— Добиваться освобождения...

— Империя не настолько ослабла, чтобы позволить расчленить себя на части. А если бы и позволила, то я бы не стал этому способствовать. Разве ты не понимаешь, что единство — это то, что отличает нашу цивилизацию от диких миров? Что же касается вооруженного протеста, то он мог бы стимулировать изменения в политике, но Империя не простит лидеров восстания. Это обстоятельство и вынуждает нас идти до конца. Кроме того, я еще надеюсь спасти Катрин, если на это еще можно надеяться.

— Итак, твой план — сохранить Империю, но подчинить ее своему контролю, — быстро проговорил Колин. Его желание отвлечь мысли отца от мачехи было столь очевидным, что у адмирала сжалось сердце. — Я с тобой. Тебе ведь это известно. Я совершено искренне считаю, что ты будешь лучшим императором со времен Иоаму Великого, а может быть, со времен самого Мануэля... Ради тебя я готов поклясться женой и сыном...

Мак-Кормак сказал:

— Революции нужен вождь, и выбор пал на меня. Обойдемся без ложной скромности. Я контролирую большую часть этого сектора и могу доказать на деле, что являюсь лучшим стратегом имперского флота. Мои подданные знают, что я принимаю близко к сердцу их проблемы и всегда стараюсь быть честным. Таким меня хорошо знают на сотнях планет, населенных негуманоидами и гуманоидами. Было бы странно, если бы я этого не учитывал в своих планах.

— Но... на что же ты рассчитываешь?.. — Голос Колина прерывался.

Лунный свет играл на металлических пластинах его куртки.

— Мы установим контроль над нашим сектором, — ответил ему Мак-Кормак. — В основном это будет зависеть от того, удастся ли нам взять верх над силами Пикенза. А если удастся, то любые, сколь угодно значимые планеты в радиусе десяти парсеков встанут на нашу сторону. Ну а потом... Мне самому не нравится эта мысль, но думаю, придется искать союза с варварами. Я говорю не о тех дартианских королях, поддержкой которых мне уже удалось заручиться. Нет, речь идет о настоящих диких воинах, живущих далеко за пределами Империи. Не беспокойся, я не позволю им здесь вольничать и не разрешу остаться навсегда, как бы они ни клялись в верности. Я отвожу им роль наемных вооруженных сил. Весь имперский флот никогда не сможет выступить против нас. У него слишком много других обязанностей. Если мы сработаем быстро, то отразим любое нападение. А что будет дальше... этого я предсказать не могу. Надеюсь, что мы сможем создать хорошо управляемый регион. Это обеспечит нам авторитет. К нашему требованию покончить с коррупцией и тиранией, начать давно назревшие реформы должны будут прислушаться. Вся мощь Империи не сможет нас остановить, потому что большинство планет будет на нашей стороне.

Они обогнули рощу и выехали к замку. Виндхом стоял на высоком холме. Рядом с ним текла порожистая река Дикий Поток.

Копыта лошадей застучали по мощеному двору. Грум поймал у спрыгнувшего Мак-Кормака поводья. Повсюду была стража. Навстречу прибывшим торопливо шел Эдгар Олифант. Мак-Кормак как император присвоил ему чин адмирала, но Олифант еще не успел сменить капитанские звездочки на погонах, добавив лишь повязку на рукав кителя, тесно облегавшего его плотную фигуру.

— Со счастливым возвращением, сэр! — воскликнул он. — Я уже собрался послать отряд на поиски.

Мак-Кормак рассмеялся.

— Клянусь Бесконечностью! Неужели вы думали, что мы с мальчиками можем заблудиться на этой древней земле?

— Нет, сэр. Но простите, это по крайне мере неосторожно, выезжать куда-либо без охраны.

Мак-Кормак пожал плечами.

— С эскортом я буду ездить на Земле. А пока не мешайте мне побыть в одиночестве. — Он приблизился к офицеру. — Вы хотите мне еще что-то сказать?

— Да, сэр. Два часа назад пришло сообщение. Не пройдет ли адмирал... э-э... император ко мне?

Мак-Кормак попытался придать своему взгляду, обращенному на сыновей, грустное выражение. Но в глубине души он не жалел о том, что ему вновь придется погрузиться в неотложные дела.

Мак-Кормак опустился в кресло, стоящее у заваленного бумагами стола.

— Итак? — проговорил он.

Олифант прикрыл дверь.

— Первоначальное сообщение подтвердилось двумя разведчиками. Имперская армада будет здесь через три дня.

Мак-Кормак кивнул.

— Я не сомневался, что первое сообщение достоверно, — сказал он. — Наш план остается в силе. Завтра в шесть утра я поднимусь на борт флагмана. В восемь мы выступаем.

— Вы уверены, сэр, что враги не захватят Аэнеас?

— Нет, но буду очень удивлен, если они не предпримут такую попытку. Только какой в этом смысл? Меня и моей семьи здесь не будет, и я позаботился, чтобы Пикензу это стало доподлинно известно. А чем еще может привлечь его Аэнеас? Кто победит в космосе, тот легко захватит и планету. Если им так не терпится ее завоевать — пусть завоевывают. Но Пикенз может и не пойти на это, если поймет, что мы не собираемся ее защищать и что наша истинная цель — Сатан.

— Да, это так, но наши оборонительные силы... — начал было Олифант с сомнением в голосе.

— Вы имеете в виду оборону таких внепланетных баз, как порт Фредериксон? Там находятся легкие суда, предназначенные главным образом для отражения второстепенных атак.

— Нет, сэр. Я имел в виду межпланетные суда. Каковы будут их функции?

— Они состоят из дартианских наемников. Их единственная цель — ввести противника в заблуждение и выиграть тем самым время, — объяснил Мак-Кормак. «Неужели я не объяснил ему все это раньше? Что я еще упустил в этой круговерти дел? Нет, пожалуй, все в порядке, просто он был занят другими делами». — Несколько кораблей заняли позиции в ближайшем пространстве. Их задача — атаковать прорвавшиеся корабли Пикенза. Это будут скорее слабо защищенные разведчики, и победить их не составит большого труда. Те, кому удастся уцелеть, сообщат новость по назначению. Образ мыслей Пикенза мне знаком. Он убежден, что мы собираемся вступить в битву на Фиджее, и он будет проявлять сверхосторожность и ни за что не догадается, что мы пойдем на бета Кручис.

«Ах, добрый старина Пикенз, он всегда покупал цветы для Катрин, когда приходил к нам обедать. За годы нашей дружбы я хорошо изучил тебя. Но имею ли я право использовать эти знания?»

— Что ж, вы — император, сэр, вам и решать. — Олифант указал на приборы. — На сегодня еще много дел, и кое-какие детали требуют вашего внимания.

— Я займусь этим позже, — сказал Мак-Кормак, — а вы будьте поблизости на случай, если мне понадобится ваш совет.

— Слушаюсь, сэр. — Олифант отдал честь и вышел. Мак-Кормак занялся делами не сразу. Он вышел на балкон, с которого открывался вид на густые заросли, покрывавшие холм. Взошла Краузе — внутренняя луна. Она висела над горизонтом, и отбрасываемые деревьями тени как живые перемещались по земле. Погруженная в этот живой свет Антонина как бы вернула себе исчезнувшие воды. Казалось, будто призраки волн закачались внизу и прибой вновь забился о подножие Виндхомского мыса.

«Ты любила такие мгновения, Катрин, и считала их лучшими в нашей жизни. Увидимся ли мы с тобой когда-нибудь?»

ГЛАВА 7

«Авекоув» вынырнул из гипердрейфа и начал набирать скорость. Все сенсоры были настроены на максимальную чувствительность, но ничего, кроме бесконечного кипения космической энергии, пока не фиксировали.

— По радио ничего не слышно? — спросил Фландри.

— Пока нет, сэр, — послышался голос Ровиана.

Фландри выключил интерком.

— Мне следовало бы самому быть на мостике, — пробормотал он. — Что я делаю в своей... в вашей каюте?

— Шлифуете свою галантность, — ответила Катрин со слабой улыбкой.

— Если бы так! Но почему все-таки полное молчание в эфире? Неужели вся система эвакуирована?

— Вряд ли. Но им известно, что через несколько дней здесь будет враг. Хуг — просто гений в организации обороны. Как, впрочем, и во многом другом.

Фландри внимательно посмотрел на нее. Слишком возбужденный, чтобы сидеть, но из-за отсутствия места лишенный возможности ходить, он стоял возле двери и нервно барабанил по ней пальцами. Катрин сидела. Она казалась почти спокойной. Все то время, что прошло после их первой встречи, она проспала. Это пошло ей на пользу.

Фландри же провел его в напряженном ожидании. Решение идти впереди флота на квазискорости в попытке доставить пленницу восставшему военачальнику далось Фландри нелегко. У него не было никаких полномочий для переговоров. Его действия лишь с огромной натяжкой можно было рассматривать как выполнение полученного задания. Будет ли какой толк от его самовольных действий? Окажет ли присутствие жены влияние на великого мятежника?

«Но почему в ее голосе явственно прозвучали нотки симпатии?» Внезапно пришедшая догадка смутила его.

— Не вынуждайте Хуга идти на уступки, — предупредила она. — Я ни за что не стану его просить об этом, как бы ни сложились обстоятельства. Ведь его могут расстрелять, не так ли?

Фландри вздрогнул. Ладони его стали влажными.

— Ну, прошение о помиловании...

Ему еще не приходилось слышать столь грустный смех.

— Вашей учтивости, командор, хватило бы на двоих. Я неплохо разбираюсь в людях, а положение жены адмирала флота давало мне возможность для многочисленных наблюдений. Я знаю, что Империя не простит Хуга. — На мгновение ее голос дрогнул. — А я скорее соглашусь увидеть его мертвым, чем рабом с контролируемым мозгом.

Фландри достал сигарету. Его собственная судьба была для него совершенно неясна.

— Моя цель состоит в том, чтобы вы рассказали ему все, что

узнали сами. По крайней мере он не станет играть по правилам Снелунда. Он должен отказаться от намерения принять бой около планет, которые Снелунд жаждет подвергнуть бомбардировке.

— Но базы, источники снабжения... как же без них? — Дыхание ее участилось, и потревоженный этим комбинезон ясно обрисовывал формы тела. Фландри не мог этого не заметить. — Что ж, поговорить с ним я, конечно, могу. — Силы вновь покинули ее. Она протянула руку. — Командор, если вы позволите мне...

Глядя в ее сторону, Фландри отрицательно покачал головой.

— Сожалею, моя госпожа, но против вас выдвинуты серьезные обвинения, и вы пока не оправданы. Я мог бы вас отпустить, если бы вы уговорили вашего мужа сдаться, но вы утверждаете, что это невозможно. Снелунду вы не будете возвращены, а отправитесь со мной на Землю. Ваши показания о «лечении», которому подверг вас губернатор, можно будет использовать против него. Ваш рассказ как минимум вызовет к вам симпатии достаточно влиятельных людей, способных вам помочь.

Он снова посмотрел на Катрин, и у него перехватило дыхание при виде смертельной бледности ее лица. На лбу выступили капельки пота, а взгляд казался застывшим.

— В чем дело, моя госпожа? — Отбросив сигарету в сторону и сделав два шага вперед, он нагнулся над ней и приложил руку к ее лбу. Он был холоден. Такими же были руки. Он склонился еще ниже. — Моя госпожа...

Катрин Мак-Кормак шевельнулась.

— Стимулирующая таблетка, — прошептала она.

Фландри подумал, не вызвать ли ему корабельного врача, но потом решил, что не надо. Он подал ей таблетку и чашку с водой. Катрин приняла лекарство, и вскоре ее лицо вновь приобрело нормальный цвет, а дыхание стало ровным. У Фландри отлегло от сердца.

— Простите, — сказала она. Ее голос был едва слышен за шумом корабельных машин. — Воспоминания еще крепко держат меня.

— Я сказал что-то лишнее, — покаялся он.

— Вы не виноваты. — Фландри не мог не отметить, какие длинные у нее ресницы, как ясно они выделяются на фоне бронзовой кожи. — Вы, земляне, отличаетесь от нас. Для вас то, что случилось со мной, — несчастье, мерзость, но не осквернение, от которого никогда не очиститься. Я даже сомневаюсь,

действительно ли хочу увидеть Хуга... Вы поймете меня, если я расскажу, как часто Снелунд заставлял меня принимать препараты, действующие на мозг. Раз за разом я погружалась в кошмар, когда не могла ни о чем думать и не владела собой. Я была животным, выполняющим все его желания, лишь бы избежать еще больших страданий...

«Мне не следует это слушать, — подумал Фландри. — Она не стала бы говорить об этом, если бы самообладание полностью к ней вернулось. Но как я могу уйти?»

— Моя госпожа, — он сделал еще одну попытку, — но вы ведь сами говорили, что не владели собой в те минуты. И вам следует принимать это в расчет. Если ваш муж хотя бы наполовину такой, каким вы его рисуете, он поймет и не осудит вас.

Некоторое время она сидела неподвижно. Стимулятор действовал на нее быстрее обычного. Наконец она подняла голову. Слабость еще не покинула ее. Она улыбнулась и тихо сказал:

— Вы действительно страйдер.

— Э... теперь вы чувствуете себя лучше?

— Во всяком случае, мы можем поговорить о деле.

Фландри почувствовал глубокое облегчение. Он опустился на стул и закурил новую сигарету.

— Да, мне бы очень этого хотелось, — сказал он. — В настоящий момент у нас общие интересы и ваша информация может способствовать успешному завершению дела.

— Что вы хотите узнать? Может быть, я не смогу ответить на одни ваши вопросы и не захочу отвечать на другие.

— Согласен. Но давайте все-таки попробуем. Мы не нашли в этой системе никаких следов астронавигационной деятельности. Флот таких размеров, как у Мак-Кормака, должен бы уже обнаружить себя тем или иным образом. По крайней мере хотя бы излучением нейтронно-энергетических реакторов. Что же он придумал? Ушел в сторону Солнца и спрятался за ним? Или затаился где-нибудь на приличном расстоянии отсюда? У вас есть на этот счет какие-нибудь соображения?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

— Если бы я не была уверена, то сказала бы об этом!

— Не нужно так испепелять меня взглядом. Сформулирую свой вопрос иначе: каким образом мы сможем вступить в контакт с Мак-Кормаком до начала битвы?

— Я не знаю, — смягчилась она. — Поверьте, я говорю правду. Могу сказать определенно: что бы Хуг ни предпринял, это будет смело и неожиданно.

— Превосходно! — воскликнул Фландри. — Ну а что вы думаете насчет молчания в эфире?

— О, это объясняется просто. На планете нет достаточного количества передатчиков большой мощности, а слабые не могут преодолеть помехи от солнечных бурь. Поэтому применяют спутники связи. Они необходимы для переговоров с отдаленными поселениями. В них используется частота, которая не выходит за пределы ионосферы. Короче, мы можем обойтись без мощных станций, что создает вражеским навигаторам дополнительные трудности — неопределенность своего положения.

«Вот как! — подумал Фландри. — Оказывается, ты разбираешься в тактике. Запутывать противника и осложнять по возможности ему жизнь — один из немаловажных принципов войны, и далеко не каждая жена военного разбирается в таких делах».

— А что вы скажете о союзниках Мак-Кормака? — спросил он. — Я уверен, что у вас есть дружественные планеты. Вы упоминали о том, что даже проводили на них исследования. Как вы думаете, население их эвакуировано?

— Нет. По крайней мере с той базы, что находится на Лидо. Я знаю своих старых друзей. Вторжение не станет причиной их бегства.

— Но в случае необходимости ваши люди смогут установить связь с другими планетами?

— Да, вероятно. Но думаю, что Пикензу не удастся атаковать планеты всех наших союзников. У него просто нет необходимой информации. А то, что нельзя найти, нельзя и уничтожить.

— Пикенз на это не пойдет, — возразил Фландри. — Разве возможно такое варварство исключительно из-за одной злобы?

Она ответила ему с горечью в голосе:

— Откуда вам знать, что Снелунд приказал Пикензу?

Гудок интеркома спас его от необходимости отвечать. Он нажал на кнопку включения.

— Сообщение с мостика капитану, — послышался густой, чуть шипящий голос Ровиана. — Обнаружен корабль. Похоже, он ложится на курс перпендикулярный нашему.

Катрин вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

— Сейчас буду, — ответил Фландри. — Свяжитесь с третьей аварийной станцией. Пусть наденут скафандры. Привести эки-

паж в боевую готовность. Когда мы сблизимся с неизвестным кораблем, все должны быть в защитной одежде и с оружием наготове.

Отдав приказания, он обратился к Катрин:

— Вас будут охранять. Попросите охранника, чтобы он настроил ваш передатчик на шлеме на прямую связь с мостиком. Сами оставайтесь в каюте и ни во что не вмешивайтесь.

— Вы считаете, что нам грозит опасность? — спокойно спросила она.

— Я ничего другого и не ожидаю. — Он быстро вышел из каюты.

«Авекоув» шел на предельной скорости, и внезапное торможение расплющило бы экипаж в лепешку, если бы автоматика не включила нейтрализатор противополя. Это устройство одновременно препятствовало проникновению радиации. Солнце на экране пылало ярким пятном.

Фландри опустился в кресло пульта управления.

— Я думаю, — сказал Ровиан, — что этот корабль шел неспеша с работающим на минимуме двигателем, пока его локаторы не нащупали нас. Если мы хотим встретиться с ним в районе Аэнеаса, — его ноготь указал на красноватую точку на экране, — то нам следует продолжать торможение.

— А я думаю иначе. — Фландри потер подбородок. — Если бы я был на месте командира этого корабля, меня не вдохновила бы встреча с врагом возле родной планеты. Им о нас пока ничего не известно. Зато они хорошо понимают, к чему приведет один наш *залп ядерными снарядами.*

— Тогда что же капитан намерен предпринять?

Вид планет-точек, орбит-кругов, векторов-стрел своей условностью вызывали у Фландри неприятное ощущение. Поэтому он включил изображение звездной карты.

— Подумаем. Ближайшая внутренняя планета, они называют ее Лидо, достаточно крупная, и, кроме того — на ней есть научная база, есть и цивилизованное население. Да, я думаю, можно занять позицию именно на орбите Лидо. Курс к третьей планете, Ровиан.

— Слушаюсь, сэр.

Вычисления были введены в компьютер, и корабль лег на новый курс.

Фландри сделал необходимые записи в бортовом журнале.

— Если связь установится раньше, чем мы достигнем намеченной точки, прошу меня проинформировать. Держите передатчик на стандартной волне, — закончил он.

Время будто остановилось.

— А что, если впоследствии нам не дадут покинуть эту систему? — спросил Ровиан.

— У нас есть шанс, — ответил Фландри. — Риск не очень велик, если учесть, что за пассажирка у нас на борту. Несмотря на то что я не собираюсь отпускать ее, думаю, что наш друг Мак-Кормак по достоинству оценит тот факт, что именно мы вырвали ее из рук этой свиньи Снелунда. Хотя, пожалуй, не стоит оскорблять таким сравнением свиней, не так ли?

— А чего вы, собственно, добиваетесь?

— Бог знает, чего я добиваюсь. Надеюсь, что появится хотя бы маленькая возможность локализовать военные действия, если уж не удастся совсем их предотвратить. Побудь на мостике десять минут, хорошо? Если я сейчас не покурю, то умру.

— А здесь ты покурить не можешь?

— Капитан корабля гуманоидов не имеет права позволять себе человеческие слабости. Мне прожужжали об этом все уши, когда я был еще кадетом. Мне и так предстоит давать начальству слишком много объяснений.

Ровиан издал звук, который можно было истолковать как смех.

Время шло. Корабль шел к намеченной цели.

— Последние наблюдения за вражеским кораблем показывают, — доложил Ровиан, — что его экипаж понял наше намерение занять позицию на орбите Лидо и теперь спешит оказаться там одновременно с нами. Пока с кораблем не установлено никаких контактов, но он, без сомнения, принимает наши позывные.

— Странно. А что известно о самом корабле?

— Судя по изображению на наших радарах, его размер примерно такой же, как у нас, но это не боевой корабль.

— Аэнеасцы, без сомнения, мобилизовали на службу все, что может летать, от метелок до корыт. Ну что же, тем лучше. Вряд ли это судно решится на драку с серийным военным кораблем вроде нашего.

— Если только его напарник... — Ровиан имел в виду второе судно, появившееся на экране после того, как изменилась их позиция относительно Солнца.

— Второе судно займет орбиту Лидо только после нас, если не уйдет в гипердрейф, а я сомневаюсь, что его капитан решится на этот маневр при такой гравитации. Это, должно быть, разведчик, высланный просто так, на всякий случай.

Тем не менее когда они приблизились к планете Лидо, Фландри приказал всем быть в боевой готовности.

Планета громоздилась прямо перед ними — большой крутящийся шар из облаков. Ни одна луна не сопровождала ее в этом вращении. Региональное «Пособие для лоцмана» описывало эту планету следующим образом: «...орбита умеренно средняя, масса, диаметр, а следовательно, и гравитация незначительно отличаются от земной, период вращения вокруг своей оси равен трем часам сорока семи минутам, ксинитрогенная атмосфера горячее и плотнее, чем это требуется для дыхания, д-аминный состав биохимически не вреден для человека, но и не полезен». Вот в основном и все. Миры слишком многочисленны, и информация о каждой вращающейся молекуле должна быть самой необходимой.

Облачившись в свой защитный костюм и оставив непокрытой голову, Фландри вызвал по видеофону Катрин. На экране появилось ее лицо. В скафандре она напомнила ему женщину-воина из старинных книг, которые он когда-то читал.

— Итак? — спросила она.

— Я хотел бы связаться с вашей исследовательской станцией, — сказал он. — Но как, скажите на милость, можно что-либо найти под этим гороховым супом из облаков?

— Она может и не ответить на ваш вызов.

— Но вероятность установить контакт увеличится, если ее обитатели поймут, что мне известно ее местонахождение. Очевидно, корабль, что пасется рядом с нами, вынуждает ее к молчанию, а впрочем, если на ней сидят ваши старые друзья, то они, вне всякого сомнения, ответят нам.

— Хорошо, я верю вам. — Она немного подумала. — Порт Фредериксон... — Короткая слабая улыбка. — Его основал один из моих предшественников на западном краю Барка — так мы называли самый большой континент. Тридцать четыре градуса восемь минут северной долготы. Думаю, вы сможете проверить эти данные радаром.

— Плюс термические, магнитные и тому подобные помехи. Спасибо. Готовьтесь к разговору через полчаса или час.

— Я скажу им правду. — Взгляд ее был серьезным.

— Этого достаточно. — Фландри отключился, но ему все еще казалось, что он видит на экране ее лицо.

Он повернулся к Ровиану.

— Пока не обнаружим базу, будем находиться на стоминутной орбите, а потом перейдем на синхронную орбиту над ней.

Облаченный в броню хвост его помощника тревожно шевельнулся.

— Сэр, это означает, что корабль повстанцев сможет обнаружить нас вне атмосферы?

— Полезней держаться выше планетного поля. Но разве ты не сообщал мне в последнем донесении, что его скорость позволит кораблю мятежников вращаться только на гиперболической орбите?

— Да, сэр, если только он не сможет затормозить гораздо раньше, чем мы.

— Его капитан обуреваем подозрениями. Он должен торопиться, пока мы не начали швырять в него разные штуковины. Это вполне естественно. Меня и самого заставил бы нервничать вражеский корабль-эсминец, сиди я в грузовом судне, или чем еще он там является. Видя, что мы настроены дружески, он остановится, а мы к тому времени при известном везении сможем проделать тысяч десять—пятнадцать миль и успеть поговорить с этими парнями со станции.

— Слушаюсь, сэр. Дает ли мне разрешение капитан на установку всех защитных экранов на полную мощность?

— Не раньше чем мы свяжемся с портом Фредериксон. У них должна быть целая куча приборов. Объявить боевую тревогу, но детекторный луч пока не использовать.

«Правильно ли я поступаю? Не ошибаюсь ли?..»

Ощущение ответственности, лежащей на нем, угнетало Фландри. Он пытался отогнать его, концентрируя внимание на предстоящем маневре.

Вокруг Лидо «Авекоув» должен был продолжать полет по принципу свободного падения. То был единственно возможный вариант. Исчезновение шума и вибрации было подобно полной глухоте. Изображение планеты заполнило все экраны. Она ослепительно сверкала, когда корабль пролетал там, где был день, и затягивалась мглой, когда путь корабля проходил над другой ее частью. Атмосферные бури мешали поиску станции.

— Сейчас мы могли бы уже наблюдать второй корабль с помощью оптических приборов, не будь между нами диска планеты, — сказал Ровиан.

— Вполне вероятно, — ответил Фландри.

Тревожное состояние помощника начало его угнетать. Голос в интеркоме сообщил:

— Сэр, кажется, мы обнаружили станцию. Долгота верная. В инфракрасных лучах на востоке виден океан, а на западе просматривается материк. Радар указывает на наличие зданий. Мы можем даже уловить присутствие нейтрино от атомной установ-

ки. Хотя из-за проклятых помех есть элемент неопределенности. Будем ли мы повторять наблюдения при следующем прохождении?

— Нет, — ответил Фландри и обнаружил, что говорит гораздо громче обычного. Он с трудом заставил себя понизить тон. — Выключить радар! Когда будем подниматься, пилоту придерживаться прежнего курса. Мы поднимемся параллельно ему и дальнейшую разведку будем вести с новой орбиты. Установить на максимум полевые экраны.

Когда офицер повторял слова капитана, в голосе его звучало явное облегчение. Корабль снова ожил. Сложный комплекс гравитационных сил поднял его на кривую более похожую на прямую линию. Воздействие атмосферных бурь стало менее заметно.

— Срочно дайте мне изображение идущего навстречу судна, — распорядился Фландри.

«Я буду чувствовать себя более уверенно, если хоть мельком увижу его». Он откинулся на спинку кресла.

И вот на экране появилось изображение корабля. Фландри присвистнул от неожиданности, а Ровиан зашипел. Четкий, парящий в пространстве силуэт вполне определенно говорил о военном назначении судна. С уверенностью можно было утверждать, что к Империи он не имел никакого отношения. Вооружение его было таким же грозным, как и у «Авекоува». Задранный хвост и выпущенные стабилизаторы говорили о готовности к атаке.

«Варвары, — вспыхнуло в мозгу Фландри, — из какого-нибудь дикого края с еще более дикой планеты, на которой, быть может, сотню лет назад не знали, как обрабатывать железо. Но кто-то посчитал полезным обучить их космической технологии, снабдить техникой и соответствующими знаниями... Неудивительно, что они нам не ответили. Возможно, они не знают англика!»

— Белый свет! — рявкнул он. — Сигнал мира! Может быть, они поймут его. Хуг Мак-Кормак не стал бы нанимать их, не будь они знакомы с нашей цивилизацией.

Приказ Фландри был немедленно выполнен. В ответ корабль выстрелил голубовато-белым энергетическим лучом. За ним последовали снаряды. Фландри услышал грохот корабельного металла. Он с силой нажал на кнопку «к бою», и «Авекоув» мгновенно ответил противнику. Дальнейшее происходило уже без участия человека, так как контролировать скоротечный бой человеческий мозг был не в состоянии. Выстрелили бластерные пушки. Секундой позже разрядились стволы, выпускающие бо-

лее крупных пташек. Противоснарядные устройства раскрыли ловушки.

Яростным гневом взорвались атомные детонаторы. Электромагнитные экраны в какой-то степени могли противостоять атомному лучу, но остановить проникающую радиацию были не в состоянии.

Варвары имели громадное преимущество — более высокую скорость и более выгодную орбиту для атаки.

Но недаром за плечами Ровиана были годы службы. Удачно выбранные позиция и момент для залпа определили исход сражения. Сноп пламени окутал врага. Расплавленные куски металла — это все, что от него осталось. Но и «Авекоув» вряд ли способен был долго протянуть после полученных повреждений.

Фландри почувствовал, как мостик поехал у него под ногами. Стальная пластина прошла сквозь Ровиана как пила, разрезающая пополам дерево. Чувствуя во рту привкус крови, Фландри успел закрыть лицевой экран и натянуть перчатки, прежде чем воздух полностью вышел из разгерметизированного корабля.

Потом наступила тишина. Двигатели смолкли. Эсминец продолжал еще какое-то время нестись по орбите, а затем стремительно начал терять высоту.

ГЛАВА 8

Разрушения были таковы, что основные системы жизнеобеспечения корабля вышли из строя. Лодок, пригодных для перемещения в космосе, на корабле не осталось. Времени на их ремонт не было. Лишь на одной из них оказались исправными оба двигателя. Контрольные приборы также сохранили работоспособность. Но все пилоты погибли. Корабль необходимо было срочно покидать. Фландри когда-то приходилось управлять боевыми судами, поэтому он решил сесть за штурвал сам.

Борясь с невесомостью, в кромешной тьме оставшиеся в живых члены экипажа забрались в лодку. С помощью резервного компрессора Фландри установил нужное давление и, как только все заняли места, включил двигатель.

Из-за тесноты удалось раз местить лишь три скафандра, включая скафандр Фландри. Он понимал, что все равно не вос-

пользуется им, если остальные члены команды останутся без защиты, но наличие скафандра как-то успокаивало.

Тяжело раненных разместили в креслах с креплениями. Остальные сели в проходе, и теперь их жизнь зависела от того, сколько времени протянет джи-поле.

Фландри успел заметить среди спасшихся Катрин. Он хотел было предложить ей кресло второго пилота, но заботы о подготовке к старту отвлекли его.

Генераторам поля предстояло выдержать очень большую нагрузку, и вся надежда была лишь на мастерство Хавелока.

Вхождение в атмосферу Лидо сопровождалось сильнейшей вибрацией всего корпуса лодки. Фландри перевел ее в свободный полет, и она, подобно метеориту, раскаляясь все сильнее и сильнее, летела навстречу планете сквозь клокочущий мрак.

Вибрация пронизывала тела людей до мозга костей. Кругом все гудело, выло, и сам черт отплясывал на приборной панели.

Фландри и Хавелоку каким-то чудом удавалось удерживать устойчивое снижение. Они своевременно погасили большую часть скорости. Среди путаницы показаний приборов, безумного мелькания рук над пультом управления, непрекращающейся какофонии звуков, вопреки жаре и вибрации они сохранили контроль за управлением лодкой.

У них была лишь одна цель — достичь порта Фредериксон. Продолжая стремительное снижение, им удалось сориентироваться и скорректировать свое скольжение к поверхности планеты. Выйти точно к цели помешала неисправность в системе навигации. Это обстоятельство усугублялось вращением планеты, которое вынуждало лодку тратить добавочную энергию на торможение. К моменту, когда она достигла безопасной скорости, бортовые аккумуляторы были полностью истощены. Перегруженность судна исключала длительное планирование, и не оставалось ничего другого, как использовать для посадки последние крохи энергии.

Невозможно было использовать и хвостовые компенсаторы. Люди, не защищенные скафандрами, тут же были бы раздавлены в случае отказа джи-поля. Фландри выбрал ровный участок, окруженный лесом. Между пригорками и поросшими осокой холмами блестела вода. Лучше уж болото, чем верхушки деревьев. Завизжали килевые тормоза, перекрывая ворчание умолкающих двигателей. Лодку несколько раз сильно подбросило, и она остановилась, накренившись набок.

Какое-то мгновение Фландри ничего не мог сообразить. Возгласы одобрения вывели его из состояния шока.

— В-в-все в порядке? — заикаясь спросил он. Пальцы его дрожали.

— Повреждений нет, сэр, — ответил чей-то голос.

— Может быть, и нет, — вмешался еще один голос, — только вот О'Брайнен умер.

Фландри закрыл глаза. «Мой человек,— настойчиво билось у него в мозгу, — мой корабль, мои люди. Сколько же нас осталось? Сейчас сосчитаю... Двадцать три с незначительными травмами, плюс Катрин и я. Шестнадцать—семнадцать серьезно ранены. Остальные...»

К нему обратился Хавелок:

— Радио вышло из строя, сэр. Мы не можем вызвать помощь. Что предлагает капитан?

«Ровиан, Ровиан... Та стальная плита предназначалась мне, а не тебе. Я должен сделать все, чтобы спасти остальных».

Фландри силой заставил себя открыть глаза. В его ушах стоял такой звон, что он с трудом различал свой собственный голос, который, как ему казалось, звучал механически.

— Долго поддерживать внутреннее поле мы не в состоянии. Скоро иссякнет последняя энергия. Давайте сначала вынесем раненых. — Он встал на ноги и посмотрел на людей. Никогда еще ему не приходилось видеть более суровых лиц. — Госпожа Мак-Кормак, — сказал он, — вы знаете эту планету. Можете ли вы дать нам хоть какой-нибудь совет?

— Медленно выравнивайте давление. Если мы находимся на уровне моря, то плотность воздуха почти в два раза выше, чем на Земле. Вам известно хотя бы примерно наше местонахождение?

— Мы где-то недалеко от аэнеасской базы.

— Если я не ошибаюсь, в этом полушарии сейчас раннее лето. Предположим, мы недалеко от арктического пояса. Тогда, если принять в расчет короткий период вращения, день должен быть длиннее ночи, хоть и ненамного. Но все равно на продолжительный световой день рассчитывать не приходится.

— Спасибо. — Фландри отдал необходимые распоряжения.

Сааведра, офицер связи, нашел кое-какие инструменты, снял панель приемника и начал копаться в его внутренностях.

— Может, мне удастся здесь хоть что-то подправить, чтобы связаться с базой, — сказал он.

— Сколько вам для этого понадобится времени? — спросил Фландри. К нему понемногу начала возвращаться способность нормально двигаться. В голосе появилась уверенность.

— Пару часов, сэр. Попробую восстановить высокочастотный генератор и воспользоваться стандартной полосой частот.

— Но может оказаться так, что слушать нас будет некому. И если они нас все же услышат, им придется проводить триангуляцию и... Нет! — Фландри покачал головой. — Мы не можем ждать. Сюда идет второй корабль. Обнаружив то, что осталось от первого, он начнет охотиться за нами, и у него есть для этого прекрасная возможность: облет планеты с металлоискателем на борту. Для такой небольшой планеты этого вполне достаточно. Не хотелось бы мне оказаться поблизости, когда сюда начнут падать бомбы.

— Что же нам тогда делать, сэр? — спросил Хавелок.

— Считает ли моя госпожа, что мы сможем дойти до базы пешком? — спросил Фландри.

— Это зависит от того, где именно мы находимся, — ответила Катрин.

— Такие лодки, как наша, всегда имеют на борту аварийный запас продуктов питания. Насколько я понимаю, на этой планете должно быть достаточное количество пригодной для питья воды.

Когда люк был открыт, воздух плотной струей ворвался внутрь лодки и принес с собой быстроменяющиеся запахи: то ароматные, то пряные, а то вообще не поддающиеся определению. Люди тяжело дышали. Лица их покрывал пот. Один из них начал срывать с себя рубашку, но Катрин задержала его руку.

— Не делайте этого, — предупредила она. — Несмотря на облачность, здесь слишком сильное ультрафиолетовое излучение. Можно получить ожоги.

Фландри первым спустился по трапу. Вес изменился ненамного. В болотных испарениях ощущалось повышенное содержание озона, и он подумал, что дополнительная порция кислорода ему бы не помешала. Ботинки его вязли в липкой почве. Звуки жизни снова стали явственными: свист, бормотание, шорохи, хлопанье крыльев. Повсюду сновало множество мелких животных. Теперь, когда слух его полностью восстановился, звуки эти казались особенно громкими. Окружающие заросли походили на земной лес. Разнообразие пород деревьев было просто невероятным: от карликов до гигантов. Многие стволы были переплетены лианами. Не столь разнообразной была листва. Никакой зелени — только ярко-красный и коричневый цвета, и лишь изредка мелькали пурпурные и золотистые оттенки. Те же цвета преобладали и в травяном покрове.

Настроение от этого растительного буйства у Фландри только

ухудшилось — он представил, как им придется продираться сквозь эти заросли.

Над головой по свинцово-серому небу однообразно плыли серые облака. Неясно светящаяся полоса обозначала местонахождение планеты Вирджил. Фландри определил, что там, где они сейчас находятся, — раннее утро. Нужно было уходить до того, как поднимется солнце.

Он воспринимал происходящее как облегчение. Работа предстояла тяжелая, и это его радовало, потому что отвлекало от мысли о потерянном корабле и погибших товарищах.

Прежде всего необходимо было перенести раненых на твердую почву. У большинства из них были различные переломы. Двое были ранены тяжело, а один безнадежен. Пульс у него едва прослушивался.

К счастью, офицер-медик не пострадал. Дел у него хватало. Фландри заметил, что Катрин помогает ему. Он удивился, что она не убежала. Казалось, что такая женщина не могла не воспользоваться ситуацией.

Наконец все необходимое снаряжение было выгружено. Катрин, закончив свою сестринскую работу, наблюдала за похоронами. Она даже приняла участие в рытье могилы. Когда Фландри подошел к ней, О'Брайнен, покрытый имперским флагом, лежал в могиле и вода пузырьками закипала вокруг.

— Будет ли капитан читать молитву? — спросила Катрин.

Он взглянул на нее. Мокрые волосы ниспадали на лицо. Она выглядела устало, но держалась хорошо. На поясе комбинезона висели ножны, и он узнал свой военный марсианский нож.

— Вы считаете, мне следует это сделать? — проговорил он глухо.

— Это был человек Хуга. Ему должны быть оказаны все причитающиеся почести. — Она протянула Фландри молитвенник.

«Да ведь я неверующий», — подумал он, но книгу взял.

Все в ожидании смотрели на него. Фландри начал читать молитву. Когда он закончил чтение, стали закапывать могилу. Катрин положила ему руку на плечо.

— Прошу уделить мне несколько минут.

Они отошли в сторону.

— Я немного осмотрела окрестности. Изучила растительность. Залезала на деревья и заметила горы на западе... Если мы находимся к востоку от Снежной Стены, то в это время года не встретили бы здесь так много птероподов. Так что гряда перед

нами должна быть Маурисиданом, а посему я примерно знаю наше местоположение.

Его сердце на мгновение остановилось.

— И что же вы можете сказать?

— Этот район я знаю плохо, потому что работала в основном в Гзетулии. Тем не менее первый свой сезон провела именно здесь. Дело вот в чем: у нас есть неплохие шансы добраться до Дидиниуса, где можно встретить людей. Местная культура достаточно развита, и если нам удастся найти общину, говорящую на одном из местных диалектов, то я вполне смогу переговорить с ними. — Ее брови сошлись у переносицы. — Я не стану от вас скрывать, что было бы лучше, сядь мы к западу от Маурисидана, и не только потому, что это сократило бы нам путь. Здесь можно встретить и дикие племена. Будем надеяться, что удастся найти проводника.

— Хорошо. А подходящую тропинку в этих зарослях вы не приметили?

— Приметила. Именно ее я и искала. Нужно пройти не меньше километра, а потом заросли станут не такими густыми. Я нашла тропу, которая идет от болота и как раз в том направлении, что нам нужно.

— Хорошо, — повторил Фландри. — Как бы я хотел, чтобы мы с вами были союзниками. Вы и я.

— Мы и есть с вами союзники, — улыбнулась она. — Что нам остается делать? Искать порт Фредериксон.

— Вы правы, — согласился он. — Пора трогаться в путь. — Повернувшись на каблуках, он почувствовал, что она смотрит ему вслед. И взгляд этот жег ему спину.

Люди тяжело нагрузились снятым с лодки снаряжением. Кроме того, на импровизированных носилках им нужно было нести раненых. Помимо еды, одежды, посуды, оружия, пластиковых палаток и прочего, без чего нельзя было обойтись, Фландри настоял на том, чтобы захватить с собой три скафандра.

Хавелок запротестовал:

— Прошу прощения, но зачем они нам? В случае высылки разведчиков они, конечно, пригодятся, но при здешней гравитации их хватит ненадолго. Я не думаю, что нам встретятся такие существа, с которыми придется сражаться в скафандрах.

— Может быть, нам и придется их бросить, — согласился Фландри, — но я надеюсь на носильщиков из местных племен. А пока хотя бы часть пути мы понесем их сами.

— Сэр, с таким грузом люди очень скоро будут буквально валиться с ног от усталости.

— А вы предпочитаете валяться мертвым? — отрезал он, окидывая взглядом усталых, грязных, понуро опустивших головы людей, за которых он был ответствен. — Помогите мне, Хавелок, — сказал он. — Я не собираюсь нести меньше остальных.

Ропот пронесся по шеренге, но все повиновались.

Тропа оказалась вполне пригодной для ходьбы. Как объяснила Катрин, тропой, видимо, нередко пользовались местные жители.

Стало быстро темнеть. Фландри приказал продолжать путь, освещая дорогу фонарями. Он делал вид, что не слышит ропота за своей спиной. С наступлением ночи заметно похолодало. Обступившая их темнота была наполнена чьим-то ворчанием и отдаленными криками. Люди, пошатываясь, продолжали путь.

Прошел еще час. Наконец Фландри разрешил привал. Тропу пересекал ручей. Высокие деревья своими ветвями создавали подобие крыши над маленькой лужайкой. Фландри включил фонарик. Его луч выхватил из темноты усталые лица людей.

— Есть и вода, и маскировка. Что скажете, моя госпожа?

— Да, неплохо, — отозвалась она.

— Видите ли, — продолжал Фландри, — нам необходимо отдохнуть, но ведь скоро рассветет, а я не хочу, чтобы нас можно было обнаружить с воздуха.

Она не ответила.

«Я потерял корабль и теперь недостоин ее ответа», — подумал он.

Люди освободились от своей ноши. Лишь немногие решили перекусить. Большинство сразу же уснули.

Офицер-медик обратился к Фландри:

— Капитан, вы, конечно, собираетесь дежурить. Но я еще час-другой буду занят своими пациентами. Нужно поменять повязки, сделать инъекции, дать обезболивающие таблетки. Вы пока можете поспать, а когда я закончу, то разбужу вас.

Фландри едва дослушал последние слова. «Этот травянистый покров, который Катрин назвала ковром, хоть и смахивает больше на сырую губку, вполне пригоден для отдыха», — последнее, о чем он успел подумать, прежде чем погрузиться в темноту.

Вскоре доктор, как и обещал, разбудил его. Фландри принял

стимулирующую таблетку, подумав, что кофе был бы более предпочтителен, но разводить костер он не осмелился. На поляне меж двух огромных корней Фландри нашел удобное место, сел и расслабился. Дождь прекратился.

Рассвет на Лидо наступал незаметно. Свет будто вливался капля за каплей в теплый воздух. Если не считать журчания ручья и шороха скатывающихся с листьев капель, тишина была полной. Но вот послышались чьи-то шаги.

Фландри встал, наполовину вытащив из кобуры бластер. Увидев Катрин, он опустил оружие и поклонился.

— Моя госпожа. Что... вас так рано разбудило?

— Не могу спать. Слишком много мыслей. Не возражаете, если я посижу с вами?

— Как я могу возражать?

Она села рядом. Фландри незаметно наблюдал за ней. Ее взгляд был устремлен вдаль. Выглядела она утомленно.

Внезапно Катрин повернулась к нему.

— Поговорите со мной, Доминик Фландри, — попросила она. — Я все думаю о Хуге... Теперь у меня есть надежда увидеть его. Но смогу ли я с ним остаться? Не будет ли прошлое стоять между нами?

— Я же говорил вам, что с тех пор прошла целая вечность. Если он потеряет такую женщину, как вы, то будет идиотом.

— Спасибо, — Она накрыла своей ладонью его руку. Фландри еще долго ощущал это прикосновение. — Мы будем друзьями. Такими, которые называют друг друга по имени.

— Я был бы счастлив.

— По аэнеасскому обычаю мы не будем разводить особых церемоний по этому поводу. — Улыбка ее была задумчивой. — Произнесем тост и... Но позже, Доминик, позже. — Она помолчала. — В конце концов для тебя и твоей команды война закончилась. Вы будете интернированы. Никакой тюрьмы. Вам предоставят жилье в Новом Риме. Я навещу тебя, может быть, и Хуга приведу. Возможно, нам удастся уговорить тебя присоединиться к нам. Я бы этого желала.

— Сначала нам надо добраться до порта Фредериксон, — сказал он, не придумав ничего оригинальнее.

— Да. — Она подалась вперед. — Давай обсудим это. Я уже говорила, что мне необходимо с тобой поговорить. Бедный Доминик, ты спас меня от плена, потом от смерти, а теперь еще должен выслушивать мои жалобы. Давай лучше поговорим о практических вещах.

Он встретился с волевым взглядом ее широко расставленных глаз.

— Итак, — произнес он, — это весьма своенравная планета, верно?

Она кивнула.

— Считается, что она начинала как венерианский тип, но потом столкнулась с гигантским астероидом. В результате была потеряна большая часть атмосферы, но и оставшегося оказалось достаточно, чтобы продолжились химические процессы, похожие на земные, — фотосинтез и тому подобное. Но были и существенные отличия. Океаны не столь спокойны, как этого можно было ожидать у безлунной планеты. Чрезвычайно свирепые бури, высокая тектоническая активность. Все наши исследования на этой планете дали крайне мало материала о ее тайнах. Вот каков этот мир, Доминик.

— Понятно, — сказал он, — но есть ли здесь территории, пригодные для жизни людей?

— Немного. Климат повсюду слишком жаркий и сухой. В некоторых высокогорных и полярных районах он лучше, чем здесь. Порт Фредериксон расположен в зоне ветров. Там сильно влияние холодного течения. Жара губит все живое в течение нескольких дней. Нет, эта планета непригодна для нормальной жизни, разве что для исследований. Но она ведь принадлежит ее аборигенам. — Тон ее сделался внезапно вызывающим. — Когда Хуг станет императором, он уж проследит, чтобы всем аборигенам были предоставлены благоприятные условия для развития.

— Если только станет. — Как будто кто-то чужой завладел мозгом Фландри и заставил произнести эти слова. — Зачем он обратился за помощью к варварам?

— Он не может сам повсюду успеть, и они нужны ему для охраны Виржила. — Она посмотрела в сторону. — Я расспросила двоих ваших людей, которые видели корабль на экране. Судя по их описаниям, то был дартианский корабль. Дартиане — наши союзники.

— Пока союзники... Они варвары и еще покажут себя.

— Ну что же... Дартиане часто демонстрируют свое коварство. Особенности их культуры таковы, что они никому не доверяют. Хугу не приходилось выбирать. Да и в конце концов, он простой смертный и не может предусмотреть всего.

— Ты права, моя госпожа, — вздохнул Фландри.

Порыв ветра всколыхнул листву. Катрин, помолчав немного, продолжала:

— Знаешь, ты ведь еще ни разу не назвал меня по имени.

— Я не смею. Видишь ли, я не могу простить себе гибель моих людей. В том только моя вина.

— О Доминик! — Слезы навернулись ей на глаза. Фландри и сам с трудом удерживался от слез.

Они оказались друг против друга. Он обнял ее. Катрин спрятала лицо у него на груди.

— Доминик, Доминик, — шептала она. — Я все понимаю. Я так хорошо тебя понимаю. Мой муж тоже командир. В его руках еще больше кораблей и жизней, чем было у тебя. Сколько раз я видела, как он изучал отчеты о несчастных случаях. Я честно тебе скажу: он приходил ко мне и запирал дверь, чтобы мы могли вместе поплакать. Он тоже делал ошибки, стоящие человеческих жизней. А какой командир их не делает? Но ведь кто-то должен командовать! Ты взвешиваешь все факты и принимаешь решение исходя из своих знаний и опыта. И пока действуешь, ты не должен оглядываться назад. Ты не смеешь. Не имеешь права. Не мы придумали эти законы, Доминик. Мы лишь живем по ним. Кто сказал, что ты совершил ошибку? Ты действовал совершенно правильно. Я не верю, что какой-либо суд мог бы тебя осудить. Если Хуг не догадался, что ты прилетишь со мной, как можешь ты все предвидеть и предусмотреть? Доминик, выше голову, будь уверен в себе.

Внезапное адское сияние заполнило горизонт на востоке. Секундой позже воздух задрожал и земля содрогнулась. Люди вскочили на ноги. Фландри и Катрин оторвались друг от друга.

— Что это? — воскликнул Сааведра.

— Это, — закричал изо всех сил Фландри, пытаясь перекричать грохот, — это второй корабль варваров обнаружил нашу лодку!

Минутой позже они услышали пронзительный гул, который издает судно на больших скоростях. Постепенно он перешел в резкий свист и внезапно смолк.

— Мощное военное судно, — заключил Фландри. — Собирается уничтожить все живое в радиусе нескольких километров от лодки. — Он сжал кулаки. — Наше счастье, что мы успели далеко уйти.

Катрин взяла его руки.

— Ты не один, Доминик. Пусть это поддержит тебя.

Ее слова если и не успокоили его окончательно, то несколько приободрили. «Ладно, — подумал он, — мое самоедство ни к чему не приведет. Мертвые останутся мертвыми.

Моя задача — спасти живых... а потом,если только будет это «потом», постараюсь что-нибудь изобрести, чтобы начальство не судило меня слишком строго. Моя совесть все равно осудит меня строже».

— Отдыхайте, друзья, — сказал он своим людям. — Следующие сутки мы проведем здесь. Восстановим свои силы и пойдем дальше.

ГЛАВА 9

Неожиданно лес кончился. Перед ними расстилалось поле, окруженное со всех сторон кустарником.

Фландри не сразу заметил живых существ, медленно двигавшихся в их сторону.

— Стойте! — Его бластер птицей выпорхнул из кобуры. — Стадо носорогов!

Нет, конечно. Но очень похожи! Заповедник лорда-советника Мулилеса Африканского располагался в двадцати световых годах отсюда. Полдюжины находившихся перед ним животных размером и строением напоминали носорогов, но безволосая кожа была более гладкой, а хвостов не было вовсе. Плечи выступали в стороны, создавая вид настоящих платформ. Большие уши походили на веер. На высоком черепе, нависающем над парой птичьих глаз, покоился рог. Морда была небольшой. Маленький рот беспрерывно двигался.

— Подожди, Доминик.— Катрин поспешно подбежала к нему. — Не стреляй. Это ноги.

— Кто?!— Он опустил бластер.

— Они поймут только меня. Люди не могут произносить слова лидонианского языка.

— Ты хочешь сказать, что...— Фланри приходилось сталкиваться со странным произношением звуков, и все же к каждому можно было подобрать какой-то эквивалент. Что это за язык, который невозможно освоить?

Подойдя ближе, он увидел, что два существа не просто пасутся, а склонив головы до самой земли, выкорчевывают пни. Еще одно существо катило аккуратной формы бревно в сторону здания, крышу которого Фландри заметил только сейчас. Четвертое тащило примитивный деревянный плуг по раскорчеванному участку земли. Пятое шло следом и управляло плугом. Пара

маленьких животных прыгала на плечах пахаря. Шестое существо, ближе всех находившееся к Фландри, выдергивало росшую между кустиками траву. Подробно рассмотреть животных мешала легкая дымка, нависшая над полем.

— Идемте!— Катрин двинулась вперед. Она шла легко, несмотря на груз, который несла.

Последний их переход был трудным и продолжался целый день и всю ночь. В лагере они были слишком заняты, чтобы найти время для разговоров. После их последней беседы они приободрились, а Катрин так ожила, что Фландри, глядя на нее, забывал обо всем. Она стала для него много значить.

— Олло-о-о!— Катрин замахала рукой и остановилась.

Существа тоже остановились и покосились на нее. Уши и носы их дернулись и напряглись. Фландри снова вернулся в реальный мир. Они ведь могли и напасть на Катрин.

— Деплой,— обратился он к одному из своих людей, несших оружие.— Подойди ближе. Остальные будут прикрывать нас.— Он приблизился к Катрин.

Захлопали крылья. Еще одно существо опустилось прямо на одного из «носорогов», или, как сказала Катрин, на ногу.

— Это крипло!— Катрин схватила Фландри за руку.— Я не успела тебя предупредить. Смотри внимательно. Это удивительно.

Ноги были, по-видимому, существами млекопитающими, обладая особенностями последних и в области воспроизводства себе подобных: пол их легко было определить, так как женские особи имели вымя. Крипло походил на птицу. Он напоминал крупного гуся и был покрыт коричневато-серыми перьями в верхней части тела и светло-серыми в нижней. В области горла, на крыльях и на кончике длинного треугольного хвоста цвет перьев был голубой. На лапах росли когти. Голова на тонкой шее выглядела так, будто прикреплена была задом наперед. Вместо клюва торчала какая-то красная трубка, и над ней два громадных глаза.

Крипло сел на правое плечо ноги. Из трубки показался липкий язык. Фландри отметил, что на каждом боку ноги как раз под платформой имеются узлы. Правый узел раскрылся, освобождая нечто вроде щупалец, которые, растянувшись, оказались не менее двух метров в длину. Крипло протянул свой язык так, что тот коснулся края щупальца. Сцепившись подобным образом, оба существа заковыляли по направлению к людям.

— Не хватает еще руки,— сказала Катрин.— Нет, подождите.— Нога, двигавшийся за плугом, замычал. — Это зов.

— Ну а что же другие?— Фландри указал на других существ.

— В разделенном состоянии они — бессознательные животные и способны лишь на простую работу. Ага. Вот как!

Новое животное появилось из-за кустов и заковыляло по полю. Оно имело некоторое сходство с обезьяной. Существо это, ростом около метра, передвигалось с помощью четырех конечностей, коротких и кривых. Каждая заканчивалась четырьмя пальцами. Хвост был явно приспособлен для хватания. Грудь, плечи и руки — огромных размеров. Голова была массивной, с шарообразными ушами и горящими коричневыми глазами.

Подобно крипло, существо не имело ни носа, ни рта, а лишь трубку с ноздрями. Оно все было покрыто шерстью, кроме ушей и шеи, где виднелась голубая кожа. Существо относилось к мужскому полу — на поясе висели небольшая сумка и железный нож.

— Это лидонианин?— спросил Фландри.

— Не совсем. Это только рука,— ответила Катрин.— Одна треть лидонианина.

Животное приблизилось к тому ноге, что находился ближе к Катрин. Склонившись к левому плечу ноги, на котором сидел крипло, оно с помощью собственного языка присоединилось к оставшемуся свободному щупальцу.

— Видишь ли,— торопливо сказала Катрин,— нам же нужно было их как-то назвать. На большей части лидонианских наречий существа имеют свои названия, сходные с нашими «нога», «крыло», «рука». Но если все это сказать на англике, получается ужасная путаница. Для удобства мы стали называть их так.

Тройное существо остановилось в нескольких метрах от них.

— Оставь в покое свой пистолет. Хиш не причинит нам вреда.

Она направилась к ним навстречу. Фландри последовал за ней, несколько сбитый с толку. Симбиоз существ не был для него новостью. Самый удивительный образец симбиоза, который ему до сих пор приходилось видеть, представлял собой единение Тогру-Таках-Кон на Ванрийне. Гориллообразное существо поставляло руки и слух, маленькое ракообразное — мозги и зрение, третье являлось связующим звеном между двумя первыми. Очевидно, эволюция на Лидо шла тем же путем. «Но эти ушли гораздо дальше»,— подумал Фландри.

Они с Катрин остановились возле хиша. Густой, не лишенный приятности аромат плыл в воздухе. Фландри никак не мог решить, в какую из пар глаз ему смотреть.

Нога заворчал. Крипло издал хриплый звук. Рука надул свой горловой мешочек и произвел удивительный набор звуков.

Катрин внимательно слушала.

— Я не специалист в этом языке,— сказала она,— но в окрестностях порта Фредериксон говорят на похожем, так что я понимаю его достаточно хорошо. Имя этого хиша — Хозяин Песен, хотя понятие «имя» в данном случае не совсем верно.— Она что-то ответила ему.

Фландри уловил несколько слов на англике, но понять смысл сказанного не смог. «Скорее всего, лидониане слишком непохожи на нас, чтобы мы смогли выучить их язык»,— подумал он.

— Этот хиш знает мало слов,— сказала Катрин.— Но хорошо умеет разговаривать Открыватель Пещер. Они соберут его для нас.

— Хиш — он или она?

Она хмыкнула.

— Некоторые племена настаивают на особом разграничении полов. Но в данном случае пол не имеет особого значения, и они создают его в такой комбинации, которая необходима в настоящий момент. Мы называем любую комбинацию хишем независимо от того, из каких особей она составлена.

Крипло отсоединился и поднялся в воздух. Рука с ногой остались скрепленными, но выглядели так, будто погас наполнявший их до этого свет. Некоторое время они бессмысленно смотрели на людей, потом рука принялся почесываться, а нога — вырывать траву.

— Для полноценного мышления нужны все трое,— заключил Фландри.

Катрин кивнула.

— Рука обладает наиболее развитым умом. Но один он подобен шимпанзе. Понятно тебе, высокоинтеллектуальный землянин? А нога сам по себе просто глуп. Собранные же втроем, они способны соображать не хуже, чем мы. Может быть, даже лучше, если только в данном случае возможно сравнение.— Она нахмурилась.— Пусть ребята уберут оружие — мы среди доброго народа.

Фландри отдал распоряжение спрятать оружие, но оставил людей на своих местах. Если что-то пойдет не так, прикрытие никогда не помешает. Кроме того, нельзя было забывать и о раненых, которые по-прежнему лежали на носилках.

Еще одно существо освободилось от плуга. Когда этот хиш приблизился к людям, Катрин обратилась к нему на том же языке. Ответ она перевела так:

— Мы — Возделывающие землю. Не все хиши нашей расы умеют говорить.

Фландри потер подбородок. Последний прием препарата, за-

держивающего рост бороды, еще действовал, но огорчало то, что его действие не распространялось и на рост усов.

— Насколько я понимаю,— сказал он,— эти... эти... существа соединяются в э-э... содружества в зависимости от того, какая комбинация является оптимальной для предстоящего дела?

— Да. Так происходит этот процесс у большинства особей, которые мы изучали. Последнее из упомянутых существ, очевидно, является умелым фермером. В других комбинациях хиши могут быть выдающимися мастеровыми, охотниками, музыкантами — чем угодно. Вот почему отсутствует потребность в большом населении — отпадает надобность в различных и многочисленных специальностях в пределах одной группы.

— Ты сказала «группы»?

— Мне это слово кажется наиболее точным.

— Но откуда одному известно, что умеет другой?

— Видишь ли, процесс запоминания для нас прост. У хишей несколько иначе. Для того чтобы информация не затерялась, ее нужно постоянно освежать в памяти, и искусство это приобретается с практикой. Клетки памяти сохраняют информацию до тех пор, пока живо умение ее поддерживать. Скажем, ноги сохраняют знания по ботанике, так как имеют дело с землей. Руки помнят ремесло. Крипло хранят знания по метеорологии и географии. Но на самом деле не так все просто. Все индивиды хранят информацию своего рода. Особенно это касается ремесла. Но ты, я думаю, и так все понял.

— Но...

— Позволь мне продолжить, Доминик.— Катрин пылала таким энтузиазмом, которого он никогда не видел ни у одной женщины.— Вопрос культуры. Лидонианские культуры не столь разнообразны, как некогда были земные. Единения знают друг о друге мало из-за отсутствия концентрации внимания. Эмоциональные и интеллектуальные аспекты не имеют большого значения. Сами группы находятся на первобытном уровне развития. Некоторые в высшей степени ограничены в вопросе родственных связей. Скажем, их отдельные особи должны принадлежать одному единению до тех пор, пока смерть не нарушит их единства, если не считать неохотно заключаемых временных единений с целью получения какой-то новой информации. Эти общества тяготеют к более высокой степени культуры, которая, впрочем, нисколько не выше уровня каменного века и абсолютно не развита в эстетическом смысле. И в любом случае лидониане не сознают полностью своих потенциальных возможностей.

— Понятно,— протянул Фландри,— повесы против пуритан.

Она кивнула, потом улыбнулась.

— Это как тебе будет угодно. Их единения являют собой настоящие индивидуальности. Они очень подвижны в своих составных частях, зато каждое обладает максимумом талантов в данной специальности. К тому же менее развитые партнерства более скромны в своих потребностях.— Она посмотрела на небо.— Думаю, что для нас скоро создадут Открывателя Пещер.

Два крипло спланировали вниз.

Очевидно, один принадлежал Хозяину Песен, а другой — Открывателю Пещер, хотя Фландри и не мог отличить одного от другого. Вероятно, объединение руки и ноги было одинаковым и для Хозяина Песен, и для Открывателя Пещер. Над деревьями появились другие крипло, и еще несколько рук показались из дома. «Через несколько минут нам предстоит присутствовать на настоящем собрании»,— подумал Фландри.

Он перенес внимание с Катрин на вновь созданного Открывателя Пещер. Между ними начался диалог. Первое время разговор шел с перебоями, поскольку оба участника несколько лет не практиковались в наречии и оно отличалось от того, на котором говорили в окрестностях порта Фредериксон. Но через некоторое время диалог сделался более оживленным.

Часть группы приблизилась и наблюдала, обмениваясь замечаниями. Остальные были заняты собиранием растений. Рука подошел поближе, таща на себе толстую пуповину ноги. Синие пальцы ощупали одежду Фландри и попытались расстегнуть кобуру бластера, что совсем не понравилось его хозяину, хотя оружие и было поставлено на предохранитель. Зная, что Катрин могла не одобрить подобный отказ, он снял свой рюкзак и разложил его содержимое на земле: это дало занятие сразу нескольким существам. Убедившись, что они не украдут и не испортят его вещи, Фландри сел и задумался.

Прошел час, другой, и короткий день начал клониться к вечеру. Катрин подозвала Фландри движением руки.

— Они рады встрече с нами и готовы оказать гостеприимство,— сказала она.— Но вряд ли они смогут провести нас через горы. Тамошние жители воинственны. Кроме того, в это время года у хишей много работы в лесу и в поле. Но, как я поняла, общине понравилась плата, которую мы предлагаем,— огнестрельное оружие и стальные инструменты. Они создадут того, кто называется Много Мыслей, и подумают. А тем временем предлагают остаться здесь.

Врач был доволен этим обстоятельством. Его лечение благоприятно действовало на раненых, и продолжительный отдых пошел бы

им только на пользу. Он предложил Фландри продолжать поиски базы, а раненых под его присмотром оставить в общине. Фландри это вполне устраивало, так как предстоящий переход обещал быть трудным, и такой вариант казался предпочтительнее.

Все направились к дому. Среди огромных существ люди ощущали себя карликами. Лишь Катрин чувствовала себя достаточно свободно. Она все время смеялась и болтала.

— Для меня все это — как дом родной,— сказала она своим спутникам.— Я стала уже забывать, до чего же увлекательно было работать на Лидо и как я любила эту работу.

«У тебя, наверное, и к любви большие способности»,— полумал Фландри. Эта мысль при любых других обстоятельствах добавила бы ему энергии, но сейчас вызвала в нем только робость.

Они поднялись на холм. Перед ними расстилалась долина, изрезанная каналами. На горизонте виднелась гряда скал.

— Они называют этот район Громовым Камнем,— сказала Катрин.— Хиши всему дают вполне точные названия.

Сверху хорошо был виден весь «поселок» хишей — группа бревенчатых строений, крытых торфом. У каждого дома имелся небольшой огороженный дворик с навесом от дождя. Почти во всех двориках расхаживали, сидели, ели, спали хиши. Взрослые представляли собой различные комбинации рук, ног, крыльев. Две особи женского пола кормили маленьких ног молоком.

— Что это, школа?— спросил Фландри.

— Можно сказать и так,— ответила Катрин. — Примитивное обучение и развитие. Они заняты слишком важным делом, чтобы мешать им. По мере того как дети подрастают, у них появляются более серьезные обязанности. В конце концов они займут в устойчивых единениях места умерших особей.

— Ого! Если бы молодость знала, если бы старость могла! Похоже, лидониане решили эту проблему.

— И некоторым образом одержали победу над смертью. Потому что поколение за поколением личности как бы вливаются друг в друга, не теряя ранее приобретенные знания. Преемственность... Теперь понятно, почему они так привлекают к себе внимание исследователей?

— Конечно. Я не обладаю азартом ученого, но сейчас готов пожалеть об этом.

Она внимательно посмотрела на него.

— Знаешь, Доминик, ты, по-моему, больший философ, чем кто-либо из моих знакомых.

«Ты, Катрин, конечно, очень милая женщина,— подумал Фландри,— но все-таки я с гораздо большей радостью оказался бы в твоей компании где-нибудь за десяток парсеков отсюда».

В открытые окна и двери можно было разглядеть устройство жилищ: утрамбованный глиняный пол, украшенные резьбой перекрытия, ковры и оружие на стенах. В очаге пылал огонь. Для удаления дыма были устроены дымоходы из кожи, натянутой на каркас. Для освещения помещения использовались факелы, закрепленные на стенах.

Фландри указал на шкуру:

— Если они травоядны — я имею в виду тех, крупных ребят, — то зачем же они охотятся?

— Из-за тех продуктов, которые дают животные,— ответила Катрин.— Кожа, кости, жир, сухожилия... ш-ш-ш!

Процессия приближалась к насесту, на котором сидел старый крипло. Хромой, с покалеченным крылом, он тем не менее своим обликом напомнил Фландри орла. Каждый нога наклонял перед ним свой рог. Летающее существо, что составляло часть Открывателя Пещер, поднялось вверх и опустилось на насест. Нога протянул свои щупальца. Старик совершил процесс соединения. Его глаза обратились в сторону людей и озарились светом.

— Много Мыслей,— прошептала Катрин.— Их мудрейший. Хишу понадобится некоторое время, чтоб усвоить полученную информацию.

— Он что, особо одаренный?

— Ш-ш-ш-ш, не так громко. Я не знаю местных обычаев, но здесь, кажется, Много Мыслей пользуется уважением... Ты имеешь в виду, что особи с лучшей генетической наследственностью должны входить в состав одаренных соединений, не так ли? Насколько я понимаю, Открыватель Пещер — исследователь и путешественник. Хиш впервые встретился с людьми в лагере, находившемся в двухстах километрах отсюда. Много Мыслей получает силу и смелость от того же ноги, но путешествие этого хиша совершается мысленно... Теперь этот хиш, думаю, уже вполне готов. Мне придется повторить все то, что я уже говорила, — полученная ранее информация исчезла вместе с улетевшим крипло.

Разговор длился до наступления ночи. Факелы были зажжены, огонь пылал в очаге, в каменных горшках готовилась еда. Ноги, хотя и могли питаться лишь сырыми овощами, предпочитали тем не менее более густую и вкусную еду, если только ее можно было получить. Из леса вернулись домой другие лидониане. Они освещали себе путь фосфоресцирующими губками. Все

несли корзинки со съедобными кореньями. Без сомнения, и охотники и фуражиры уходили сразу на несколько дней. Дом наполнился гудением, пением, кашляющими звуками. Фландри и его спутникам стоило немалых трудов, чтобы оградить раненых товарищей от назойливых взглядов хозяев, но так, чтобы не обидеть их при этом.

Наконец Катрин сделала последний почтительный жест и подошла к своим спутникам. Отблески красноватого огня сверкали в ее глазах.

— Мне нелегко было его убедить,— возбужденно проговорила она.— Но все же я смогла это сделать. У нас будут сопровождающие, проводники и носильщики. Думаю, часа через четыре мы сможем начать путь к нашему дому.

— К вашему дому,— проворчал один из людей Фландри.

— Попридержите язык,— велел ему тот.

ГЛАВА 10

Несколько столетий назад недалеко от бета Кручис прошла планета-бродяга. Лишенные солнца миры не являются таким уж необычным явлением, но встреча одного из них со звездой — явление очень редкое для необъятной Вселенной. Огромное голубое солнце растопило океаны и разогрело воздух планеты. На несколько лет на ней воцарился сущий ад.

Межзвездный холод неизбежно должен был вновь вернуться на планету, так что происшедшее не оставило бы на ней никаких следов. Но по воле случая этот инцидент совпал с эпохой Политехнического союза и был замечен теми, кто решил воспользоваться несметными сокровищами планеты. Доведенный до высшей степени совершенства изотопный синтез, что так необходим пожирающим звезды цивилизациям, был самым слабым звеном промышленности. В качестве охлаждающей среды нужны были моря и океаны, а в качестве свалки радиоактивных элементов — континенты. Любой из известных безжизненных миров был или слишком холодным, или слишком жарким, или же обладал еще каким-либо изъяном. И вот появилась планета Сатан с той идеальной температурой, которая требовалась для поддержания ядерного производства. Едва стихли бури и землетрясения, как планета была заполнена разведчиками, но затем ее на некоторое время забросили.

Постоянно на Сатане никто не жил. Ни одно живое существо не могло вынести пагубного влияния ядовитого воздуха и убийственно радиоактивной почвы. Речь могла идти только о самом коротком пребывании при наличии мощной защиты. Роботы, компьютеры и разнообразные приборы — вот кто были ее постоянными обитателями. Они продолжали работу, пока цивилизация занималась своими проблемами. Когда наконец Империя послала на планету автоматический корабль, тот принял на борт объемистый груз.

Колонизация сектора альфа Кручис и организация системы его обороны стали главной причиной заселения планеты Сатан.

На экране командной рубки Хуга Мак-Кормака изображение планеты казалось несколько размытым из-за окружающей ее дрожащей атмосферной оболочки, сквозь которую неясно просматривались облака, океаны, континенты. Зрелище было невеселым, особенно если представить себе панораму планеты: обглоданные как кости горы, долины в глубоких шрамах оврагов, голые каменистые равнины, холодные моря.

Но для Хуга Мак-Кормака Сатан означал победу.

Он отвел взгляд от планеты и устремил его в открытый космос. Туда, где предстояли главные события.

— Мне следовало бы быть там,— сказал он.— Я должен был настоять.

— Вы ничего не смогли бы сделать, сэр,— сказал Эдгар Олифант.— После того как тактическая часть закончена, игра развивается сама по себе. И вас могли бы случайно убить.

— Уж лучше так.— Мак-Кормак хрустнул пальцами.— Мы болтаемся здесь у безопасной планеты, а там идет битва — битва не на жизнь, а на смерть.

— Но вы еще и верховный главнокомандующий, сэр.— Когда Олифант говорил, с его сигары, зажатой в зубах, сыпался пепел. — После того как мы начнем получать данные, вы должны будете принимать решения.

— Знаю, знаю. — Мак-Кормак расхаживал взад-вперед по мостику. Вдоль стен протянулись ряды компьютеров. Неслышно входили и выходили посыльные. Никто, не считая его самого, уже не заботился о соблюдении устава. Все были слишком заняты, следя за битвой, что велась против адмирала Пикенза. Кое-какие подробности они узнали у захваченных пленных. Мак-Кормаку страшно хотелось, чтобы «Персей» принял участие в сражении, где каждое лишнее орудие могло сохранить жизнь многим из его людей. Корабль относился к имеющимся у него в очень ограниченном

количестве дредноутам класса «Нова». Ни одно другое судно просто не в состоянии было вместить такого количества снаряжения.

— Мы тоже могли бы принять участие в битве, — сказал Мак-Кормак. — В прошлом ведь уже приходилось действовать подобным образом.

— Но это было до того, как вы стали императором, — возразил Олифант.

Мак-Кормак остановился и поглядел на него. Тот, жуя свою сигару, продолжал:

— Сэр, у нас не так уж много активных сторонников. Большинство лишь сидит и молчит, выжидая и не поддерживая ни одну сторону. Зачем все бросать на алтарь революции, если у обывателя нет веры в то, что вы принесете ему лучшую долю? Мы, без сомнения, могли бы рискнуть своим штабом. Но мы не можем рисковать вами. Без вас революция захлебнется еще раньше, чем подоспеют земные силы для ее подавления.

Сжав кулаки, Мак-Кормак посмотрел на Сатан.

— Да, вы правы, — пробормотал он. — Я рассуждал как мальчишка.

— Я понимаю, — проговорил Олифант. — Ведь два ваших сына сражаются там.

— А сколько чужих сыновей? Гуманоиды или ксено, ведь все они умирают, их калечат... Ну, хватит! — Наклонившись над перилами мостика, Мак-Кормак стал изучать большое демонстрационное табло. Мигание его разноцветных огней давало лишь слабое представление о том, что происходило в космосе. Здесь информация была неполной и часто недостоверной.

Согласно представленным данным, тактика Мак-Кормака оказалась верной. Разрушение планеты Сатан было бы слишком большой экономической потерей для сектора, чтобы на нее мог решиться такой осторожный человек, как адмирал Пикенз. Следовательно, Вооруженным силам императора Джасипа будет запрещено приближаться к планете. Это обстоятельство позволяет Мак-Кормаку действовать так, как в другом случае считалось бы безумием. Конечно, Пикенз в любой момент может совершить прямое нападение, и это обстоятельство тоже надо учитывать. Тогда Мак-Кормак уже безо всяких угрызений совести мог бы использовать Сатан для защиты от противника. Будет ли планета разрушена или нет — ресурсы ее в любом случае будут потеряны для врага, и это неминуемо приведет к отрицательным последствиям.

— Предположим, мы победим, — сказал Олифант. — Но что потом?

Этот вопрос часами обсуждался Мак-Кормаком с его помощниками, но пока так и остался открытым.

— Все зависит от того, какие силы окажутся у противника. Нам нужно захватить возможно большее пространство, но при этом не допустить распыления сил. Сейчас для нас важнейшим является вопрос снабжения. Мы не сумели выполнить наши потери и поэтому не можем позволить себе нормальное потребление припасов.

— Следует ли нам атаковать Ифри?

— Нет. Это слишком рискованно. Будет лучше, если нам удастся изолировать его от внешнего мира. Кроме того, база неизбежно понадобится нам самим.

— Значит, Ллинотавр? Я хочу сказать... мы ведь получили информацию о том, что ваша жена была освобождена каким-то правительственным офицером... — Олифант замолчал, видя, что фраза попала в цель.

Мак-Кормак тоже молчал. Наконец он проговорил:

— Нет, они будут защищать его до последнего, и Катапрайнис будет стерт с лица земли. Сейчас речь не о Катрин.

«Неужели император способен на такое?»

Видеоэкран мигнул и засветился. На нем возникло взволнованное лицо.

— Сэр... ваше величество!.. Мы победили!

— Что? — Мак-Кормаку понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать полученную информацию.

— Совершенно точно, ваше величество. Рапорты поступают один за другим. Общий итог не подведен, но сомнений в победе нет. Победа над «Зета Орионос» стала для нас решающей. Они повсюду выходят из боя. Нужно поторопить их с отходом. Необходимы тактические импровизации... Мы получили подтверждение, что «Риксен» невредим, от «Корабля Джона» и «Пробса» сообщений нет, но и видимых оснований для тревоги тоже нет. «Корабль Колина»... Бог мой! Минутку, важное сообщение... Сэр, получено сообщение, что у «Акванлипа» тяжелые повреждения. Ведь это судно наверняка было флагманским! Они попались! Мы можем проглотить их в любой момент!

— Отлично, капитан, — проговорил Мак-Кормак, — ждите меня на мостике.

Аарон Снелунд, оставив несчастного адмирала Пикенза сто-

ять, выбрал сигару из украшенного драгоценностями портсигара, покатал ее в пальцах, втянул в себя запах земной «Короны», смешанной с марихуаной, закурил, с комфортом устроившись в кресле, и принялся наслаждаться процессом курения. В комнате больше никого не было, если не считать застывшего в неподвижности гораунианина. Диаскульптуры были выключены, но музыка продолжала звучать. Под такую музыку танцевали дамы и господа тысячелетия назад.

— Превосходно, — пробормотал, закончив, Снелунд. Он кивнул ожидавшему его крупному седоволосому человеку. — Успокойтесь.

Пикенз казался все таким же взволнованным.

— Сэр... — Голос его был выше, чем раньше. Было видно, что за ночь он сильно постарел.

Снелунд прервал его взмахом руки.

— Не волнуйтесь, адмирал. Я изучил отчеты. Мне понятна общая ситуация. Я вызвал вас для откровенного разговора без свидетелей. Адмирал, что вы можете мне посоветовать?

— Об этом... об этом говорится в моем личном отчете, сэр.

Снелунд поднял брови. Пот заструился по щекам Пикенза.

— Сэр, наши оставшиеся силы не намного меньше сил врага, — проговорил он. — Если только не принимать в расчет Сатан. Мы могли бы какое-то время удерживать часть сектора. Люди пока смогут отдохнуть. Марсианская конфронтация не может длиться вечно. Дождавшись подкрепления, мы можем ринуться в решающий бой.

— Последний ваш «решающий бой» закончился весьма плачевно, адмирал.

Мускулы задергались в углу рта Пикенза.

— Вы получили мое прошение об отставке?

— Я не принял его. И не приму в будущем.

— Сэр. — Рот Пикенза открылся сам по себе.

— Спокойнее. — Снелунд сменил саркастический тон на деловой, а манеры с небрежно-ленивых на энергичные. — Вы не должны так себя винить, адмирал. Вам всего лишь не повезло — вы столкнулись с человеком более опытным. Если бы не ваше мастерство, от наших сил они могли вообще ничего не оставить. По сути, вы спасли половину нашей армады. У вас нет воображения, зато есть компетентность, а это ценное качество в подобных паршивых ситуациях. Нет, я не приму вашей отставки. Я хочу, чтобы вы продолжили борьбу.

Пикенз задрожал. Слезы выступили на его глазах.

— Садитесь, — предложил Снелунд, и Пикенз буквально

рухнул в кресло. — Компетентность и профессионализм означают организованность и целеустремленность. И вы их проявите. Я же отвечаю за воображение. Иными словами, отныне я планирую, а вы выполняете. Понятно?

Вопрос его прозвучал как удар хлыста.

Пикенз задохнулся и с трудом выговорил:

— Да, сэр.

Перед Снелундом стояла трудная задача — превратить боевого офицера в послушного человека, не лишив его при этом деловых качеств.

— Хорошо. Если хотите, можете закурить, — заметил губернатор. — Позвольте подробнее объяснить вам мой план. Первоначально я рассчитывал использовать леди Мак-Кормак, но этот подлец Фландри исчез вместе с ней. — Гневом пылали его глаза. — У вас есть сведения, что с ними стало?

— Нет, сэр. Нашей службе разведки пока не удалось внедрить своих агентов в штаб противника. Это требует некоторого времени. Но, собрав разрозненные сведения, мы пришли к выводу, что она вряд ли добралась до своего мужа. У нас нет сведений и о прибытии ее на какую-либо другую планету.

— Хорошо, — сказал Снелунд, — я не завидую Фландри, когда он объявится. Но все это, в общем, не имеет большого значения. Ситуация изменилась. Я все обдумаю заново. Что касается вашего предложения позволить Мак-Кормаку захватить большую часть сектора, то это очень опасно по самой своей сути. Мак-Кормаку такой вариант будет только на руку. Позволить ему провозгласить себя императором, упорядочить свои силы и наладить защиту со всем его распроклятым умением, а это вполне реально, — значит позволить ему укрепиться до прихода земных сил. Подумайте о том массовом энтузиазме, который возник среди его союзников. Подумайте о дезертирах, которые будут перебегать к нему по мере успешного развития дел. Имейте в виду, что вирус бунтарства может выйти за пределы этого сектора и пойти гулять по Империи до тех пор, пока в один прекрасный день не восторжествует повсюду.

— Я... я думал обо всем этом, ваше превосходительство, — неуверенно забормотал Пикенз.

— Более того, — усмехнулся Снелунд, — допустим, что Империя сможет одержать над ним победу. И тогда, как вы думаете, что станет со мной и с вами? Нам не дадут наград за то, что мы допустили мятеж, а потом не смогли подавить его собственными силами. Заработают языки. Закивают головы. Совершенно очевидно, что соперники воспользуются предоставившейся возмож-

ностью дискредитировать нас. Но если мы сможем справиться с Хугом Мак-Кормаком без чьей-либо помощи и расчистить тем самым путь моей полиции для изоляции предателей, что ж, слава — общепринятое вознаграждение за заслуги. На нее, если поведем себя умно, мы купим многое. Рыцарство и чин для вас, возвращение с честью ко дворцу императора — для меня. Или я не прав?

Пикенз провел пересохшим языком по губам.

— Разве имеет значение судьба отдельных личностей, когда миллионы и миллионы жизней...

— Но ведь и они тоже личности, не так ли? И потом, служа себе, мы служим тем самым и Империи, которой приносили присягу. Так перестанем же быть идеалистами с кровоточащими сердцами. Давайте займемся нашим непосредственным делом — подавлением восстания.

— Что предлагает губернатор?

Снелунд погрозил ему пальцем.

— Не предлагает, адмирал, а приказывает. Детали мы обсудим позже. Но главная наша задача в том, чтобы поддерживать пожар войны. Правда, мы должны особенно тщательно организовывать оборону наших жизненно важных центров, но и для маневра остается вполне достаточно сил и средств. Избегайте любого крупного вооруженного столкновения. Вместо этого — набеги, изматывающие противника рейды. Ударьте и отходите. Никогда не атакуйте, не имея значительного перевеса сил. Особое внимание обратите на разрушение промышленных районов противника.

— Сэр! Но ведь там же наши люди!

— Мак-Кормак утверждает, что это его люди. Он является причиной их страданий, поскольку наши шаги — ответ на его действия. Это свяжет ему руки. Уверяю вас, я не собираюсь полностью разрушать сектор. Напротив, мы должны будем разобраться с каждым отдельным участком восстания. Оставьте мне право принимать решения. Главное — и в этом суть моего замысла — неустанно ослаблять силы противника.

Снелунд выпрямился. Одна его рука с силой сжала поручень кресла.

— Боеприпасы и продовольствие, — проговорил Снелунд,— это ахиллесова пята Мак-Кормака. Он мог бы нас стереть в порошок в генеральном сражении.-Но битву на истощение он не выиграет. Еда, одежда, оружие, инструменты, детали кораблей и целые корабли — все это флот должен получать непрерывным

потоком, иначе он погибнет. Ваша задача заключается в том, чтобы подрывать источники снабжения.

— Будут ли наши действия эффективны, сэр? — спросил Пикенз. — Он наладит защиту, организует контроль, будет совершать контрвылазки.

— Да, да, я знаю. Ваша функция очень важна, но является лишь частью общих усилий. Главное — лишить Мак-Кормака поддержки управленческого слоя населения сектора.

— Я... я не понимаю, сэр.

— Этого многие не понимают, — сказал Снелунд. — Но подумайте о том, что именно административный аппарат и составляет фундамент любого правительства. Не важно, платит ли ему государство или какая-нибудь частная организация. Именно управленцы занимаются повседневной работой: поддержание функционирования космопортов и линий перевозок, доставка почты, бесперебойная работа компьютерной связи, сбор и передача необходимых данных, контроль за здоровьем людей, борьба с преступностью, улаживание споров, распределение ресурсов... Нужно ли мне продолжать? — Улыбка его стала шире. — Между нами, — сказал он, — мне послужил хорошим уроком полученный здесь опыт. Как известно, я уже произвел те изменения в работе полиции и административного аппарата, которые считал необходимыми, но преуспел в своих намерениях лишь в известной степени, в основном на второстепенных планетах, где сеть гражданских служб еще не получила достаточного развития. В других же случаях мне слишком мешал бюрократический аппарат. Это вам не флот, адмирал. Я нажимаю на кнопку интеркома, отдаю распоряжение — и ничего не происходит. Бесконечные просьбы о разъяснениях начинают медленный путь обратно ко мне. Отчеты складываются в папки и предаются забвению. Все это похоже на борьбу с туманом. И большей частью я так ничего и не смог сделать. Мне предписано иметь все эти организации. Для них не существует замены. Я намерен дать Мак-Кормаку возможность почувствовать это на своей шкуре.

— Каким образом, сэр? — Пикенз настороженно подался вперед.

— Вот этот-то вопрос я и хотел обсудить сегодня. Мы должны связаться со всеми этими планетами. Следует убедить должностных лиц, что служить повстанцам им совсем не выгодно. Их природная трусость сыграет нам на руку. Если вдобавок мы одних подмажем, а другим пригрозим, да прибавим еще несколько случайных убийств и бомбардировок... Вы следите за моей мыслью? Мы должны внедрить своих агентов на всей подконтроль-

ной Мак-Кормаку территории раньше, чем он успеет организовать там службу безопасности. Да, я полностью уверен в том, что мы сможем расшатать машину гражданской службы Мак-Кормака. А без нее на флоте начнется голод. Вы со мной согласны?

— Да, сэр, конечно. — Пикенз судорожно сглотнул.

— Хорошо. — Снелунд встал. — Идемте в конференц-зал. Мой штаб ждет. Обсудим план в деталях. Хотите стимулирующую таблетку? Совещание, возможно, затянется надолго.

Снелунд любил наслаждаться радостями жизни, но если он ставил перед собой цель, то свернуть с пути его не мог уже никто. Именно поэтому он и заставил говорить о себе сначала на Венере, потом на Земле, а теперь и на альфа Кручис.

ГЛАВА 11

Катрин определила расстояние между Громовым Камнем и портом Фредериксон примерно в две тысячи километров. Воздушный транспорт преодолел бы его за пару часов, а космическое судно — за такое же количество минут или даже секунд. При пешем переходе оно растянется на недели.

Путь был очень труден и мало знаком лидонианам. Подобно большинству примитивных народов, они редко уходили за пределы обжитой территории. Предметы торговли передавались обычно непосредственно от общины к общине, а не с караваном, проделывающим долгий путь. Поэтому проводники, согласившиеся сопровождать людей, часто, особенно в горах, выбирали ошибочное направление, что замедляло движение всего отряда.

Более того, короткий период вращения планеты также не позволял двигаться быстро. Аборигены отказывались идти после наступления темноты, и Фландри не возражал, понимая, что в условиях незнакомой местности такое передвижение действительно было бы неразумным. Дни удлинялись по мере смены времен года: в середине лета продолжительность дня составляла семь часов. Лидониане использовали не более четырех-пяти часов. Причина этого носила практический характер. В пути оторванный от фермы и обильного питания нога должен был есть за троих — все, что удавалось найти. Растительная же пища менее калорийна, чем мясная, и аборигенам нужно было время, чтобы наполнить себя «горючим».

— Из нас никто не страдает отсутствием аппетита, — сказал

Фландри, обращаясь к Катрин. — Не знаю, долго ли протянем на таком рационе?

— Можно воспользоваться кое-какой местной едой, — успокоила его Катрин. — В некоторых растениях и животных есть соединение «ево», напоминающее по своему составу земные соединения, содержащие глюкозу. Я могу показать тебе и ребятам, где это найти.

— Что ж, полагаю, мы с успехом можем поползать в их поисках. Будем привыкать к устричной жизни.

— Устричной?

— А что делают устрицы? Главным образом ничего. — Фландри провел пальцем по своим усам. — Черт возьми, что за отвратительная щетина! Две вещи я не догадался спасти — бритву и зеркало.

— Почему же ты раньше не сказал? — Катрин рассмея- У них есть бритвы. Неудобные и не очень острые, но волосы тем не менее стригут. Позволь мне быть твоим парикмахером!

От прикосновения ее рук Фландри испытывал головокружение. Он был рад, что остальным она дала возможность позаботиться о себе самим.

Все они в какой-то степени попали под ее очарование. Это было отчасти оттого, что она была единственной женщиной среди них. Все добивались ее внимания и оказывали ей свое. Фландри это страшно не нравилось, но ничего изменить он не мог. Отношения в отряде и так уже были натянутыми. Люди еще подчинялись ему, но дисциплина, конечно, была уже не такой строгой. Упростились даже отношения между офицерами и рядовыми. Он чувствовал, что должен как-то воспрепятствовать этому процессу. Отношение к нему становилось если не враждебным, то отчужденным как к человеку, стоящему в стороне от их общих интересов.

Однажды ночью он проснулся и случайно подслушал, как кто-то из его команды говорил, что не согласится на интернирование, а примкнет к войскам Мак-Кормака. Остальные ему нерешительно возражали. Вот это-то и беспокоило Фландри. Он начал регулярно подслушивать разговоры. Делал он это потому, что хотел знать намерения каждого члена своего отряда.

Они шли вдоль гряды скал. Территория принадлежала родственной для племени Громового Камня общине, и оно охотно пропустило их через свои земли.

По земным меркам климат этой местности был тропическим, но воздух менее влажным. Легкий ветерок освежал и нес приятные

запахи. Повсюду росли разнообразные деревья и кустарники. Слева и справа от тропы громоздились каменистые образования, напоминающие земные кораллы. Их ярко-красная и голубая окраска резко контрастировала с серым небом.

Ни один из проводников-лидониан не был в завершенном состоянии: они представляли собой комбинации из рук и ног. Две руки были заняты сбором ягод, а крипло летали на разведку. Лидониане без труда несли всю поклажу, и поэтому люди, шедшие налегке, не отставали от них.

Рядом с Фландри шла Катрин. Ее фигура, обтянутая комбинезоном, легкая танцующая походка, развевающиеся волосы, загорелое лицо и сияние огромных золотисто-зеленых глаз — все волновало его. Чтобы отвлечься, он сбивчиво заговорил на постороннюю тему:

— Разве... пантеистическая концепция не является для лидониан вполне естественной?

— Не более чем монотеистическая является неизбежной и естественной для человека, — с поспешностью ответила Катрин. — Все зависит от уровня развития культуры. Некоторые общины имеют свои индивидуальные особенности, и это выделяет их не только среди прочего населения, но и среди других общин. Их ритуалы напоминают мне празднества некоторых древних людских племен. Некоторые склонны к воинственности.— Она указала вперед, туда, где смутно маячили голубые вершины. — Боюсь, что на своем пути нам придется миновать общину такого рода. Это одна из причин, по которой этот поход не одобрялся в общине Громового Камня. Нужно напомнить Много Мыслей насчет нашего оружия.

— Существа, не боящиеся смерти, — опасные противники,— сказал Фландри. — Тем не менее я не могу себе представить, чтобы лидонианина радовала потеря одной из составных частей. И хиш должен бояться боли.

Катрин улыбнулась, но улыбка ее была напряженной.

— Ты делаешь успехи. Из тебя вышел бы неплохой ксенолог.

Он пожал плечами.

— Благодаря моей профессии мне приходилось вступать в контакты с различными существами. И у меня сформировалось твердое убеждение, что мы, люди, самое странное племя. Правда, эти наши лидониане от нас недалеко ушли. Тебе что-нибудь известно о том, как они эволюционировали?

— Да, раскопки дали кое-какие результаты. Древние хиши

имели примерно такой же облик. И почему мы вечно находим деньги на войну, а на все остальное их жалеем?

— Очевидно, потому, что для людей война предпочтительнее.

— Хочется надеяться, что люди когда-нибудь поймут истину.

— Ты недооцениваешь способность человека великолепным образом игнорировать то, о чем буквально вопит история, — сказал Фландри. И, не давая ей переключиться на Хуга, желавшего переделать Империю, он добавил: — Так какие же подробности ты можешь мне сообщить относительно эволюции на Лидо?

— Считается, что основные изменения начались примерно миллион лет назад. Предки ног паслись на равнинах, но суховеи, по-видимому, заставили их переместиться в сторону сохранившихся лесов, чтобы питаться листьями. Общие интересы сблизили их с предками крипло. Когда деревья умирали, крипло могли отыскивать корм в других местах и приводили туда ног. Руки же следовали за ними как привязанные.

В конце концов отдельные существа достигли дальнего края Барканского континента. Там водились отвратительные гигантские насекомые, которые не только сосали кровь, но и заражали раны микробами, от чего те долго не заживали. Предки ног были меньше нынешних, а их кожа — более тонкой. Сначала руки и крипло защищали их, но потом, должно быть, сообразили и стали сами сосать кровь, разнообразя этим свой скудный рацион.

— Дальнейшее их развитие я могу проследить и сам, — сказал Фландри. — Обмен гормонами, взаимная польза, скрепление союза... Счастье, что ни одному из них не удалось развиться до высокосознательного организма. А то мне пришлось бы сейчас очищать от них территорию. Но симбиоз, похоже, сделал свое дело на совесть. Завораживающие возможности для цивилизации!

— Мы не слишком рекламировали их, — сказала Катрин, — потому что не знали, что может пойти им на пользу, а что оказать катастрофическое воздействие.

— Боюсь, что это можно узнать только методом проб и ошибок, — возразил ей Фландри. — Я бы с огромным интересом проследил развитие этого существа от самого момента рождения.

— А почему бы не поместить среди лидониан нескольких гуманоидов? — вспыхнула Катрин.

— Прости меня. («Ты даже негодуешь очаровательно».) Всего

лишь неудачная шутка. Я и так слишком много повидал. К тому же я забыл, что они твои друзья. Конечно, я и сам хотел бы с ними подружиться. В перспективе у нас двух-трехмесячный поход и куча свободного времени. Почему бы тебе не обучить меня их языку?

Она посмотрела на него с удивлением.

— Ты это серьезно, Доминик?

— Конечно. Правда, я не обещаю хранить эти знания всю жизнь. Моя голова просто забита информацией. Но сейчас мне это пригодится. Я хочу разговаривать с хишами без посредников. И кто знает, может, я набреду на новую гипотезу относительно их происхождения, слишком невероятную, чтобы она могла прийти в голову аэнеасцу.

Катрин положила руку на его плечо. Это был ее характерный жест — она любила касаться людей, которые чем-то ее взволновали.

— Ты не похож на представителя Империи, Доминик, — сказала она. — Ты принадлежишь нам.

— Если бы это было возможно! — пробормотал он, явно смущенный.

— Зачем тебе поддерживать Джасипа? Ты же знаешь, что он собой представляет. Ты видел его любимчиков, таких, как Снелунд, который вполне может оказаться на месте Джасипа. Так почему же тебе не присоединиться к нам?

Он-то знал, почему не может присоединиться к повстанцам. Ведь он смотрел на происходящее исходя из убеждений, что революция победить не может. Но сказать ей об этом он не мог.

— Может быть, ты меня и убедишь когда-нибудь, — проговорил он. — А пока — как насчет уроков языка?

— *Ну конечно же!*

Фландри не мог отказать своим людям присоединиться к этим занятиям. Однако, мобилизовав все свои незаурядные способности, он вскоре обошел их, и те вынуждены были отступить. Таким образом, он обеспечил себе постоянное внимание Катрин на несколько недель вперед. Фландри не замечал ревнивых взглядов товарищей, и сам не испытывал ревности, когда видел ее весело болтающей с кем-либо из членов отряда или сидящей у костра с его людьми.

Не встревожился он и тогда, когда один из членов его команды по имени Робин после похода с Катрин за съедобными кореньями вернулся с виноватым лицом и подбитым глазом. Она появилась несколько позже Робина и вела себя с ним совершенно

так же, как и раньше. Должно быть, насчет этого инцидента между ними существовал уговор, так как никто никогда о нем не упоминал.

Успехи Фландри в изучении языка изумляли Катрин. Этому, помимо врожденного таланта, помогала и школа в «Интеллидженс» — беспощадная муштра в области лингвистики, искусства, запоминание и концентрация внимания. Немногие гражданские ученые получали такое блестящее образование в этой области, да они и не нуждались в нем в отличие от полевых агентов.

В течение недели он понял структуру языка племени Громового Камня. Задача эта была не из легких, если учесть, что разум лидониан был совершенно отличен от человеческого. Овладев основами грамматики и приобретя кое-какой словарный запас, Фландри, инструктируемый Катрин, начал понемногу разговаривать с лидонианами, в основном с Открывателем Пещер. Вначале результаты были ничтожны, но уже через неделю практики он смог вполне нормально поддерживать беседу.

Открыватель Пещер был достаточно коммуникабелен. Из общения с ним Фландри выяснил, что дома хиш занимался охотой, заготавливал дрова, а в свободное время изучал окрестности. Каждый год он совершал поход к озеру, называемому Золотым, где менее развитые племена устраивали ярмарку, и приобретал у них металлический инвентарь в обмен на меха и сушеные фрукты. Нога этого хиша обычно соединялся с определенными особями рук и крипло, образуя новое соединение — Главный Паромщик. В Громовом Камне нога и рука Открывателя Пещер принадлежат, кроме того, лидонианину Много Мыслей.

Они пользовались возможностью образовывать новые соединения лишь с целью обучения. Но зачем существу, имеющему возможность создать выдающееся соединение, входить в состав менее одаренного, Фландри понять не мог. Впрочем, трудно делать определенные выводы о существах с тремя разумами, каждый из которых помнит свою часть того, что связывает его с предками.

В обычном состоянии ноги вели себя миролюбиво. Но в случае сильного раздражения впадали в ярость. Крипло были эмоциональными и даже музыкальными. Они могли издавать очень сложные мелодичные звуки. Руки отличались живостью и любопытством. Число индивидуальностей было так же вели-

ко, как и у живых существ с хорошо развитой нервной системой.

Открыватель Пещер был влюблен в свою планету. Его воодушевляла перспектива увидеть порт Фредериксон и возможность отправиться куда-либо на космическом корабле. После того как хиш уяснил основные понятия из области астрономии, ксенологии и галактической политики, он стал выказывать в этих вопросах такую осведомленность, что у Фландри закралось подозрение: не выше ли потенциальные возможности лидониан, чем у людей? Не может ли их техническая отсталость быть случайным стечением обстоятельств?

«Будущее принадлежит им, а не нам, — подумал Фландри. — Катрин ответила бы: «Почему же? Оно может принадлежать нам всем!»

Тем временем переход продолжался. Они шли сквозь дождь и ветер, в туман и жару, мимо враждебных общин и наконец достигли более высотных и прохладных районов. Лидониане здесь мерзли и голодали, так как растительность в этих местах была скудной. Несмотря на то что крипло регулярно летали на разведку, отряд часто сбивался с пути. Поэтому им приходилось возвращаться и вновь искать дорогу. И именно здесь, в верхней части Маурусии, их настигла беда.

ГЛАВА 12

Самый удобный путь к одной из троп лежал через каньон. В течение мегалет по нему текла река, разливающаяся зимой и пересыхающая летом. Стены каньона давали защиту от ветра и несколько смягчали жару, поэтому растительность была более-менее разнообразной, а почва намного удобней для ходьбы, чем каменистая поверхность в других местах. Воздух был сух и прохладен. Несмотря на извилистость, этот путь казался наиболее оптимальным. Пейзаж впечатлял своей мрачностью. Отряд шел по правому берегу реки — широкой, мутной и опасной, несмотря на то что сейчас она находилась в спокойном состоянии. Кое-где над рекой высились искривленные деревья, но в основном каньон являл собой лабиринт из камней самой фантастической формы, подъемов и провалов. Серое небо и рассеянный свет смазывали краски и детали.

Катрин, погруженная в свои мысли, шла поодаль. Должно быть,

этот ландшафт напоминал ей родные места Аэнеаса. Фландри и его помощник также шли в стороне от всех, так что их разговор не был слышен.

— Черт возьми, сэр, почему это мы должны явиться в порт Фредериксон на милость победителя, а не для того, чтобы драться? — Хавелок казался искренне возмущенным. — Такое решение делает нас беспомощными и порождает панические настроения.

Фландри не стал говорить, что он все прекрасно понимает. Хавелок был менее скрытен, чем остальные, но некоторый барьер между ними существовал, и Фландри не одну неделю завоевывал его доверие. Он знал, что у Хавелока осталась на Земле невеста.

— Видишь ли, — сказал он, — я не собираюсь вести вас на явную гибель. Почему бы тебе не прощупать настроения людей? Я не хочу, чтобы меня обвинили в том, что я морочу людям голову, но ты мог бы выяснить, кто... достоин доверия и, скажем так, полон энтузиазма. Ты мог бы осторожно проговориться, что я решил пойти на прорыв без них. Мы же будем разрабатывать наш план скрытно, чтобы не возбуждать подозрений. Мы выведаем у Катрин план порта, и от этого будут зависеть наши дальнейшие действия. «Ты, Катрин, еще сыграешь важную роль», — подумал Фландри.

— Отлично, сэр, — сказал Хавелок. — Я надеюсь...

И тут произошло неожиданное.

Отряд, растянувшийся цепочкой, как раз проходил мимо одного из валунов, вокруг которого в изобилии валялись камни поменьше. Внезапно из-за груды камней выскочила группа вооруженных лидониан. Фландри едва успел подумать: «Дьявол! Они, должно быть, прятались в пещере!» — как в воздухе засвистели стрелы.

— Развернуться! — закричал он. — Огонь! Катрин, ложись!

Стрела просвистела у него над ухом. Нога издал трубный звук, рука вскрикнул. Бросаясь на землю, Фландри навел бластер на врагов. Те были разукрашены перьями, ожерельями из зубов, расписаны красками. Оружие их принадлежало к эпохе неолита — каменные топоры и копья, костяные стрелы, но в умелых руках это было достаточно смертоносное оружие.

Фландри осмотрелся. Во время путешествия он периодически тренировал своих людей на случай внезапной атаки. Сегодня это пригодилось. Они разбились на две группы по обе стороны от него. Каждый из тех, при ком имелся пистолет — на борту воен-

ного корабля такого оружия немного, — прикрывал двух-трех человек с холодным оружием.

Энергетический луч вспыхнул и погас. Рев и дикие крики, перекрывая шум реки, эхом пронеслись по каньону. Крипло исчез за завесой пламени и дыма, рука рухнул на землю, нога помчался прочь, испуская истошный вопль. Большая часть нападавших была повержена, но атака продолжалась. Оставшиеся в живых молниеносно проскочили сквозь ряды людей и набросились на трио Громового Камня. Один из людей с трудом уклонился от летящего прямо на него огромного серовато-синего тела. Владельцы бластеров едва успели отвести лучи в сторону.

— Катрин! — Голос Фландри потонул в общем грохоте. Он вскочил и огляделся. От нее он был отделен группой лидониан, боровшихся врукопашную. Ноги, почти неуязвимые для каменного оружия, пытались бодаться. Руки кололи и рубили, крипло наносили сверху удары крыльями. Целью нападавших было лишить хиша его единства. Несколько двухчленных соединений окружили то, что осталось от Громового Камня. Крипло Главного Паромщика, должно быть, погиб. Тело его лежало, пронзенное несколькими стрелами. Перья на хвосте развевались от слабого ветерка, пока нога случайно не наступил на него.

— Бей ублюдков! — закричал кто-то из людей. И те накинулись на воющую, мычащую и рычащую массу. Трудно было понять, почему дикари игнорируют людей, которые представляли гораздо большую опасность. Очевидно, они просто не могли осознать их присутствия.

Фландри побежал вдоль линии сражающихся, чтобы узнать, что с Катрин. «Я ведь не дал ей оружия!» — с ужасом вспомнил он.

Высокая фигура Катрин возникла в поле его зрения. Она стояла в стороне около высокого дерева, на которое могла бы забраться в случае опасности. Лезвие марсианского ножа сверкало в ее руке, и держала она его умело. Сжав губы, Катрин внимательно следила за происходящим.

Фландри почувствовал невыразимое облегчение. Повернувшись, он бросился в гущу дерущихся.

Каменный топор раскроил руку хиша. Копье вонзилось в его спину. Хиш упал прямо на рог дикарю, и тот подбросил его в воздух, а затем растоптал.

Люди снова открыли огонь. То была настоящая битва.

Оставшиеся дикари в беспорядке покатились вниз по склону

каньона. Ни одно их единение не уцелело. Один из людей склонился над ногой, раздавленным, но еще живым. Он избавил его от мучений выстрелом из пистолета и скорчился от рвоты. Теперь хиши могли составить лишь одно полное единение. Из возможных вариантов они выбрали Защитника Северных Ворот. Вскоре он уже расхаживал вокруг, методически добивая раненых врагов, валявшихся на поле боя.

Вся битва от начала до конца длилась не более десяти минут.

Подбежала Катрин. Лицо у нее было заплаканным.

— Сколько смертей, сколько ран! Неужели мы не сможем им помочь? — Вражеский рука пошевелился. Возможно, он находился под воздействием парализующего энергетического луча и не был ранен. Защитник Северных Ворот приблизился к нему. Катрин раскинула руки.

— Нет, я запрещаю тебе!

Хиш не понял ее наречия, но сообразил, что от него требуют. Сделав над собой усилие, он отошел. Потом, используя посильную помощь людей, хиш занялся уцелевшими собратьями. Они покорно подчинились ему. У крипло было сломано крыло, а у остальных — многочисленные раны и порезы.

После короткого отдыха отряд продолжил путь. Молча они проделали два-три километра, прежде чем остановились на отдых.

В верхних широтах Лидо летние ночи стали не только короткими, но и очень светлыми. Фландри шел под сине-черным слегка серебрящимся небом, отмеченным легким сиянием там, где ионизирующее излучение Фиржея проникало сквозь верхние слои облаков. Оно давало достаточно света, чтобы можно было идти не спотыкаясь. Вдали утесы и скалы сливались в единую темную массу, неясно маячившую в сумерках.

Лагерь остался далеко внизу, и с утеса, на котором стоял Фландри, костры лагеря казались маленькими красноватыми точками, похожими на умирающие карликовые звезды. Шум реки наполнял окрестности неясным, постоянным гулом. Где-то неподалеку забормотало на своем языке неизвестное существо. Из сумерек возникла фигура Катрин и направилась в ту же сторону, что и Фландри. Когда он подошел ближе, ее лицо показалось ему белым как лунь.

— О Доминик! — воскликнула она. Годы, проведенные среди природы, научили ее доверять больше чувствам, чем рассудку.

— Тебе не следовало так далеко удаляться одной. — Он остановился перед ней.

— Так было нужно.

— Тогда взяла бы с собой пистолет. Я уверен, что ты умеешь обращаться с оружием.

— Да, конечно. Но после случившегося сегодня я этого не хочу.

— Но ты должна была видеть насильственную смерть и раньше.

— Да, несколько раз. Но сейчас мне это не помогает.

— Нападение было подлым. Честно говоря, я сожалею только о наших потерях.

— Мы проходили через территорию местных жителей, — сказала она,— может быть, это их возмутило. Лидонианам, как и людям, свойственно чувство защиты собственной территории. А может быть, их ввела в искушение наша утварь. Если бы не этот переход, то не было бы ни нападения, ни убийств.

— Ты жила в условиях войны, — ответил он. — И то, что случилось сегодня, лишь незначительный эпизод любезной вам революции.

Он услышал, как воздух со свистом вырвался сквозь ее сжатые губы. Ужас от сказанного заставил его похолодеть.

— Я... прости меня, Катрин, — произнес он. — Я не хотел тебя обидеть. Прошу, возвращайся в лагерь.

— Нет. — Вначале ее голос был таким слабым, что он едва разобрал, что она говорит. — Я хотела... позволь мне побыть с тобой еще немного. — Она взяла его за руку. — Но заклинаю тебя, не нужно больше так говорить.

Они постояли некоторое время, держась за руки. Потом Катрин, нервно рассмеявшись, проговорила:

— Я еще раз прошу тебя, Доминик, будь более тактичным.

Ему страшно хотелось курить, но, доставая сигарету, он побеспокоил бы ее руку, и тогда она могла ее убрать.

— Думаю, — решительно сказал он, — что послезавтра мы сможем продолжить путь. Теперь нам понадобится много времени, чтобы закончить путешествие, а возвращение займет еще больше. Оставшиеся хиши справятся со своими обязанностями, и ребята понимают, что к чему. Мы запомним сегодняшний урок и будем впредь избегать таких мест, которые не просматриваются. Так что, думаю, все будет в порядке.

— Вряд ли нападение повторится, — спокойно сказала Катрин. — Новости здесь распространяются быстро.

— А что нам делать с тем рукой, которого взяли в плен?

— А почему бы нам не освободить животное?

— Потому что... Освещающий Дом недоволен тем, что есть

возможность для создания лишь одного полного хиша. Такие работы, как перетаскивание бревен по крутым склонам, гораздо легче и безопаснее производить вдвоем. Большую часть времени нам надо будет посылать в разведку лишь одного крипло. Другому придется работать за двоих, завершая неполные соединения и принимая решения. Одна пара глаз в воздухе — чертовски мало.

— Правильно. Я не подумала об этом. Наши потери велики, ты прав. — Ее пальцы плотнее сжали его руку. — Доминик! Уж не намереваешься ли ты использовать пленника?

— Почему бы и нет? Освещающий Дом, кажется, придерживается того же мнения. Иногда такие вещи случаются, как сказал бы хиш.

— В случае крайней необходимости... но насилие... жестокость...

— Я все обдумал, — сказал он. — Послушай меня. Мы заставим руку войти в состав единения с ногой и крипло, принадлежащим Открывателю Пещер. Он — самый сильный, самый рассудительный из хиш. Кроме того, руке придется пить кровь, если он не хочет умереть голодной смертью. Нужно приставить к нему кого-либо из команды, чтобы предотвратить возможные эксцессы. Как бы там ни было, два существа против одного что-нибудь да значат. Мы сделаем единение постоянным, во всяком случае, будем поддерживать его постоянным большую часть пути. За это время психика нашего хиша глубоко проникнет в психику дикаря. Новая личность вначале не будет рада такому союзу, согласен, но подчиниться придется.

— Но...

— Нам необходим хиш, Катрин. Я не предлагаю рабства. Рука не будет поглощен, он будет давать и получать, узнает то, что поможет им потом установить постоянные контакты и связи с другими общинами. Это будет благом для них. Потом мы отпустим его.

Она помолчала, потом согласилась:

— Смело и благородно. Ты больший джентльмен, чем те, кто пишет перед своим именем приставку «сэр».

— О Катрин!

И вдруг он осознал, что обнимает и целует ее, и она отвечает ему тем же. И ночь вокруг вспыхнула пламенем и взорвалась пением труб.

— Я люблю тебя, Катрин! Господи, как я люблю тебя!

Она высвободилась из его объятий и отступила назад.

— Нет... — Когда он вновь бросился к ней, она отстранилась.- Нет, пожалуйста, не надо. Я сама не знаю, что со мной было.

— Но я люблю тебя! — крикнул он.

— Нет, Доминик, мы слишком далеко зашли на этом опасном пути. Я принадлежу Хугу!

Он опустил руки и остался стоять там, где стоял, и сердце его обливалось кровью.

— Катрин, — проговорил он, — для тебя я готов перейти на вашу сторону.

— Ради меня? — Она снова приблизилась и положила руки ему на плечи. — Ты просто представить себе не можешь, как я счастлива!

Сжав кулаки, он проговорил:

— Не ради тебя. Для тебя.

— Что? — прошептала она, опустив руки.

— Ты назвала меня джентльменом. Это неверно. Я не стану играть роль друга семьи и отвергнутого любовника. Это не мой стиль. Я хочу быть твоим единственным мужчиной и буду добиваться этого всеми доступными способами.

Ветер усиливался, и река отвечала ему невнятным гулом.

— Хорошо, — сказал Фландри, — пусть это будет до тех пор, пока мы не достигнем порта Фредериксон. А потом я буду жить воспоминаниями.

Она опустилась на колени и заплакала. Когда он сделал попытку ее успокоить, она оттолкнула его. Жест был не грубым, но решительным. Фландри отошел в сторону и одну за другой выкурил сразу три сигареты.

Наконец она сказала:

— Я понимаю, о чем ты думаешь, Доминик. Если можно Снелунду, то почему нельзя тебе? Но неужели ты не видишь разницы? Я ведь очень люблю тебя.

Он с огромным трудом выговорил:

— Я вижу, что ты остаешься верна своим идеалам. Главная ценность их в том, что теперь они ничего не стоят.

Из ее груди вырвались рыдания. Но на этот раз они были сухими, как будто она уже выплакала все слезы.

— Прости меня, — сказал Фландри. — Я совсем не хотел тебя обидеть. Скорее у меня отсохнет язык, чем я скажу что-то обидное для тебя. Мы не будем больше об этом говорить, если только ты сама не захочешь. Если же ты переменишь свое решение, пусть даже и через сто лет — я буду ждать тебя всегда, пока жив.

«И это чистая правда, — добавил он сам себе. — Хотя до

некоторой степени слова эти сказаны в слабой надежде тронуть ее сердце и отвлечь внимание от тупого убийцы Хуга Мак-Кормака».

Он вытащил бластер и сунул в ее холодные руки.

— Если хочешь остаться здесь, то возьми вот это, — сказал он. — Вернешь, когда спустишься в лагерь. Спокойной ночи.

Он повернулся и ушел. В его голове билась мысль: «Отлично! До сих пор у меня не было причины отречься от Джасипа. Нет ее и теперь! Попробую осуществить свой план разгрома его восставших подданных».

ГЛАВА 13

Путешественники проспали весь следующий день и большую часть ночи. Потом Фландри решил, что лучше потихоньку двигаться, чем стоять на месте. Оставшиеся лидониане образовали несколько единений, как делали это всегда, когда нужно было принять важное решение. Для них эти земли были враждебны. Но самое трудное ожидало их впереди, особенно учитывая понесенные ими потери. Лучше скорее перебраться через горы и спуститься в прибрежные долины. Людям приходилось большую часть времени тратить на поиски еды для ног. Когда усталость вынуждала их делать привал, все мгновенно погружались в сон. Катрин была сильной и тренированной женщиной, но в тридцать лет трудно равняться с двадцатипятилетними мужчинами.

Люди Фландри, казалось, готовы были взбунтоваться, когда он объявил, что должен быть освобожден от большей части работ ради того, чтобы поддерживать контакт с новым единением. Хавелок с трудом их успокоил.

— Послушайте, вы же видели старика в деле. Вы можете его не любить, но он не трус и не дурак. Кому-то ведь надо общаться с этим ксено... Подумайте хотя бы о том, что нам еще нужно выбраться из этих диких мест. Почему Фландри, а не Катрин? Да ведь она жена человека, который не задумываясь сунет нас в лагерь, когда мы доберемся до места. И то, что мы лояльно к ней относились до сих пор, не увеличит наших шансов на спасение.

Фландри одобрительно подмигнул ему. Вначале разговор между человеком и лидонианином казался невозможным. Внутри личности шла борьба: плененный рука вливал в ногу и крипло ненависть и страх, и те отвергали контакт с ним. В результате

взаимовлияния существо изменилось, стало странным, еще более непонятным. Сначала оно находилось в состоянии оцепенения, но потом стало агрессивным. Однажды нога в припадке гнева чуть не задел Фландри рогом.

Но он упорствовал. То же делали и два оставшихся в живых члена Открывателя Пещер. И рука стал медленно покоряться чужой воле. Фландри пытался понять процессы, происходившие во вновь возникшем существе. Вначале он пытался воздействовать на него своим поведением, потом словами. После того как нервная система руки сообразила, что ему не грозит смерть, замешательство его прошло. В ход пошли убеждения. Часть словаря Громового Камня умерла вместе с рукой Открывателя Пещер, но часть сохранилась и пополнилась, когда была заменена другим рукой. Дикое существо яростно сопротивлялось. В его понимании трехчленное единение, в состав которого входило еще два существа, было извращением, но у него не было выбора. Когда щупальца были соединены, нервная и кровеносная системы автоматически превратились в единое целое. Фландри использовал свои лингвистические знания для того, чтобы провести новую комбинацию сквозь ряд словесных упражнений. Вновь рожденный лидонианин начал понемногу приспосабливаться к новому состоянию.

Тем временем отряд уже перевалил через горы и теперь находился на их восточном склоне. Фландри научился обращаться с существом, для создания которого приложил столько сил.

Единению, казалось, не слишком нравилось прежнее имя. Новое же скорее походило на мычание, переведенное Катрин как Скорбящий. Она мало общалась с хишем, и причиной тому были и собственные переживания, и крайняя усталость. Фландри общался со Скорбящим один. При этом, правда, присутствовал часовой, но он ничего не понимал. Умело используя свои навыки, Фландри добивался от лидонианина всего, чего хотел.

— Ты должен служить мне, — вновь и вновь повторял он. — Может быть, нам придется сражаться, и ты должен занять место хиша, которого больше нет. Только мне ты должен доверять, тодько меня слушаться. У меня есть враги среди моих соплеменников. Я один могу освободить тебя в конце путешествия — причем оба ваших племени получат хорошие награды.

Он хотел объяснить ситуацию, сложившуюся в отряде, но быстро понял, что в этом нет никакой необходимости. Скорбящий стоял на более низкой ступени развития, чем Открыватель Пещер, и обладал неизмеримо меньшими знаниями. Люди для хиша были сверхъестественными существами. Фландри же, яв-

лявшийся их вождем, был еще и учителем хиша. То, что он и Катрин рассказывали Открывателю Пещер, переосмыслилось для хиша в новом свете и служило теперь подтверждением нынешним словам Фландри о Могущественных. Мозг руки, имевший более сложное, чем у других, развитие, вложил свое психическое «я» в личность Скорбящего, результатом чего явилось некоторое недоверие хиша к его сотоварищам, умышленно не приглушаемое Фландри. Правда, сам он пока не представлял, каким образом использует это оружие, и использует ли вообще. Все зависело от того, как закончится путешествие.

Теперь отряд продвигался сквозь джунгли. Было жарко как в парной, однако двигаться стало легче, и пищи для лидониан прибавилось. Они вновь набрали потерянный вес.

Однажды вечером Катрин предложила Фландри прогуляться. Они остановились в зарослях, отгороженные от остального мира, и смотрели друг на друга.

— Почему ты так долго не разговаривал со мной, Доминик? — спросила она. Взгляд ее был серьезным, и она взяла его обе руки в свои.

— Слишком много дел. — Он пожал плечами. — Но причина не только в этом.

— Когда я тебя вижу, — тихо продолжала она, — то думаю о том, что на свете есть только два человека, кому мне очень не хотелось бы причинять боль. Это ты и Хуг.

— Хуг?

— Ты вернул мне его. Даже боги не смогли бы сделать этого.

— Неужели ты решила насчет нас по-другому? — спросил он.

— Нет... Но... О, мне очень тяжело. Надеюсь, ты скоро найдешь ту женщину, которая тебе нужна.

— Это уже случилось, — ответил он.

Она поморщилась. Он понял, что сжимает ее руки изо всех сил, и ослабил пожатие.

— Катрин, дорогая моя, мы недалеко от цели, но намерения мои не изменились. Будь со мной оставшийся путь, а по прибытии я присоединюсь к восстанию.

— Такие слова недостойны тебя, — ответила она, побледнев.

— Я и сам это понимаю, — сердито бросил он. — Это верх предательства. Ради тебя я продаю свою душу. Да она и так уже твоя.

— Как ты можешь говорить о предательстве? — Голос ее дрожал, словно он глубоко обидел ее.

— Очень просто. Предательство. Ты слышишь?! Восстание хуже, чем преступление. Оно — глупость... Вы...

Катрин вырвала свои руки и бросилась прочь. Он остался стоять и стоял до тех пор, пока не затихли звуки ее шагов.

«Послушай-ка, Фландри, — мелькнула мысль. — С чего это ты решил, что жизнь создана для твоего личного комфорта?»

Нельзя сказать, чтобы Катрин полностью избегала Фландри после их последнего разговора. При сложившихся обстоятельствах это было просто невозможно. Да она и не стремилась к тому, напротив, часто улыбалась ему чуть-чуть застенчиво, и, когда случалось разговаривать с ним, голос ее был приветлив. Фландри отвечал ей примерно тем же. Катрин, вне всякого сомнения, очень сожалела, что заставляет Фландри страдать, но ничего не могла поделать с тем радостным оживлением, которое все сильнее охватывало ее с каждым пройденным километром, и проявлялось это то неожиданным смехом, то веселым голосом. Хавелоку не стоило особого труда выведать у нее все, что было ей известно об аэнеасской базе.

— Черт побери, до чего же мне противно так использовать ее, — сказал он, отчитываясь Фландри с глазу на глаз.

— Будем считать, что это плата нам за ее спасение, — ответил ему Фландри.

— Так обычно оправдывают вероломство и жестокость.

— Такова жизнь. Мы просто собираем информацию. А вот удастся ли нам сделать нечто большее? Это зависит от того, как сложатся обстоятельства. Я уже говорил тебе раньше, что не стану пытаться совершить невозможное. Наше интернирование же вполне реально, и не надо этого пугаться.

— А если мы все же...

— Если нам выпадет шанс испытать судьбу, мы им воспользуемся, чтобы спасти хоть несколько жизней. Не нужно забывать о том, что в число этих жизней должна входить и жизнь Катрин. — Фландри хлопнул своего помощника по плечу. — Не горячись, сынок. Я вынужден быть очень осторожным. Не забывай о девушке, которая тебя ждет.

Хавелок усмехнулся и зашагал прочь, широко размахивая руками в такт шагам. Фландри некоторое время размышлял: «Итак, у меня больше никогда не будет любимой женщины, если только Хуг Мак-Кормак не будет столь любезен и не даст себя убить. Может быть, тогда... Мог бы я это как-нибудь устроить?.. Но так, чтобы она никогда об этом не узнала?.. Мог бы! Пустые мечты, конечно... Но предположим, такая возможность представится... мог бы я ею воспользоваться? Если честно — и сам не знаю».

Подобно американскому тихоокеанскому побережью на

матушке Земле, западная часть Варка была изрезана холмами, спускавшимися к морю. Почувствовав приближение побережья, Катрин забралась на самое высокое дерево, которое только удалось найти. Крик ее, как солнечный луч, коснулся каждого листка.

— Начало Вирсы! Что же это еще может быть! Мы всего лишь в пятидесяти километрах от порта Фредериксон!

Она спустилась на землю, и вид ее был торжествующий.

— Отсюда я пойду один, — сказал Фландри.

— Что?..

— Пойду без шума и в космическом скафандре. Прежде всего мы разобьем лагерь в каком-нибудь удобном и неприметном месте. Потом я разузнаю, нельзя ли будет прислать за вами воздушное судно. Так будет быстрее, чем пешком.

— Позволь мне пойти с тобой, — попросила она, сгорая от нетерпения.

«Ты сможешь пойти со мной не раньше, чем погаснет последняя звезда во Вселенной», — подумал Фландри, но вслух сказал:

— Мне очень жаль, но это невозможно. Радио тоже нельзя использовать. Слушать можно, передавать — нет. Откуда мы знаем, какая сложилась ситуация? Может быть, дела обстоят совсем плохо. Варвары могли воспользоваться нашей внутренней сварой и захватить территорию порта. Я все узнаю. Если я не вернусь... гм, через два этих маленьких денечка... («Тебе необходимо выглядеть уверенно», — подумал он.) то командование примет на себя лейтенант Валесия. Он и будет принимать решения.

«Лично я бы предпочел Хавелока. Валесия не слишком симпатизирует восстанию. Но все же я должен придерживаться субординации даже в том случае, когда это может принести вред твоему делу, моя единственная, моя вечная любовь!»

Его слова несколько поубавили общую радость. Отряд разместился в бухте под прикрытием деревьев. Костер не разводили. Фландри облачился в скафандр. Он не давал никаких особых распоряжений ни Скорбящему, ни преданным ему людям: у них уже давно была разработана особая система сигнализации.

— Будь осторожен, Доминик, — предупредила Катрин.

Ее внимание было для него как острый нож.

— Не рискуй собой. Ради нас всех.

— Не буду, — пообещал он. — Я люблю жизнь.

«О да. Я надеюсь насладиться ею независимо от того, наполнишь ли ты ее настоящим смыслом». Он включил двигатель.

Через секунду-другую его фигура с поднятой в приветствии рукой скрылась из виду.

Фландри медленно летел над самой кромкой океана и, откинув шлем, с наслаждением вдыхал соленый воздух.

Сверху хорошо просматривалось заросшее лесом побережье. Тут и там попадались стада каких-то крупных животных. Воздух был полон птичьего щебета. «Какой простор! Хорошо живут планеты, если не мешают им люди», — подумал Фландри.

Сердце его забилось сильнее, когда на горизонте появился порт Фредериксон.

База занимала маленький, удобно расположенный полуостров. Она была построена давно и превратилась в достаточно обжитой поселок. Здания на территории базы, оплетенные вьющимися растениями, сделались почти что частью ландшафта и буквально утопали в садах и парках. Катрин рассказывала, что обычно на базе живет около тысячи человек, но ввиду последних событий население, несомненно, уменьшилось. Фландри же разглядел пока только несколько человек. Он внимательно осмотрел посадочное поле. Находись там космический корабль, самым лучшим для него было бы немедленно сдаться. Но Хук Мак-Кормак доверил охрану этого места небольшому военному судну класса «Победитель». Главным его достоинством была бластерная пушка, а также хорошая скорость. Боевой расчет судна составляли двадцать пять человек, но, судя по тишине, на борту находились только дежурные. В повседневном режиме больше и не надо. Для поддержания судна в готовности достаточно одного оператора бортового компьютера. О приближающейся опасности порт Фредериксон все равно узнает заранее, и экипаж судна успеет занять свое место на борту.

Над серийным номером судна блестела надпись «Эрвин Роммель». Кто это, черт возьми? Скорее всего, землянин, чье имя было извлечено из груды исторических данных компьютером, которому поручили разыскать названия для нескольких тысяч «Победителей». Сердце Фландри рвалось из груди. «Вот она, моя судьба!» Он приблизился к судну. Из здания появились люди. Фландри заметили, и он приземлился в парке.

— Приветствую вас! — сказал он подошедшим. — Я потерпел нечто вроде аварии.

В течение следующего часа он расспрашивал о порте Фредериксон. Его тоже подвергли основательному допросу. Фландри рассказал о столкновении с вражеским судном, трудной посадке, тяжелом переходе. Единственно, о чем он не упомянул, так это о том, что не был на стороне Мак-Кормака. Если его план не

сработает, эту ложь можно будет представить как обыкновенную военную хитрость. Кроме команды на «Роммеле» находились еще несколько ученых и служащих. Их задача состояла в том, чтобы поддерживать связь с соседними племенами и вести дела на базе. Но, будучи учеными, они пытались одновременно продолжать и научные работы.

Экипаж судна фактически был изолирован от внешнего мира, ибо всепланетное радио упорно хранило молчание. Каждый месяц или около того корабль с Аэнеаса подвозил продовольствие, боеприпасы и свежие новости. Последний раз он прилетал всего несколько дней назад. Таким образом, Фландри оказался в курсе событий.

С точки зрения аэнеасцев их не ждало ничего хорошего. Производство, снабжение и коммуникация при Хуге Мак-Кормаке разваливались на глазах. Он уже отчаивался в своих попытках управлять огромным пространством. Главным образом ему приходилось тратить свои силы на защиту миров, которые объявил своими. А силы были минимальны. И как он ни старался, но отразить все атаки Пикенза было невозможно. Сейчас любая хорошо организованная флотилия могла бы полностью уничтожить мятежников.

Предвидя такую возможность, Мак-Кормак держал основную часть своего флота в окрестностях Сатана. Если Пикенз захочет предпринять очередную атаку, это станет известно от разведчиков, и Мак-Кормак успеет выступить навстречу, полагаясь только на свой военный талант.

— Противник в курсе наших проблем, — продолжал свой рассказ капитан судна Джовет. Дрожащей рукой он погладил свою белую бороду. — Пикенз больше не решится на серьезную битву, которая нам выгодна. Я даже не уверен, вызвал ли он с Земли подкрепление. Возможно, они со Снелундом рассчитывают взять нас измором. Чем дольше будет продолжаться наша агония, тем большее удовольствие они получат.

— Думаете, мы не устоим? — спросил Фландри.

Старик поднял голову.

— Пока жив наш император — устоим!

Люди изголодались по гостям, так что Фландри без особого труда узнал даже больше, чем ему было нужно. Они быстро согласились отправить за его отрядом «Роммель». Обстановка на Лидо не требовала того, чтобы судно находилось в постоянной боеготовности. Места на корабле для всех не хватило, и решено было оставить часть экипажа на базе. Фландри планировал другой вариант, но такое решение все упрощало.

Корабль взлетел и взял курс на юг. Фландри постоянно пытался связаться с лагерем. Кто-нибудь должен был дежурить у приемника.

— Все идет нормально, — передавал он. — Мы приземлимся на берегу к западу от нашего лагеря и будем вас ждать. Хавелок! Том! Уан! Кристофер! Всем приготовиться!

Это означало, что людям следует облачиться в скафандры.

Наконец корабль сел. Его команда, ничего не подозревая, спрыгнула на песок. Увидев появившихся из-за деревьев путешественников, они прокричали слова приветствия.

Две фигуры, облаченные в скафандры, взмыли в воздух, поднялись над вершинами деревьев и спустя мгновение были уже над кораблем, а их бластеры направлены на членов экипажа «Роммеля».

— Руки вверх, пожалуйста, — негромко сказал Фландри.

— Что?! — воскликнул капитан Джовет, и его рука метнулась к кобуре. Но пущенный сверху луч прошипел совсем рядом, едва не задев его. Из того места, куда он ударил, посыпались искры.

— Еще раз повторяю: руки вверх! — рявкнул Фландри. — Тот, кто вздумает сопротивляться, умрет раньше, чем успеет прицелиться.

Команда корабля повиновалась приказу, но лица их побледнели от ненависти.

— На вас совершен налет, — объявил Фландри. — Теперь можете отправляться назад. Но пешком. При бодрой ходьбе вам на это понадобится всего несколько часов.

— Иуда! — Капитан плюнул в сторону Фландри.

Тот спокойно ответил:

— Это зависит от точки зрения. Идите.

Скорбящий помог Катрин подняться по трапу. Увидев ее, Фландри быстро занялся каким-то неотложным делом внутри корабля.

Когда весь отряд был размещен на борту, он включил двигатели. Подлетая к базе, Фландри дал залп по антенне межпланетного узла связи. Затем, подождав, когда люди разбегутся, сделал еще несколько залпов по отдельным сооружениям. Лишив базу связи, он оставил ее обитателям возможность дожидаться очередного корабля с Аэнеаса, который должен был прилететь через месяц.

— Курс на восток, — приказал Фландри. — Мы заберем своих людей из Громового Камня и высадим наших проводников. Надо добыть еды для хиша. Думаю, он может мне еще понадобиться.

— Где же он может понадобиться, сэр? — спросил Хавелок.

— На Ллинотавре. Мы покинем эту систему без шума, не оставляя следов. Выйдя в космос, пойдем с максимальной скоростью к Ллинотавру.

— Сэр?! — Лицо Хавелока стало озадаченным. — Прошу прощения, но я не понимаю. Я хочу сказать, что теперь, когда мы поражение превратили в победу, когда добыли последний вражеский код, а враг об этом даже не подозревает, разве нам не следует немедленно лететь на Ифри? Особенно если учесть, что Катрин...

— Относительно нее у меня есть особые соображения, — ответил Фландри, — и не бойся, к Снелунду она не вернется

Выражение лица Фландри было таким, что желания задавать ему вопросы больше ни у кого не возникло.

ГЛАВА 14

И снова теснота в металлических каютах, духота и непрекращающийся шум двигателей. Но вид мерцающих звезд, одна из которых особенно ярко светила впереди, ласкал взор уставших путешественников. Перелет должен был занять два стандартных дня.

Фландри в вахтенном журнале «Роммеля» сделал необходимые записи, которые должны были узаконить захват корабля и его собственный статус командира судна, затем облачился в капитанский мундир. Кают-компания была слишком мала, чтобы вместить весь экипаж, поэтому включили интеркомы. Команда увидела Фландри в белом мундире, не слишком хорошо сидевшем на нем. Как и все, он выглядел устало: скулы резко обострились, а воспаленные глаза устало оглядели собравшихся. В отличие от большинства, он не выказывал особого удовлетворения по поводу победы.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Фландри. — Ситуация, в которой мы оказались, требует ряда формальностей. Некоторых из вас арестуют. Когда идет гражданская война, нельзя доверять людям, чьи позиции не совсем определены. Арест этот будет кратковременным. Я добьюсь его отмены. Хочу в особенности отметить, что это ни в коей мере не отразится на вашей дальнейшей судьбе. Я буду просить о том, чтобы каждый из

находящихся сейчас на борту получил в дальнейшем повышение по службе и награду.

Их веселое оживление не вызвало у него улыбки. Все тем же официальным голосом он продолжал:

— Пользуясь предоставленными мне полномочиями и в соответствии с уставом флота я объявляю существо с планеты Лидо, известное под именем Скорбящий, зачисленным в ряды служащих его величества в звании рядовой. Учитывая особенности хиша, он будет приравниваться к трем обычным существам.

Ответом ему был смех. Люди решили, что Фландри шутит, но они ошибались.

— Включить все системы связи, — продолжал он. — Сразу после установления контакта с любым имперским судном связист сигналит о нашей сдаче и просит о сопровождении. Позволю себе напомнить вам, что, взяв в плен, нас будут держать в положении арестованных до тех пор, пока не убедятся в честности наших намерений. Уверен, что к тому времени, когда мы выйдем на орбиту Ллинотавра, все подозрения с нас будут сняты.

И последнее. На борту находится важная особа. Я повторяю: госпожа Мак-Кормак не будет возвращена Снелунду. В своем отчете я изложу все, что с нами произошло, и от того, насколько умело я обосную это, будет зависеть, как с нами поступят. Поэтому я хочу объяснить вам мотивы своего решения. Не в компетенции офицеров флота принимать важные политические решения. Учитывая особые обстоятельства, связанные с личностью госпожи Мак-Кормак, и принимая во внимание серьезные сомнения в правомерности содержания ее под арестом, я пришел к выводу, что вопрос передачи ее Снелунду и будет таким политическим решением, причем последствия этого шага трудно предсказуемы. Мой долг — доставить ее командованию флота, которое само во всем разберется. В то же время, если губернатор будет лично требовать ее выдачи, нам придется подчиниться.

Поэтому как глава судна и как офицер отдела «Интеллидженс» имперского флота, облеченный особой миссией и наделенный особыми полномочиями, я классифицирую присутствие среди нас госпожи Мак-Кормак как особо секретное. Оно будет скрыто до тех пор, пока нас не арестуют. Никто не смеет говорить о ее присутствии, пока мы не убедимся, что на захватившем нас корабле имеется агент, обладающий правительственными полномочиями. Тот, кто не выполнит мой приказ, будет считаться нарушителем закона и правил безопасности и будет отдан под суд. В случае настойчивых вопросов можете сказать, что она

скрылась незадолго перед тем, как мы захватили на Лидо этот корабль. Понятно?

Раздались одобрительные возгласы. Фландри сел.

— Отлично, — устало проговорил он. — Займите свои места. Пусть сюда приведут госпожу Мак-Кормак. Мне нужно с ней поговорить.

Он выключил интерком. Кают-компания опустела.

«Я их купил, — подумал Фландри. — Теперь они отправятся со мной даже в ад. — Он не чувствовал волнения. — Но у меня нет никакого желания оставаться командиром».

Фландри открыл свежую пачку сигарет, найденную им среди припасов. Он сидел один в неуютной каюте. Кругом было тихо, если не считать шума двигателей и шагов часового в коридоре.

Когда вошла Катрин, сердце Фландри екнуло. Он встал.

Катрин закрыла за собой дверь и остановилась перед ним. Взгляд ее был мрачен. Нож, который он ей когда-то дал, висел на поясе.

Она молчала, пока Фландри, заикаясь, не начал первый:

— Я... я надеюсь... капитанская каюта не слишком неудобна для вас?

— Каким образом вы собираетесь меня скрывать? — спросила она. Голос ее был таким же спокойным, как и всегда.

— Мои люди кое-что переоборудуют в почтовой капсуле. Пробьют отверстия для воздуха, принесут туда еду, питье и... э-э... все, что вам необходимо. Скучновато будет в темноте, но это продлится не дольше двадцати—тридцати часов.

— И что потом?

— Если все пойдет так, как я ожидаю, нам разрешат посадку на орбите Ллинотавра, — ответил он. — Специалистам по кодам не понадобится много времени, чтобы снять показания с наших компьютеров. Тем временем нас допросят и команду отправят на катапрайнисскую базу дожидаться разрешения на вылет. Процедура будет сложной, но не продолжительной — флоту важна наша информация, а не приключения, которые мы пережили, добывая ее. Они смогут подождать до расследования дела о потере «Авекоува». Самое главное — успеть до того, как повстанцы переменят код.

Я буду отстаивать свое право командовать «Роммелем» и действовать самостоятельно. Мне могут, конечно, и отказать, но в суматохе подготовки к нападению особой бюрократической канители разводить не будут. Думаю, мне разрешат нести ответственность за этот корабль. Как командиру судна мне положено иметь двух помощников. Постараюсь добиться того, чтобы им

был Скорбящий. Он один стоит трех членов экипажа. К тому же выполняет все мои распоряжения. Так что нет нужды держать на корабле двух знающих людей, которые могут быть полезны в другом месте.

— А, понимаю. Хиш не станет мешать тебе.

Фландри сдался. Попытаться доказать ей что-либо было все равно что стучаться о стальную стену головой.

— Но почему? — спросила она.

— Что почему?

— Я не понимаю... может быть... Почему ты поступил так? Я не ожидала от тебя этого. Я считала тебя храбрым и честным человеком, готовым встать за правое дело, но теперь вижу, что у тебя низкая и подлая душонка. Но вот чего я не могу понять, просто в голове не укладывается, как ты... после всего случившегося... смог снова потащить меня в рабство. Ты велел Скорбящему схватить меня. Все твои люди отвернулись, когда я бросилась к лесу.

Теперь он просто не мог смотреть ей в глаза.

— Ты мне нужна, — вяло проговорил он.

— Для чего? Чтобы вытянуть из меня до последней капли все, что мне известно? Чтобы дразнить мною Хуга и свести его с ума? Как пример в назидание другим? — Она не плакала и не умоляла. Краем глаза он видел, как она медленно в такт словам качает головой. — Я не могу понять...

— Прошу тебя, доверься мне, — взмолился он. — Все еще слишком неясно. Предстоит еще столько сделать...

Она прервала его:

— Я буду играть по твоим правилам. Это единственный способ избежать лап Снелунда. Но я предпочитаю тебя не видеть. — Голос ее был все так же спокоен. — Ты окажешь мне большую любезность, если не будешь присутствовать при запихивании меня в этот гроб...

Как Фландри и ожидал, Снелунд довольно быстро согласился на аудиенцию.

Сидя в уже знакомом кабинете губернатора и стараясь скрыть волнение, он исподволь наблюдал за Снелундом. Тот по-прежнему выглядел франтом.

— Ну как же так, командор? — с нарочитой укоризной в голосе начал Снелунд. Было видно, что он едва сдерживал себя. — Не ожидал от вас такого коварства! Я прочитал ваш

отчет. Чрезвычайно занимательная история. Одного там не хватает — объяснения причин похищения леди Мак-Кормак.

— Неужели? — искренне удивился Фландри. — Готов дать вашему превосходительству любые объяснения. Считаю, что у меня были достаточно веские основания, чтобы поступить таким образом. Я уверен, что если бы не та нелепая случайность, из-за которой мы потеряли «Авекоув», мне удалось бы, используя леди Мак-Кормак как приманку, захватить адмирала. Но...

— Но вышло все иначе, — закончил за него Снелунд, явно смягчаясь. — Вы слишком молоды, и вам не терпится примерить лавры победителя. И вот результат... Сделайте одолжение, расскажите подробней, каким образом ей удалось скрыться? Почему вы не организовали должную охрану? Людей у вас, насколько мне известно, было достаточно.

Фландри раскурил сигарету.

— Для вас этот вопрос является принципиальным. Позвольте напомнить вам о дилемме, что стояла передо мной на Лидо. Леди Мак-Кормак пользовалась среди моих людей чрезвычайной популярностью.

— Без сомнения. — Снелунд рассмеялся. — Я научил ее кое-каким необычным фокусам.

«У меня нет при себе оружия, Аарон Снелунд. У меня нет ничего, кроме рук и ног. А еще черный пояс каратэ. Если бы не мое незаконченное дело, я бы позволил казнить себя в обмен на удовольствие видеть тебя разодранным на составные части».

— Но нам не повезло, сэр. Она отказалась даже от моего предложения... что, впрочем, я сообщаю вам под большим секретом. Но... она была среди нас единственной женщиной, и к концу путешествия большая часть команды была в нее влюблена. Она создала у них впечатление, что пребывание ее у вас было для нее, мягко говоря, неприятным. Если честно, сэр, я боялся, что поднимется мятеж, узнай они, что леди Мак-Кормак снова будет передана вам. Я не мог пойти на такой риск.

— Значит, вы потворствовали ее побегу? — Снелунд сделал глоток. — Все говорит об этом, командор. Разумное решение, хотя вы и не осмелились указать об этом в отчете. Ею можно заняться и позже.

— Но, сэр, это не совсем так.

— Что? — Снелунд резко выпрямился.

Фландри поспешно заговорил:

— Она выдвинула против вас серьезные обвинения. Есть люди, которые могли бы воспользоваться этим и доказать, что причиной восстания явились ваши действия. А я этого не хочу. Если

вы хорошо знаете историю, то согласитесь со мной: самое эффективное средство для возникновения беспорядков — это наличие мученика, а еще лучше — мученицы в лице привлекательной женщины. Империя может серьезно пострадать. И я пришел к выводу, что мой долг — удержать ее. Чтобы добиться согласия моих людей, мне пришлось убедить их в том, что она будет доставлена не сюда, а в штаб флота, законы которого защищают заключенного, и тот волен давать любые показания.

Лицо Снелунда стало смертельно бледным.

— Продолжайте, — проговорил он.

— Примерно через три дня флот будет готов к отправке на Сатан. Я не намерен присоединяться к нему. Мои люди ждут, что я добьюсь разрешения послать «Роммель» на Ифри, или на Землю, или в любое другое место, где судно будет в безопасности. У них есть возможность выяснить, сделал ли я это. И если станет известно, что я не выполнил своего обещания, неизвестно, как они будут хранить тайну. И тогда, сэр, в столь ответственный момент, вы будете разоблачены.

Снелунд осушил свой бокал и снова наполнил его.

— Так почему же вы все это говорите мне?

— Я уже объяснил вам причину. Как патриот я не могу допустить действий, способных продлить восстание.

Сурово сдвинув брови, Снелунд внимательно изучал Фландри.

— Так, значит, она вам отказала? — спросил наконец он.

— Мне не нужен товар, прошедший через столько рук, — сердито бросил Фландри. Потом уже более спокойно добавил: — Но речь не об этом. Моя обязанность... по отношению к вам, так же как и к Империи...

— Понимаю, — протянул Снелунд, — не помешает иметь в должниках человека, который успешно продвигается по служебной лестнице, не так ли?

Фландри казался смущенным.

— Думаю, мы с вами сможем договориться, — проговорил Снелунд. — Что вы предлагаете?

— Дело обстоит следующим образом, — начал Фландри. — Согласно официальной версии, на «Роммеле» сейчас никого нет, кроме моего лидонианина. А хиш никогда не проболтается. Если бы я получил сегодня приказ, скажем, такой: «отбыть для рекогносцировки»... Например, ваш телефонный звонок в штаб адмирала Пикенза... Я поднялся бы на корабль и отбыл. Что касается моих людей, то они, не получая известий о леди Мак-Кормак в

течение года, постепенно забудут о ней и чувства их поостынут. Забвение — самый верный союзник.

— Такой же, как и вы? — улыбаясь, спросил Снелунд. — Я уверен, что наши пути еще сойдутся, командор. Если только я могу вам доверять.

— Пойдемте, убедитесь сами, — предложил Фландри.

— Куда?!

— Вы же говорили, что вам было бы очень интересно встретиться с моей пленницей. Здесь нечего скрывать. Я дам вам орбитальные координаты «Роммеля», и вы сможете подняться к ней, не ставя никого в известность. Вам, вероятно, хотелось бы лично произвести допрос. Время еще есть.

И он стал ждать.

На лбу Снелунда выступили капельки пота, и он решился:

— Хорошо!

Фландри еще не мог поверить, что в его руках награда, которой он так долго добивался. Если он потерпит неудачу сейчас, то бросит всю свою жизнь на то, чтобы любой ценой добиться успеха. Он почувствовал вдруг такую слабость и головокружение, что испугался — сможет ли выбраться отсюда.

Однако он быстро взял себя в руки, и уверенность снова вернулась к нему.

Губернаторская машина доставила его на базу, где он переоделся в рабочую форму, получил соответствующий приказ и отправился на флиттере в сторону «Роммеля».

Фландри был на мостике один, погруженный в собственные мысли. Видеоэкран показывал ему планету и звезды, сияющие в холодном космосе.

Послышался шум открывающихся замков, и Фландри встал.

Тяжело дыша, вошел Снелунд. Он нес с собой сумку с набором медицинских инструментов.

— Где она? — быстро проговорил он.

— Сюда, сэр. — Фландри пропустил гостя вперед. Снелунд, казалось, не заметил у него пистолета, прихваченного на тот случай, если бы Снелунд прибыл с охраной. Но губернатор был один. Видимо, он не хотел иметь лишних свидетелей. Они могли оказаться слишком болтливы. Скорбящий стоял возле капитанской каюты. Фландри лишь мельком взглянул на него и прошептал:

— Что бы ты ни услышал, стой здесь и жди моих распоряжений.

Рог ноги кивнул в знак согласия, рука тронул топор, висевший на боку, а у крипло был вид жертвы.

Фландри открыл дверь.

— Я привел к вам гостя, Катрин, — сказал он.

Она испустила такой вопль, что Фландри еще долго слышал его по ночам. Военный марсианский нож блеснул в ее руке.

Фландри вырвал у Снелунда сумку и перехватил его руки отнюдь не дружелюбным способом. Пинком ноги закрыв за собой дверь, он проговорил:

— Он в вашем распоряжении, Катрин. В полном вашем распоряжении.

И тут Снелунд все понял и закричал.

ГЛАВА 15

Сидя в кресле лодки, Фландри включил приборы и посмотрел на видеоэкран. Пространство расступилось перед ним. Мрачный Сатан и блестящие звезды плыли мимо «Роммеля». Дважды Фландри замечал на фоне созвездий серебристый силуэт военного корабля. Пока ничто не говорило, что они находятся в центре владений повстанцев.

Но вот приборы начали регистрировать их переговоры, и Катрин наконец смогла связаться с Мак-Кормаком. У того не было уверенности, что все это не провокация и он действительно разговаривает с женой. А если это и была Катрин, она вполне могла находиться под электронным воздействием и говорить то, что ей диктуют. Это подозрение подкреплялось и безжизненным голосом Катрин.

Фландри был удивлен. Он ждал, что она расплачется от радости, но ничего подобного не произошло. Объяснялось ли это присутствием посторонних людей, или же она сдерживала свои эмоции, чтобы не потерять контроль над собой? Понять это не было никакой возможности. Наконец Мак-Кормак убедился, что разговаривает с женой, и дело пошло быстрее. «Роммелю» указали курс, орбиту, объяснили подходы.

Катрин подошла к Фландри, взяла его за руки и, посмотрев в глаза, прошептала:

— Доминик, я молюсь за вас обоих. — Ее губы коснулись его лица. Они были холодны. Прежде чем он успел что-либо ответить, она стремительно повернулась и вышла из каюты.

Пока они летели сюда, между ними установилась странная близость. Кровавый подарок, который он ей преподнес, задуман-

ный им план и то, как прекрасно она помогла его выполнить, — все это резко изменило их отношения. Они часто вспоминали о прежних днях и пережитых событиях. Порой Фландри сомневался, что между мужчиной и женщиной могут быть более близкие отношения. Даже во время медового месяца. Кроме одного нюанса. Но они избегали говорить на эту тему.

Наконец в поле зрения появился «Персей». Флагман казался огромным, как луна. Сверкали орудия, будто покрытые лаком, поблескивали сенсоры. «Персей» окружали корабли сопровождения. Глазок индикатора на приборной доске мигнул, и голос в приемнике произнес:

— Ваш корабль арестован. Высылайте представителя.

Фландри включил двигатели лодки, и она медленно отошла от «Роммеля» и поплыла к «Персею». Переход был коротким. Обе стороны готовились к любым неожиданностям. Мак-Кормак не был уверен, что происходящее — это не способ провезти атомный заряд на корабль и взорвать его.

«Этот Мак-Кормак — мужественный человек, — думал Фландри. — Он крайне неприятен мне, но в мужестве ему не откажешь».

У «Персея» открылся шлюз и поглотил их лодку. Несколько минут они ждали, пока воздух заполнял камеру. Щелкнули запоры, и двери открылись. Фландри вышел из лодки навстречу ожидающим его людям. Их было с полдюжины. Все мрачно глядели на него, но видимой враждебности не проявляли.

Он с интересом осмотрелся. Они, как и он сам, выглядели довольно истощенными и усталыми.

— Не нужно волноваться, — проговорил Фландри. — Можете осмотреть мою лодку, если что-то подозреваете. Там нет никаких сюрпризов, уверяю вас. Предлагаю не тратить время зря.

— Идите за мной, пожалуйста, — сказал лейтенант, возглавляющий группу, и пошел вперед. Походка его была стремительной. Часть людей осталась обследовать лодку. Его не слишком беспокоило то, что люди, следовавшие за ним, были вооружены. Он понимал, что ему еще предстоит взглянуть опасности в лицо.

Они шли по металлическим туннелям и каютам, мимо сотен глаз, в полной тишине, нарушаемой лишь шумом двигателей корабля. Наконец они подошли к двери, охраняемой четырьмя вооруженными людьми. Переговорив с ними, лейтенант открыл дверь и доложил:

— Командор Фландри, сэр.

— Впустите его, — ответил густой бас. — Оставьте нас одних, но будьте наготове.

— Слушаюсь, сэр. — Лейтенант отступил в сторону. Фландри

прошел мимо него. Звуконепроницаемая дверь с мягким шипением закрылась.

Молчание тяжелым облаком повисло в каюте адмирала. Она состояла из двух комнат. Эта, главная, была обставлена очень тщательно. Кресла, стол, тахта, простой ковер. Все — в светло-серых тонах. Несколько картин и аппликаций придавали ей индивидуальность: семейные портреты, пейзажи. Ту же роль играли шахматы и книжная полка, на которой стояли самые разнообразные книги: военные и юридические, классика и научные труды. «А спальня у него, наверное, монашеская», — подумал Фландри.

— Приветствую вас, — сказал Мак-Кормак. Он держался прямо, хотя печаль усталости лежала на нем так же, как и на его людях. Одежда его выглядела очень аккуратной, и знаки отличия ярко сияли на груди. Был он уже немолод, и седины в волосах было больше, чем на фотографиях. Скулы на лице проступали резче, а глаза запали так, что нос и подбородок казались крупнее.

— Добный день. — На мгновение Фландри почувствовал робость, но быстро овладел собой.

— Вы могли бы отдать честь, командор, — спокойно заметил Мак-Кормак.

— Это будет нарушением устава, — ответил Фландри, — ведь вы сложили с себя полномочия.

— Вот как? Что ж... — Мак-Кормак жестом пригласил его сесть. — Не желаете перекусить?

— Нет, благодарю вас, — ответил Фландри. — У нас нет времени для этикета, сэр. Флот Пикенза обрушится на вас через семьдесят часов.

Мак-Кормак опустился в кресло.

— Мне это известно, командор. Подобное скопление сил скрыть невозможно. Мы подготовились к битве.

Он посмотрел на Фландри и добавил:

— Вы, конечно, заметили, что я обращаюсь к вам по званию. Я — император подданных Земли, и после победы собираюсь амнистировать всех, воевавших против меня. Возможно, прощу и вас.

Фландри удобно сел напротив адмирала, заложил ногу за ногу и улыбнулся.

— Вы это серьезно говорите?

— Я понимаю. Вы хотите поторговаться. Ведь моя жена — ваша заложница. Но это свидетельствует лишь о вашем безнадежном положении. — Мак-Кормак сурово сжал губы. Его лицо исказила гримаса ярости, но голос не изменился. — Презрения достоин тот, кто опускается до таких поступков. Неужели вы

могли подумать, что я предам друзей ради спасения одного человека, пусть и самого дорогого для меня? Сообщите Снелунду и его бандитам, что для них не будет мира и прощения. Пусть даже они укроются на краю Вселенной. Если моей Катрин будет причинен вред, они горько пожалеют об этом.

— Я не могу выполнить ваше поручение, — ответил Фландри. — Особенно если учесть, что Снелунд мертв.

Мак-Кормак встал.

— Мой долг сообщить вам следующее, — продолжал Фландри. — Если вы и ваши единомышленники примете бой, то он для вас кончится катастрофой.

Мак-Кормак подскочил к Фландри, схватил его за плечи и сильно встряхнул.

— Что все это значит?! — закричал он.

Фландри одним движением отстраним его руки.

— Не нужно меня хватать, Мак-Кормак, — сказал он.

Они стояли друг против друга. Кулаки Мак-Кормака были сжаты. Дыхание с шумом вырывалось у него из груди. В любой момент готовый отразить нападение, Фландри внешне выглядел спокойно. Так они стояли секунд тридцать, пока Мак-Кормак не овладел собой. Сделав несколько шагов назад, он опустился в кресло.

— Хорошо, — сказал он глухим голосом, — раз уж я согласился с вами встретиться, то выслушаю вас. Продолжим.

— Так-то лучше, — сказал Фландри. Он тоже опустился в кресло и достал сигарету. Внутри у него все дрожало. — Дело в том, что у Пикенза есть ваш код.

Мак-Кормак замер.

— Имея его, — продолжал Фландри, — он в случае битвы рассеет вас на группы и переловит поодиночке. Он сделает это раньше, чем вы успеете скрыться. У вас нет и уже не будет времени на перекодировку. Ваша карта бита, Мак-Кормак. — Он махнул сигаретой. — Катрин это подтвердит, — добавил он. — Она свидетельница всего, что произошло. Скоро вы с ней встретитесь. Она скажет вам всю правду. Кроме того, вы можете послать специалиста для изучения моего компьютера, и он обнаружит ваш код в его памяти. Это, конечно, сделает гипердрейф невозможным, но я не возражаю и готов подождать Пикенза здесь.

Мак-Кормак не сводил взгляда со своего письменного стола.

— Почему она не поднялась на борт вместе с вами? — глухо спросил он.

— Она находится под охраной, — ответил Фландри. — Ей не будет причинено никакого вреда, если только ваши люди не начнут делать глупостей, вроде стрельбы по моему кораблю. Но

если я не вернусь своевременно, моя команда примет соответствующие меры.

«Вся моя команда, дорогой Хуг, — добавил про себя Фландри, — состоит из одного хиша, вообще не способного ни на какие меры. Но вам об этом пока лучше не знать».

Мак-Кормак поднял голову и внимательно взглянул на Фландри. Шок прошел, и к нему вернулось самообладание.

— Расскажите обо всем подробнее, — проговорил он каким-то глухим голосом.

Фландри затянулся сигаретой. Табак действовал на него успокаивающе.

— Это долгая история. Катрин расскажет вам ее подробно. Но главное вот в чем: хотя я и служу Империи, но нахожусь здесь неофициально и без ее ведома.

— Почему?

Пристально глядя на своего собеседника, Фландри заговорил, тщательно выговаривая каждое слово:

— По ряду причин, включая и ту, что я являюсь другом Катрин. Я тот, кто выкрал ее у Снелунда. Я тот, кто отправился посмотреть, есть ли способ удержать вас от безумия. Один из ваших симпатичных корабликов атаковал нас и уничтожил наш корабль. Мы высадились на Лидо и пешком прошли до порта Фредериксон. Там я захватил военное судно, которым теперь командую, и снял ваш код. Когда я привел судно в Ллинотавр, мы спрятали Катрин. Я заманил на корабль Снелунда и держал его, пока Катрин не перерезала ему горло. Мы-то с вами придумали бы что-нибудь поужаснее, но в нас порядочности меньше, чем в одной пряди ее волос. Она помогла мне избавиться от улик, потому что я еще хочу вернуться домой. Мы выкинули его на метеоритную орбиту внешней планеты и направились на Сатан.

Мак-Кормак содрогнулся.

— Вы хотите сказать, что она теперь ваша... Неужели вы...

Сигарета Фландри упала, разбрасывая искры по ковру. Он подскочил к адмиралу, схватил его за китель и стал трясти, крича в лицо:

— Укороти свой язык, сукин сын! Да будь на то моя воля, ты бы здесь не сидел. Но есть Катрин. Есть люди, которые следуют за вами. Есть Империя. Лучше встаньте на колени, Мак-Кормак, и поблагодарите глупого бога, который покровительствует вам, за то, что мне необходимо спасти вашу жизнь.

Он с силой толкнул адмирала, так что тот с трудом сохранил равновесие. Глядя на пылающего яростью молодого человека, Мак-Кормак постепенно успокаивался.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я не извиняюсь, поймите. Я лишь сожалею, что потерял над собой контроль. Непрофессионально с моей стороны, особенно если учесть, что у нас так мало времени. — Мак-Кормак кивнул головой. — Может быть, сядем и продолжим нашу беседу?

Фландри почувствовал к нему невольное уважение.

Они неудобно устроились на краешках кресел, и Фландри достал новую сигарету.

— Между мной и Катрин никогда ничего не было, — сказал он, не сводя глаз с маленькой тлеющей точки. — Не стану отрицать, я хотел бы этого, но увы... Она всецело предана вам и вашему делу. Думаю, мне удалось убедить ее, что проводимая вами политика — ошибочна, но тем не менее она последует за вами куда угодно. Разве подобная верность не заслуживает вашего уважения?

Мак-Кормак молчал. Через несколько секунд он произнес:

— Вы замечательный парень, командор. Сколько вам лет?

— Наполовину меньше, чем вам. Тем не менее мне приходится объяснять вам, что такое жизнь.

— Это почему же? — Мак-Кормак произнес эти слова вопросительно, но интонация его была самая смиренная. — Уж не потому ли, что вы поддерживаете преступное правительство и сами признаетесь в том, что желаете разрушить мое дело?

— Оно развалится и без моей помощи. Мне известны планы ваших противников, поэтому Катрин и я надеемся, что нам удастся удержать вас от дальнейшего кровопролития, напрасной траты средств и бессмысленного истощения сил Империи.

— Наши шансы не так уж малы. Я разработал план...

— Парадокс в том, что именно ваша победа будет иметь наиболее неблагоприятные последствия.

— Что? Фландри, я... я всего лишь человек. У меня тоже есть слабости, но мне кажется, что любой другой человек, который займет место на троне, будет лучше, чем Джасип.

Фландри прервал его:

— В этом Катрин все еще согласна с вами. Она считает вас самым подходящим для этой роли. Я не смог переубедить ее, да и не очень стремился к этому. Видите ли, в данном случае не имеет значения, кто из нас прав. Факт остается фактом. Вы могли бы дать нам самую блестящую в истории администрацию, и все равно ваше воцарение было бы катастрофой.

— Почему?

— Вы разрушили бы принципы законности. Империя переживет Джасипа. Обширность ее интересов, ее размеры, осторож-

ность и инертность административного аппарата удержат его и помешают нанести катастрофический урон. Но если вы возьмете трон силой, это будет прецедентом. Почему бы тогда и другому недовольному адмиралу не проделать то же самое? Это может продолжаться до бесконечности, пока гражданская война не разорвет Империю на куски, пока сюда не придут марсиане и варвары. Вы сами, Мак-Кормак, нанимали варваров, чтобы бороться против Земли. Принимали вы предосторожности или нет, но факт остается фактом: вы их нанимали, а рано или поздно найдется другой бунтарь, который пообещает им большую награду. И тогда наступит долгая ночь...

— Я никак не могу с вами согласиться, — с жаром произнес Мак-Кормак. — Поддерживать преступный режим...

Фландри прервал его:

— Я не собирался обращать вас в свою веру, а лишь объяснил, почему я сделал то, что сделал.

«И не следует вам знать, что ради Катрин я был бы готов забыть свой долг перед Империей, — с горечью подумал Фландри. — К тому же подобный финал моей миссии выглядел бы несколько вульгарным».

— Последствия ваших действий катастрофичны. Все, чего достигла ваша революция, — это гибель подданных, разрушение так необходимых нам кораблей, зарождение мятежных настроений, которые не улягутся еще годы, — и все это происходит в пограничном районе.

— А как же мне следовало поступить? — спросил Мак-Кормак. — Оставим в стороне мою жену и меня. Подумайте о том, что Снелунд мог сделать с этим сектором? О том, что бы он предпринял, если бы вернулся на Землю. Есть ли другой способ избавиться от этого зла, кроме как вырвать его с корнем?

— Да, да, все правильно. Вырвать, уничтожить... — передразнил его Фландри. — Все вы, радикалы, одинаковы. Думаете, что зло произрастает из одного-двух источников, и если только до них добраться, жизнь автоматически превратится в рай. В жизни все иначе. Почитайте труды историков, и вы узнаете, к каким результатам приводило насилие со стороны реформаторов.

— Все это теория! — вспыхнул Мак-Кормак. — А я... мы смотрим на вещи реально.

Фландри пожал плечами.

— Были разные пути решения этой проблемы, — сказал он. — Кое-какие меры уже принимались в ответ на жалобы. Если бы не удалось сместить Снелунда законным путем, вы могли бы попробовать отстранить его самостоятельно. Я согласен, что он пред-

ставлял опасность для Империи. Вы вполне могли бы после освобождения организовать налет на дворец и уничтожить Снелунда. Разве этого было бы недостаточно?

— Но что бы мы этим добились?

— Поставили бы себя вне закона. — Фландри кивнул. — Примерно так же, как это сделал я, хотя и надеюсь скрыть свою вину, которую, впрочем, за собой и не чувствую. Если даже оставить в стороне мою личную судьбу, подобные факты становятся плохим примером. К числу ваших недостатков, Мак-Кормак, относится неумение учитывать общественное мнение.

— Мы не могли... прятаться за чужую спину.

— Да, конечно. Только вы не хотите понять, что вам все равно придется теперь сделать то, что должны были сделать раньше, — покинуть Империю.

— Вы с ума сошли! Куда?!

Фландри снова встал и посмотрел на него сверху вниз.

— Это вы сошли с ума, — сказал он. — Мне кажется, что только слабостью духа нынешнего поколения можно объяснить недостаточно серьезное отношение к эмиграции. Принято считать, что лучше сидеть дома, держась за свое относительное благополучие, чем навсегда раствориться в этой огромной и удивительной Вселенной. Но не все так рассуждают. Есть еще пионеры космоса. Я знаю одно местечко. Это целая галактика. Считается, что мы контролируем ее. Вы сможете скрыться, если отправитесь в ближайшие час-два. За это время ваши люди успеют забрать семьи и высадить тех, кто не захочет последовать за вами. Им придется положиться на милость победителя. Я думаю, к ним будут снисходительны. Встречу назначьте у максимально отдаленной звезды. Вас не будут преследовать за пределами Империи, даже если обнаружат. Уходите как можно дальше. Так далеко, как только сможете. Найдите подходящую планету, постройте новое общество и никогда не возвращайтесь назад.

Адмирал встал.

— Я не могу нарушить свой долг, — простонал он.

— Вы уже нарушили его, когда подняли восстание, — сказал Фландри, — а теперь ваш долг — спасти то, что еще можно спасти. Пусть вас утешит роль в организации новой жизни своих людей. Веры в свою правоту в вас столько же, сколько в истинном монархе. Да и Катрин... — Он встретился с Мак-Кормаком взглядом. — Она именно этого и желает. Думаю, что ни одно существо так страстно не желает покинуть эту цивилизацию.

Мак-Кормак болезненно поморщился.

— Никогда не возвращайтесь, — повторил Фландри. — Не мечтайте о том, чтобы набрать варваров-наемников и вернуться. Тогда вы превратитесь во врага, настоящего врага. Я хочу, чтобы вы дали слово чести. Если вы не поклянетесь, то Катрин не будет позволено вернуться к вам, что бы со мной ни случилось. («Я вру как последняя скотина».) Если же вы дадите слово и нарушите его потом, она вам этого не простит. Вы умелый руководитель. Вы тот человек, который сумеет организовать эвакуацию, сумеет убедить других. Дайте мне слово, и Катрин тут же будет доставлена сюда.

Мак-Кормак закрыл лицо руками.

— Слишком все неожиданно. Я не могу...

— Ну что же, если хотите, давайте обговорим сначала кое-какие детали.

— Но... я не могу.

— Катрин все равно ваша, — с горечью проговорил Фландри.— Докажите же мне, что вы достойны ее.

Она ожидала его, не ощущая течения времени. Фландри было горько, что ее лицо, которое он видел в последний раз, выражало столько муки и страдания.

— Доминик, — прошептала она.

— Все в порядке, — сказал Фландри. — Ты можешь идти к нему.

Катрин покачнулась. Фландри подхватил ее и не дал упасть.

— Ну-ну, — сказал он грубовато, хотя сам с трудом сдерживал слезы. Он погладил ее по растрепанным волосам. — Ну-ну, все кончено. Мы победили, ты и я. — Она бессильно повисла на его руках.

С дорогой ношей в руках он пошел в больничный отсек, уложил ее на койку и сделал стимулирующий укол. Через несколько минут лицо ее порозовело, ресницы дрогнули и зеленые глаза отыскали его.

— Доминик. — В голосе ее дрожало рыдание. — Это правда?

— Сама увидишь, — улыбнулся он. — Но будь осторожна, я дал тебе минимальную дозу.

Она встала и подошла к нему, измученная и потрясенная. Их руки встретились. Поцелуй был долгим, почти бесконечным.

— Фландри... — надломленным голосом произнесла она. — Фландри...

— Не надо, Катрин. — Он снял ее голову со своего плеча.

Она отступила назад.

— Я хочу, чтобы у тебя было все, что может только быть в

жизни хорошего. Чтобы ты встретил девушку, которая действительно создана для тебя.

— Спасибо. Насчет меня не беспокойся. Все, что с нами произошло, с лихвой окупило все мои прошлые неприятности. Лучшего, может, и не будет. Не стоит медлить, Катрин. Иди к нему.

И она пошла. Фландри следил за лодкой, уносящей ее к Мак-Кормаку, пока та не исчезла с экрана. Потом он стал ждать специалистов-компьютерщиков Мак-Кормака.

ГЛАВА 16

Незнакомые звезды мерцали вокруг. Темнота давно поглотила последнее из имперских солнц.

Мак-Кормак закрыл за собой дверь каюты. Катрин встала ему навстречу. Она хорошо отдохнула. Действие седативных средств и транквилизаторов, усиленное питание вернули ей былую свежесть. Сейчас на ней было серое, туго перехваченное в талии платье.

Он остановился перед ней.

— Я не ожидал тебя увидеть здесь, — вырвалось у него.

— Медики отпустили меня, — ответила она. — Они учли, что мне будут полезны хорошие новости. — Улыбка ее была робкой.

— Да. Но... — Голос его звучал напряженно. — Мы точно установили, что наш маневр вокруг этой туманности сбил с толку разведчиков. В межзвездном пространстве, не нанесенном ни на одну карту, им нас никогда не найти. Да я и не думаю, чтобы они этого так уж хотели. Слишком рискованно отсылать в такую даль необходимые Империи корабли. Нет, нет, мы не встретимся с ними — если только не вздумаем вернуться.

Она испуганно воскликнула:

— Это невозможно! Ты обещал!

— Я помню. Не то чтобы я не мог... Если бы... Нет, я не боюсь. Я не хочу. Фландри, черт бы его побрал, был прав. Мне пришлось бы искать союзников, а этим союзникам пришлось бы предложить то, что потом явилось бы причиной распада Империи. Будем же надеяться, что мой пример заставит их более тщательно подбирать губернаторов.

— Как ты можешь в такую минуту думать о политике?

— Прости, — проговорил он. — Никто не предупредил меня о твоем приходе. Мне нужно было к нему подготовиться.

Она подошла к нему.

— Подготовиться? — переспросила она.

— Нет, нет, ты подумала совсем не то. И потом, тебе не следует так резко вставать без крайней необходимости. Лучше присядь. Просто... Нужно все заново устроить в спальне и...

Она быстро закрыла глаза. Когда она снова их открыла, самообладание уже полностью вернулось к ней.

— Бедный Хуг, — проговорила она. — Ты очень испуган. Я должна была подумать о том, что тебе будет больно.

— Чепуха. — Он потянул ее к тахте.

Она сопротивлялась так настойчиво, что он вынужден был отпустить руки.

Прижавшись щекой к его груди, она сказала:

— Подожди. Я хочу понять, кем я буду для тебя после того, что случилось. Мои чувства к Фландри... Поверь мне, что мы...

— Я не могу в тебе сомневаться, — пробормотал он, зарывшись лицом в ее волосы.

— Ты очень благороден, Хуг. Постарайся не думать о том, чего и не было. Бедный Хуг, ты боишься, что это невозможно?

— Ты со мной... — Он теснее прижал ее к себе.

— Я помогу тебе, но твоя помощь нужна мне не меньше, чем тебе моя.

— Я понимаю, — мягко проговорил он.

— Нет, Хуг, не понимаешь, — серьезно ответила она. — Мне открылась истина, когда я была одна, и мне не оставалось ничего другого, как думать и думать, пока не приходил сон. Я почти полностью заново пережила то, что случилось со мной во дворце. И именно от этого мне предстоит излечить тебя. Но тебе придется излечить меня... от Доминика, Хуг.

— О Катрин, — прошептал он.

— Мы попробуем? — тихо проговорила Катрин. — Мы сможем сделать это, хотя бы настолько, чтобы можно было жить. Мы должны.

Вице-адмирал Илья Керасков собрал лежащие у него на столе бумаги. Экран проектора за его спиной показывал изображение Сатурна.

— Ну что же, — сказал он. — Я внимательно изучил все ваши отчеты. Надеюсь, вы достаточно отдохнули?

— Да, сэр. — Фландри сидел прямо, чтобы было видно, что он — весь внимание.

— Я сожалею о том, что вас пришлось вызвать так скоро и вы смогли провести в Луна-Прайм лишь две недели. Приятно оста-

вить за своей спиной все земные неприятности, но кое-что требует проверки.

— Да, сэр.

Керасков хмыкнул.

— Вам не нужно волноваться. Формальности не займут много времени, но конфиденциально могу сообщить — вы вне подозрений и временный ранг командора станет для вас постоянным. До тех пор пока вы что-нибудь не выкинете и вас не понизят. Или не повысят. Будем считать, что счет открыт.

— Благодарю вас, сэр.

— Вы, кажется, несколько разочарованы, — заметил Керасков. — Ждали большего?..

— Нет, сэр.

Керасков наклонил голову, и улыбка его стала шире.

— Вам следовало бы поблагодарить меня за то, что вы получили. Ведь это все моих рук дело. Мне пришлось как следует попотеть, чтобы добиться этого. — Он вздрогнул. — Правда, добытый вами код действительно стоит отдельной награды. Но все остальное... Помимо потери «Авекоува» во время, мягко говоря, безрассудного рейда, вам вменяется много других вольностей. В том числе и использование предоставленных полномочий в личных целях. Например, освобождение пленницы губернатора сектора, а потом и потеря ее... Так что, Фландри, какого бы звания вы ни добились, команду вы уже никогда не получите!

— Это не наказание, сэр, — сказал Фландри. — Я не нарушал правил. В моем отчете все сказано. Показания моей команды подтверждают правдивость моего отчета.

— Если не принимать во внимание чрезмерно вольную интерпретацию событий, все ваши действия были законны. Но защищал я вас главным образом потому, мошенник вы эдакий, что вы нужны «Интеллидженс».

— Еще раз благодарю вас, адмирал.

Керасков открыл ящик с сигаретами.

— Угощайтесь и докажите вашу благодарность, рассказав, что же произошло на самом деле.

Фландри взял сигарету.

— Об этом сказано в моем отчете, сэр.

— Да, узнаю хорька по его повадкам. Хорошо, буду цитировать прямо по вашему отчету: «Вскоре после старта корабля, имея на борту госпожу Мак-Кормак и минимальное количество членов экипажа, для достижения наибольшей секретности я, к несчастью, был замечен и атакован вражеским судном, которое взяло нас в плен. Доставленный на флагманский корабль, я с

удивлением обнаружил повстанцев в состоянии подавленности. Узнав, что адмиралу Пикензу известен их код, они решили покинуть границы Империи. Госпожа Мак-Кормак предпочла отправиться с ними, а мы с моим лидонианским помощником остались одни на выведенном из строя корабле. После ремонта судна я вернул домой вышеупомянутого лидонианина, а потом взял курс на Землю...» Ладно, оставим это.

Керасков отложил в сторону листки отчета.

— А теперь скажите, какова математическая вероятность того, что патрульному кораблю удалось обнаружить такое маленькое судно, как ваше?

— Видите ли, сэр, — ответил Фландри, — то, что кажется невозможным, иногда все же случается. Очень плохо то, что повстанцы стерли записи моего компьютера о курсе нашего гипердрейфа, иначе у меня были бы доказательства. Но, впрочем, они имеются в отчете.

— Да, в своем отчете вы выстроили цепь событий, большую часть которых нельзя проверить. Получается так, что вы сделали все от вас зависящее. Будьте откровенны. Вы намеренно отправились к Хугу Мак-Кормаку и сообщили ему насчет кода?

— Сэр, это было бы предательством.

— Вы, конечно, осуждаете предательство. Вот только губернатора после вашего отлета никто больше не видел. Любопытное совпадение, не правда ли?

— Многое могло случиться,- ответил Фландри. — Порядка в городе нет. У его превосходительства много личных врагов. Любой из них мог воспользоваться случаем и свести с ним счеты. Если адмирал подозревает меня во лжи, он может настаивать на гипнопробе.

Керасков вздохнул.

— Вы же знаете, что я ни на чем не буду настаивать. И потом, никто не станет искать свидетелей. Слишком большая работа, а выигрыш ничтожно мал. Если оставшиеся повстанцы будут вести себя тихо, мы позволим им раствориться среди прочего населения. Вы свободны, Фландри. Я надеюсь... Впрочем, не стоит копаться слишком глубоко во всей этой истории. Курите, курите. Может, выпьем? Любите скотч?

— Просто обожаю, сэр.

Керасков распорядился по интеркому, положил локти на письменный стол и глубоко затянулся сигаретой.

— Но скажи мне все же, блудный сын, — попросил он, — дай мне ответ хотя бы на один вопрос. Во мне говорит простое любо-

пытство. Скоро ты получишь длительный отпуск. Где и как твоя извращенная фантазия подсказывает провести его?

— Среди той красоты, которую уже упомянул адмирал, — честно ответил Фландри. — Вино, женщины и песни. Особенно женщины. — «И воспоминания, — подумал Фландри с улыбкой. — Это все, что оставила мне жизнь. Только была бы счастлива Катрин. И этого достаточно».

Я помню.

Нога уже стар, плоть его болит, и он медленно ходит, когда туман окружает хижину, стоящую во мраке зимней ночи. Крипло, оставшийся от Много Мыслей, слеп. Он сидит на своем насесте один, кроме того времени, когда один из молодых приходит за знаниями. Крипло, что принадлежал когда-то Открывателю Пещер и Скорбящему, теперь принадлежит другому из Громового Камня. Руки Много Мыслей и Открывателя Пещер давно уже сложили свои кости в западных горах, откуда пришли руки Скорбящего. И все же память жива. Узнавай, молодой рука, о тех, кто создавал единство до тех, как я-мы появились на свет.

Это больше, чем смесь из песен и плясок. Мы из нашей общины не можем больше считать, что наша маленькая планета — это весь мир. За джунглями и горами лежит многое: за небесами есть звезды, о которых мечтал Открыватель Пещер и которые видел Скорбящий. И есть чужеземцы с единственными телами, те, кто изредка навещает нас ради торгового обмена или беседы, но о ком я-мы слышим даже чаще, чем о соседних племенах, хотя сейчас я-мы внимательно их изучаем. Их боги и их деяния будут волновать нас больше и больше, по мере того как проходит время. И они будут производить изменения еще где-то, а не только в Громовом Камне, и изменения эти явятся причиной того, что время снова пройдет сквозь нас различными потоками от той устойчивости, которую я-мы с такой легкостью в себе воображаем.

И над всем этим самое важное: как можем МЫ достичь единения со всем миром, если так не понимаем его?

Так ложитесь же свободно на землю, молодые крипло, старые руки и ноги. Пусть ветер, река света и время проходят сквозь вас. Отдыхайте всем моим-вашим существом, наращивая ту силу, что приходит из мира, силу воспоминаний и силу мудрости.

Не бойтесь чужеземцев с единственными телами. Ужасна их сила, но мы тоже сможем овладеть ею когда-нибудь. Эта раса вызывает жалость от сознания того, что она никогда так и не узнает единства.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ 5
НАСТАНЕТ ВРЕМЯ 159
ВОССТАВШИЕ МИРЫ 295

Серия популярной фантастики
"МИФЫ ВСЕЛЕННОЙ"

Пол Андерсон

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ
НАСТАНЕТ ВРЕМЯ
ВОССТАВШИЕ МИРЫ

Редакторы: *Е. Егорова, Н. Зубкова*
Технический редактор *В. Трушкин*
Корректор *Н. Малышева*
Художник *С. Клейман*

Сдано в набор 01.10.92. Подписано в печать 27.10.92. Формат 84x108/32.
Бумага тип. № 1. Гарнитура "Таймс". Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 1205

Издание подготовлено к печати издательством "Пилигрим"
при участии ТОО "Прок"

Отпечатано в МПО "Первая Образцовая типография"
113054, Москва, ул. Валовая, 28

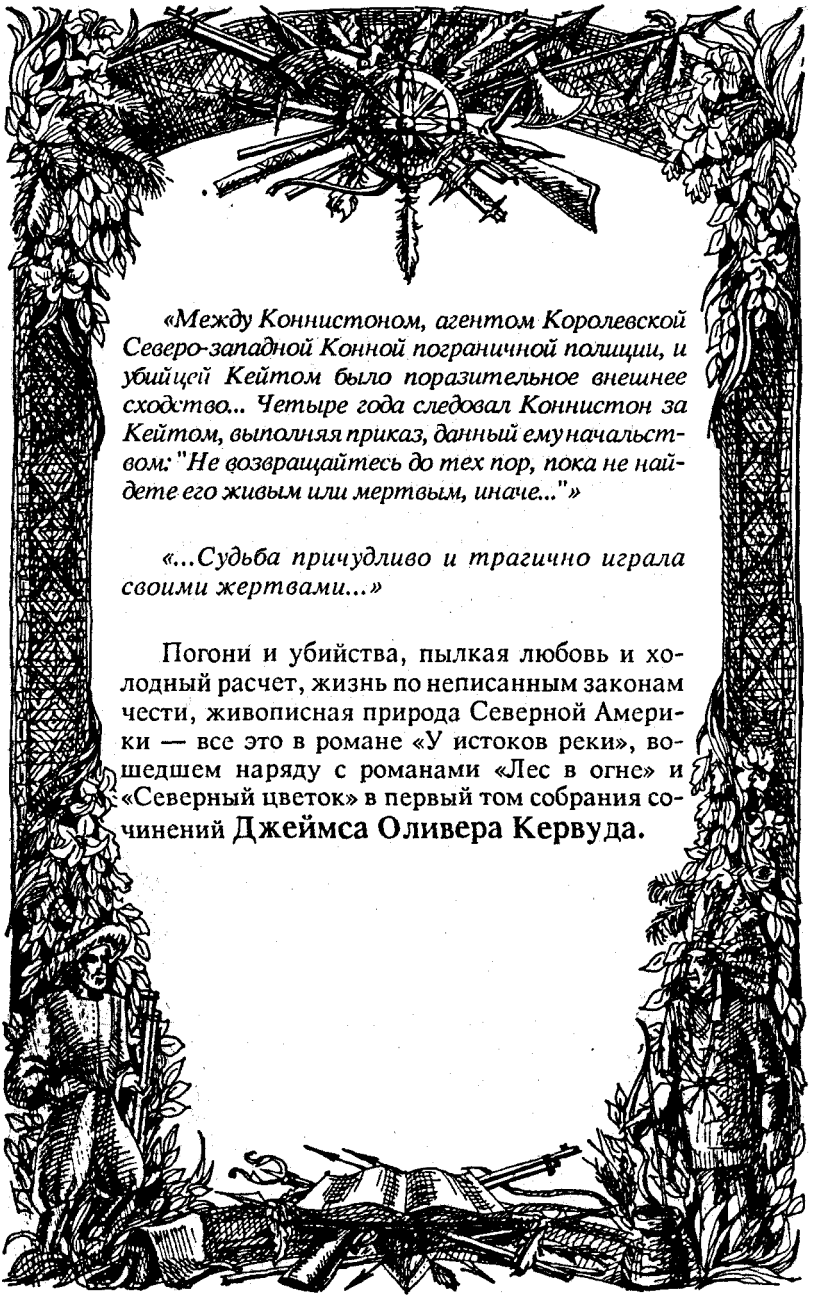
Издательство «Пилигрим»

готовит к выпуску следующие тома
Серии популярной фантастики
«МИФЫ ВСЕЛЕННОЙ»:

Роберт Лин Асприн
ДРУГОЙ, ОТЛИЧНЫЙ МИФ
УТВЕРЖДЕНИЕ МИФА
ИНАЧЕ ЭТО МИФ

М.Муркок
РЫЦАРЬ ШПАГ
Э.Гамильтон
МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ
Л.Брекетт
МАРСИАНСКИЙ ГЛАДИАТОР
Ф.Пол
КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА

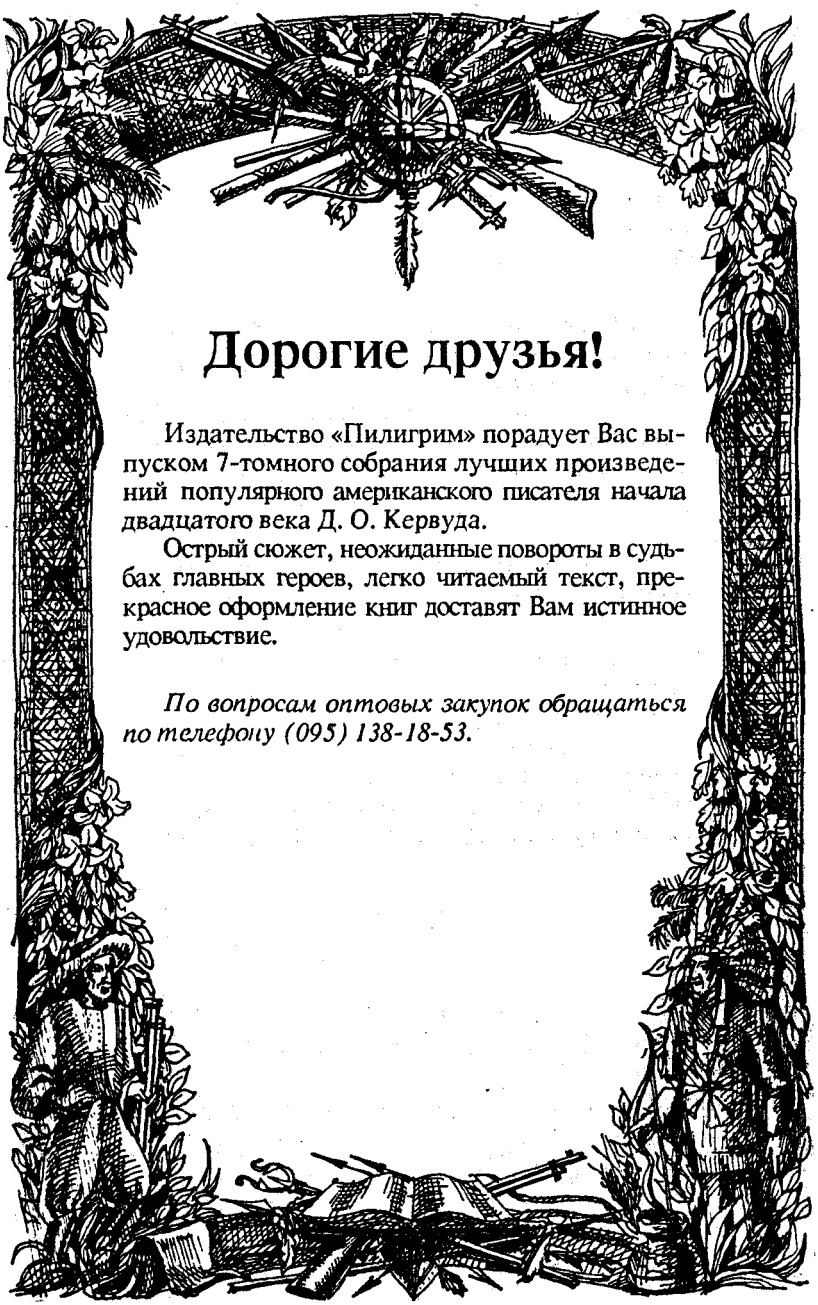
Эндрю Нортон
КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ
ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА
ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА



«Между Коннистоном, агентом Королевской Северо-западной Конной пограничной полиции, и убийцей Кейтом было поразительное внешнее сходство... Четыре года следовал Коннистон за Кейтом, выполняя приказ, данный ему начальством: "Не возвращайтесь до тех пор, пока не найдете его живым или мертвым, иначе..."»

«...Судьба причудливо и трагично играла своими жертвами...»

Погони и убийства, пылкая любовь и холодный расчет, жизнь по неписанным законам чести, живописная природа Северной Америки — все это в романе «У истоков реки», вошедшем наряду с романами «Лес в огне» и «Северный цветок» в первый том собрания сочинений **Джеймса Оливера Кервуда.**



Дорогие друзья!

Издательство «Пилигрим» порадует Вас выпуском 7-томного собрания лучших произведений популярного американского писателя начала двадцатого века Д. О. Кервуда.

Острый сюжет, неожиданные повороты в судьбах главных героев, легко читаемый текст, прекрасное оформление книг доставят Вам истинное удовольствие.

По вопросам оптовых закупок обращаться по телефону (095) 138-18-53.

РЕКЛАМА В КНИГЕ — РЕКЛАМА-ДОЛГОЖИТЕЛЬ!

Уважаемые господа!

Издательство «Пилигрим» разместит Вашу рекламу в своих изданиях, что существенно увеличит потенциальных клиентов Вашей компании, так как наши книги пользуются спросом у самых широких слоев населения.

Наша продукция распространяется приоритетно в городе Москве, а также в крупнейших городах России и других государств ближнего зарубежья.

ВРЕМЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА РАВНО СРОКУ ЖИЗНИ КНИГИ.

Это значит, что и через десять лет открывшему нашу книгу читателю мы напомним о Вашей деятельности, что именно в Ваших услугах он нуждается.

В стоимость рекламных услуг входит изготовление оригинала-макета рекламного объявления.

Оплата рекламного объявления производится по факту изготовления тиража.

С пожеланиями успехов в Вашем бизнесе и благополучного развития наших контактов.

Рекламный отдел издательства «Пилигрим».
Контактный телефон (095) 396-78-62.

Издательство
«Пилигрим»

изготовит высококачественную полиграфическую продукцию широкого ассортимента — от визитных карточек до художественной литературы по Вашему заказу из своих материалов.

Мы открыты к взаимовыгодному сотрудничеству по вопросам типографских услуг, снабжения полиграфическими материалами, книжной торговли и рады любому Вашему предложению.

Книготорговым предприятиям, организациям, обществам книголюбов и всем заинтересованным лицам!

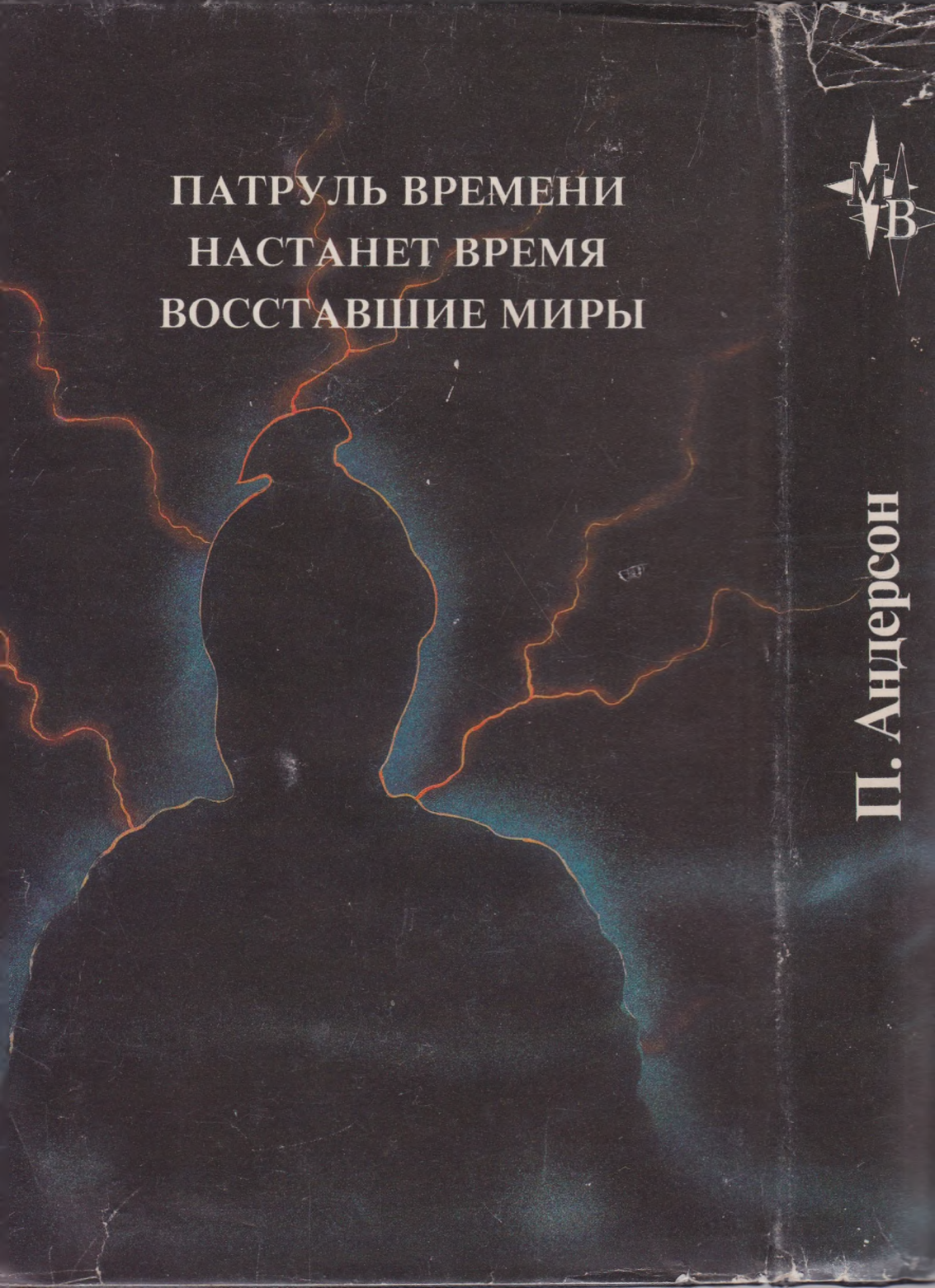
Издательство «Пилигрим»

приглашает Вас к сотрудничеству по реализации и преобретению тиражей, а также мелкооптовых партий книг и другой полиграфической продукции со складов города Москвы.

По желанию заказчика издательство готово допечатать тираж, выполнить издание по Вашему заказу.

Издательство «Пилигрим» ждет предложений от заинтересованных фирм и частных лиц об открытии новых представительств и филиалов в городах России и других союзных государств.

П. Андерсон


ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ
НАСТАНЕТ ВРЕМЯ
ВОССТАВШИЕ МИРЫ
П. Андерсон